Министерство образования и науки

Донецкой Народной Республики

Донецкий национальный технический университет

На правах рукописи

Соснина Людмила Васильевна

УДК 811.161.1 + 81'373.6

Адъективные композиты русского языка: структурный и ономасиологический аспекты

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант

доктор филологических наук, профессор

Теркулов Вячеслав Исаевич

Донецк – 2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ……..5
ГЛАВА 1. НОМИНАТИВНЫЙ СТАТУС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА……...18
1.1. Основные процессы словопроизводства: история вопроса……18
1.2. Лингвокогнитивный подход к изучению сложных прилагательных……31
1.3. Номинативный статус имен прилагательных……39
1.3.1. Проблемы языковой номинации……...…….....39
1.3.2. Имя прилагательное как атрибут актанта…….……...…….53
1.4. Определение референтного потенциала имен прилагательных…….56
1.4.1. Реализация референтной функции различными частями речи……...56
1.4.2. Референциально-прагматический подход к изучению прилагательных…….58
1.5. Типы атрибутивных конструкций…….62
1.5.1. Понятие об атрибуте. Способы выражения атрибутивных отношений……..62
1.5.2. Компрессивное словообразование…….……72
1.5.3. Синкретичность категориального значения причастий…….90
1.6. Принципы разграничения свободных и фразеологических словосочетаний……...92
1.6.1. Разновидности и объем сочетаемости. Свободные словосочетания…..92
1.6.2. Проблема диффузности в существовании коллокаций и фразеологических единиц.……....95
1.6.3. Фразеологизмы как производящая основа для образования прилагательных-композитов……99
1.7. Понятие о словообразовательном значении. Транспозиция, мутация, модификация как типы словообразовательного значения прилагательных-композитов……104
1.8. Место сложных прилагательных в словообразовательном гнезде……..114
1.8.1. Особенности когнитивного подхода к изучению лексико-словообразовательного гнезда……...……127

Выводы к первой главе……133
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБРАЗОВАНИЮ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ…….....…….139
2.1. Параметры определения ономасиологических классов прилагательных-композитов. Основные различия между лексико-семантической группой (ЛСГ) и лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) ……139
2.2. Ономасиологический базис и ономасиологический признак как компоненты ономасиологической модели…….……..150
2.2.1. Типы ономасиологических базисов……151
2.2.2. Разновидности ономасиологических признаков……....176
2.3. Ономасиологические модели универбализационных композитов. Семантические особенности прилагательных-бахуврихи……...184
2.3.1. Ономасиологический класс «физический признак человека»…….....187
2.3.2. Ономасиологический класс «социальный признак человека»…….....192
2.3.3. Ономасиологический класс «характеристика предмета (объекта), явления, процесса»……..193
2.4. Ономасиологические классы деривационных композитов……...202
2.4.1. Синтаксическая и лексическая деривация……...……...202
2.4.2. Словообразовательная мотивация…….……..208
2.4.3. Ономасиологический класс «социальный признак человека»…….……213
2.4.4. Ономасиологический класс «признак предмета (объекта), явления, процесса»…….…….214
2.5. Ономасиологические классы квазикомпозитов…….……222
2.5.1. Ономасиологический класс «физический признак человека»……..…223
2.5.2. Ономасиологический класс «социальный признак человека»……..…225
2.5.3. Ономасиологический класс «признак предмета (объекта), лица (субъекта), явления, процесса»……..……228
Выводы ко второй главе…….……233
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ…….……..237

3.1. Особенности структурной организации конструкций с атрибутивным значением. Виды универбализационных процессов……237
3.2. Типы связи между компонентами исходного словосочетания…….238
3.3. Структурные модели универбализационных композитов…….……...253
3.4. Структурные типы бахуврихи……260
3.5. Деривационное композитопостроение как способ образования сложных прилагательных……275
3.6. Структурные типы квазикомпозитов……..283
3.6.1. Модели универбализационной квазикомпозиции……..287
3.6.2. Модели образования деривационных квазикомпозитов……...292
3.7. Адъективные новообразования в русском языке……...295
3.8. Структурные разновидности композитных цветообозначений……....312
3.9. Семантические изменения в структуре сложных прилагательных. Опрощение……325
Выводы к третьей главе. ……..…332
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ……..338
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ…….……347
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…….…….348
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА…….…….406

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено проблеме образования и функционирования прилагательных-композитов в современном русском языке. Сложные адъективы представляют собой постоянно пополняющуюся группу языковых единиц, требующих комплексного подхода к их описанию и дальнейшей классификации. Возросший интерес к сложным словам объясняется тем, что они в полной мере отвечают номинативным и коммуникативным задачам русского языка за счет компрессивности форм, ясности семантики и легкости ее восприятия, а также экспрессивно-эмоциональных характеристик. В то же время проблема изучения композитов является весьма сложной и противоречивой ввиду существования множественных лингвистических концепций, направленных на выявление семантических и структурных особенностей данного класса языковых единиц.

Актуальность исследуемой проблемы. Предметом композитологии как раздела языкознания являются закономерности структурного построения сложных слов и система образующих их элементов, а также совокупность словообразовательных правил, определяющих пути формирования композитных наименований. Существует множество научных подходов к изучению сложных слов, каждый из которых является логически обоснованным и дает весьма убедительное представление о словообразовательной активности языковых единиц данного типа. Ономасиологический подход к исследованию семантики наименований предполагает изучение принципов и закономерностей номинации предметов и выражения понятий. Данное направление в своем развитии прошло, как минимум, три этапа:

1) дофункциональный (начало-первая четверть XX столетия), наиболее известными представителями являются О. Есперсен, Ш. Балли, Ф. Брюно, Л.В. Щерба. По мнению ученых, слова и вещи опосредованы через язык, язык становится объектом познания, превращается в систему формальных элементов, он замыкается на самом себе, выделяет свое самостоятельное бытие;

2) функциональный (1930-1980), к этому периоду относятся исследования В. Матезиуса, М. Докулила, Н.Д. Арутюновой, А.А. Уфимцевой, Н.Д. Голева, В.Н. Телии, И.С. Торопцева, А.Ф. Журавлева. Лингвисты продвигали функциональную концепцию, которая должна была связать разрозненные явления и обозначить систему данного языка, а также объяснить те явления, которые до этого только констатировались;

3) концептуально-когнитивный (с 1990-х), следует отметить труды П. Штекауэра, Д. Хэйраартса, Е.С.Кубряковой, О.В. Раевской, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, Н.Ф. Алефиренко, Л.А. Араевой, А.П. Бабушкина. Ученые рассматривают ономасиологический уровень как логико-лингвистический, а представление о существующей реальности переносится на концептуальный уровень.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «чешские лингвисты были первыми учеными, обратившими внимание на сложный характер производного слова и его обязательную двучленность: ономасиологический базис и ономасиологический признак» [227, с. 266]. Чешский структурализм позволил связать разрозненные явления путем определения языка как системы «средств выражения, служащих какой-то определенной цели» [211, с. 315], но ученые ограничились поиском средств и способов номинации, существующих в языке. Развивая данную концепцию, М. Докулил ввел понятие ономасиологических категорий и определил их как мутацию, модификацию и транспозицию, которые «лежат в основе новой лексической единицы и определяются на основе взаимодействия категорий, представленных производящей основой и словообразовательным формантом» [211, с. 315].

В современном русском языкознании существуют различные и весьма противоречивые взгляды на природу деривационных процессов, что усложняет определение типов словообразовательных значений для прилагательных-композитов, являющихся наименее изученным пластом лексики. Вопросы, связанные с лингвально-когнитологическим аспектом изучения языковых единиц, являются довольно спорными ввиду существования двух основных научных

направлений ономасиологических исследований. Московские ономасиологи (Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и др.) определяют номинацию по конкретной соотнесенности с данным референтом; орловские же ученые во главе с И.С. Торопцевым рассматривают ее не как конечный результат, а как процесс создания новых наименований, отдавая дань внеязыковой действительности.

Таким образом, в языкознании развиваются два основных направления, получивших названия динамический и статический подходы к анализу языковых единиц. Статический подход (московская школа) исследует действительность в рамках существующего языкового опыта и наполняет готовую номинативную единицу конкретным денотативным содержанием. Традиционная номинативная единица является лексическим элементом существующей системы, а изменение сигнификата приводит к возникновению новой единицы номинации. Динамический подход (орловская школа) рассматривает языковой процесс, обращенный непосредственно к действительности. При номинации формируется сигнификат новой номинативной единицы, которая входит в язык не с целью занять место в системе, а с целью обозначения явлений внеязыковой действительности.

Взгляды представителей двух научных школ абсолютно не совпадают в определении понятий первичной и вторичной номинации и процессов деривации. Е.С. Кубрякова полагает, что «в содержании значения нет ничего, что указывало бы на его первичный и вторичный характер» [229, с. 63]. Наличие отношений словопроизводности между исходным и новым словом позволяет определять производное слово как объект вторичной номинации.

Противоположное мнение высказывают И.С. Торопцев и А.Ф. Журавлев, которые описывают номинацию не как результат, а как процесс. А.Ф. Журавлев предлагает ономасиологическую трактовку данного понятия и полагает, что номинация может быть вторичной лишь в тех случаях, когда она, во-первых, производна от первичной (*неотложка*, *вуз*), во-вторых, носит ярко выраженный оценочный / экспрессивный характер (*болтальник*) [443, с. 50]. И.С. Торопцев

оспаривает мнение Е.С. Кубряковой о том, что «потребность в новых наименованиях реализуется…, как и потребность в новых высказываниях, комбинаторикой существующих знаков» [229, с. 54]. Ученый считает, что «получить новое знание в ходе комбинирования морфем нельзя. Признать точку зрения критикуемого здесь направления – значит, признать, что новое знание ограничено, предопределено такой комбинаторикой. Роль действительного познания при этом была бы сведена к стимуляции лексической объективации» [484, с. 6].

Определение денотата сыграло существенную роль в развитии ономасиологии как одной из основных составляющих современного знания о языке. Говоря о денотации, современные лингвисты представляют ее как актуализацию в речи коммуникативно значимых сем инвариантного значения без замещения референта / денотата [468, с. 399].

Третий этап развития ономасиологической науки связан с концептуальными и когнитивными исследованиями, нацеленными на построение концептов предмета, признака, действия, явления. Концепт, по определению Е.С. Кубряковой, – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [237, с. 28-34].

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию В.И. Теркулова, который вывел понятие номинатемы и предложил считать ее основной номинативной единицей языка. Номинатема трактуется как единый лексико-грамматико-семантический комплекс, реализующий номинативное значение, по своей структуре совпадающее с концептом. Изучение композитов (в нашем случае – прилагательных-композитов – Л.С.) как доминантных реализаций словесных номинатем осуществляется в пределах двух направлений: 1) описание процессов формирования семантики номинатем с обязательным определением ономасиологического базиса и ономасиологического признака; 2) описание структурных моделей композитов с учетом механизмов преобразования исходных словосочетаний в композит.

В то же время мы предпринимаем попытки провести сопоставительный анализ ономасиологического и когнитивного подхода к изучению прилагательных-композитов, а также рассмотреть особенности концептуального анализа и возможности объединения сложных адъективных единиц в структурные образования, например, словообразовательные гнезда.

Актуальность исследования определяется отсутствием единого подхода к описанию основных словообразовательных процессов, что порождает существование множественных научных подходов к изучению имен прилагательных и приводит к необходимости структурно-семантического разграничения композитов. Заметим, что концептуальная трактовка имени прилагательного (в т.ч. сложного) отличается от смысловой наполненности имени существительного и представлена категорией признаковости. Е.С. Кубрякова считает, что признаки нельзя «отделить от их носителя, их можно помыслить отдельно, но самостоятельного, автономного существования они не имеют» [227, с. 244]. А.А. Уфимцева полагает, что прилагательные «далеко не всегда способны реализовать свое лексическое значение без предметных имен», указывая при этом на «широкий смысловой объем» адъективов [508, с. 198]. По мнению З.А. Харитончик, «в области прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека, благодаря которой признак, свойство, качество, любые атрибуты, составляющие неотъемлемую сущность предмета, явления, вещи в самом широком смысле этого слова, мыслятся в отвлечении от нее» [523, с. 3].

Имена прилагательные представляют собой наименее изученный пласт лексики в силу многих причин. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» п/р В.Н. Ярцевой прилагательное как часть речи «не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специфицированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами. Во многих языках прилагательное не выделяется как отдельная часть речи, имеющая свои морфологические или синтаксические характеристики» [256, с. 397]. Как видим, двойственность в определении частеречной

принадлежности адъективов вызывает сложности в теоретическом обосновании существования данного класса языковых единиц. Что же касается прилагательных-композитов, то нам представляется интересным описать их с учетом двух подходов к изучению языковых единиц – ономасиологического и когнитивного.

В качестве **гипотезы** выдвигаем предположение о том, что имя прилагательное является вспомогательной частью речи и выполняет в предложении функцию атрибута актанта. Имя прилагательное служит конкретизации лексических значений знаменательных глосс и актуализации референтных слотов концептов, связанных с этими глоссами через номинатему. Полагаем, что прилагательные-композиты реализуются в русском языке в пределах трех основных направлений композитостроения и могут быть описаны как универбализационные композиты, единицы деривационного производства и квазикомпозиты.

Цель данного исследования заключается в разработке моделей комплексного описания всех типов композитов на основе ономасиологического подхода. Для достижения указанной цели требуется решить ряд **задач**:

1) описать имена прилагательные с когнитивной точки зрения;

2) определить номинативный статус сложных имен прилагательных;

3) выявить референтный потенциал адъективных композитов;

4) определить принципы разграничения атрибутивных сочетаний и описать типы отношений между членами атрибутивных конструкций;

5) рассмотреть особенности словообразовательного значения прилагательных-композитов и уточнить его место в языковой иерархии;

6) описать особенности вхождения сложных прилагательных в словообразовательное гнездо;

7) определить основные параметры ономасиологической классификации сложных прилагательных;

8) дифференцировать все виды адъективных композитных образований;

9) описать структурные модели композитных образований с учетом взаимодействия между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом.

Объектом нашей работы являются прилагательные-композиты современного русского языка. **Предметом** нашего исследования являются особенности структурной организации композитных образований и механизмы формирования ономасиологической структуры сложных имен прилагательных.

Материал исследования. Корпус диссертационного исследования представлен прилагательными–композитами, взятыми методом сплошной выборки из произведений публицистической литературы и средств массовой информации конца XX – начала XXI столетия. Отбор материала осуществлялся также из толковых словарей современного русского языка (Ефремова 2000, Зализняк 1977, Кузнецов 2000, Молотков 1968, Ожегов 1988, Петров 2003, Тихонов 1985, Ушаков 2005, Фасмер 1986, Федоров 2008). Обработано более 10000 языковых единиц, которые поделены на три группы: универбализационные композиты, единицы деривационного построения и квазикомпозиты. При отборе универбализационных композитов нас интересовали только те слова, которые могут быть отнесены к аппелятивной лексике и не имеют ограничений в употреблении. Для обоснования номинативной тождественности универбализационных композитов исходным словосочетаниям из художественных, научных и публицистических текстов, а также интернет-ресурсов были отобраны примеры эквивалентного употребления данных единиц. Деривационные композиты рассматриваются с учетом мотивационных отношений между исходным словосочетанием и возникшим на его базе композитом, для квазикомпозитов определяются уже существующие в языке структурные модели.

Методы исследования. Для определения ономасиологической структуры языковых единиц использован **метод ономасиологического анализа,** позволяющего исследовать внутреннюю структуру слова и являющегося базовым при описании прилагательных с точки зрения выделения у них ономасиологического базиса и ономасиологического признака. **Метод анализа словарных дефиниций**

позволил выявить основные лексико-семантические группы и подгруппы прилагательных. **Описательный метод** использовался при описании структурных разновидностей композитов. **Метод компонентного анализа** предполагает изучение имен прилагательных с точки зрения минимальных семантических составляющих. **Метод дистрибутивного анализа** позволил оценить семантическую тождественность универбализационных композитов и производящих словосочетаний и определить границы атрибутивных комплексов. **Метод квантитативного анализа** дает возможность отследить частотность употребления словоформ и оказывается весьма полезным при исследовании семантических изменений в структуре имен прилагательных. Описание типов атрибутивных конструкций и возможности их обратимости производится **методом трансформационного анализа.**

Положения, выносимые на защиту. По результатам исследования на защиту выносятся следующие основные положения, имеющие научную новизну:

1. В процессе работы установлено, что все прилагательные-композиты реализуются в русском языке в пределах трех основных типов композитостроения и могут быть описаны как универбализационные композиты, единицы деривационного производства и квазикомпозиты. Универбализационные композиты демонстрируют полное семантическое тождество с производящим словосочетанием, при этом словосочетание и созданный на его базе композит являются формальными модификациями одной и той же номинативной единицы: мы фиксируем в этом случае формальное преобразование расчлененного наименования в цельное. Выделяются четыре основных типа универбализации: прямая универбализация, универбализация компонентного, метатезного и компонентно-метатезного типа. Деривационные процессы манифестируют наличие отношений внешней мотивации между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом, при этом значение одной номинатемы (производящей) входит как часть в значение другой (производной), новая семантика которой является совокупностью семантик исходной единицы и словообразовательного форманта. Образование единиц квазикомпозитостроения

осуществляется двумя способами: по структурным моделям универбализационной композиции и деривационного композитопроизводства, при этом один из его компонентов является деривационной базой (частью производящего слова в структуре квазикомпозита), а другой – аффиксоидом (словообразовательным формантом).

2. Имена прилагательные, в т.ч. сложные, выполняют в предложении функцию атрибута актанта. Как вспомогательная часть речи, имя прилагательное служит конкретизации лексических значений знаменательных глосс и актуализации референтных слотов концептов, связанных с этими глоссами через номинатему.

3. Для определения словообразовательного значения универбализационных композитов, являющихся по сути транспонированными прилагательными, предлагаем использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип* как наиболее точно отражающую семантику отношений между производящим и производным словами. Деривационные композиты в пределах нашего исследования определяются как единицы, которые претерпевают изменения мутационного характера. Мутационный тип приводит к значительным изменениям в семантической структуре производного слова и определяет внутрикатегориальные и межкатегориальные отношения между производящим и производным словами.

4. Сложные прилагательные в современном русском языке могут образовываться на базе свободных словосочетаний, коллокаций и фразеологических единиц, являясь при этом универбализационными композитами и единицами деривационного словопроизводства.

5. Атрибутивные словосочетания представляют собой номинативный комплекс, обладающий тесным смысловым единством и сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Специфика атрибутивных отношений такова, что в функции определения мы наблюдаем не только имена прилагательные, но и имена существительные. Именно частеречная принадлежность определения позволяет разделить словосочетания на

атрибутивные и субстантивные. Все атрибутивные словосочетания делятся на простые и сложные, в основу построения сложных словосочетаний заложен принцип комбинированности различных связей между главным и зависимыми словами. Изучение атрибутивных словосочетаний ставит вопрос о придании им статуса «атрибутивно-субстантивных комплексов», которые являются промежуточными единицами между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями.

6. Одним из наиболее важных процессов в современном языкознании является компрессивное словообразование, развивающееся в трех направлениях: универбация, субстантивация и аббревиация. Кроме того, в лингвистике существует устойчивая тенденция к сведению всех словообразовательных процессов в один – конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность модели. Примером семантической конденсации может служить явление, когда происходит включение значения одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента, например, *мобильный телефон – мобильник, подземный переход – подземка*. Лексическая же конденсация предполагает прочное слияние компонентов словосочетания в сложное слово, например, *со светлыми глазами – светлоглазый*.

7. Считаем наиболее обоснованной теорию о соотнесенности прилагательных-композитов со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Композиты деривационного типа могут образовываться от двух видов словосочетаний, во-первых, свободных (***лить чугун*** – ***чугунолитейный***, ***наносить вред*** – ***вредоносный***), при этом вершинами словообразовательных гнезд являются главные слова производящих словосочетаний. Во-вторых, деривационные композиты, образованные от коллокаций, следует относить к СГ с вершиной – коллокацией, выступающей самостоятельной номинативной единицей (***железная дорога*** – ***железнодорожный***). Отнесение квазикомпозитов к

СГ происходит по основе-идентификатору, например, ***нефтеносный*** относится к словообразовательному гнезду с вершиной ***нефть***, ***стекловидный*** – ***стекло***. Все сказанное выше справедливо в отношении единиц деривационного и квазикомпозитопостроения, универбализационные композиты не рассматриваются нами в пределах СГ, поскольку базовые словосочетания и производные слова являются полностью тождественными.

8. Адъективные новообразования составляют значительную часть лексической системы современного русского языка. Расширение словарного запаса происходит в двух направлениях – за счет освоения заимствованных слов и по словообразовательным моделям, уже существующим в языке. Сложные прилагательные рассматриваются нами в соответствии с основными положениями теории композитопостроения, что позволяет выделить среди них универбализационные композиты, единицы деривационного построения и квазикомпозитные образования. Деривационное композитопостроение является наиболее продуктивным способом возникновения адъективных новообразований в русском языке новейшего периода.

9. Сложные имена прилагательные можно разделить на три ономасиологических класса – физический признак лица, социальный признак лица и характеристика предмета (объекта), процесса, состояния, явления. Дальнейшее деление осуществляется на основе определения ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Нами выделяются 14 ономасиологических базисов – *орган*, *физические свойства*, *параметр*, *количественный статус*, *качественный статус*, *действие*, *состояние*, *темпоратив*, *объект*, *отрасль*, *процесс*, *фактитив*, *квалитатив*, *колоратив*, а также 20 ономасиологических признаков – *цвет*, *форма*, *размер*, *интенсив*, *нумератив*, *медиатив*, *квалитатив*, *фактитив*, *фабрикатив*, *финитив*, *трансгрессив*, *дистрибутив*, *дестинатив*, *локатив*, *темпоратив*, *коррелятив*, *каузатив*, *объект*, *направление*, *контрагент*.

10. Разработаны модели комплексного описания всех типов атрибутивных конструкций на основе ономасиологического подхода к изучению частей речи.

Описание композитов всех типов происходит по схеме, включающей три основных параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) ЛСГОЕ (лексико-семантическая группа одноструктурных единиц) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группы), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая ономасиологический базис и ономасиологический признак наименования.

11. Описание композитов всех типов базируется на следующих параметрах:

1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;

2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);

3) описание модели образованного композита.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка полного описания лексико-семантических групп адъективных композитов русского языка с точки зрения их ономасиологической структуры. Дифференциация композитов происходит по трем направлениям с учетом особенностей деривационных процессов: универбализация, деривационное композитопроизводство и квазикомпозитопостроение. Обоснование номинативного статуса сложных прилагательных привело к необходимости отказаться от традиционного толкования прилагательного как основной части речи и обратиться к пониманию вспомогательного значения имени прилагательного и признанию его функционирования в языке как атрибута актанта. Имена прилагательные, несмотря на их невысокий референциальный потенциал, рассматриваются как концептуально значимые единицы, особенно при анализе структурных разновидностей композитных цветообозначений. Комплексные единицы словообразования, в т.ч. словообразовательные гнезда, впервые анализируются в сопоставительном аспекте с

позиций лингвокогнитивного подхода с применением концептуально-фреймовой методики изучения номинативных единиц.

Практическая значимость результатов работы состоит в возможности их использования в вузовских курсах общего и сравнительно-исторического языкознания, словообразования, когнитивной лингвистики, ономасиологии, лексикологии, теории номинации, а также при составлении словарей и методических пособий, в частности, словаря атрибутивных композитов русского языка.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в виде научных статей на следующих конференциях, в т.ч. международных: XVI Международная конференция «Русистика и современность» (Одесса, 2013), IV Международная научная конференция «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: языковая личность и картина мира» (Симферополь, 2013), Международная научная конференция «Русистика XXI века» (Донецк, 2013), V Международная научная конференция «Лингвализация мира» (Черкассы, 2014).

Публикации. Содержание диссертации отражено в 18 научных статьях, в т.ч. 17 в специализированных изданиях, 1 монографии.

ГЛАВА 1. НОМИНАТИВНЫЙ СТАТУС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

1.1. Основные процессы словопроизводства: история вопроса

В современном языкознании композиты являются предметом исследования многих ученых, которые преимущественно описывают структурные типы сложных слов и способы их образования, а также словообразовательный потенциал единиц композитопостроения и их взаимосвязь с исходной, производящей базой. История изучения композитов, в т.ч. атрибутивных, исчисляется не одним десятилетием. В нашем исследовании мы опираемся на основные положения теории М. Докулила, которая постулирует необходимость ономасиологического подхода к изучению сложных имен. Работа М. Докулила является основополагающей для дериватологии вообще и композитологии – в частности. Ученый ввел понятие словообразовательной категории, настаивая на том, что оно гораздо шире, чем понятие словообразовательный тип и отличается отсутствием единства форманта, являющегося выразителем словообразовательного значения. Исследуя значение производного слова, он отметил, что его формирование «происходит при помощи так называемых ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния» [586, с. 196]. То, что подлежит обозначению, «всегда заключается сначала в определенный понятийный класс… а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком» [там же, с. 196]. Им же было впервые представлено понятие ономасиологической модели, согласно которой описание сложных слов происходит с учетом их ономасиологического базиса и ономасиологического признака.

Э. Бенвенист, исследуя сложные слова, пришел к выводу, что «каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания» [42, с. 241]. Так, на сложной синтаксической конструкции основан целый класс композитов, именуемый

бахуврихи, в которых «отношение между обоими компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [там же, с. 250]. Ученый заявляет о том, что они двуплановы, поскольку сочетают семантическую и синтаксическую функции и являются носителями двойной предикации – качества и атрибуции. Задаваясь вопросом о происхождении и значении сложных имен, Э. Бенвенист создает предпосылки для описания сложений с точки зрения их ономасиологической структуры.

В российской лингвистике словообразование как наука стало развиваться во многом благодаря В.В. Виноградову в середине прошлого столетия. Он указал на необходимость изучения словообразования как системы, а точнее, как особой подсистемы внутри общей системы языка, связанной со смежными подсистемами [78, с. 371].

Новые слова образуются в языке по определенным правилам, моделям, схемам – «по установленным образцам, которые в совокупности образуют целый языковой механизм, который и называется словообразованием» [1, с. 10]. Учеными выделяются два направления в изучении производных единиц – статический, при котором анализируется словопроизводственная структура слов, и динамический, когда исследуется непосредственно процесс образования новых языковых единиц (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, И.С. Торопцев и др.).

Е.А. Земская предлагает считать производное слово основной единицей словообразования, которое входит как в комплексные единицы (словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо), так и подлежит дальнейшему делению на простейшие внутрисловные единицы-морфемы [168, с. 100]. В то же время В.А. Косова настаивает на том, что это «односторонний – ретроспективный – подход к анализу языковых фактов, осуществляемый без учета деятельностной природы словообразования», по мнению ученого, «производное слово проявляет свою деривационную природу лишь в связи с существованием в языке соответствующего производящего»,

которое также нужно считать «базовой единицей словообразовательной категории» [217, с. 179]. В целом же словообразовательную систему образует совокупность производных лексических единиц. В «Русской грамматике – 80» [388, с. 137] словообразовательная система трактуется как «совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд», это определение дает основание предположить, что она может быть представлена двумя большими подсистемами. Первую подсистему, по мнению А.Н. Тихонова, образует совокупность словообразовательных типов всех частей речи в их взаимосвязях и взаимодействии, вторую – совокупность словообразовательных гнезд всех частей речи. Ученый настаивает на том, что эти подсистемы взаимосвязаны и вместе образуют целостную систему словообразования русского языка, при этом они не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах [481, с. 4].

При изучении правил образования производного слова из минимальных единиц лингвисты констатируют существование синтагматических и парадигматических отношений. В отличие от синтагматических отношений между сосуществующими и наличными в актуальной последовательности элементами одной языковой цепочки (слова, сложного слова, словосочетания и т. п.) – так называемых отношений in praesentia, парадигматические отношения представляют собой отношения in absentia: присутствие одного из членов парадигматического ряда в синтагматической цепочке исключает наличие другого, но делает возможной их взаимозамену. Это даёт основание рассматривать синтагматические отношения как проявляющиеся в совместной встречаемости единиц, а парадигматические – в их взаимоисключении и взаимозамене. Последнее ведёт к тому, что в современном языкознании можно встретить два разных и диаметрально противоположных понимания членов парадигматических отношений – учитывается способность или же неспособность занять место друг друга в одной и той же позиции. Первая точка зрения является вполне справедливой главным образом в области лексической парадигматики;

вторая соответствует классическому определению морфологической парадигмы в ЛЭС п/р В.Н. Ярцевой.

Ю.С. Степанов описывает синтагматические отношения «как линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи» (принцип коньюнкции «и-и»), а парадигматические отношения чаще всего представляют собой отношения между взаимозаменяемыми в одной и той же позиции языковыми единицами (принцип исключающей дизъюнкции – «или-или») [446, с. 302].

Парадигматические отношения наблюдаются при идентификации морфем, по мнению Д.Н.Шмелева, «парадигматические ряды стали определяться в связи с … теми существенными отличительными (дифференциальными признаками, которые и определяют противопоставленность каких-то членов этих рядов, характеризуемых тождеством других признаков» [559, с. 11]. Понятие парадигмы «стало применяться к таким рядам единиц, которые находятся в отношении корреляции по определенным признакам» [там же, с. 11]. В пределах словообразовательной системы парадигматические отношения реализуются комплексными единицами, уже упомянутыми ранее, имеются в виду *словообразовательный тип*, *словообразовательная категория*, *словообразовательное гнездо* и *словообразовательная парадигма*. *Словообразовательным типом* считается такая единица словообразования, которая построена на бинарных отношениях между производящей и производной основами. Понятие «словообразовательная категория» было впервые предложено М. Докулилом, это более общая единица по сравнению со словообразовательным типом, в ней отсутствует единство форманта (дериватора), служащего средством выражения словообразовательного значения. По мнению ученого, словообразовательные типы с общим деривационным значением производящих основ объединяются в *словообразовательную категорию* [586, с. 102-103]. Напомним, что категорией в языкознании называется «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число

непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [256, с. 215]. В.Г. Фатхутдинова, развивая теорию М. Докулила, не считает словообразовательный тип «простой совокупностью производных слов», он видится ей «единицей классификации, неким обобщением групп производных на основе способа словообразования, форманта и деривационного значения», где «общее словообразовательное значение превалирует над лексическими значениями дериватов, поскольку оно вычленяется на основе анализа однотипных словообразовательных пар» [512, с. 25]. Автор разделяет мнение М. Докулила об отличии словообразовательной категории от словообразовательного типа ввиду присущей ей более высокой степени отвлеченности. Нам представляется интересным замечание Э.П. Кадькаловой, которая усматривает в когнитивном направлении современной теории словообразования возможность переосмыслить и уточнить понятие словообразовательного типа, увидеть «перспективность перехода от классификации словообразовательных типов, базирующихся на частеречной принадлежности мотиваторов, к классификации, исходящей из понятийной (когнитивной) их отнесенности» [183, с. 30]. Весьма противоречивым является понятие *словообразовательной парадигмы*. Так, мы не можем согласиться с А.Н. Тихоновым, который данное понятие считает синонимом словообразовательного гнезда [479, с. 39]. В.Г. Фатхутдинова [512, с. 18] разделяет позицию Е.А. Земской [168, с. 105] и определяет словообразовательную парадигму как набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени деривации. Ученые полагают, что понятие словообразовательной парадигмы менее сложное и более широкое, оно включает производные как от непроизводных слов, так и от производных: отдельные словообразовательные парадигмы составляют части словообразовательного гнезда, будучи представленными в нем определенным образом упорядоченными рядами производных [147, с. 108-109]. Я.В. Свечкарева полагает, что типовая словообразовательная парадигма может выявляться «при исследовании одной тематической или лексико-семантической группы, производящие основы в

которых принадлежат к определенному частеречному классу, а мотивационные отношения соответствуют моделям данного языка» [401, с. 16]. Кроме типовой словообразовательной парадигмы возможно построить и типовое словообразовательное гнездо, в котором будут учтены «частные и типовые проявления деривационных возможностей вершин гнезд» [там же, с. 15]. К определению словообразовательного гнезда мы перейдем позже.

Итак, словообразовательные процессы являются предметом исследования многих современных лингвистов. В их работах рассматриваются: словообразовательные типы (Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова, М.Н. Янценецкая); словообразовательные гнезда и парадигмы (Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, А.В. Петров); словообразовательные категории и поля (Л.С. Абросимова, Р.С. Манучарян, О.Г. Ревзина); деривационные процессы в ономасиологическом аспекте (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик); пропозитивные основы формирования словообразовательной семантики и создание методик фреймового моделирования (Л.А. Араева, М.А. Осадчий, З.И. Резанова, М.С. Косырева, И.А. Евсеева).

Напомним, что ономасиологический подход к изучению языковых единиц был предложен М. Докулилом. По его утверждению, создание производного слова это ничто иное, как подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта, которые формируют основу обозначаемого. Основа является выразителем признака, а суффикс выражает ономасиологический базис. Разрабатывая концепцию М. Докулила, Е.С. Кубрякова выделила третий компонент ономасиологической структуры производного слова – ономасиологический предикат. Когнитивную же природу номинативной функции словообразования ученый усматривает в реализации функции «ословливания и означивания мира», поскольку она «связана с выделением фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [238, с. 407]. Как справедливо замечает Л.С. Абросимова, «ономасиологический и пропозициональный подходы … подготовили почву для возникновения и

развития когнитивного подхода в изучении производных слов и обеспечили доступ к изучению глубинных структур дериватов» [1, с. 12]. Ученый рассуждает об ассоциативном характере человеческого мышления, который «позволяет устанавливать различные ассоциации по сходству, по смежности, а также категоризировать и субкатегоризировать объективную действительность» [там же, с. 12]. Концепты, формирующие семантику производного слова, соотносятся с концептуальными признаками словообразовательного форманта и признаками производящей основы. Семантику производящей базы Л.С. Абросимова представляет как некий когнитивный фон, который уточняется и структурируется посредством семантики деривационных формантов. Семантика формантов, по ее мнению, «репрезентирует определенный компонент концептосферы языковой личности, что и позволяет говорить о предикативных, полупредикативных и т.п. отношениях, складывающихся между определенными элементами смысла, концептами и концептуальными областями» [там же, с. 12].

В пользу ономасиологического подхода к изучению языковых единиц свидетельствует сочетание когнитивной ориентации в анализе языка с коммуникативной. З.И. Резанова отмечает, что когнитивная и коммуникативная функции «существуют в неразрывном единстве, взаимно обусловливая друг друга: любая коммуникация когнитивно детерминирована, а человеческая когниция глубоко коммуникативна» [379, с. 196-197]. На практике когнитивная лингвистика представлена двумя основными сферами исследования – когнитивной семантикой и когнитивной грамматикой. Когнитивная семантика определяется как «сверхглубинная семантика», как попытка «рассмотреть за семантическими категориями некоторые общие понятийные категории, спровоцированные процессом освоения мира человеческим познанием» [1, с. 7]. Когнитивная же грамматика рассматривает «грамматические концепции, или грамматические модели описания языков, ориентированные на изучение когнитивных аспектов языковых явлений (на их объяснение по их связи и сопряженности с процессами познания мира и такими когнитивными феноменами, как восприятие, внимание, память, мышление)» [там же, с. 7]. Более

того, современные ученые выделяют когнитивное словообразование как одно из приоритетных направлений когнитивной лингвистики. Ономасиологическая же идея требует анализа в плане выделения общего и отличного от концептуальных и когнитивных исследований. Сходство заложено в представлении о необходимой семантической составляющей как необходимом атрибуте любого уровня выше фонологического. Что касается различий, то О.И. Копач рассматривает когнитивную лингвистику (в т.ч. грамматику – Л.С.) как нечто целое, а вот «ономасиологическая теория фокусирует свое внимание на одной ее части – на словообразовательном акте» [211, с. 319]. Первая обеспечивает описание грамматической системы и ее функции в языке как систему символических единиц, используемых в целях коммуникации. Ономасиология рассматривает динамику создания производных слов. Когнитивистика не отделяет семантику от прагматики, а ономасиология находит подлинное значение слова контекстуально независимым и полностью детерминированным в пределах словообразовательного компонента. Когнитивная грамматика предлагает категории «вещь», «действие» считать схемами для соответствующих классов слов – существительных и глаголов; в ономасиологии же понятия «субстанция», «действие» представляют самые общие категории, которые вряд ли ограничиваются примерами существительных, глаголов, а «наложены поверх» классов слов. Автор исследования полагает, что эти понятийные категории работают в связи с логико-семантическими категориями, «их отношение к классам слов непрямое, опосредованное, зависимое от особой ономасиологической структуры, от того, какие морфемы выбираются для того, чтобы им соответствовали компоненты ономасиологической структуры» [там же, с. 320]. Считаем важным замечание о том, что в ономасиологической теории суффиксы находятся на одном уровне с корневыми морфемами и могут представлять соответствующие понятийные категории, а в когнитивистике суффиксы не подпадают под действие схем – таких как «вещь» или «действие».

Современное словообразование можно представить как систему, образуемую «совокупностью производных лексических единиц, при этом сама

система состоит из ряда подсистем, которые выражены комплексными единицами, реализующими парадигматические отношения» [2, с. 10]. Значительные методологические трудности возникают в выборе структурных единиц словообразовательной системы. Так, основной структурной единицей в разное время называли производные слова (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова), словообразовательные форманты (В.В. Лопатин, И.С. Улуханов), деривационный шаг (П.А. Соболева), словообразовательный образец (Н.А. Янко-Триницкая), словообразовательные типы и модели (Б.Н. Головин, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов). Современные ученые-лингвисты сходятся во мнении, что словообразовательные процессы отчетливее всего манифестируются в образовании композитов. Если говорить о композитостроении (композитопроизводстве), то в современном языкознании существует, как минимум, несколько подходов к изучению сложных единиц. Попытаемся выделить три основных – морфематический, деривационный и ономасиологический. В русле первого, морфематического подхода, когда классификации сложных слов строятся на основе какого-либо одного признака морфемной структуры сложных слов, а структура сложных слов устанавливается на основе формально-семантического соотношения с непосредственно производящими словами, композиты изучались Ф.Ф. Фортунатовым, Е.А. Василевской, М.И. Приваловой, И.В. Арнольд, С.В. Гудиловой, Л.Ф. Омельченко, Л.М. Чумак и многими другими. По мнению Е.А. Василевской, «сложное слово – это состоящая из двух или нескольких знаменательных элементов лексическая единица, характеризующаяся единством значения и соотносимая в лексико-грамматической системе русского языка с той или иной частью речи» [68, с. 22]. Признавая ключевую роль опорного компонента в словообразовательном процессе, ученый исходит из положений о том, что при сочетаемости двух компонентов в сложном слове «второй компонент является носителем родового признака. В нем заключается основное, ведущее значение слова. Первый компонент является носителем признака, качества, свойства». Е.А. Василевская настаивает на том, что «все имеющиеся и все вновь создаваемые

в языке сложные слова подводятся под определенные грамматические категории, классифицируются как те или иные части речи именно по второму компоненту» [там же, с. 95]. В данной концепции основным дифференциальным признаком сложного слова является объединение в его структуре нескольких корневых элементов, реализующих принцип полицентричности сложного слова. В противоположность морфематическому подходу существует деривационная концепция, в основе которой лежат два способа образования сложных наименований – морфологический и лексико-синтаксический. Особенности реализации такого подхода в языке изучает Р.Ф. Газизова, В.П. Григорьев, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, В.Н. Немченко, Л.И. Николаенко, А.В. Петров. В современной лингвистике широкую известность получила так называемая суффиксальная концепция, согласно которой словообразовательное значение является тождественным значению аффикса как его материального носителя (И.С. Улуханов, В.В. Лопатин). В.А. Косова видит ущербность аффиксального подхода в том, что «целые классы дериватов, образованные безморфемным путем, оказываются лишенными словообразовательного значения» [218, с. 142]. Так, И.С. Улуханов выделяет 36 узуальных и окказиональных способов словообразования, для которых характерно сложение в качестве одной из составляющих словообразовательного форманта. Ученый разделяет деривационные аффиксы на общекатегориальные и частнокатегориальные, он незаслуженно приписывает им сложность структуры самого словообразовательного значения. Особую роль в формировании словообразовательного значения исследователь отводит мотивирующей основе. Наряду с формантной и мотивирующей частями И.С. Улуханов выделяет «дополнительные семантические компоненты», характерные для одного слова с определенным словообразовательным формантом, либо образующие дополнительные лексические группы в рамках ряда слов, представленных одной частью речи и несущих общее словообразовательное значение [494, с. 96]. По его убеждению, СЗ так или иначе связывается с отношениями между мотивированной и мотивирующей единицами (при сопоставлении производного с исходной для

него единицей). И.С. Улуханов и В.В. Лопатин сходятся во мнении, что СЗ отражает общее лексико-грамматическое отношение мотивирующей и мотивированных основ. Еще одним недостатком данной концепции является ориентированность на сравнение указанных основ и анализ только лексического значения исходного слова. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, в этом случае «предметом словообразовательного анализа служило исключительно аналогическое или же корреляционное словообразование с простейшими типами отношений словообразовательной производности» [230, с. 94].

Исследуя словообразовательное значение производных слов и развивая теорию М. Докулила, В.В. Лопатин выделял мутационный, модификационный и транспозиционный компоненты [268, с. 25-33]. И.С.Улуханов указывал на случаи их одновременного выражения и называл несколько причин такого взаимопроникновения: наличие лакун, промежуточных звеньев в словообразовательных цепочках, характер значений составляющих формантов, функциональную и структурную специфику способов словообразования [497, с. 160-202]. Анализируя словообразовательные отношения, В.П. Григорьев, например, не усматривает разницу между группами сложных слов типа *работодатель*, *путеводитель*, *скоросшиватель*, образованными от словосочетаний *давать работу*, *водить по пути* и *скоро* (=*быстро*) *сшивать* с помощью суффикса *-тель*, с одной стороны, и *ссудополучатель*, *грузоотправитель*, *богоискатель*, являющимися точными эквивалентами словосочетаний *получатель ссуды*, *отправитель груза*, *искатель бога*, так как «общим для всех сложных слов с этим суффиксом <…> является то, что суффикс оформляет не вторую из соединяющихся основ, а сложную основу в целом» [118, с. 73]. Ученый полагает, что «если второй компонент с тем же самым значением и встречается в самостоятельном употреблении, то это указывает (хотя и не всегда) лишь на то, что такого рода сложные существительные принадлежат к иному словообразовательному типу, но не может, в силу цельнооформленности сложного слова, служить ни основанием для переноса внутрь сложного слова грамматических (синтаксических) отношений, ни аргументом в пользу той точки

зрения, что морфологическая структура сложного слова сохраняет внешние очертания синтаксической структуры исходного словосочетания» [там же, с.73]. Доминантой данной теории служит мнение о цельнооформленности любого сложного слова, при этом игнорируется заявление о том, что «каждый компонент сложного слова может рассматриваться как единица, которая имеет систему лексико-грамматических признаков» [246, с. 185]. «Лингвистический энциклопедический словарь» трактует словообразовательное значение как значение, «возникшее в результате воздействия данного форманта с его категориально-грамматическими и лексическими характеристиками на данную производящую основу (основы) и их категориально-грамматические и лексические значения» [256, с. 468]. В.М. Никитевич представляет деривационное значение как обобщенное лексическое значение, которое в «определенных совокупностях производных номинативных единиц не зависит от значений частей речи» [323, с. 52]. Интересный подход к определению словообразовательного значения предлагают белорусские лингвисты, в частности, А.А. Матюнова. По ее мнению, анализ семантики новой номинации показывает, что «на ее образование оказывают влияние такие факторы, как значение производящей основы, значение словообразовательного аффикса, смысловые отношения между производящей основой и аффиксом, мотивационный признак, положенный в основу именования и, по сути, объединяющий все названные факторы». Немаловажную роль играет потенциальное «грамматическое оформление будущей номинации и ее лексическое значение». Ученый полагает, что все эти факторы не могут быть описаны одним термином *словообразовательное значение*, и предлагает термин «номинативно-словообразовательная семантика», считая его наиболее подходящим для представления всех элементов номинативного процесса в совокупности [290, с. 47].

Е.А. Земская занималась описанием словообразовательного механизма и словообразовательных типов с учетом их предназначения в языке и речи. Она указывала на необходимость соотносить понятийное, содержательное истолкование производного слова с его словообразовательным значением,

которое выражается «производными словами в пределах более общих единиц – словообразовательных категорий» [168, с. 201]. В 1992 году вышла в свет монография «Словообразование как деятельность», где впервые в современном языкознании за основную единицу анализа словообразовательной системы принята словообразовательная категория: «Основной объект изучения в этой главе – анализ тех словообразовательных категорий, на которые человек членит мир» [там же, с. 92]. Рассматривая язык как деятельность, автор выделяет два компонента – систему языка и языковую компетенцию говорящих.

Третий, ономасиологический подход к изучению языковых единиц является доминирующим в современной лингвистике, поскольку наилучшим образом сочетает в себе характеристики лингвистического и когнитивного подхода к описанию производных слов. Наиболее конкретное определение когнитивной лингвистики предлагают Е.С. Кубрякова и В.З. Демьянков, по их мнению, центром данного направления является язык как общий когнитивный механизм и когнитивный инструмент, как «система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [235, с. 53]. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, когнитивный подход к исследованию словообразовательных процессов предполагает выявление корреляций, соотношений, пропозиций между, с одной стороны, производным словом и «структурами сознания или структурами знания» - с другой [238, с. 59]. Словообразование представляется как процесс, который может быть «смоделирован, то есть репрезентирован, представлен, упорядочен и описан с помощью неких искусственных теоретических метаязыковых структур» [1, с. 10]. Т.И. Вендина полагает, что словообразование предоставляет большие возможности для концептуальной интерпретации действительности. По мнению ученого, «сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово дает возможность понять «привычки сознания», узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира» [75, с. 27]. Автор настаивает на том, что концептуализация носит системный характер, следовательно, «выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков

носит системный характер, давая представление о мировидении, мирочувствовании и миросозерцании народа» [там же, с. 27].

1.2. Лингвокогнитивный подход к изучению сложных прилагательных

Когнитивная лингвистика рассматривает словообразовательный процесс как особый акт номинации, который должен восприниматься как нечто слитное и целостное. При объективации определенной структуры знания создается новый знак, «знание невербализованное, выступавшее в сознании человека в виде наивного, интуитивного превращается в осознаваемое <…> и, получая знаковую форму, обретает свою жизнь в системе, где хранится уже в виде знания упорядоченного, подведенного под особую категорию и доступного для сознания именно в этом качестве: в качестве оперативной единицы сознания, облегченного заместителя сложных и иногда весьма разветвленных концептуальных структур» [238, с. 418-422]. Под концептуальной деривацией лингвисты понимают «формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [53, с. 47]. Современные исследования по когнитивной лингвистике рассматривают пропозицию как основную единицу хранения знания и соотносят ее с синтаксическим уровнем языка, признавая деривационную природу этого языкового явления. М.Н. Янценецкая полагает, что «базой перехода логически выявленных связей между объектами окружающего нас мира в ономасиологически упорядоченные типы отношений и соответствующие виды семной организации лексического значения» можно считать «представление познаваемых межпредметных связей и их компонентов через призму пропозиции как такой единицы, на основе и с помощью которой формируется смысловая структура высказывания» [575, с. 4]. Деривационная пропозиция предполагает реализацию в семантике производного слова представленной в свернутом виде «минимальной либо максимальной многоместной структурно-логической схемы» [16, с. 79].

В этом направлении (весьма перспективном и не вполне изученном) заслуживают внимания работы Л.А. Араевой, Т.И. Вендиной, И.В. Евсеевой,

О.Ю. Крючковой, М.А. Осадчего. Лингвисты сходятся во мнении, что все деривационные подсистемы могут рассматриваться как носители концептуальной информации. Механизмы концептуализации и категоризации осуществляются при помощи деривационных единиц, которые условно делятся на простые (производное слово) и комплексные (словообразовательный тип, словообразовательная категория и словообразовательное гнездо). Е.С. Кубрякова определяет производное слово как единицу «хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» [235, с. 56], причем единицу комплексную: «Комплексная – потому, что представляет собой структуру и в буквальном смысле комплекс по крайней мере из двух частей: отсылочной, отсылающей нас к источнику мотивации данного образования, и формирующей, отражающей формальное средство, использованное при его создании»; этот класс единиц, по мнению ученого, отличается от симплексов – простых, непроизводных слов [231, с. 22]. Словообразовательная категория мыслится как семантическое обобщение, соединяющее «ряды производных с разными формантами способами словообразования на основе общности словообразовательного значения» [177, с. 57]. Лингвисты придерживаются единого мнения о том, что словообразовательные категории тесно связаны с ономасиологическими категориями, являющимися «наиболее общими типами формулирования содержания по отношению к его выражению в языке» [там же, с. 58].

В рамках концепции, разработанной учеными-когнитологами, словообразовательный тип понимается как языковая категория, представляющая собой один из способов моделирования познания мира. В основе моделирования лежит выделение фреймов и составляющих их пропозиций как форматов, обеспечивающих «когнитивное и смысловое системное рассмотрение языковых единиц и явлений, специфическим образом функционирующих в пределах этих единиц» [140, с. 165]. Под фреймом понимается структура языкового знания, организованного вокруг некоторого понятия, в которой представлена информация разных видов. Слот (терминал) позиционируется как элемент фрейма, ориентированный на конкретизацию какого-либо одного аспекта фрейма

посредством заполнения «характерными примерами или данными» [302, с. 7]. Слот определяет адекватные условия, способствующие раскрытию фрейма, эти условия порождают конкретные суждения, при этом «суждения, включенные в определенную логическую модель и рассматриваемые как элементы знания, опираются на пропозициональные структуры» [140, с. 165]. Использование понятий фрейм, слот, пропозициональная структура, пропозиция для анализа комплексных единиц словообразования дает возможность «рассматривать деривационные единицы как иерархически организованные структуры данных, как способы и места хранения информации, заключенной в базовом слове и производных словах» [там же, с. 165]. Считаем важным замечание И.В. Евсеевой о том, что когнитивная методика фреймовой пропозиционально-семантической организации единиц словообразовательной системы вбирает в себя идеи основных лингвистических направлений, а именно:

- синтаксическое (свертывание лексико-семантического варианта деривата в синтаксическую структуру – пропозицию);

- ономасиологическое (установление мотивационных связей каждого ЛСВ производного слова с его производящим);

- функционально-семантическое (выявление деривационного потенциала производных слов, наполняющих комплексные единицы словообразования, и наиболее существенных для человека и его жизнедеятельности словообразовательных смыслов) [там же, с. 167].

Интересной представляется работа Л.В. Резниченко, посвященная анализу субстантивированных имен прилагательных. С ее точки зрения, субстантивация означает «переход из признаковой области в предметную концептуальную область» [380, с. 150]. К субстантивированным единицам она относит адъективы *твердолобый*, *толстомясый*, *толстомордый*, *курносый*, *темнокожий*, *чернокожий*, *краснокожий*: *Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он* ***краснокожий*** (http://smartfiction.ru/prose/the_ransom_of_red_chief/); *А как ответить на вопрос, почему Обаму не любят и* ***темнокожие***? (http://stopopp.com/?p=1194). Учитывая основные принципы

композитопроизводства, мы относим данные языковые единицы к универбализационным композитам и квазикомпозитам: *Роберта всегда тянуло к женщинам* ***с темной кожей***. *Роберт не смог устоять перед чарами* ***темнокожей*** *красотки, которая выше его на полголовы* (Вива-Биография, № 5-6 (82), 2014); *Сколько раз пытались доказать* ***твердолобым*** *людям, что пацифизм с Православием - несовместим в принципе. Нет же, всё бесполезно.* ***Твердолобые*** *как стояли на своём, так и стоят* (http://www.liveinternet.ru/tags/). При субстантивации формирование производных концептов осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, но сопровождается «сужением содержания исходных концептов, которое осуществляется посредством выделения их специфических характеристик» [там же, с. 152]. В содержании исходного концепта *чернокожий* выделяется характеристика «имеющий темный или черный цвет кожи», которая наследуется производным концептом в процессе концептуальной деривации и служит основой для появления такой характеристики, как «человек, оцениваемый по особенностям внешности»: *На козлах дрожал от страха* ***чернокожий*** (СН, 1.01.2014).

Л.И. Плотникова проводит исследование в рамках когнитивной ономасиологии, используя метод моделирования словопроизводственных процессов, который позволяет отследить механизм образования новой языковой единицы на основе развернутого описания. Ученый определяет новообразования как «слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания» [355, с. 14]. Образование любого нового слова происходит по определенной словопроизводственной модели, которая является комплексной и многоуровневой, обобщающей мыслительные уровни словопроизводства. Эти уровни коррелируют с номинативным, ономасиологическим, когнитивным и словообразовательным полями. Таким образом, интегративная многоуровневая модель дает возможность описать структуры репрезентации различных видов знания и выбор конкретных языковых форм в отдельном коммуникативном акте.

Л.И. Плотникова предлагает относить производные слова к определенным классам и категориям и указывает на соотнесенность создаваемого слова с конкретной частью речи, для адъектива это дескриптивное описание «такой, который…» и слова, выражающие мотивировочный признак. Ученый приходит к выводу, что ономасиологическая модель является основой «логического моделирования словопроизводственного процесса», а когнитивная модель – это «модель глубинного мыслительного уровня, который представляет собой концептуальную схему (то есть состав и отношения элементарных концептов), отражающую способ концептуальной организации знания» [там же, с. 14-15]. Л.И. Плотникова так описывает композит *ласковомайский* («Репертуар, состоящий из проверенных «*ласковомайских*» шлягеров» - Аиф, № 3, 1999): *ласковомайский* – такой (шлягер), который исполняется группой «Ласковый май»; такой, который … соотносит понятие с адъективом (ему соответствует суффикс –ск-) + основа слова, выражающего мотивировочный признак «Ласковый май»: «***Ласковомайский*** *кошелек*», *то есть Разин, тоже поддался общей атмосфере и признался в любви...* к *коммунистам* (http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_2621_aId_254138.html); *Звук был чуть-чуть грязноватый, громкий и агрессивный, совсем не* «***ласковомайский***» (http://www.maksim-club.ru/main/3349-pevica-maksim-v-pskove.htm); *Волной прокатился по городам и весям*. *Полный* ***ласковомайский*** *аншлаг* (http://www.lebedev.com/MusicPhone/Review/CAM/CAM-ikra.htm).

В работах О.В. Блюминой, О.В. Деменчук, Е.Г. Донцовой, Н.В. Дьячок, Л.К. Жаналиной, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, В.И. Теркулова разрабатываются принципы ономасиологического анализа номинативных единиц, в т.ч. сложных. По мнению Е.С. Кубряковой, «в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации» [238, с. 393-394]. Суть же ономасиологического подхода к анализу сложных наименований ученый видит в том, чтобы рассмотреть семантику производного в терминах ономасиологических, понятийных категорий, т.е.

изучить способы «отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных частей речи и их разновидностей», а также «подход от значений частей речи и главных номинативных функций этих последних в составе высказывания» [238, с. 81]. Вслед за Е.С. Кубряковой ученые развивают идеи ономасиологического словообразования. Так, Е.М. Позднякова указывает на динамический характер словопроизводства и предлагает рассмотреть функционирование словопроизводственной модели, которую определяет как «определенную систему, имеющую определенную структуру и включающую понятие о ряде эталонов, вероятных для данного языка, по которым корректируется процесс словопроизводства, и понятие о выборе того или иного эталона или средства» [358, с. 5-6].

Е.А. Селиванова описывает ономасиологические модели семантически эквивалентных композитов русского и украинского языков [403; 404]. Ономасиологическая модель, по мнению ученого, структурирована следующим образом: 1) общий смысл ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретное содержание двух или более ономасиологических признаков (отсылочная часть); 3) их валентный потенциал и смысловая связь; 4) тип отношений между базисом и признаком [403, с. 20]. Е.А. Селиванова так описывает модель композита *скоропостижный*: «Некий признак (1), связанный (4) с временной ограниченностью (3) «скоро» процесса «постигнуть» (2), лексическое значение – про смерть: «Внезапный» [там же, с. 20].

В.И. Теркулов вывел понятие номинатемы, которое является базовым для определения ономасиологической природы любой языковой единицы. Так, под номинатемой понимается основная номинативная единица языка, которая «обозначает любую языковую разновидность, объединяющую глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности» [468, с. 149]. Проблемы формирования внутренней, семантической структуры композитов, связанные с необходимостью определения границ ономасиологических классов, нашли свое отражение в работах ученого и его последователей. В.И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения

их ономасиологического статуса, по его мнению, структура ономасиологического класса универбализационных композитов является трехчленной. К верхнему ярусу ученый относит общекатегориальное грамматическое значение, при этом отмечаются только субстантивные и атрибутивные номинатемы. Второй ярус предполагает существование номинатемы в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ). Третий ярус предполагает распределение номинатем по ономасиологическим моделям. Развивая учение М. Докулила, ученый подтверждает правильность суждения о том, что «ономасиологическая модель включает главный и уточняющий компоненты наименования, то есть его ономасиологический базис и ономасиологический признак» [там же, с. 294]. Для универбализационных композитов ономасиологический базис должен быть соотнесен со значением главного компонента исходного словосочетания, а ономасиологический признак равен «его семантическому множителю, который актуализируется в зависимом компоненте этого же словосочетания» [там же, с. 294].

В диссертации О.В. Блюминой предлагается ономасиологическая классификация субстантивных композитов со значением процессуальности. По мнению ученого, «все типы субстантивных композитов со значением процессуальности имеют одинаковую структуру ономасиологической модели: ономасиологический базис, обычно связанный со значением исходного глагола, + ономасиологический признак, реализующий семантику зависимого компонента» [47, с. 175]. Считаем важным ее замечание о том, что выведение предиката (как третьего компонента модели – Л.С.), определяющего действие или состояние, связывающее базис с признаком, затруднено, поскольку ономасиологический базис здесь сам по себе уже указывает на состояние или действие [там же, с. 174]. Таким образом, О.В. Блюмина выделяет шесть ономасиологических базисов для рассматриваемых композитов: «процесс», «мероприятие», «отрасль», «состояние», «действие» и «событие». Ономасиологические же признаки ученый выделяет на основе «аргументов диктума»: «финитив», «объект», «дистрибутив»,

«медиатив», «трансгрессив», «способ действия», «производитель действия», «статус», «локатив», «отрасль», «направление», «контрагент», «каузатив», «темпоратив», «пациентив», «качество», «эталон» и «дестинатив». Исследователь настаивает на необходимости разграничения ономасиологического подхода к описанию универбализационных и деривационных композитов и единиц квазикомпозитного производства. Она полагает, что «в универбализационных композитах ономасиологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексемы», в деривационных же композитах «базисную функцию выполняет формант, а признаковую – исходное словосочетание целиком, которое и формирует производящую основу» [47, с. 139].

В работах Е.Г. Донцовой предпринята попытка классификации атрибутивных композитов, характеризующих физическое состояние и социальный статус людей. Автор отмечает особый номинативный статус атрибутивних композитов и вводит понятие атрибутивный композитный комплекс, который является совокупностью композитных атрибутов с одинаковым ономасиологическим базисом. Атрибуты являются лишь формально взаимосвязанными однокоренными композитными словами, которые выступают в синтагмах актуализаторами определенных признаков номинатемы, чаще всего субстантивных [130, с. 24]. Е.Г. Донцова приходит к выводу, что отношения между атрибутивным композитом и исходным словосочетанием нельзя охарактеризовать как номинатемные и предлагает их называть атрибутивными универбализационными дублетами. Описание атрибутивных композитов осуществляется в двух направлениях – формальном, когда описывается процесс преобразования словарной единицы в композит, и ономасиологическом, когда соотносится значение сложного слова с ономасиологической моделью.

Н.В. Дьячок описывает типологию модификации номинатем типа словосочетание + универб и исследует основные способы преобразования сложных синтаксических конструкций в универб. Она отмечает, что в современном языкознании существует тенденция к унифицированию процессов

преобразования словосочетаний в слово, речь идет о так называемой конденсации (по терминологии В.И. Теркулова – универбализации). Объединение универбов осуществляется по следующим признакам:

1) все номинатемы, составляющие данную группу являются номинатемами **с доминантой-словосочетанием** и **вербальной реализацией-универбом**;

2) все универбы, составляющие конкретную группу, являются либо **существительными**, либо **глаголами**;

3) все существительные и глаголы, составляющие отдельную группу, имеют инвариантное значение **представления**, **понятийное** значение (например, группа универбов-существительных), а также **гештальтное** значение (группа универбов-глаголов), фреймовым, скриптовым или комбинированным способом представляющим понятие, объект, действие [137, с. 382].

Н.В. Дьячок определяет универбы как дублеты номинатем и отмечает их способность входить в определенные лексико-семантические и тематические группы, которые находятся в определенном иерархическом подчинении: лексико-семантическое поле – тематическая группа – лексико-семантическая группа.

Полагаем, что наше исследование позволит классифицировать сложные имена прилагательные с учетом ономасиологического подхода к их изучению. Считаем необходимым определить номинативный статус адъективов и выяснить, насколько высок их референтный потенциал в системе существующих частей речи.

1.3. Номинативный статус имен прилагательных

1.3.1. Проблемы языковой номинации. Традиция выделения частей речи, известная еще со времен Аристотеля, прочно закрепилась в лингвистической науке. О наличии частеречного статуса языковых единиц в своих исследованиях писали Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Зализняк, И.Г. Милославский, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Голев. В языкознании наличие частей речи принимается как аксиома, однако ученые задаются вопросом о сущности этого явления и его онтологическом статусе. Для

нашего исследования решение данной проблемы весьма актуально, поскольку частеречный статус имен прилагательных является наименее определенным в современной лингвистике. В «Русской грамматике-80» дается следующее определение: «грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) общность значения; 2) комплекс морфологических категорий; 3) тождественность парадигм; 4) общность синтаксических функций» [388, с. 457]. Основанием для выделения частей речи ученые считают разные критерии, поэтому существует несколько точек зрения на данную проблему. В.В. Виноградов и Л.В. Щерба предлагают лексикоцентристский подход, в основу которого положен семантический критерий (местоимения выделяются в отдельную часть речи, слово *первый*, например, относится к числительным и т.д.). Однако в данную парадигму не вписываются слова *бег, полет, рисование,* поскольку семантическая составляющая заставляет относить их к глаголам. Л.В. Щерба предпринимал попытки отличить реальную предметность от предметности грамматической, но в результате «грамматическая предметность» наложилась на реальную [564, с. 54-91]. Функционально-синтаксический подход описывается в работах А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, которые предлагают выделять категорию состояния в отдельную часть речи, а инфинитив в функции подлежащего считать существительным (*Жить – родине служить*), при этом существительные в именительном и косвенных падежах считать разными частями речи. Так, Л.В. Щерба полагал, что слова категории состояния «...это слова в соединении со связкой, не являющиеся ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями, или формами творительного падежа существительных, теряющей тогда свое обычное, то есть инструментальное значение» [565, с. 87]. По мнению ученого, грамматические категории должны иметь разнообразные по своему характеру «внешние выразители», о которых упоминали еще А.М. Пешковский и А.А. Шахматов: сочетаемость слов является замещающим признаком для

установления принадлежности слова к той или иной части речи при отсутствии морфологических показателей. В частности, они указали на неоднородность грамматического состава слов категории состояния: *навеселе*, *начеку*, *без памяти*, *в сюртуке*, *намерен*, *грустен*, *знаком* [352, с. 124; 545, с. 87]. Согласно учению В.В. Виноградова, имена прилагательные, потерявшие формы склонения, приобретают показатели времени и становятся сказуемыми. Грамматическим ядром категории состояния он считает слова *рад*, *прав*, *горазд*, *намерен*, так как в краткой форме имен прилагательных развивается больше значений, не свойственных полным формам. Однако «лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было бы видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся от категории имени прилагательного» [78, с. 323]. Таким образом, в концепции В.В. Виноградова имена прилагательные и безлично-предикативные формы представляют собой разные группы слов.

Е.С. Кубрякова считает ономасиологический критерий ведущим при выделении частей речи, по ее мнению, «в частях речи нашло отражение расчленение человеком окружающего его мира <…> сообразно природе вещей и тем самым части речи являются прежде всего наименованиями разных объектов действительности, осмысленных и опознанных человеком как различные» [229, с. 6]. То обстоятельство, что в современном языке не встречается однозначное соответствие между категориями предмета, действия, качества, количества и частями речи, ученый объясняет существованием такого соответствия в генезисе языков: «Легшие в основу формирующихся частей речи общие категории были близки самой «физике мира» и совпадали с категориями натуральной логики познания мира» [там же, с. 6].

У данной теории есть свои противники. Так, М.Г. Куликова пишет, что в данной работе не выдержана оппозиция «генетическое / синхронно-функциональное», смешение этих аспектов «препятствует выявлению онтологического статуса частей речи» [243, с. 219]. Более того, автор усматривает в таком понимании отражательную функцию языка по отношению к

действительности, язык лишается свойственной ему условности и своей имманентной сущности, теряя при этом способность к саморазвитию. В качестве альтернативы теории Е.С. Кубряковой предлагается концепция, разработанная Ф.Ф. Фортунатовым и его последователями, где части речи дефинируются на основе общности грамматических признаков. Н.Д. Голев полагает, что части речи образуют многоуровневую структуру, содержащую внутреннюю форму (набор грамматических категорий); внешнее содержание (номинативный и позиционно-синтаксический уровень); внешнюю форму как уровень конкретного материального выражения грамматических категорий и значений, присущих определенной части речи (набор определенных парадигм). Приоритетная роль отводится внутренней форме, хотя все уровни системы взаимодействуют, но являются весьма противоречивыми (*третий* – числительное или прилагательное?), кстати, во многом это происходит из-за сложностей в определении границ корпуса имен прилагательных [109].

В.Г. Руделев предложил концепцию частей речи, суть которой «сводится к необходимости установления частеречной системы оппозиций и корреляций, измерения информационной мощи каждого члена оппозиции – на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях» [387, с. 83]. Частями речи считаются только полнозначные слова, образующие «семантико-грамматические классы; нейтрализация частей речи – это приобретение некоторыми из них формальных признаков других при сохранении инвариантного значения» [там же, с. 83]. В частеречную систему русского языка, по мнению ученого, наилучшим образом вписываются глагол (Г), прилагательное (П) и существительное (С), составляющие оппозиции Г-С и П-С. Установленные оппозиции строятся на одном и том же различителе Р1 – предикативность или признаковость, грамматическим коррелятом которого является «согласованность, «зеркальность» глагольных и адъективных форм, повторяющих грамматические признаки существительного или местоимения: число, лицо или род у глагола, число, род, падеж у прилагательных» [там же, с. 85]. В.Г. Руделев настаивает на том, что прилагательное следует именовать как «качественно-предикативное

слово», именно в отношениях между этими словами и глаголами ученый видит как перспективы, так и сложности разработки теории частей речи, в основу которой должен быть положен семантический признак.

А.Л. Шарандин предлагает несколько иной подход к проблеме выделения частей речи. Морфология как учение о формах слова традиционно понимается как «часть грамматического строя языка, которая объединяет грамматические классы слов (части речи), принадлежащие этим классам грамматические (морфологические категории и формы слов» [388, с. 453]. По мнению ученого, «наличие частей речи обеспечивает функционирование высказываний, заполненных знаками (словами), а их отсутствие – это показатель нечленимых, элементарных коммуникативных сигналов» [543, с. 21], первичным является связь понятия «часть речи» с особым типом речи, а не с понятием «слово». Во-первых, все слова противопоставляются по принципу номинативность – неноминативность (дейксис), причем слова с дейктическим значением образуют особый самостоятельный уровень функционирования знаков, «взаимодействие между оппозитами этого противопоставления происходит и смешение осуществляется в сторону дейксиса: номинативные знаки смешиваются с дейктическими, теряя в определенных употреблениях свою качественную определенность» [там же, с. 23], причем ранг номинативного уровня всегда выше, чем ранг неноминативного. Дейктические знаки используют тот набор грамматических форм, которыми оформляются в языке номинативные знаки как сущности высшего порядка и совпадают с ними по грамматическим свойствам, однако их главное отличие содержится в информации, «заключенной в единицах этих систем», в том, что «она по-разному преломляется в речевом акте» [там же, с. 24]. Во-вторых, следующий различительный признак лежит в основе деления частей речи на ядерные и неядерные в зависимости от того, насколько обязательны эти слова как компоненты мысли. А.Л. Шарандин относит к ядерным частям речи существительные, глаголы и качественно-предикативные слова (ранее у В.Г. Руделева – Л.С), к неядерным – собственно прилагательные (относительные) и наречия. Дальше делению подлежат ядерные слова, которые достаточно четко

противопоставляются по синтаксической функции и морфологическому оформлению – предикаты, имеющие признаковый характер (глагол и качественно-предикативные слова) и субъекты с субстанциональным характером (существительные). В группе предикативных слов различаются слова двух видов: 1) выражающие признак в чистом виде (глагольные слова); 2) выражающие признак через понятие качества (качественно-предикативные слова). Автор предостерегает от соблазна смешивать термины «качественно-предикативные слова» и «слова категории состояния», поскольку далеко не все качественно-предикативные слова обозначают состояние, они «могут называть постоянные свойства, качества предметов» [там же, с. 25]. Они, вероятно, могут быть соотнесены с качественными прилагательными, но лишь в том случае, если они выполняют предикативную функцию, как и глагольные слова. Вторичная функция глагольных слов приводит к утрате глагольных признаков и существованию в виде двух новых форм – причастной и деепричастной. Качественно-предикативные слова употребляются в функции определения и также утрачивают соответствующие грамматические признаки (полные формы качественных прилагательных). Находясь в позиции обстоятельства, они утрачивают не только аналитизм, но и изменяемость (качественные наречия). Заметим, что относительные (некачественные) прилагательные ученый относит к неядерным частям речи, которые «определяют (дополняют) функционирование ядерных частей речи, являясь своего рода их «спутниками» [там же, с. 25]. К этому же классу относятся наречия, обозначающие «признак признака». Иерархические отношения между прилагательным и наречием распределены следующим образом: «прилагательные являются признаками субъекта мысли (существительного), а наречия – признаками предиката мысли (глагола и качественно-предикативных слов)» [там же, с. 25]. Собственно прилагательные (некачественные) могут выступать в роли определителей предиката при взаимодействии с качественно-предикативными словами, например, *металлический* лом – *металлический* голос – голос звучал *металлически*. Согласимся, что собственно признаковый характер ярче выражен у прилагательных, что сближает их с ядерными признаковыми

словами в большей степени, чем наречия. Итак, А.Л. Шарандин представил части речи в виде определенной системы противопоставлений по каким-либо признакам, сформулированным на синтаксической основе. Он утверждает, что части речи и классы слов не являются тождественными понятиями, хотя вполне соотносимы, при этом «части речи имеют отношение к речевой деятельности человека, являясь элементами предложения (высказывания) как коммуникативной единицы», а классы слов «имеют своим объектом именно слова как лексические образования». Несомненным достоинством данной классификации является отход от традиционного определения частей речи и попытка исследовать соотношение грамматики и лексической семантики (формы и содержания), что, по сути, является ключевой проблемой лингвистики как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте.

Частеречная оформленность слов является также объектом внимания ученых-когнитологов, в частности, Л.А. Араева рассматривает части речи как «основные языковые категории, в пределах которых формируются именования действительности» [16, с. 17]. Все реципиенты, характеризуя производное слово, указывают мотивирующее «в грамматической форме, для которой характерна ядерная частеречная семантика, например, строитель – это тот, кто строит (а не занимается строительством, постройкой)» [там же, с. 17]. Критерий тождества частеречного оформления мотивирующих при определении словообразовательного типа «эксплицирует прототипичные явления в сознании русского человека, для которого действие соотносится с глаголом, предметы – с существительным, признаки – с прилагательным» [там же, с. 17].

Существует устойчивое мнение, что имя прилагательное относится к знаменательным частям речи наряду с именем существительным, глаголом и наречием. По мнению ряда ученых, «та система частей речи, которая существует в русском языке, является результатом ряда компромиссов между синтаксическим, семантическим и морфологическим принципами» [243, с. 219]. Предлагается два пути снятия противоречий в решении данной проблемы. Первый путь – признание того, что части речи являются гносеологическим

понятием и всего лишь способом классификации, явлением, не имеющим области референции. В этом случае «традиционная классификация не является обязательной и возникающие противоречия могут быть решены с относительной легкостью: возможны иные, более последовательные классификации лексем или словоформ» [243,с. 219; 301, с. 250-257].

Второй путь – признание того, что части речи имеют определенную область референции, которая должна быть изучена и выявлена, «выделение частей речи должно быть основано на их имманентных свойствах» [243, с. 219].

Согласимся, что ни один из описанных подходов не дает последовательного описания частей речи и заставляет думать о невозможности создания жесткой классификации частей речи с четкими границами определения частеречной принадлежности.

Интересной представляется концепция ученых-когнитологов, особенно в той части, где речь идет об именах прилагательных. Они предлагают идентифицировать прилагательные как вспомогательную часть речи. Так, А.П. Володин считает, что вопрос о существовании трех или четырех основных частей речи связан именно с прилагательными. Статус части речи прилагательное получило лишь в начале XIX века; до этого оно трактовалось как подкласс имени, «русскоязычные термины, принятые до сих пор, суть точные переводы латинских nomina substantiva (имена существительные) и nomina adjectiva (имена прилагательные)» [88, с. 40]. Данная классификация имеет «формальные (морфологические) основания: прилагательные (Atr2) в индоевропейской грамматической системе согласуются с существительными (Act) во всех категориях, которые составляют формальную принадлежность последних: в роде, числе и падеже» [там же, с. 40]. Считаем вполне справедливым замечание автора о том, что «прилагательное (в индоевропейских языках, в т.ч. русском) «надевает именную одежду», поэтому трактовка его как формального подкласса имени представляется в высшей степени оправданной [там же, с. 41]. Существует и полностью противоположное мнение, высказанное А.Л. Шарандиным. Термин «прилагательное» часто ассоциируется с употреблением его в сочетании «имя

прилагательное». Ученый отрицает именной характер данного класса слов, поскольку их основной функцией является предикативная, что сближает прилагательные с глагольными словами [543, с. 25]. Таким образом, множественность научных подходов пока не дает убедительного обоснования частеречного статуса имен прилагательных.

Проблема языковой номинации с определением ее типов и механизмов является привлекательной для ученых-лингвистов, но в то же время весьма противоречивой. В разное время к ней обращались Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, В.И. Телия. Как полагают исследователи, «производное есть номинация определенной отсылкой к существующему знаку или знакам языка; это своеобразное обозначение неизвестного через известное, через знакомый и понятный знак или знаки языка; это соединение нового опыта со старым; представленное в расчлененном виде, производное слово помогает ассоциировать обозначенный им предмет, действие или признак с тем, что знакомо из предыдущего опыта» [570, с. 70].

Производная единица может быть определена как однословное вторичное мотивированное наименование с двучленной ономасиологической структурой, которая формирует свое лексическое значение посредством расчлененного представления базиса и признака наименования. Вместе с тем М. Докулил, Е.С. Кубрякова и их последователи сходятся во мнении, что структура ономасиологической категории трехчленна, ономасиологический базис «указывает на определенный класс понятий или родовое понятие, ономасиологический признак указывает на отличия, выделяющие предмет или субъект внутри класса, а связаны они между собой ономасиологической связкой – определенным типом отношений» [177, с. 58]. Для сложных прилагательных констатируем более сложную форму признака, состоящего из ономасиологического мотива (производящей основы) и связующего форманта: ***зеленоглазый – с зелеными глазами***, ***кривоногий – с кривыми ногами***: *Она была удивительно хороша – румяная,* ***с зелёными глазами****, с огромной косой* (И.К. Архипова. Музыка жизни (1996); Национальный корпус русского языка;

www.ruscorpora.ru); *Наверняка роковая* ***зеленоглазая*** *красотка, какая-нибудь Келли Ле Брок или даже почище* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Наиболее распространенной одеждой, которой отдают предпочтение представительницы* ***с кривыми ногами****, есть джинсы* (http://www.owoman.ru/moda/krivye_nogi.html); *Особняк, тишина, ходят милые* ***кривоногие*** *дамы в пластмассовых халатах* (СН, 15.08.2014). В сложных словах типа бахуврихи, являющихся объектом нашего исследования, «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [5, с. 250], само же слово представляет собой ономасиологический признак предмета: ***с широкой костью – ширококостный, с большой головой – большеголовый, с длинными волосами – длинноволосый***: *С юго-востока прибыли гражданки другого рода. Рослые,* ***с широкой костью****. У них тонкая кожа, робкий характер и невыносимые матери* (Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Крупный,* ***ширококостный*** *человек в грязной майке посмотрел на мою книгу – и снова перевел взгляд на мое лицо* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Этот человек* ***с большой головой****, со спутанными волосами, невысокий, но широкоплечий, с большим животом, очень подвижный, громкоголосый, смешливый, был неутомимо деятелен* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Быть может, поэтому он рос худым и на всех дачных снимках,* ***большеголовый*** *и умненький, стоял на кривых ножках не по летам серьёзный и основательный, сжимая в руках сделанную из ирги удочку, которой в канаве на соседних дачах у химиков вытаскивал бычков и изредка, если везло, карасей* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Я был единственным бизнесменом* ***с длинными волосами*** *и в расклешенных брюках* (СН, 25.02.2014); *Скандальное фото актрисы, целующейся с* ***длинноволосым*** *солистом группы «Челси», обошло все желтые российские издания* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013).

Последовательно развивая теорию М. Докулила, ученые-лингвисты полагают, что ономасиологические категории манифестируют грамматический характер выражения и получают на словообразовательном уровне дальнейшее развитие и уточнение. Так, Б.А. Серебренников под основными категориями понимает категорию субстанции (предметности), реализованную именами существительными, и категорию признака, характерную для глагола, прилагательного и наречия [570, с. 56], а словообразовательные ономасиологические категории ученый определяет как «модификаторы и конкретизаторы категорий предметности и признаковости» [там же, с. 57]. Каждой части речи соответствует определенный набор категорий, уточняющих или модифицирующих ее общекатегориальное значение. С точки зрения номинативной значимости ведущую позицию занимают имена существительные, выполняющие функцию собственно наименований. Ономасиологическая категория признака, атрибута, свойства является более дифференцированной и охватывает три знаменательные части речи, при этом глаголы и прилагательные «образуют разновидность одной широкой категории – признака, а внутри более узкой субкатегории атрибута выделяются категории признака или свойства как такового и категория признака признака» [там же, с. 59].

Считаем вполне обоснованным замечание Е.С. Кубряковой об особенностях функционирования грамматических и словообразовательных категорий, при этом «грамматические категории развивают общую идею предметности или признаковости и «субкатегоризируют», т.е. детализируют и дробят эту идею, словообразовательные (ономасиологические) категории продолжают начатое членение или создают новое. Но идти «вразрез» с общей идеей, заложенной в ЧР, они не могут» [238, с. 198].

Под термином номинация понимается «обозначение всего отражаемого и понимаемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [570, с. 324]. В словах как номинативных единицах языка содержатся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые

словами реальные или идеальные сущности [502, с. 120]. Традиционным считается мнение о том, что все сущности отражаемого сознанием мира делятся на вещи и признаки (атрибуты). Ученые-лингвисты, в частности, Н.Д. Арутюнова, Л.М. Васильев предлагают разделение полнозначных слов и частей речи на предметные и признаковые. Имена прилагательные выражают широкий круг свойств, качеств, явлений, отношений, характеризующих предметы. Значение признака – это категориальное классифицирующее значение, которое соотносится с определенным способом познания мира. Специфика же атрибутивной номинации состоит в том, что имена прилагательные обладают некоторой второстепенностью в системе частей речи и являются производными единицами, обозначающими признак в широком понимании, который мыслится в отвлечении от предмета, явления, вещи. Классификация разрядов имен прилагательных не получила однозначной интерпретации в трудах современных лингвистов. Этой проблеме посвящены работы А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Н.Д. Арутюновой, М.В. Никитина и других ученых.

В.В. Виноградов писал, что «имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определительный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи» [79, с. 157]. Определяя грамматическую категорию признака, являющегося квинтэссенцией имени прилагательного как части речи, ученый утверждал, что основные «грамматические формы прилагательного (род, число, падеж) не выражают никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения согласуемого признака» и являются «формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования» [там же, с. 151]. Пассивность признака заключается в точном следовании грамматических категорий имени прилагательного таким же категориям имени существительного.

Следует отметить, что имя прилагательное, называя признак предмета, показывает зависимость от имени существительного не только по своим формальным характеристикам, указанным В.В. Виноградовым.

По мнению Н.Е. Сулименко, «целостность, многопризнаковость значения производящего имени порождает комплексность соотносительных значений относительных прилагательных, сопровождаемых словарной пометкой «относящийся к …» [454, с. 69]. В нашем исследовании значение «относящийся к…» отмечается преимущественно у единиц деривационного композитостроения, демонстрирующих мотивационные отношения между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом, например, ***русский язык*** / ***русскоязычный***: *Основная масса китайцев не знала* ***русского языка*** (СН, 15.08.2014); *Это будет культурный сепаратизм* ***русскоязычной*** *интеллигенции* (СН, 8.07.2014); ***Черное море*** / ***черноморский***: *Силы Турции в* ***Черном море*** *не просто сопоставимы, а в некоторых случаях превосходят силы РФ* (СН, 4.03.2014); *Главный* ***черноморский*** *курорт страны Батуми подарит гостям незабываемые впечатления от прогулок по приморскому бульвару* (Отдохни, № 27, 01.07.2014); ***убирать снег*** / ***снегоуборочный***: *Они выспятся, они будут за зайцами бегать, а ты, имей в виду, будешь до обеда* ***убирать снег*** (Андрей Дмитриев. Воскобоев и Елизавета (1992); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Мимо, широко загребая лапами, ходил* ***снегоуборочный*** *комбайн* (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***внешняя политика*** / ***внешнеполитический***: *Он стал членом Политбюро и уже не только исполнял, но и делал и даже диктовал* ***внешнюю политику*** *страны* (СН, 15.08.2014); *Сие событие искусно вплетено в российскую* ***внешнеполитическую*** *риторику* (МК в Донбассе, 18-25 февраля 2016).

Дальнейшая семантическая дифференциация происходит уже «на собственно лексическом уровне с выделением базисных признаков, отражающих заинтересованность человека в тех сторонах вещи, обозначенной исходным

существительным, которые важны прежде всего для операций … с нею» [там же, с. 69].

Учитывая крайнюю неоднородность семантического значения имен прилагательных, ученые-лингвисты пришли к выводу, что наиболее универсальным является их деление на два разряда – относительные и качественные. Рассматривая процессы формирования категориальной основы имен прилагательных, А.А. Потебня отмечал, что «по мере того, как связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности» [372, с. 527].

А.М. Пешковский указывал на потенциальную качественность любого относительного прилагательного и вторичность для его значения оттенка предметного отношения, что приводит к разграничению в структуре имен прилагательных разных типов языковой семантики, в т.ч. лексической и словообразовательной [352, с. 83].

Как справедливо замечает Е.А. Макарова, «понятие «лексико-семантические разряды, несомненно, отражает один из важнейших этапов категоризации действительности, оказываясь наиболее приближенным и тесно связанным с собственно языковым ее характером» [279, с. 185]. Она усматривает в семантике как в способе отражения мира в языке перспективу исследования качественных и относительных имен прилагательных, полагая, что они являют собой разные способы моделирования и репрезентации признаков, свойств, качеств объектов внеязыковой действительности. Коммуникативная функция имен прилагательных реализуется в языке двумя способами – атрибутивным и предикативным. Атрибутивная функция присуща как качественным, так и относительным прилагательным, в то время как предикативная функция реализуется только качественными прилагательными. Говоря же о семантической границе между двумя типами имен прилагательных, автор отмечает ее условность и размытость, указывая при этом на перспективу развития значений качественных

прилагательных относительными и наоборот. Близость в значении качественных и относительных прилагательных исследователь объясняет присутствием единого, принципиально нелимитируемого концепта *качество*, «различные концептуальные признаки которого находят свое отражение в семантике различных лексико-грамматических разрядов прилагательного» [там же, с. 189].

По мнению С.А. Виноградовой, «относительные прилагательные, являясь результатом перекатегоризации исходного имени, сохраняют категориальную мобильность и легко подвергаются дальнейшей перекатегоризации – переходу к обозначению автономного признака, т.е. в разряд качественных» [82, с. 60].

Т.А. Корнеева считает «надуманной» общепринятую точку зрения о качественных и относительных прилагательных, полагая, что «в поэтической речи все прилагательные качественные, так как она строится на синкретичности семантики слова» [214, с. 41]. Более того, ученый считает веским доводом «легкость образования сложных прилагательных с качественными и относительными компонентами, объединяющимися в единое семантическое («качественное») целое», ссылаясь при этом на мнение В.М. Маркова, который отмечал чисто словообразовательные различия между этими двумя разрядами [288, с. 10].

1.3.2. Имя прилагательное как атрибут актанта. Современная концепция определения частеречного статуса имени прилагательного обращена к факту существования в пределах предложения трех синтаксических функций, получивших названия актант, предикат, атрибут. В.А. Баранов полагает, что «имя прилагательное как особая часть речи, как категория парадигматическая еще не сформировалось окончательно» [35]. По мере становления прилагательного «как части речи в процессе закрепления регулярного противопоставления членных форм нечленным как атрибутов предикатам», по мнению ученого, все более возрастает «семантическое отдаление прилагательного как признакового имени от существительного и субстантивата как субстанциальных имен» [там же]. Свою роль при этом играет «окачествление» все большего количества членных

образований, у которых общеграмматическое значение отношения постепенно стирается.

А.П. Володин считает бесспорным отсутствие у прилагательных «собственной формы (собственных грамматических категорий), в отличие от имени (род, число, падеж и т. д.), глагола (реалис / ирреалис, аспект, лицо-число и т. д.) и даже наречия (отсутствие собственных категорий)» [88, с. 40]. Категория сравнения, по мнению ученого, является формальной принадлежностью атрибута как синтаксической функции, а не наречия или прилагательного, вот почему «прилагательные», в зависимости от языковой системы, по формальному параметру ведут себя либо как (a) имена, либо (b) как глаголы, либо (c) как наречия. Объединять все перечисленные словоформы в некоторый единый класс (прилагательное) предлагалось неоднократно, но предлагаемые учеными основания для этого были формальны. С типологической же точки зрения все эти словоформы объединяются в одну группировку потому, что все они выполняют одну функцию: атрибут актанта (Atr2). А.П. Володин отмечает, что функциональная определенность безусловно присуща именам прилагательным наряду с отсутствием формальной самостоятельности и семантической избирательности [там же, с. 43]. Для нашего исследования, в основе которого лежит ономасиологический подход к изучению языковых единиц, считаем важным замечание о том, что образование словоформ возможно от «корней любой семантики: признаковой, предметно-вещественной и дейктической» [там же, с. 43].

О.А. Шитц разделяет мнение А.П. Володина о существовании в пределах предложения трех синтаксических функций – предикат, актант, атрибут, который, в свою очередь, делится на атрибут предиката и атрибут актанта: «Словоформы группировки обладают функциональной определенностью и семантической избирательностью; они обозначают первичный качественный признак; формальная самостоятельность отсутствует» [556, с. 9]. При этом формальная самостоятельность атрибутов актанта может быть реализована лишь в категории сравнения. Автор позиционирует относительные имена прилагательные как

атрибутивные словоформы предметно-вещественной семантики, отмечая, что в функции определения данные единицы совпадают по оформлению с показателями атрибутивных словоформ качественной семантики: *большой – большая – большое, золотой – золотая – золотое* [там же, с. 10].

Развивая идею категоризации частей речи, В.И. Теркулов предлагает разделить их на четыре группы: 1) знаменательные (актанты и гештальты), 2) вспомогательные (атрибуты актантов и атрибуты гештальтов), 3) служебные, 4) модальные. Согласно данной классификации, имена прилагательные относятся к вспомогательным частям речи и выполняют функцию атрибута актантов. Как справедливо полагает ученый, «вспомогательные части речи конкретизируют лексические значения знаменательных глосс, актуализируя те или иные референтные слоты концептов, связанных с этими глоссами через номинатему» [476, с. 326]. Согласимся с тем, что «на речевом уровне номинативную функцию, следовательно, выполняют слово, словосочетание, сочетание служебного и знаменательного слов, которые мы называем речевыми глоссами языковой номинативной единицы» [468, с. 149]. В то же время ученый ставит под сомнение возможность ее обозначения терминами, указывающими на моновербальный характер (слово, лексема и т.п.), поскольку даже единицы, реализующие в речи слово, могут не совпадать с ним по протяженности. К тому же наличие надсловных образований (коллокаций, фразем), тождественных словам с точки зрения функционирования и реализации, приводит к необходимости замены термина моновербального типа для именования основной номинативной единицы языка на термин номинатема, который «обозначает любую её языковую разновидность, объединяющую глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности» [там же, с. 149].

Взгляды современных ученых-лингвистов идут некоторым образом вразрез с базовыми лингвистическими представлениями об имени прилагательном как основной части речи. Точное соответствие грамматических категорий имени прилагательного таким же категориям имени существительного позволяет говорить не только о формальной зависимости прилагательных, но и о некоторой

второстепенности адъективов в системе частей речи. Считаем справедливым утверждение о том, что прилагательные, в т.ч. сложные, выполняют в предложении функцию атрибута актанта. Как вспомогательная часть речи, имя прилагательное служит конкретизации лексических значений знаменательных глосс и актуализации референтных слотов концептов, связанных с этими глоссами через номинатему.

1.4. Определение референтного потенциала имен прилагательных

1.4.1. Реализация референтной функции различными частями речи. Проблема референтности имен прилагательных является одной из самых спорных в современной лингвистике. Теория референции, изучающая проблемы соотнесенности языковых знаков и объектов внеязыковой действительности, а также ее понятийный аппарат были разработаны с позиций логико-философского подхода к языку. В работах зарубежных и отечественных лингвистов, затрагивающих вопросы статуса адъективов, предпринимались попытки определения референтного потенциала данного класса слов. Несмотря на множественность научных подходов к данной проблеме пока еще не существует убедительного мнения о том, насколько референтными могут быть имена прилагательные. В толковании референции ученые придерживаются двух противоположных точек зрения:

1. Референция – это функция, которая позволяет лингвистическим знакам отображать экстралингвистическую действительность, при этом говорящие должны уметь обозначать предметы, которые ее составляют;

2. Референция понимается как способ обозначения концептов.

Наиболее дискуссионным является вопрос о референтности языковых единиц, а именно «обладают ли способностью осуществлять референцию все лингвистические единицы, только существительные или исключительно именные синтагмы (группы)» [176, с. 90]. Л.А. Иванова описала теории многих зарубежных лингвистов и отметила позиции Дж. Милля [597] и Ж. Клейбера [592], который говорит о референции всех лексических единиц и

очерчивает их референциальный статус. В то же время Дж. Милль полагает, что всякое языковое выражение обладает референциальной способностью, поскольку оно обозначает один или несколько предметов действительности. Под термином «вещи» он группирует предметы и их атрибуты, отношения и качества, считая при этом, что всякая лексическая единица (белый, белизна, лошадь, бегать) предполагает существование соответствующих референтов. Ж. Клейбер высказывает мнение о том, что лексические единицы обладают референциальной функцией вовсе не потому, что являются именами, а потому, что данная функция обусловлена существованием концептуального референта [там же, с. 91].

В современной лингвистике существует понятие двух уровней референции – *виртуальной*, предполагающей наличие внутренних потенциальных референциальных свойств лексических единиц и *актуальной* референции в речевых актах, осуществляемой говорящими. Л.А. Иванова делает вывод о том, что «виртуальная референция есть отражение в смысловом содержании слов условий их соотнесения с объектом действительности» [176, с. 91]. Многие лингвисты считают, что все лексические единицы, имеющие различную частеречную принадлежность, предполагают наличие соответствующих референтов – свойств, действий, состояний. При этом все они отмечают бесспорное доминирование имен существительных в реализации референтной функции, поскольку только существительные обозначают объекты, а прилагательные и глаголы обозначают соответственно качества (или свойства) и действия (или процессы).

Е.С. Кубрякова полагает, что «глаголы и прилагательные по своей внутренней семантической природе достаточно широки и неопределенны, и область их референции имеет весьма расплывчатые границы» [230, с. 111], при этом область референции существительных более определенна за счет установления прямых связей с миром действительности. Л.А. Иванова предлагает трактовать референцию «как актуализацию, которая характеризует высказывание и является органической частью акта речи» [176, с. 92]. Ученый также полагает, что все виды отношений языковых знаков и выражений с действительностью

являются референциальными, а референцию возможно производить «к объекту, лицу, событию, процессу, месту, опредмеченному признаку» [там же, с. 93].

Подобного мнения придерживаются лингвисты Л. Линский [257] и Е.В. Падучева [343], которые нереферентность признаковых слов традиционно связывают с пониманием референции как свойства языковых единиц устанавливать денотативно-идентифицирующую соотнесенность с объектами обозначения, т.е. конкретными материальными предметами и лицами. Этими выражениями являются только предметные имена и особым образом актуализированные в коммуникативном акте языковые знаки [257, с. 161-163; 343, с. 8]. Признаковые же слова «определяются как выражения, не имеющие в материальном мире денотата обозначения, а, следовательно, как нереферентные» [369, с. 53]. В.И. Теркулов полагает, что говорить о концептуальном значении признаковых слов не представляется возможным, «это единицы, явно настроенные только на актуализацию сем при денотации субстантивных номинатем» [468, с. 114].

1.4.2. Референциально-прагматический подход к изучению прилагательных. В то же время современные лингвисты говорят о недостаточности традиционной (узкой) трактовки понятия референции, в частности референции имен прилагательных. Проблема заключается в том, чтобы «выявить у них свойство референции, наличие которого у них на фоне расширенной версии референциальной теории (в ее прагматически ориентированном варианте) не вызывает сомнения» [369, с. 55]. С.В. Постникова исходит из того, что идеальным референтом выступает не только представление, но также экстенсионал и интенсионал понятия, являясь при этом сторонами концептуального порядка и обладая надъязыковым характером. Обе стороны понятия существуют как предметы обозначения и описания, сохраняют диалектическое единство и являются прочно связанными. Ученый указывает на то, что у признаковых понятий цвета (прилагательные-колоративы – Л.С) легко выделяется признак как «самостоятельный предмет, а дискретность цветовых

признаков и их нюансирование поддерживается связью с определенными классами предметов» [там же, с. 55]. Считаем важным заметить, что для когнитивного подхода достаточно важным является «учет фактора субъективности восприятия мира» и необходимость опираться на естественные категории, обусловленные «опытом взаимодействия человека с окружающей средой и его мыслительными способностями» [140, с. 162]. Идея соотнесения цвета с его эталонным носителем является квинтэссенцией известной когнитивной теории А. Вежбицкой [74], по мнению которой цвета в языке не абстрактны, они демонстрируют связь с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом.

Проанализировав прилагательные-колоративы и оперируя понятием «концепт цветообозначения», мы соотнесли цветовые концепты с фрагментами человеческого опыта и мыслительной деятельности. Универбализационные композиты демонстрируют полную семантическую тождественность с производящим словосочетанием, например, *жемчужно-белый – белый, как жемчуг, лимонно-желтый – желтый, как лимон, пепельно-серый – серый, как пепел*: ***Серый, как пепел****, лежит на обочинах снег* (http://www.stihi.ru/2008/06/27/1956); *Мягкая цветовая вариация* ***пепельно-серого*** *и черного цветов идеально подойдет для осени!* (http://springo.com.ua›jenshinam/jenskaya-odejda…no-**seroe**/). Когнитивный подход к изучению комплексных единиц, которыми являются композиты-колоративы, позволил нам описать их как структуры, содержащие информацию об окружающем мире в системном и упорядоченном виде. Таким образом, мы уверенно заявляем об абсолютной референтности колоративов ввиду выявления их концептуальной природы.

При попытке определить область референции производного слова Е.С. Кубрякова пользуется понятием двойной референции – «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [230, с. 10]. Первое свойство «отражает наличие у производного слова индивидуального лексического

значения», второе же «указывает на источник этого значения и особую форму его существования» [там же, с. 10]. Ученый усматривает возможность семантического описания производных слов в отсылке к первичным для них знакам и даже в создании так называемой «системы типовых отсылок». По мнению Е.С. Кубряковой, «референтная самостоятельность выступает как следствие перцептуальной отдельности и выделенности некоторых объектов (лиц, предметов, физических тел), а также их частей (атрибутов) [238, с. 226]. Имена прилагательные служат для параметризации аргументов в построении высказывания: «прилагательные детализируют или ограничивают, уточняют или специфицируют, то есть модифицируют представления об актантах, внося свой вклад в их идентификацию и описание» [там же, с. 227]. Интересным представляется мнение С.Н. Постниковой, которая указывает на референциально-прагматический статус прилагательных [370, с. 12]. Она настаивает на необходимости включения в понятие предметности также предметности мысли, в т.ч. качества и отношения. Когнитивный подход предполагает включение концептов в понимание референтности имен прилагательных, что напрямую связано с относительной автономностью ментальных репрезентаций (представлений, понятий) и их языковой привязки.

Многие ученые сходятся во мнении, что связь имени прилагательного с именем существительным является более прочной, чем это демонстрируют формальные показатели. Согласимся с мнением Н.Е. Сулименко, что «обращенность имен прилагательных к миру в процессах его концептуализации происходит не непосредственно, а обусловливается языковыми механизмами интерпретации признаков: зависимостью от имени существительного, имплицитными указаниями на присутствие познающего мир субъекта и его деятельность с объектами» [454, с. 73].

С точки зрения когнитивной лингвистики все части речи образуют свои концепты. Е.С. Кубрякова полагает, что «статус каждого лексического класса в системе языка предопределен когнитивными основаниями его существования и функционирования, то есть зависим от того, с представлениями о каких типах

человеческой деятельности он связан и в каких актах восприятия мира и языка рождался тот квант знания, который объективирован относящимся к этому классу словом» [236, с. 218]. Относительные прилагательные относятся к общей категории прилагательных ввиду признакового характера их семантики, «признаки относительных прилагательных … находятся в сознании на пересечении знаний о мире и знаний о языке, актуализируя в речи потенциальные признаки онтологического предмета; их частеречная характеристика накладывает отпечаток на их функционирование в речи, на формирование соответствующего концепта» [82, с. 57]. В то же время имена прилагательные могут рассматриваться как «номинативное поле классификационных признаков иных концептов предметного характера», двойственность природы относительных прилагательных всегда ставит под сомнение возможность их отнесенности к определенной части речи [там же, с. 58]. Частеречная когнитивная характеристика концепта прилагательного состоит, по мнению С.А. Виноградовой, «в его признаковости, способности обозначать признак, который тем или иным образом выражен языком через частеречные аффиксы, место в предложении, в атрибутивной цепи, через присутствие морфологических характеристик, таких как степени сравнения или, в русском языке, наличие кратких форм». Автор признает способность всех прилагательных, включая относительные, «актуализировать признаковый концепт в сознании», с той лишь разницей, что относительный признак дольше формируется, т.к. относительные прилагательные «обращаются к концепту, актуализируемому исходным существительным, вызывая в сознании те когнитивные признаки, которые релевантны для данного языкового употребления» [там же, с. 59].

Таким образом, не существует однозначного решения проблемы референтности имен прилагательных. Традиционная трактовка относит их к нереферентным языковым единицам, делая исключение лишь для прилагательных-колоративов, значение которых связано с реализацией концепта «цвет». В современной лингвистике существует вполне определенная тенденция к выявлению референтного потенциала у имен прилагательных, учитывая

когнитивные механизмы анализа адъективов и наличие прочных связей с производящими именами существительными, являющимися абсолютно референтными в системе любого языка.

1.5. Типы атрибутивных конструкций

1.5.1. Понятие об атрибуте. Способы выражения атрибутивных отношений. Под атрибутом в широком смысле понимают необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта или явления. Атрибут обозначает какой-либо признак предмета, т.е. «выражает не свой собственный признак, а признак другого имени» [296, с. 148] и всегда выступает зависимым членом при определяемом имени. Конструкции, содержащие атрибут, имеют одну общую синтаксическую особенность – они никогда не относятся к сказуемому и не имеют определенного места в схеме предложения. По мнению лингвистов, атрибут можно считать «частью члена предложения», либо вообще не считать самостоятельным членом предложения, причем «как в формально-грамматическом отношении, так и в смысловом» [135, с. 241].

По мнению Н.А. Дьячковой, несамостоятельность атрибутов-определений объясняется тем обстоятельством, что «их значение полностью поглощается значением определяемого слова», вследствие чего определения «не могут претендовать на роль таких компонентов, которые могли бы внести существенные изменения в структуру предложения» [там же, с. 242]. Специфика атрибутивного сочетания заключается в тесном смысловом единстве, которое позволяет определять всю конструкцию как номинативный комплекс, когда атрибут «преследует цели лексической актуализации субстанционального значения, его экстенсионального уточнения» [197, с. 158]. Семантика атрибута нацелена на «актуализацию виртуального понятия об объекте в именной группе» и «раскрывает существенные признаки, данные в предметной основе» [212, с. 197].

По мнению Л.Д. Тарасовой, грамматическая и семантическая зависимость прилагательного от существительного указывает на первичность атрибутивной функции и вторичность предикативной [457]. С другой стороны,

В.В. Богданов [48], А.А. Малышева [284] считают атрибутивное сочетание потенциально тяготеющим к предикативной конструкции и являющимся единицей «вторичной предикативности». Ученые, вслед за В.В. Виноградовым [80], указывают на взаимообратимость этих отношений и возможность трансформации атрибутивных сочетаний в предикативную конструкцию. При этом не всегда возможной представляется обратная трансформация из предикативной конструкции в атрибутивную, поэтому «предикативную связь следует признать генетически исходной» [212, с. 197]. Семантическая и синтаксическая близость атрибутивного признака с именем, по мнению ученого, не является «основанием считать атрибутивные отношения первичными» [там же, с. 197], для актуализации признака в атрибутивном типе связи его необходимо «вычленить из предметной основы» (Это яблоко – Это яблоко (есть) зеленое – Это зеленое яблоко). Е.С. Кубрякова относит атрибутивные отношения между именем и его определителем к сфере малого синтаксиса, который занимается «типами связей внутри непредикативных синтагм», но делает поправку «…или, возможно, внутри синтагм, предикативные связи между членами которых существуют лишь в виде скрытой, или латентной предикации» [232, с. 107].

Мы выделяем два типа атрибутов – простые (*девушка с веслом, красивая девушка*) и сложные (*зеленоглазая красавица, красавица с зелеными глазами*). В функции определения могут выступать не только имена прилагательные, но и имена существительные. Синтаксической моделью для выражения атрибутивных отношений чаще всего выступает сочетание «прилагательное + существительное», такие атрибутивные конструкции «называются адъективными атрибутивными группами, т.к. функцию атрибута выполняет прилагательное» [417, с. 245]. В любом словосочетании с конкретным именем «лексическое значение существительного содержит в себе сему, указывающую на возможность или необходимость признака, которая реализуется с помощью зависимого компонента – прилагательного» [там же, с. 249].

И.И. Ковтунова выделяет атрибутивные и субстантивные словосочетания, т.е конструкции типа «прилагательное + существительное» и «существительное + существительное» [207, с. 100]. Она указывает на большую значимость имен существительных в атрибутивных словосочетаниях (*белые лилии*, *на зеленых блюдах*, *слабый свет*), в то время как в субстантивных словосочетаниях «более сильное ударение несет на себе зависимая предложно-падежная словоформа*: приклад ружья*, *загон для скота*, *куча листьев*, *вдоль берега реки*» [там же, с. 100]. Это один из самых продуктивных способов выражения атрибутивных отношений в русском языке, когда происходит распространение имени существительного как главного компонента словосочетания именами существительными в родительном падеже и в косвенных падежах с предлогами, подобные словосочетания выражают отношение посессивности: *дом отца*, *дневник друга*, *записки изобретателя*.

Еще Г.П. Павский в своих «Филологических наблюдениях над составом русского языка» обратил внимание на факт существования таких пар слов, как *писчая бумага – бумага для письма*, *деревянный стол – стол из дерева*, *весенний месяц – месяц весны* и указал на возможность развертывания относительных прилагательных в существительные. С его точки зрения, понятия о происхождении и разных отношениях вещей могут выражаться «посредством падежей, предлогов и взаимного сочетания имен существительных», поэтому «многие прилагательные могли бы и не существовать в языке» [342, с. 1-2].

В русском языке в прилагательные превратились имена существительные в родительном падеже, «когда ими выражается присвоение лицам или животным», например, *Петров дом*, *Иванова лошадь*, *лисицина нора*. Традиционное название *притяжательные* (лат. Possessiva) ученый предлагает изменить на *усвоительные*. Дальнейшее описание имен прилагательных Г.П. Павский осуществляет в двух направлениях, выделяя качественные и усвоительные единицы.

В словосочетании *дом отца* Е.С. Кубрякова констатирует наличие внутренне выраженной связи, соответствующей по своему значению атомарному отношению, – атомарного предиката «принадлежать» [232, с. 119]. Это некоторым

образом подтверждает точку зрения А.А. Шахматова, согласно которой «определительные отношения, характерные для приложений, близки к предикативным и, в известной степени, из них вытекают», ученый прямо связывал возможность для существительного выступать в определительной функции с его способностью употребляться в качестве сказуемого» [256, с. 398].

В русском языкознании XX столетия (Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов) притяжательные прилагательные, выражающие отношение одного предмета к другому, например, *гусиный* (*гусиное перо – перо гуся*), *верблюжий* (*верблюжий пух – пух верблюда*), *сестрин* (*сестрин муж – муж сестры*), предлагалось выделять в особую группу относительных прилагательных с учетом специфической семантики (значение принадлежности) и особенностей склонения отдельных типов таких слов [540, с. 128]. Лингвисты предлагали рассматривать относительные прилагательные как эквиваленты структур типа «существительное + существительное» (noun + noun constructions). Т.В. Веселкова вполне справедливо замечает, что относительные прилагательные «по природе своей статичны и ближе всего стоят к именам существительным, которые способны выполнить их синтаксические функции», они «обозначают признаки, устанавливаемые через отношения между предметами, семантика их, таким образом, непосредственно «соприкасается» со значением существительных» [6, с. 135].

Существует мнение, что относительные прилагательные не являются прилагательными вообще, если рассматривать данный класс слов с позиций наличия признака и выполнения признаковой (атрибутивной или предикативной) функции. Рассмотрим несколько точек зрения. Так, И. Бартнинг, П. Посталь считают относительные прилагательные дефектными прилагательными, псевдоприлагательными, т.к. они не выражают идею качества, а эксплицируют идею вещи, обозначенную исходным существительным; В.Г. Руделев называет их мимикрическими формами существительных; Л. Карлссон позиционирует указанные слова как неадъективные прилагательные (nonadjectival adjectives).

Обобщая все сказанное, М.В. Никитин считает атрибутивную синтаксическую функцию их единственной адъективной чертой [327, с. 243].

В.В. Виноградов считал качество семантической основой прилагательных, но в то же время причислил относительные прилагательные к синонимическим заместителям субстантивных и адвербиальных определений [78, с. 176]. Изучение денотативно-сигнификативного статуса прилагательных позволило сделать вывод об отсутствии у прилагательных собственных денотатов (они описывают денотат определяемых существительных и являются сигнификатом). Природа же относительных прилагательных указывает на наличие у них денотата, что позволило ученым отнести их к вещным словам в отличие от качественных, являющихся признаковыми [82, с. 58]. По мнению Г.М. Шипицыной, «семантико-денотативный потенциал имен прилагательных русского языка … зависит не только от круга определяемых прилагательным существительных, что обусловлено кругом номинируемых существительными референтов, но и от деривационной истории самого слова-прилагательного» [553, с. 67]. Ученый указывает на наличие предметно-вещественного содержания денотата для производных имен прилагательных, мотивированных именами существительными, именно так она определяет относительные прилагательные. Считаем важным замечание С.А. Виноградовой о наличии разницы между относительными прилагательными и сходными с ними атрибутивными существительными, т.к. «признаковый характер относительных прилагательных предполагает наличие такого компонента их значения, который отличает их от соответствующих атрибутивных существительных», это та «существенная черта концепта, который образован в результате концептуальной деривации от концепта, актуализированного исходным существительным» [82, с. 60].

Ученые-лингвисты сходятся во мнении, что генитивные словосочетания являют собой «особый тип именных групп», представляющих собой объединение слов «одного морфологического ряда» [38, с. 61]. Семантика русской генитивной конструкции такова, что опорное существительное всегда интерпретируется как реляционное и представляет собой реалию, находящуюся в отношениях с другой

реалией. Согласимся с тем, что «одной из основных валентностей существительного является способность соединяться с различного рода определениями, в том числе определениями, выраженными существительным в родительном падеже, которое подчинено управляющему компоненту группы – ядру генитивного словосочетания» [там же, с. 61]. Р.О. Якобсон отмечает метонимическую природу генитивных словосочетаний и полагает, что родительный падеж имеет значение исключения обозначенного им предмета из содержания высказывания или этот предмет может быть представлен только частично [572, с. 149]. Генитивная конструкция не всегда может быть обращена в атрибутивную, например, *ручка двери* трансформируется в сочетание *дверная ручка*, а *ножка стула* не имеет атрибутивного эквивалента.

В русском языке семантически сложными представляются структуры, именуемые «родительный части» и «родительный атрибутивный», например, А.Р. Лурия рассматривает два примера – *кусок хлеба и брат отца*. Словосочетание *кусок хлеба* выражает отношения между объектом и его частью, в то время как конструкция *брат отца* является сложной ввиду того, что выражает не два изолированных объекта (брата и отца) и не один конкретный объект (кусок хлеба), а обозначает третье лицо, неупомянутый в данной конструкции объект – дядю [269, с. 151].

Весьма перспективным в последние десятилетия считается способ образования новых слов путем сочленения двух новых существительных – *бизнес-клуб*, *фильм-концерт*, *президент-отель*, *конгресс-холл*. М.В. Костромина обозначила их термином биномины и пришла к выводу, что данная модель образования новых слов является весьма продуктивной, а сам феномен можно рассматривать как «развивающуюся в современном русском языке черту аналитизма» [219, с. 8]. В результате исследования подобных сочетаний ученый установил, что в случаях «существования изосемичных биномину сочетаний существительного с прилагательным, т.е. более традиционной для русского языка формы (например, *кабель-мачта и кабельная мачта*) предпочтение отдается биномину как более экономному названию, а устаревшим *идеалистический*

философ, медицинский студент соответствуют современные *философ-идеалист, студент-медик*.

А.А. Горбов заявляет об интенсивной экспансии данного языкового явления и определяет такие сочетания как русские именные композиты с атрибутивным элементом в препозиции к вершине, называя способ их образования «топ-методом экспресс номинации эконом-класса» [114, с. 26]. По мнению ученого, «эти образования представляют собой двухкомпонентные комплексы, второй компонент которых является самостоятельным существительным, а первый компонент – единицей, уровневый статус которой подлежит уточнению» [там же, с. 26]. К наиболее существенным признакам композитов ученый относит следующие:

1) композит состоит из двух компонентов, обладающих лексическими значениями;

2) связь между компонентами является подчинительной и носит атрибутивный характер;

3) главный компонент комплекса равен самостоятельному существительному;

4) зависимый компонент совпадает со словоформой или основой слова, при этом не является формой или основой прилагательного;

5) зависимый компонент находится в препозиции к главному;

6) зависимость не выражена никакими сегментными средствами.

А.А. Горбов делит все биномины на 5 групп. К первой группе относятся композиты с атрибутивным компонентом – существительным, заимствованным из английского языка, например, *шоу-программа*, *арт-ярмарка*, *веб-преступность*, *фитнес-зал*: ***Шоу-программы*** *должны быть согласованы со сценарием, в котором официальная часть плавно переходит в легкое веселье развлекательной программы, а официально-солидный тон – в непринужденную дружескую атмосферу* (http://oscar-event.com.ua/pages/corporative/show-program.html); ***Арт-ярмарка*** *Cosmoscow, оставшаяся единственной международной ярмаркой современного искусства в России после закрытия* «*Арт-Москвы*»*, объявила даты*

и место проведения смотра в этом году (http://art-and-houses.ru/2016/04/11/art-yarmarka-cosmoscow-vnov-projdet-v-gostinom-dvore-v-sentyabre/). Автор отмечает низкую словообразовательную активность данных единиц, поскольку от большинства основ невозможно или затруднено образование аффиксальных основ прилагательных, «причем не только в случаях типа *шоу-* или *спа-*, когда финаль основы не отвечает морфологическим требованиям имеющихся в русском языке суффиксов, но даже в тех случаях, когда система … должна позволять такую деривацию» как, например, в случае с «морфонологически допустимыми единицами – *артовый* / *артный директор*, *бизнесный* / *бизнесовый план*, *вебный сайт*, *гейный парад*, *хайтечный* / *хайтековый бизнес*» [там же, с. 30].

Вторая группа представлена композитами с атрибутивным компонентом, выраженным буквенной аббревиатурой или буквенным классификационным обозначением, записываемым латиницей или кириллицей: *А-класс*, *FM-диапазон*, *FTP-сервер*, *USB-порт*, *HR-менеджер*, *IT-специалист*, *VIP-зал*: *Леонид Волков*, ***IT-специалист*** *и оппозиционер, член федерального политсовета партии ПАРНАС, эксперт* «*Фонда борьбы с коррупцией*» *уверен, что необходимо больше полномочий и денег передать регионам, чтобы разрушить монополию на власть* (http://expert.ru/russian_reporter/2016/11/vremya-partij/media/285538/); ***VIP-зал*** *очень подходит для организации вашей личной встречи, где конфиденциальность гарантируется абсолютно* (http://www.tiranainternational.com/portal/index.php/RU/conference-centre/vip-room).

Словообразовательная активность аббревиатур так же невелика, как и в случае с композитами первой группы, но «производные прилагательные, образованные от аббревиатур, например, *айтишный*, *пиарный* / *пиаровский*, всегда стилистически маркированы и не обладают «терминологичностью» сокращений-компонентов композитов» [там же, с. 32].

К третьей группе ученый относит композиты с атрибутивным компонентом – заимствованной из английского языка предложной группой с адвербиальным значением *онлайн*(*он-лайн*), *оффлайн*(*офф-лайн*), которые легко образуют неизменяемые прилагательные *онлайновый и оффлайновый – онлайновое издание*,

оффлайновый вариант: *Появляются интересные массовые* ***онлайн-*** *и мобильные проекты в различных образовательных нишах* (Айнур Абдулнасыров. Полтора года спустя // «Эксперт», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В полном согласии с законами рынка они выстраивают* ***онлайновый*** *детектив, проводят свое расследование, обращаются к людям, владеющим знаниями и рычагами воздействия на событие* (Валерий Кичин. Экран-Потрошитель. Теленеделя (2002) // «Известия», 2002.08.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Исследования также показали, что грамотный баланс между* ***онлайн-*** *и* ***оффлайн-рекламой*** *принесет наибольшую* отдачу от вложений (Преимущества всемирной паутины (2003) // «Рекламный мир», 2003.04.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Ключевым преимуществом нашей* ***оффлайн системы*** *ДБО является то, что клиент получает такой же полный функционал, как и в онлайн-версии системы* «*ИнтернетБанк-Клиент*» (Андрей Возмилов. Дистанционные каналы банковского обслуживания для корпоративных клиентов // «Эксперт», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Четвертая группа образована композитами с атрибутивными компонентами *интим-*, *элит-*, *эконом-*, *штрих-*, например, *интим-сервис*, *элит-класс*, *эконом-такси*, *штрих-код*. Своеобразие данной группы заключается в том, что атрибутивные компоненты не являются новыми заимствованиями из английского языка, а образованы от существующих в русском языке прилагательных с давно заимствованными корнями способом нулевой суффиксации при образовании имен существительных: *интимный – интим*, *экономный* (*экономичный*, *экономический*) *– эконом*, *элитный – элит*, *штриховой – штрих*: *А в Сочи местный распространитель ТВЦ во время трансляции бегущей строкой рекламировал* ***интимные услуги*** (Ксения Веретенникова. Минпечати предупреждает. Чиновники решили проверить Интернет на вшивость (2001) // «Известия», 2001.11.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В СМИ появилась информация, что Оксана могла быть причастна к бизнесу по оказанию* ***интим-услуг*** *для обеспеченных людей*

(Вероника Кочина. За кулисами гламура // «Криминальный отдел», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Тем, кто предпочитает* ***эконом-класс****, подойдет* «*Русский дворик*» (Юлия Макеева. Смоленск // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Супруг недолго думая выбрал второй – более* ***экономный*** *– вариант* (Вот, например (1997) // «Столица», 1997.07.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

А.А. Горбов позиционирует данную модель как «престижную новую модель построения именных композитов, в которых используется «атрибутивный элемент субстантивной породы» [114, с. 34]. Пятая группа биноминов определяется как периферийная, включающая «штучные» композиты с аппозитивным элементом – именем собственным: личным именем, коммерческим наименованием или русским неизменяемым словом. В эту группу входят композиты *Горбачев-фонд, Вивальди-оркестр, Русь-банк, Низорал-шампунь*, «*КАК-типология*», «*И, а не ИЛИ-принцип*», при этом сами композиты и их атрибутивные / аппозитивные компоненты «сами по себе не являются заимствованиями из английского языка, однако такие комплексы представляют собой результат имитации структуры принятых в английском языке названий организаций, банков, товаров: *the Rockefeller Foundation, Glenn Miller Orchestra, Ocean Lift Shampoo, Chase Manhattan Bank, Citibank*, также они именуют методы работы и подходы к решению проблем «*yes / no question, can-do-approach*» [там же, с. 34]: ***Горбачев-фонд*** *не попал под опеку к группировкам российских элит, он оказался в равной степени дистанцирован и от* «*семейных*» *олигархов, и от призыва питерских бюрократов* (Орхан Джемаль. Атака на Горби (2003) // «Новая газета», 2003.01.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); «***Вивальди-оркестр***» *– коллектив, единственный в своем роде на российской сцене*: *в его составе только представительницы прекрасного пола* (http://saratovdrama.com/repertoire/vivaldi/).

Ученый заявляет о формировании в русском языке новой модели образования сложных номинативных единиц – «именных комплексов с

вершинным существительным и несогласованным препозитивным определением, выраженным элементом неясной (предположительно, промежуточной между основой и самостоятельным словом) уровневой принадлежности», при этом «отпадает необходимость образования прилагательных путем аффиксальной деривации, что дает значительную экономию языковых средств в плане выражения» [там же, с. 35]. Модель весьма удобна для использования в русском языке из-за отсутствия необходимости «эксплицировать семантические связи между главным и подчиненным компонентами комплекса». Признавая большое влияние английского языка на словообразовательные процессы в русском языке, Н.А. Самыличева также отмечает наличие атрибутивных моделей, представленных «агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения» [398, с. 297], например, *поп-принцесса, гей-войско, копи-чудо, Интернет-выпад* и др. Ученые сходятся во мнении, что образованные по данной модели композиты обнаруживают сходство со словосочетаниями, но основным отличием «таких композитов от обычных для русского языка сочетаний слов является цельнооформленность композитов» [114, с. 36].

1.5.2. Компрессивное словообразование. Согласно классификации В.В. Виноградова, все словосочетания, в т.ч. атрибутивные, можно разделить на простые и сложные. К простым атрибутивным сочетаниям относятся двусловные конструкции *синее небо, простые люди*, к ним же семантически примыкают трехсловные словосочетания, в которых «определительная часть представляет собой семантически неделимое словосочетание с целостным смысловым содержанием: *человек острого ума, девушка скромного поведения*» [525, с. 250]. Принцип построения сложных словосочетаний заключается в комбинированности различных связей между главным и зависимыми словами – *красивая лампа с абажуром* (согласование + управление).

Н.В. Юдина предлагает вычленять среди сочетаний «прилагательное + существительное» особые структуры – атрибутивно-субстантивные комплексы,

которые являются промежуточными единицами между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Ученый полагает, что АСК существуют в сознании носителей языка в виде «целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», в большинстве своем не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях индивида» [567, с. 247].

Атрибутивная конструкция является по своей сути словосочетанием, в основе которого лежит понятийная категория атрибутивности. Д.А. Синкевич, опираясь на мнение В.В. Бурлаковой, трактует словосочетание как «обозначение любой свободной синтаксической группы, основанной на подчинении или на сочинении, а также предикативные структуры и предложные сочетания» [417, с. 242]. Как любая понятийная категория, атрибутивная конструкция имеет полевую структуру, в пределах которой можно выделить ядро и периферию. Так вот ядром понятийной категории атрибутивности является «выражение этой категории с помощью различных грамматических категорий прилагательного, так как прилагательные наиболее часто и регулярно образуют атрибутивные конструкции» [там же, с. 241].

Именно в области прилагательных «наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека, благодаря которой признак, свойство, качество, составляющие неотъемлемую сущность предмета, мыслятся в отвлечении от него» [382, с. 11]. На периферии находятся грамматические категории других частей речи, являющиеся определением в атрибутивном словосочетании, однако не все прилагательные (их грамматические категории) являются ядром понятийной категории атрибутивности ввиду того, что некоторые из них реализуются не в атрибутивной, а в предикативной функции. Ядро категории атрибутивности составляют две категории – категория количества (сколько) и категория качества (каков). Обобщив учение Аристотеля о связи языка и мышления, Э. Бенвенист сделал вывод о том, что указанные категории соответствуют классу прилагательных в лингвистике [42, с. 111].

Д.А. Синкевич пишет о таких случаях в языке, когда «атрибутивные отношения, по сути, есть, вычленяются, а словосочетания нет», речь идет об «атрибутивных композитах», которые еще называются «сложными атрибутивными словами» [417, с. 246]. Л.Г. Березовская пишет о том, что «соотношение форм атрибутивного словосочетания и сложного атрибутивного слова до сих пор не находит единого мнения у исследователей», так как имеются «утверждения об их полной синонимичности в тексте, о возможности их якобы полной взаимозаменяемости, о неограниченных возможностях их взаимного трансформирования как конкурирующих форм» [43, с. 33]. Принимая во внимание структуру атрибутивных словосочетаний, ученый определяет их как «многословную атрибуцию имени», а атрибутивные композиты как «однословную атрибуцию имени» [там же, с. 32]. Д.А. Синкевич описывает внутреннюю структуру атрибутивных композитов как повторение «структуры атрибутивного сочетания, так как опять же выделяется несколько корней, каждый из которых имеет свой смысл, а в сочетании образуют свернутую атрибутивную группу» [417, с. 246]. Он предлагает назвать атрибутивные композиты «сиамскими близнецами, сросшимися до такой степени, что отдельное их существование невозможно, ибо это уже будут по отдельности части слова, а части слова не имеют самостоятельного значения». Однако, признавая «равенство атрибутивных словосочетаний и атрибутивных композитов с точки зрения их способности выражать категорию атрибутивности и приписывать некую атрибуцию имени», автор не постулирует «их взаимозаменяемость и равное семантическое значение» [там же, с. 246]. Полагаем, что универбализационные композиты убедительно доказывают полную тождественность исходных словосочетаний образованным на их базе композитам.

Композиты вообще и атрибутивные в частности ставят перед лингвистами проблему описания способов возникновения и существования однословных (усеченных, компактных, цельнооформленных) языковых единиц. В современной лингвистике одним из проявлений тенденции к экономии языковых средств является компрессивное словообразование, языкознание рассматривает «принцип

экономии как важнейший принцип, регулирующий функционирование языковой системы и, в частности, определяющий соотношение между грамматикой и словарем: нерегулярные языковые формы экономнее хранить в словаре, не порождая их каждый раз по уникальным формулам» [436, с. 105].

С.Ж. Нухов заявляет о том, что компрессивное словообразование является нетипичным для русского языка способом создания новых слов, «в английском же языке этот тип словосложения, при котором словосочетания разной структурной композиции функционально приравниваются к словам и приобретают признаки цельнооформленности, появляется уже в конце XVI века и в дальнейшем находит широкое распространение», например, *stay-at-home*, *frog-in-the-throat*, *mother-of-pearl*, *free-for-all*, *touch-and-go* [334, с. 179]. Компрессивы в русском языке стали появляться вначале в переводной литературе, автор приводит пример из журнала «Англия» (№ 1, 1982, с. 30): «*И еще среди играющих были* «*начинающая-но-талантливая-дама*» *и* «*начинающая-абсолютно-бездарная-притом-хихикающая-дама*». Признавая словосложение ведущим способом в русском словообразовании, ученый рассматривает нетипичные для русского языка модели образования композитов по аналогии с английскими сложнопроизводными словами, образованными по словообразовательным моделям (A + N) + ed=A и N + PII, пример взят автором статьи из газеты «КП» Башкортостан» от 13 января 2001 г.: «*Внутренности клуба… кишели* ***широкоштанинной***, ***кроссовкообутой*** *и* ***кепконаглазанатянутой*** *массой людей, находящихся в самом что ни на есть переходном возрасте*», *в* английском же языке существуют более привычные эквиваленты *wide-trouser-legged, trainers-clad, cap-over-eyes-pulledyouhgsters*. Нами отмечены следующие примеры: *Мероприятие и впрямь разворачивалось нешуточное*: *по всему дворцу клубилась* ***широкоштанинная*** *молодежь, организаторы подтаскивали к подмосткам в верхнем фойе груды призов и стопки афишек, перечень заявленных групп действительно впечатлял* (http://www.info-tses.kz/news/rep-protiv-yo-dodefitsita-i-vsego-plokhogo/); *Немного про* ***шапкозакидательные*** *настроения и взрыв патриотизма перед русско-японской и Первой мировой войной* (*http://niklife.com.ua/world/42397*); *И мы с*

большой ответственностью относимся к предстоящему матчу, и ***шапкозакидательских*** *настроений у нас нет* (http://h.ua/story/291671/#ixzz3zaRg9R5i).

Вопросами компрессивного образования занимались многие ученые-лингвисты, используя различные термины для описания этого явления. Так, А.В. Исаченко впервые предложил термин «семантическая конденсация», а термином «универбация» предложил обозначать утрату формальной и семантической расчлененности наименования [180, с. 339]. Он предложил обозначать данным термином следующие явления:

1) словосложение (*прямолинейный, водовоз*);

2) сращение (*накануне*, *долгоиграющий*);

3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования:

а) эллипсис означаемого члена, то есть субстантивация (*рабочий*, *военный*, *передовая*);

б) эллипсис означающего члена (*газовая плита – плита*, *патефонная пластинка – пластинка*);

4) аффиксальную деривацию (*молотильная машина – молотилка*, *прогрессивная зарплата – прогрессивка*);

5) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска – противогаз*);

6) различные типы сложносокращенных слов (*медработник*, *ПАЗ*, *НИИ*, *мопед*).

По мнению В.В. Виноградова, в русском языке существуют определенные номинации, образовавшиеся на базе устойчивых словосочетаний: «Составные наименования могут иметь разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова <…>: *вечерняя газета – вечерка*, *ночлежный дом – ночлежка*, *Погодинская улица – Погодинка*» [80, с. 156]. Н.М. Шанский для определения универбации оперирует терминами ***стяжение*** или ***сжатие***, полагая, что «способ стяжения сочетания «прилагательное + существительное» посредством суффикса -к(а) в слово, в результате которого функции опорного слова исходного оборота

берет на себя названный суффикс, был продуктивным давно…Однако в советскую эпоху деривационная активность суффикса -к(а) стала особенно яркой» [537, с. 310].

Напомним, что Е.А. Земская предложила объединять термином «*компрессивное словообразование*» номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой [167, с. 120]. К компрессивному словообразованию она относит *усечение, универбацию, субстантивацию и аббревиацию* (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев). Ученые приходят к мнению, что если производное слово в семантическом плане соотносится со словосочетанием, то «оно как бы втягивает в себя его семантику, конденсируя и семантику, и форму словосочетания. Этот подвид компрессии осуществляется разными способами словообразования: с у ф ф и к с а ц и е й – *маршрутка* (маршрутное такси); <…> у с е ч е н и е м – *декрет* (декретный отпуск) [там же, с. 87].

Под *универбацией* понимается «способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием» [там же, с. 82]. Е.А. Земская относит к универбатам только стяжения способом аффиксальной деривации, в результате чего происходит замена атрибутивного словосочетания существительным, которое выступает в роли лексического эквивалента словосочетания в целом: *маршрутное такси – маршрутка, подземный переход – подземка, копировальная бумага – копирка, мобильный телефон – мобильник*: *В то время я работал медбратом в реанимации, и часа в три ночи на центральный пульт больницы пришло сообщение, что на трассе по направлению к Домодедово лоб в лоб на гололеде сошлись аэропортовский* «*Икарус*» *и ночное* ***маршрутное такси*** (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *С черепашьей скоростью* ***маршрутка*** *приближается к относительно благополучному даунтауну* (Дмитрий Виноградов. Врачи прилетели. Катастрофа на Гаити глазами

наших медиков // «Русский репортер», № 4 (132), 4-11 февраля 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Все галдели, и я едва расслышал, как в сумочке вдруг приглушенно, но всё равно довольно противно запиликал* ***мобильный телефон*** (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А вот что у Цитрона такая именно личная, для своих,* ***мобилка*** *– оно значит чего-нибудь с точки зрения лженауки нумерологии*? (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В.В. Лопатин считает универбацию весьма активным в современном русском словообразовании явлением, но не считает его отдельным способом словообразования [267, с. 72]. Он настаивает на том, что универбация сопровождает такие способы словообразования, как суффиксация, субстантивация, сложение, аббревиация. С такой трактовкой не соглашается Н.А. Дьячок, считая, что «универбация – самодостаточное явление, которое нельзя квалифицировать как сопутствующее указанным способам словообразования», поскольку «оно объединяет собственные специфические характеристики с имитацией словообразовательного акта, оформленного аффиксацией» [136, с. 15].

В широком понимании универбация может рассматриваться как проявление синтетизма в словообразовании, т.е. выражение одним словом комплекса значений, представленных в аналитических конструкциях сочетаниями слов. Указывая на зависимость словообразовательных процессов от синтаксиса, Е.С. Кубрякова полагает, что «источник мотивации многих типов универбов может быть усмотрен в синтаксических конструкциях», а возникновение «значительного пласта словообразовательных моделей – и по содержанию, и по форме – может быть связано непосредственно с синтаксисом» [230, с. 178]. Ученые-лингвисты оперируют различными терминами для определения явления универбации – конденсат, семантическая конденсация, свертывание наименований, более того, универбацию «часто идентифицируют с компрессией,

стяжением, эллипсисом, семантическим включением» [64, с. 4815]. Логически обоснованным считается указание на связь универбации с компрессией, поскольку универбация является свертыванием исходного описательного наименования – словосочетания [240, с. 111], процессом возникновения однолексемного обозначения фразы [27, с. 108], семантико-синтаксическим свертыванием словосочетания, состоящего из прилагательного и существительного [62, с. 144], суффиксальным образованием существительных на базе словосочетаний [518, с. 126].

По мнению И.А. Устименко, универбация – это практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова [500, с. 21]. Н.А. Дьячок трактует универб как «семантически и грамматически тождественное исходному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого словосочетания чертами разговорности, сленговости либо стилистически совпадающее с ним, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы» [136, с. 7]. Ученый высказывает мнение о том, что «в разряд универбации следует отнести аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую)» [там же, с. 7].

Обобщая все существующие в языкознании точки зрения на проблему универбации, Л.В. Копоть описывает универбацию как процесс, который характеризуется «конденсацией семантики в одном слове, утратой формальной расчлененности в процессе возникновения однолексемной дефиниции из предшествующего ей словосочетания. Усечение атрибутивных словосочетаний способствует появлению универбов. При типичной для словосочетаний редукции определяемого компонента с предметным значением несокращенная часть «вбирает» в себя семантику всего прототипа» [213, с. 65].

Субстантивация является одним из наиболее продуктивных способов образования конденсатов, при этом наиболее спорным вопросом в плане определения модели субстантивации является ее отнесенность к одной из

областей словообразования: Субстантивацию можно отнести к синтаксической деривации в связи со сменой части речи исходной лексической единицы, к компрессивной деривации в связи со свертыванием словосочетания в одно слово [518, с. 174], к конверсии в связи с изменением грамматических категорий субстантиватов [430, с. 317]. Н.Ю. Шведова полагает, что именно имя прилагательное является основой для создания субстантиватов и универбатов, поскольку прилагательные относятся к классу именующих слов, что оптимально сближает их с именами существительными и дает им возможность выражать предметное значение [547, с. 3].

В нашем исследовании мы имеем дело с переходом прилагательных-композитов в разряд существительных при параллельном употреблении в значении прилагательного: ***с желтым лицом*** – ***желтолицый***, ***с темной кожей*** – ***темнокожий***, ***из белого камня*** – ***Белокаменная***, ***благоверный***: *На станции* «*Алексеевская*» *подсел ко мне* ***человек с желтым лицом*** (Михаил Бару. Записки понаехавшего (2010); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Она зубрила китайский день и ночь, а все знают, какой сложный язык у этих* ***желтолицых*** (КИ, № 1, 2013); ***Желтолицый очкарик*** *тогда еще не был ее начальником, а только собирался им стать* (Вадим Громов. Компромат для олигарха (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Некоторые из погромов имели слабые признаки какой-то идеологической направленности – толпа скинхедов избивала случайных прохожих* ***с темной кожей***, *даже не спрашивая их национальности и не имея к ним конкретно никаких претензий* (Сергей Телегин. Дети – изгои (2003) // «Советская Россия», 2003.07.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); – *Сидеть хочу, – стеснительно ответил* ***темнокожий*** *на ломаном русском и добавил гладко: – Сит дау* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В* ***темнокожей*** *неграмотной и диковатой креолке он разглядел неограненный бриллиант* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); *Скорее всего, красивым вымыслом обросло другое явление, встречающееся в средневековых захоронениях, если саркофаг изготовлен* ***из***

белого камня *– известняка* (Т. Панова. Та самая царская невеста // «Наука и жизнь», 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Через четыре года после рождения Федора его родители окончательно обосновались в* ***Белокаменной*** (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); *Просторный, построенный навека* ***белокаменный дом*** (*в комнатах – идеальная чистота*), *ухоженный сад – признаки высокого уровня жизни* (Вероника Генина. Самаритяне: племя древнее, незнакомое (2003) // «Вестник США», 2003.11.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Потому что мой* ***благоверный*** *и с Людмилой вскоре расстался, нашел кого-то, кто понимал его еще лучше* (Нина Катерли. На два голоса // «Звезда», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Не отпустит она своего* ***благоверного****, да и он вряд ли осмелится переступить черту* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Эти стихи появились на свет уже после смерти Твардовского, их написал очень* ***благоверный поэт****, и Россию переименовали уже после того, как не стало Твардовского – при нем не смели, видно, так широко и удало развернуться с преобразованиями и новшествами на ниве сельского хозяйства* (Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978-1982); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Поэтому Ирина, ожидая второго малыша, заранее готовила старшую дочку к появлению сестрички, объясняла Инге, что* ***новорожденный ребенок*** *совсем беспомощный и требует повышенного внимания, но этот период продлится совсем недолго, и потом все встанет на свои места* (Светлана Ткачева. Блиц-опрос: Звезды тоже ревнуют (2003) // «100% здоровья», 2003.02.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *После родов у* ***новорожденных*** *записывали активность мозга* (СН, 3.09.2013); *Но это лишь по документам – в реальности он должен был мыть окна* ***малоимущим пенсионерам*** (КИ, № 1, 2013); *Благотворительной одежды последние годы появилось столько, что можно выбирать, и неленивые* ***малоимущие*** *одеваются очень и очень неплохо* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Как-то у поэта заболел зуб, он принял* ***болеутоляющее*** *и впал в забытье* (Наталия Фомина, Федор Павлов-Андреевский.

Сны о чем-то большем (2002) // «Домовой», 2002.09.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Непосредственно перед штурмом ваш командир взвода выдаст вам* ***болеутоляющее средство*** *– промедол, которое до этого хранил как наркотическое средство в укромном одному ему ведомом месте* (Ю. Хацкевич. Как выжить в «стреляющем» городе (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Поистине, думала я, в этом городе в спор о Боге не вмешиваются только* ***глухонемые****…* (Дина Рубина. Окна (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Раечка с малолетства приводила домой одноклассников победнее, шелудивых кошек, бродячих собак*; *дворовый сумасшедший Витя Пчельников,* ***глухонемой дядька*** *в шинели, бегавший волейболистам за мячом, был постоянным гостем на кухне Вайнтраубов* (Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Фантастическое, явно* ***парнокопытное существо****, нечто вроде Гиппомонады, но с акцентом в сторону козы или коровы мирно паслось на розовом лугу под розовым небом неизвестной науке планеты* (Борис Кушнер. Учитель (2003) // «Вестник США», 2003.10.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Если бы я не знал, то есть самолично не видел, что по сугробу, забавляясь, ходил сапожок люмпен-интеллигента, не задумываясь, решил бы, что на нем потопталось какое-то увесистое* ***парнокопытное*** (Виктор Слипенчук. Зинзивер (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru)*; Еще недавно* ***первородящих женщин*** *старше 25 называли обидным словом «пожилые», а тех, кто решился на ребенка после 30 – «старыми»* (Лиза, № 21, 2016); *Больше ответственности у возрастных* ***первородящих*** *и в подходе к воспитанию своего наследника* (http://www.aksenov.com.ua/rodi/62-rodi-vozrast.html).

Е.С. Кубрякова справедливо замечает, что, несмотря на присутствие явления семантической компрессии, значение сложного слова чаще всего прозрачно «из-за весомости полнозначных компонентов композита: и ономасиологический базис его, и ономасиологический признак передаются

основами полнозначных слов» [230, с. 69]. Однако в аббревиатурах все эти признаки сводятся к минимуму: «полнозначные элементы редуцируются до неузнаваемости, и следы, оставляемые ими, ….варьируются от инициальных слогов мотивирующих слов до его обозначения одной только заглавной буквой» [там же, с. 70]. Ученый приходит к выводу, что развернутое несколькословное наименование «дает точное представление о деталях и характеристиках обозначаемого; аббревиатура же воспринимается скорее как условный знак-заместитель этого наименования» [там же, с. 70].

Е.И. Дюжикова, вслед за Е.С. Кубряковой, предлагает считать *аббревиацией* «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит к появлению слова, отражающего своей формой какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы» [138, с. 116]. Э.В. Гафиятова и М.А. Смирнова называют аббревиацией «процесс создания цельнооформленных слов на основе многословных сочетаний» [424, с. 143]. По мнению В.И. Теркулова, «аббревиация в большинстве случаев – это не образование новых номинативных единиц, а простая замена одной речевой субстанции другою, созданной на основе предыдущей без изменения её номинативного статуса» [468, с. 195]. Отмечая полную эквивалентность нового наименования исходному словосочетанию, ученый предлагает считать их дублетами номинатем-коллокаций.

Это подтверждает мнение Е.С. Кубряковой об отсутствии отношений словообразовательной производности из-за невозможности определения признака семантического сдвига: «Показателем отношений словообразовательной производности может считаться исключительно семантический сдвиг, наблюдаемый в производной единице по сравнению с производящей и всегда коррелятивный примененной к исходному знаку какой-либо из возможных формальных операций данного языка» [230, с. 48]. Вместе с тем, анализируя сложносокращенные названия, ученый отмечает, что семантический сдвиг между производящей и производной единицами может сводиться не только «к передаче

нового значения в буквальном смысле слова», но и «к изменению в соотношении эксплицитно и имплицитно выраженных компонентов значения, к преобразованиям в степени расчлененности семантического представления одного и того же» [там же, с. 71].

В корпусе прилагательных-композитов русского языка прямая универбализация аббревиационного типа отмечается в адъективе ***агитмассовый*** / ***агитационный и массовый***: *Самая большая работа агитаторам предстоит на избирательных участках. Здесь будет центр всей* ***агитационной и массовой*** работы (http://www.oldgazette.ru/lib/propagit/21/05.html); *Умер он в Арктике, куда группа артистов совершила первый* ***агитмассовый*** *полёт в 1940 г.* (http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/sov/253535/bio/); *Вечером 19 декабря* ***агитационные массовые*** *мероприятии проводить нельзя, заявила председатель Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов Лидия Ермошина 17 декабря во Дворце Республики на открытии информационного центра ЦИК* (http://naviny.by/rubrics/society/2010/12/17/ic_news_116_357395/); *Цветопись витебских трибун Малевича связана с его работами в* ***агитмассовом*** *искусстве, она была принципиальной, заключая в себе цветоформулы как общие принципы зарождающейся новой полихромии* (http://www.k-malevich.ru/library/kotovitch-kazimir-malevich.html).

Современное словообразование характеризуется значительным количеством производных, образованных на базе заимствований «по причине активизации их использования в современной речи, ему свойственно употребление различных типов сложений, а также постоянное увеличение числа условных знаков – сокращенных слов» [86, с. 29]. Ученые-лингвисты предлагают выделить в отдельную группу лексические единицы компрессивного характера, структурную организацию которых осложняет иноязычный компонент. Они образуют особый конструктивный тип, общей основой построения которого является принцип сокращенности и наличие иноязычного компонента (***IP-консультации***, ***IT-специалисты***, ***VIP-такси***, ***CD-мания***, ***VJ-блок***, ***МузZone***). Т.В. Возбранная

полагает, что в современном русском языке наблюдается «бум заимствований» и «бум аббревиации», «пополняются типы и модели сложносокращенных единиц с иноязычным компонентом, который, в свою очередь, постоянно обновляется и способствует тем самым реализации словообразовательного потенциала» [там же, с. 30]. Иноязычные аббревиатуры служат производящей базой для новых дериватов (***ВИПовцы***, ***ВИПеры***, ***виповский***, ***PRовцы***, ***пиарщик***, ***пиариться***, ***пиаровский***), например: *Четкая схема социального неравенства в современной России. Наверху*: *буржуи в ресторане, чуть ниже на самых лучших местах –* ***виповцы***, *а снизу многочисленные плебеи* (http://stadiums.at.ua/news/2013-01-03-10738); *Какие-нибудь заслуженные, народные, ходящие через* ***виповский*** *зал*? (Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Другие совладельцы имеют прочие бизнесы, которые обслуживаются в Кузнецкбизнес банке в ряду десятков других* ***VIP-клиентов*** (Александр Ивантер. Осторожный Шерлок Холмс // «Эксперт», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *На 28 июля в России уже приходится один профессиональный праздник − день* ***PR-специалиста*** (Общество вкратце // «Однако», 2010 Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Меня попросили в* ***PR-отделе*** *родимого издательства* «*Эксмо*» *высказаться о сериале* «*Интерны*» (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); Без них *все это чистый популизм, а* ***пиариться***, *конечно, каждый горазд* (Дмитрий Карцев. Кузнец своего несчастья // «Русский репортер», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *С рекордной скоростью в русском языке распространилось слово пиар, породив такие производные, как* ***пиарщик***, ***пропиарить***, ***отпиарить*** *и т.д.* (И. Левонтина. Язык в эпоху перемен // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В современном языкознании существует устойчивая тенденция к сведению всех словообразовательных процессов в один – конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность. По мнению ученых-лингвистов (Л.Л. Присная, О.Н. Рукавицына), «передача информации через предикативные

синтаксические единицы оказывается наименее экономным способом, та же информация может быть передана с помощью словообразовательных моделей путем свертывания, стяжения синтаксической формы выражения, сокращения материальной части коммуникативного процесса до номинативного» [375, с. 39]. Возникновение слова *автогражданка*, с их точки зрения, является ничем иным, как примером поступенчатого сокращения потока речи: *обязательное страхование гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта – автогражданская ответственность – автогражданка – ОСАГО,* использованы два разных способа создания нового слова, «с одной стороны это суффиксальное образование, употребление которого ограничено разговорным стилем, с другой стороны – аббревиация, способ также стилистически маркированный, … принадлежащий к официально-деловому стилю» [там же, с. 39].

Семантическая конденсация может считаться одним из способов экономии языковых средств в современном русском языке, при этом «значение семантического конденсата всегда контекстуально обусловлено и продиктовано коммуникативным контекстом, ситуацией общения» [там же, с. 37]. Данную проблему исследовали В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая, Т.Г. Винокур, И.П. Глотова, А.Ф. Журавлев, Ю.В. Фоменко и др. Н.М. Шанский усматривал проявление принципа «экономии усилий» в устранении названий с расчлененной формой и универбации, в «сжатии в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [538, с. 158], т.е. речь идет о явлении семантической конденсации и формальной стяженности. В процессе словопроизводства происходит конденсация плана содержания, связанная с «мотивировкой всем содержанием при выборе в качестве производящего одного из компонентов мотивирующего словосочетания: *нефтяная промышленность – нефтянка*, *социальная сфера – социалка*» [375, с. 37].

Как пишет Л.О. Зимина, «в основе семантической конденсации лежит атрибутивное словосочетание, один из компонентов которого включает в себя

семантику второго компонента» [170, с. 51], при этом в результате семантического сжатия может устраняться как существительное (исходящие звонки – исходящие), так и прилагательное (граммофонная пластинка – пластинка). Конденсации подвержены в большей степени сочетания с высокой частотой употребления, обозначающие актуальные реалии современной действительности. И.А. Устименко справедливо заметила, что «в речевой стихии продуктивность средств выражения конденсации резко возрастает, возникает большое количество окказиональных образований и неологизмов» [501, с. 318]. Л.А. Кудрявцева трактует семантическую конденсацию как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [240, с. 123]. Например, ***гуманитарная помощь*** – ***гуманитарка*** (универбация): *На стадион* «*Донбасс-Арена*» *прибыла первая автоколонна с* ***гуманитарной помощью*** (ТВ Экспресс, № 36, 3.09.2015); *Талончики на получение новой* ***гуманитарки*** *продолжали выдавать и сегодня* (СН, 16.12.2014); ***генеральный директор*** – ***генеральный*** (эллипс в сторону зависимого слова): «*Лучшего способа расширить бизнес и для тех, и для других не существует*», – *полагает* ***генеральный директор*** *компании* «*Диджитек*» *Александр Сибиряков*. (Владислав Кулаков. Крепкое сообщество // «Computerworld», 2004; Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru); *Почему HR-директор не может договориться* с ***генеральным***? (http://alkopiyan.ru/sitemap.html); ***высокая температура*** – ***температура*** (эллипс в сторону главного слова): *Всякий раз, когда Тома заболевала и у неё поднималась* ***высокая температура***, *ей казалось, что лежит она в их семейном логовище* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); «*Многие продолжают ходить на работу с* ***температурой***, *заложенным носом, кашлем. Каждое утро еду на работу и в автобусе 6-8 человек – кашляющие*», - *сказала Ирина Сивачева* (http://pln-pskov.ru/society/70392.html).

Под *лексической конденсацией* понимается стяжение компонентов словосочетания в сложное слово, например, ***с черными бровями*** – ***чернобровый***: *К судьям выходит Инна Шевченко, загорелая блондинка* ***с черными бровями*** (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Маменькина дочка Марфушка*, ***чернобровая*** *и со свекольным румянцем во всю щеку, поразила воображение кинозрителей* (Звезды, № 5, 2013); ***в пять процентов*** – ***пятипроцентный***: *Получить скидку* ***в пять процентов*** *удается автоматом, оформив машину на юридическое лицо* (Хасан Ганиев, Денис Литошик. Тематические Страницы: Спецпроект Купи-продай (2002) // «Автопилот», 2002.09.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Этого хватит, чтобы ПАРНАС не преодолела* ***пятипроцентного*** *барьера* (МК в Донбассе, 18-24 февраля 2016); ***низкого роста*** – ***низкорослый***: *То, что мужчины* ***низкого роста*** *более амбициозны и чаще достигают в жизни успеха, знают многие* (http://healthsnews.com/6-dostoinstv-muzhchin-nizkogo-rosta.html); ***Низкорослый****, мрачный, он был явным аутсайдером на фоне высокого, статного, веселого Давида* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014).

Констатируем, что лексическая конденсация имеет две разновидности – деривационное и универбализационное композитостроение. Особое место в русском языке занимают коррелятивные конструкции типа ***девушка с голубыми глазами*** – ***голубоглазая девушка***. Отмеченные примеры мы относим к универбализационным композитам, в частности, к бахуврихи. В.И. Теркулов определяет универбализацию как процесс «механической замены словосочетания эквивалентным словом без разрушения актуального тождества номинатемы вследствие семантического саморазвития единицы-источника, характеризующего лексикализацию» [468, с. 185]. Деривационные же процессы предполагают образование новых номинативных единиц, семантика которых должна отличаться от семантики базовых словосочетаний. Такие процессы базируются на основе деривационных мотивационных отношений. В результате универбализационных процессов не возникает никаких семантических различий между словосочетанием и новообразованным композитом. Вслед за В.И. Теркуловым мы утверждаем, что «между производящей и производной единицами вовсе не существует отношений

внешней словообразовательной мотивации» [там же, с. 193], а существуют «внутренние, межглоссовые мотивационные отношения» [там же, с. 194]. Все это позволяет заключить, что «получившаяся лексема является наряду со словосочетанием дублетом номинатемы, включающей в свой состав оба эти компонента» [там же, с. 194]. Напомним, что под дублетностью понимается «смысловая и функциональная равнозначность конструкций, полностью накладывающихся друг на друга и не различающихся никакими оттенками внутри общего грамматического значения» [546, с. 6-7].

В русском языке бахуврихи, являясь неидиоматизированными единицами, существуют как «однословные реализации аналитических лексико-семантических вариантов номинатем с доминантой словом, выполняющих в речи атрибутивную функцию [468, с. 202]. Бахуврихи типа ***девятимесячный*** являются полным эквивалентом атрибутивной парадигмы исходного словосочетания, поскольку могут заменять и конструкцию ***девяти месяцев*** (***девятимесячный ребенок*** – ***ребенок девяти месяцев***), и ***в девять месяцев*** (***срок в девять месяцев*** – ***девятимесячный срок***). Полагаем, что ***девятимесячный*** – универбат всех возможных атрибутивных употреблений словосочетания ***девять месяцев***: *Ребенок* ***девяти месяцев*** *всё также с удовольствием подражает движениям взрослых* (http://www.minibanda.ru); *Главой объединенного государства стал* ***девятимесячный*** *английский престолонаследник* (Звезды, № 5, 2013); *Советский Союз обязался вывести свой контингент в* ***девятимесячный*** *срок* (СН, 4.01.2013); *В этом отношении срок* ***в девять месяцев*** *последнее время то вырывается вперед, то «проигрывает» популярнейшему полугодовому сроку. Итак, в области максимумов полугодовой срок на сегодняшний день «выигрывает» у* ***девятимесячного*** *срока* (http://investfunds.ua).

Ю.С. Степанов выделяет следующие типы синтаксической трансформации: номинализация, адъективация и вербализация, причем он трактует вербализацию как явление, обратное адъективации по типу бахуврихи: *сребролукий Аполлон – Аполлон – сребролукий – У Аполлона лук, который серебряный – У Аполлона лук, и этот лук – серебряный* [447, с. 196]. Трансформация этого вида, по мнению

В.М. Шариповой, является «ярким свидетельством опосредованности атрибутивных отношений отношениями предикативными» [544, с. 111].

1.5.3. Синкретичность категориального значения причастий. В качестве зависимого слова в атрибутивном словосочетании могут выступать и причастия. В «Русской грамматике» (1980) дается следующее определение: «Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т.е. значение действия и собственно определительное» [388, с. 665]. В.В. Бабайцева отмечает особый характер причастных форм и считает основным отличительным свойством причастий «их синкретичное категориальное значение: в нем сочетаются значения действия и признака предмета» [28, с. 324]. И.К. Сазонова выделяет глагольные, стативные и адъективные значения причастий. Наиболее близки именам прилагательным причастия с адъективной семантикой, в то же время ученый признает их мотивированность глагольными значениями, они «не выходят за рамки глагольной семантической зоны» [396, с. 11].

Вопросам адъективации причастий посвящены работы И.К. Сазоновой, Ю.П. Князева, Л.П. Калакуцкой, И.В. Замятиной. Исследователи сходятся во мнении, что «конечный результат адъективации – приобретение причастиями адъективных значений (цветущий сад)», когда у причастий появляются формы качественных прилагательных: степени сравнения, возможность образования наречий на о-, е-; действительные причастия оказываются способными к образованию кратких предикативных форм; причастия могут иметь антонимы; иногда адъективные значения имеют относительный характер – *ведущие актеры, мнимый больной* [184, с. 6-7].

В.В. Виноградов не употребляет термин «адъективация», заменяя его формой «окачествление» («развитие качественных значений», «насыщение качественными оттенками», «качественно-прилагательное значение»). Исследователь определяет страдательные причастия как те единицы, в которых процесс «окачествления» пошел дальше всего, формы прошедшего времени

«гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на –мый» [78, с. 225]. Подвергая сомнению связь страдательных причастий прошедшего времени с глагольной основой инфинитива, он указывает, что «полная форма причастий на -нный, -тый является очень сложным гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают» [там же, с. 229].

По мнению И.В. Замятиной, «двойственная природа полной причастной формы проявляется в любой характерной для нее синтаксической позиции» и даже в позиции «согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного» [161, с. 121]. Двойственная семантическая природа проявляется у причастия в позиции синтаксического актанта, особенно если речь идет о субстантивированных причастиях. Напомним, что в классификации частей речи, предложенной В.И. Теркуловым с точки зрения ономасиологического подхода, причастия относятся к атрибутам актанта**.** Важно отметить, что причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. И.В. Замятина справедливо считает, что «причастие – уникальная форма: с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным» [160, с. 11]. Существует две разновидности конструкций данного типа, различие которых состоит только в числовой характеристике зависимого имени – **Прич + Сущ 5 ед (мн)**, например, ***утоляющий боль*** – ***болеутоляющий***: *Они всю ночь бодрствуют*; *вслух, не торопясь и по частям читают Коран*; *при этом глубоко грустят, в этом чтении обретают спасительный бальзам,* ***утоляющий боль*** (http://www.halifat.info/); *Ученые оценивали* ***болеутоляющий*** *эффект от просмотра фотографий с любимыми людьми по степени нагрева термостимулятора, при которой боль становилась нестерпимой* (http://tramadola.net/interesnye-fakty); ***суживающий сосуды*** –

сосудосуживающий: *Авторы заключили, что почка вырабатывает* ***суживающий сосуды*** *белок* (СН, 4.01.2013); *Открытие ренина и механизма его* ***сосудосуживающего*** *действия представляет большой клинический интерес* (http://www.medin.org.ua).

Фиксируем также конструкции с зависимым атрибутом, которые могут быть описаны формулой **Прич + Прил5**: ***рожденный мертвым*** – ***мертворожденный***, ***рожденный слепым*** – ***слепорожденный***, ***рожденный свободным*** – ***свободнорожденный***: ***Рожденный свободным***, *юноша недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться* (http://cthulhuhammer.mybb.ru/); *Альтернативой диктатуре общества, диктатуре личности и диктатуре системы, я вижу только общество* ***свободнорожденных*** *системных социальных эгоистов* (http://www.sunhome.ru/philosophy).

Таким образом, в русском языке атрибутивная функция реализуется простыми и сложными конструкциями. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Синтаксической моделью для реализации атрибутивных отношений между предметом и признаком выступают сочетания «прилагательное + существительное» (*синее небо*), «существительное + существительное» (*лицо женщины*), сложные конструкции с комбинированной связью между главным и зависимым словом (*большой дом с мезонином*), бахуврихи (*розовощекий младенец – младенец с розовыми щеками*), а также модель «причастие + существительное» (*тепловыделяющий элемент – выделяющий тепло элемент*).

1.6. Принципы разграничения свободных и фразеологических словосочетаний

1.6.1. Разновидности и объем сочетаемости. Свободные словосочетания. Прилагательные-композиты в русском языке могут образовываться как от свободных словосочетаний, так и на базе коллокаций и

фразеологизмов. Дифференциация данных языковых единиц основывается на структурной и семантической соотнесенности их компонентов. Слово как элемент языковой системы само является системной единицей, «структурированной и с точки зрения содержания (лексическое значение есть ядерно-периферийная структура), и с точки зрения формальной, материальной (своеобразным центром, ядром является корневая морфема, аффиксы же в различной степени тяготеют к периферии) [362, с. 128]. А.А. Уфимцева справедливо полагает, что слово вступает в «лексические и лексико-грамматические межсловные отношения, предопределяющие правила связи словесных значений и законы их синтагматической сочетаемости; лексико-грамматические парадигматические связи, создающие возможность лексикализации грамматических форм и образования новых словарных единиц при конвертировании и словообразовании» [507, с. 268]. Развитие слов происходит в трех направлениях – формирование новых значений, создание производных слов и образование фразеологических единиц, при этом «вторичные номинанты, в свою очередь, могут обладать семантической, слово- и фразеообразовательной продуктивностью» [362, с. 128].

Важнейшим аспектом изучения лексических единиц и прежде всего слов как центральных, базовых единиц лексики является их способность сочетаться друг с другом. Согласимся с А.В. Испирян, которая определяет сочетаемость как «совместное появление слов в речи, в процессе которой между словами, образующими определенную синтагматическую последовательность, устанавливаются определенные логико-семантические и морфосинтаксические связи» [181, с. 68]. Ученый выделяет три типа сочетаемости – семантическую, лексическую и синтаксическую. Под семантической сочетаемостью понимается способность слова «вступать в сочетания с целыми классами слов, объединяемых общностью смысла», под лексической – «способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми» [там же, с. 68]. Синтаксическая сочетаемость трактуется как способность слов иметь при себе зависимые слова (распространители), которыми можно считать падежные формы существительных и местоимений, имя прилагательное, глагол,

наречие [132, с. 18-19], или как совокупность возможных синтаксических распространителей слова [222, с. 49]. Традиционно выделяют два типа ограничений сочетаемости слов: 1) экстралингвистические ограничения, которые лежат вне языка в сфере реального мира; 2) лингвистические ограничения, возникающие как итог традиций языкового употребления единиц [181, с. 68]. В.П. Гак сформулировал условия, которым должны подчиняться правила семантического согласования:

- наличие общей семы в обоих членах словосочетания;

- отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена;

- погашение в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос недостающих сем [93, с. 235-236].

Основными параметрами, по которым осуществляется согласование членов словосочетания, являются понятийно-логическая основа значения слова (его предметно-концептуальное ядро), экспрессивная и стилистическая окраска, связанные с объемом сочетаемости. «Объем сочетаемости, коррелирующий с понятиями свободы и продуктивности сочетаемости, может использоваться как основополагающий критерий при типологии словосочетаний» [181, с. 70], когда существует необходимость в разграничении свободных и фразеологических сочетаний. Свободные (продуктивные) словосочетания «создаются говорящими в процессе речи в результате обусловленного нормами языка и типом передаваемой информации соединения слов» [там же, с. 70] и демонстрируют возможность субституции их компонентов. Возможность замены имени прилагательного представлена в следующих случаях: ***снежно-белый оттенок*** (***нежно-розовый***, ***охристо-рыжий***, ***угольно-черный***, ***огненный*** *и т.д.*): *Разгул самых непредсказуемых оттенков, от* ***снежно-белого*** *до* ***нежно-розового***, *от* ***охристо-рыжего*** *до* ***золотистого***, *от* ***угольно-черного*** *до* ***огненного*** (Лиза, № 30, 18.07.14); ***черноглазый*** (***зеленоглазый***, ***голубоглазый***) ***красавец***: ***Голубоглазый*** *красавец Крейг еще дважды сыграет агента 007* (http://newsme.com.ua/showbiz/chronic/1453913/); ***Черноглазый*** *красавец уже*

нетерпеливо перебирал струны гитары (Вива-Биография, № 12 (78), 2013). В.И. Теркулов трактует свободное словосочетание «как аналитический денотативный лексико-семантический вариант номинатемы со словесной доминантой, существующей в пределах тождества последней» [468, с. 112]. Ученый выводит значение словосочетания как значение «базового компонента номинатемы, его носителя, актуализированное в зависимом слове» [там же, с. 112]. Представляется интересным его замечание о том, что каждая из сем номинатемы может рассматриваться как концепт, что дает возможность реализации зависимого слова в словосочетании в качестве базы для самостоятельной номинатемы. Весьма убедителен пример *замок из снега*, где глосса *снега* является актуализатором семы «материал» номинатемы *замок* в пределах денотации, и *чистый снег*, где «она сама становится выразителем номинативной доминанты, то есть базовой глоссой номинатемы *снег*» [там же, с. 113-114].

1.6.2. Проблема диффузности в существовании коллокаций и фразеологических единиц. Классу свободных словосочетаний противостоит класс фразеологических словосочетаний. Это «непродуктивные словосочетания, функционирующие как готовые единицы, т.е. вносимые говорящим в поток речи в качестве заранее ему известных устойчивых соединений слов» [181, с. 70]. Несмотря на некоторую диффузность в существовании фразеологизмов и коллокаций, считаем необходимым разграничить эти два понятия. Под *коллокацией* лингвисты понимают последовательность слов, которые встречаются вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения [162, с. 135-143]; относительно свободное сочетание слов [58]; характерные, часто встречающиеся сочетания слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается семантическими факторами [26].

Фразеологическая единица (ФЕ) позиционируется как более сложное структурное образование по сравнению со словом или свободным

словосочетанием. И.Р. Гальперин называет фразеологические единицы «сочетаниями слов, в которых значение целого доминирует над значением составных частей или, иными словами, значение целого сочетания не совсем точно, а иногда и совсем не выводимо из суммы составляющих это сочетание частей» [97, с. 169]. По мнению А.В. Кунина, ФЕ являются «раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями» [244, с. 9]. Нам представляется удачным определение ФЕ, принадлежащее Н.М. Шанскому, он считает фразеологизм семантически несвободным сочетанием слов, «которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [541, с. 92]. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость ученый считал универсальными и отличительными признаками фразеологизмов.

Заслуживает внимания определение ФЕ, данное С.В. Лескиной. Обобщая опыт изучения таких единиц, она трактует фразеологизм как «готовую речеязыковую структуру, которая не создается, а воспроизводится в национальном языковом сознании в готовом виде, характеризуется семантической устойчивостью и целостностью, ингерентной языковой и речевой экспрессивностью, определенной соотнесенностью формы и содержания, синтаксической многофункциональностью (выполняет синтаксическую функцию одного члена предложения) и структурной многокомпонентностью» [253, с. 108]. Рассматривая ФЕ с позиций когнитивной лингвистики, Н.А. Каленова определяет его как знак «косвенно-производной номинации, который в сложном взаимодействии с другими языковыми единицами способен специфически объективировать рациональную и эмоциональную информацию» [186, с. 90]. Суммируя все вышенаписанное, выделяем общие и отличительные характеристики языковых знаков, а именно цельность и метафоричность компонентов фразеологизма и сочетаемостные ограничения слов, входящих в

состав коллокаций [254, с. 24]. По мнению В.В. Виноградова, единица с частично переосмысленным значением показывает наиболее слабую степень единства между компонентами (слияния), чем отдаленнее значение ФЕ от значения составляющих ее компонентов, тем больше семантического единства (сращения) [80, с. 140].

Коллокации можно трактовать как пограничное явление, находящееся «между свободными и устойчивыми словосочетаниями, свободные компоненты которых можно заменить другими, и их семантика может расширяться» [319, с. 4]; как «синтаксико-семантическое сочетание слов, в котором всегда существует два компонента: свободный и зависимый, основной элемент которого слово» [58, с. 17]. Сложные прилагательные, образованные на базе коллокаций, в большинстве своем – деривационные композиты: ***железная дорога*** / ***железнодорожный***: *Сеть* ***железных дорог*** *открывала перед промышленностью новые рынки сбыта* (Александр Волков. Полететь — так на поезде // «Знание - сила», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Во-первых, необходимо восстановить всю* ***железнодорожную*** сеть (СН, 14.07.2015); ***внешняя политика*** / ***внешнеполитический***: *Последствия Крымской войны, истощившей Россию морально и материально, заставили царя и его дипломатов изменить курс* ***внешней политики*** (В. Песков. Как продавали Аляску // «Комсомольская правда», 1991; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Но на деле это не помешало им вести самый активный* ***внешнеполитический*** *курс, наращивая вес в мировых делах средствами в первую очередь торгово-экономической экспансии одновременно усиливая военный потенциал* (Сергей Листиков. Президент Вильсон и «новая» дипломатия // «Эксперт», 2014; Национальный корпус русского языка;www.ruscorpora.ru); ***Средиземное море*** / ***средиземноморский***: *Туристы возвращаются на острова* ***Средиземного моря*** *снова и снова, зная, что они всегда могут испытывать что-то новое* (http://whitesvariety.com/page/bolshie_ostrova_sredizemnogo_morya.html); *Как-то летом чета расслаблялась на одном из* ***средиземноморских*** *островов* (СН, 4.03.2014); ***крымские татары*** / ***крымскотатарский***: *Этой весной*

представители ***крымских татар*** *предприняли попытку организовать уже морскую блокаду Крыма, сорвавшуюся лишь по счастливой случайности*: *корабль, который должен был блокировать пролив, сломался* (http://politrussia.com/world/laquo-tatarskaya-raquo-stavka-kieva-831/); *Не случайно один из лидеров* ***крымскотатарского*** *народа Рефат Чубаров сообщил об абсолютной поддержке их действий* (МК в Донбассе, 18-24 февраля 2016); ***острый дефицит*** / ***остродефицитный***: *Итоги реформ печальны*: *страна лишилась продовольственной независимости, подорваны основы сельскохозяйственного производства, в первую очередь, в животноводческой отрасли – вырезаны десятки миллионов голов КРС, свиней, овец, 35 млн. га сельхозугодий зарастают кустарником, уничтожается производственная база, деревня испытывает* ***острый дефицит*** *в новой сельхозтехнике, качественных семенах, удобрениях, в новых научных разработках* (В спасении деревни – безопасность страны (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16; Национальный корпус русского языка;www.ruscorpora.ru); *Я даже готов безвозмездно выделить из личного хозяйства* ***остродефицитный*** *мешок цемента на нужды строительства* (Александр Орлов. Его величество талон // «Горизонт», 1989; Национальный корпус русского языка;www.ruscorpora.ru).

Н.В. Юдина предлагает считать атрибутивно-субстантивными комплексами (АСК) комбинации типа *добрый молодец, китайский фарфор, оренбургский платок, вечерний звон, русское поле, милый друг, серый волк*, реализующие модель «прилагательное + существительное». Они не могут быть отнесены ни к полностью свободным, ни к абсолютно несвободным сочетаниям и представляют собой «регулярно воспроизводимые в речи сочетания слов, одним из основных признаков которых является рекуррентный характер структуры, реализующийся в том, что в ментальном лексиконе говорящего они хранятся в большинстве своем как целостные единицы и характеризуются концептуальной композиционной слитностью» [567, с. 245]. Ученый выделяет пять основных признаков АСК:

- значение целого в АСК часто не выводится полностью из значения его частей, но мотивируется ими;

- большая когнитивная насыщенность, информативность и сложность, связанные с имплицитными приращениями смыслов к целому по сравнению с суммой составляющих компонентов;

- возможность довольно свободной интерпретации;

- большинство АСК не позволяют инкорпорации и достаточно редко трансформируются в предикативные конструкции;

- АСК как единицы языка совмещают в себе признаки свободных словосочетаний и фразеологизмов.

Механизм появления АСК можно проследить, опираясь на теорию Н.М. Шанского, который указывал на основные причины, неизбежно превращающие свободное сочетание слов в «устойчивый по своему составу и строению и целостный по значению фразеологический оборот»:

1. «постоянное и повторяемое употребление свободного сочетания слов не в прямом, а в обобщенном, образно-переносном значении;

2. появление в свободном сочетании слов слова связанного употребления;

3. выражение свободным сочетанием слов единого понятия, принадлежащего к актуальным для данной исторической эпохи» [541, с. 92].

В основе образования АСК лежат не «собственно лингвистические, а экстралингвистические механизмы», т.е «знание, которое может закрепиться в мозгу одного человека или нескольких индивидов, после чего <…> закрепляется в языке в качестве устойчивой и воспроизводимой единицы» [567, с. 247]. Согласимся с тем, что АСК представляют собой «промежуточные на лингвистическом уровне единицы», находящиеся между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями [там же, с. 247].

1.6.3. Фразеологизмы как производящая основа для образования прилагательных-композитов. Перспективность отфраземного словообразования отмечал еще В.В. Виноградов, который рассматривал устойчивые сочетания слов «не только как продукт окаменения и изоляции слов,

но способ и источник рождения новых слов» [80, с. 122]. Между производящими фраземами и отфраземными дериватами наблюдаются весьма сложные семантико-словообразовательные отношения, характер которых детерминируется «способом словообразования и структурно-семантическими свойствами производящих основ и деривационных аффиксов» [8, с. 101].

Мы выделяем два типа сложных адъективов, образованных на базе устойчивых словосочетаний – универбализационные композиты и единицы деривационного производства. Сложное слово, как и любое производное, «и по форме (материально), и по смыслу (семантически) восходит к своему производящему и зависит от него» [128, с. 28]. Полагаем, что семантические отношения между производящим и производным словом не всегда коррелятивны, например, универбализационный композит ***двуглавый*** не сообразуется с фразеологизмом ***о двух головах*** (неосмотрительно смелый, рискующий жизнью), сходство компонентов является чисто формальным: *Потому-то и царь у нас сейчас* ***о двух головах*** (Освобождение от условностей (блог) (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Старый Петра сына укоряет*: *– Бунтовщик ты, злодей проклятый… Аль* ***о двух головах*** *ты родился*? *Пропадай ты себе окаянный*. *Да зачем ты всю Сербию губишь*? (Пушкин. Песни западных славян; http://phraseology.academic.ru/); *В правом верхнем углу листа – гербовая печать*: ***двуглавый*** *орёл со скипетром и державой*, *такой же*, *как и на водяном знаке* (Дмитрий Быков. «Тех беглых жёнок с мужьями... отдать ему без суда» // «Родина», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Аналогичным образом можно объяснить соотношение сложений ***длинноносый***, ***длинноухий***, ***длиннорукий*** с формально коррелирующими фразеологическими оборотами. Устойчивое сочетание (остаться) ***с длинным носом*** - «ни с чем, ничего не добившись» демонстрирует исключительно формальную соотнесенность со сложением ***длинноносый*** - «имеющий длинный нос»: *Молодежь всегда остается* ***с длинным носом***, *потому что она не может смотреть на то*, *что происходит у себя под носом*: *молодежь тянет вдаль*

(М. М. Пришвин. Дневники (1928); Национальный корпус русского языка;www.ruscorpora.ru); *Конечно, это мужичок, скрючившийся в уголке, – **с длинным носом**, заросшим щетиной лицом и застывшими, округлившимися, однако очень внимательными и умными, хотя и мутными глазами* (Андрей Белозеров. Чайка (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А еще была уверена, что недостаточно красива для большого экрана – толстая, **длинноносая**, не с такими потрясающими ногами, как у Джессики Ланг* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014); ***длинные уши*** - «о человеке, который подслушивает и делает доносы» и сложение ***длинноухий*** - «имеющий длинные уши»: *А вот **длинноухий** тушканчик, обнаруженный не так давно в пустыне Гоби, по праву может гордиться не только своим длинным хвостом, но и огромными ушами.* (http://ianimal.ru/topics/dlinnoukhijj-tushkanchik); ***длинные руки*** - а) «иметь большую силу, влияние»; б) «присваивать чужое, воровать» и сложение ***длиннорукий*** - «имеющий длинные руки»: *Это вызвано тем, что он формируется в основном за счет двух источников: с одной стороны - пропагандистского обеспечения акций самих «отцов города», с другой - резко критических выступлений в оппозиционной прессе по поводу «распродажи столицы» и других «неправедных деяний» «Юрия **Длиннорукого**»* (http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=108879); *Чиновник подчеркнул, что у его ведомства, у министерства обороны и у американского народа «хорошая память и **длинные руки**»* (http://www.ntv.ru/novosti/1199976); *И вот теперь, когда глава Партии регионов предстал пред очи европейской общественности, последняя не преминула спросить у него о дальнейшей судьбе «**длиннорукого**» депутата* (КПвУ, № 22, 23.07.2015). Композит ***длиннорукий*** заключает в себе доминирующее этимологическое значение ***с длинными руками*** в отличие от синонима ***долгорукий*** (квазикомпозит – Л. С.), который употребляется в значении «нечистый на руку»: *Ретардант же, у которого первая фаза будет относительно длиннее второй, сохранит конституцию долговязого подростка – останется на всю жизнь **длинноруким** и длинноногим* (http://www.ug.ru/old/01.17/t19.htm).

Отмечая традиционную устойчивость фразеологических единиц, исследователи признают для многих из них активную варьируемость, которая нарушает относительную устойчивость. По мнению ученых, окказиональные ФЕ служат «не смысловой заменой языковых эквивалентов, а средством вербализации индивидуально-авторских концептов» [292, с. 235]. Так, дериватом фразеологизма ***хлеб-соль*** является ***хлебосол***, мы же рассматриваем композит ***хлебосольный***: ***хлебосольный*** – ***хлеб-соль***: *Обряд* «***хлеб-соль***» - *это традиция встречи родителями жениха молодоженов у себя дома караваем с* солью (http://www.superfamily.ru/traditions/wedding-bread.html); *Иван Грозный ведь на псковитянке женился, которая ему* ***хлеб-соль*** *поднесла, когда он в город въехал* (Алина Бериашвили. Фамильные ценности (2013.03.26) // «Новгородские ведомости», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Русская традиция милосердна к Амфитриону: после перевода на русский мольеровского «Амфитриона» его имя стало синонимом гостеприимного,* ***хлебосольного*** *хозяина* (http://drevniebogi.ru/).

Сочетание ***голубая кровь*** относится к окказиональным ФЕ, возникшим как результат переосмысления фразеологизмов в современном русском языке, данная единица употребляется в узуальном значении «аристократическое происхождение» и в окказиональном – «истинное благородство, высота духа», например: *Вот если бы еще Распутин оказался не сибирским мужиком, а дворянином* ***голубых кровей****, а его убийцами были бы не князья, а пламенные революционеры-большевики*! (Виктор Казаков. Целлулоидные куклы (2003) // «Вслух о …», 2003.07.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это привело к тому, что людям* ***с голубой кровью*** *часто приходилось показывать другим свою силу, отстаивая свои права* (http://www.together-info.ru/ru/info-portal/chennelingi/o-lyudyah-s-goluboj-krovyu#ixzz4ONftwx8e); *По мнению ряда экспертов,* ***голубокровные люди*** *появляются на свет не случайно* (СН, 1.01.2014).

В русском языке существует нескольких фразеологических оборотов и их вариантов в качестве производящей базы для сложных адъективов. В указанном

случае «вопрос о соотносительности данного композита с тем или иным фразеологизмом может быть решен с учетом степени семантической и формальной близости этих единиц» [128]. Рассматривая структуру композита ***вековечный***, мы считаем его посессивным словосочетанием и определяем как аблятивную плюральную конструкцию с предлогом **предл + Прил4мн + Сущ4мн / оснПрил4мн + инт + оснСущ4мн + парПрил**: *Все это обогатило мою жизнь одним из самых прекрасных даров – искренней дружбой* ***на веки вечные*** (http://yandex.ua/yandsearch?text); *Людей интересует не* ***вековечная*** *дружба с братским народом, а зарплата и достаток* (http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/ukraina-ili-okraina). Композит ***вековечный*** находится в коррелятивных отношениях с фразеологическим оборотом ***веки вечные*** (***на веки вечные***), семантика которого множественна и весьма противоречива. О.А. Романова вполне справедливо замечает, что «варьируется не только форма фразеологизма, но и его значение, что относится к разряду семантических изменений фразеологической единицы» [384, с. 115]. По нашим наблюдениям, адъектив имеет значение «всегда, вечно» или же абсолютно противоположное значение «никогда, ни при каких обстоятельствах». Как отмечает М.М. Джафаров, «возможность такого относительно свободного толкования слова ***вековечный*** обусловлена отвлеченным характером его лексического значения, связанного с указанием на временную соотнесенность событий» [128]. Более того, композит ***вековечный*** встречается в текстах в значении «весьма прочный, крепкий». Данные нашей картотеки подтверждают, что приоритетным является первое значение (всегда, вечно): *Путин поздравил Януковича и подтвердил нерушимость* ***вековечной*** *дружбы* (fakty.ictv.ua, 24.08.2013); *Провалилась попытка вылепить из вашей страны неприятный, не соответствующий действительности образ этакого* ***вековечного*** *коварного врага Украины* (http://news.bigmir.net/world_about_us/266117); *Ну, а пока, конечно, дружба* ***на веки вечные*** *и совместное строительство многополярного мира входит в* интересы *и Китая, и России* (http://русскийконсерватизм.рф/politika/takticheskaya-kitayskaya-druzhba/).

Сложные прилагательные в современном русском языке могут образовываться на базе свободных словосочетаний, коллокаций и фразеологических единиц, являясь при этом универбализационными композитами и единицами деривационного словопроизводства. Статус словосочетаний определяется с учетом целостности их семантики, а также структурной и семантической соотнесенности их компонентов. Идиоматизированные словосочетания и фразеологизмы демонстрируют цельное значение, которое не выводится из значений составляющих их компонентов. Свободное же словосочетание реализует значение только главного слова, при этом зависимое слово является только вербализованным компонентом этого значения.

1.7. Понятие о словообразовательном значении. Транспозиция, мутация, модификация как типы словообразовательного значения прилагательных-композитов

К основным операционным единицам словообразования относятся составные части мотивированного слова – мотивирующая (производящая основа) и формант, которые выстраивают словообразовательное значение (далее СЗ). Современные ученые-лингвисты заявляют о способности словообразовательного значения «классифицировать отражаемую в нем действительность, создавать стереотипы семантических классификаций, а также хранить в себе информацию, зафиксированную внутренней формой мотивирующего, соединяя в себе новый опыт со старым» [332, с. 118]. Под словообразовательным значением понимается «значение словообразовательного ряда, выражаемое тем или иным формантом при наличии словообразовательных связей между производящим и производным словом. Словообразовательное значение – это типовое значение ряда одноструктурных образований» [31, с. 71].

Ономасиологический подход к определению словообразовательного значения предполагает, что оно мыслится как «значение модели в целом, а не значение отдельно ее рассматриваемых частей и их сумма» [230, с. 96] и вполне соответствует деривационной природе словообразовательной семантики. Данная трактовка является основанием для выделения трех основных типов

словообразовательных значений – транспозиции, мутации и модификации, впервые предложенных М. Докулилом [586]. Ономасиологический принцип разграничения СЗ учитывает «конкретный замысел словообразовательного акта и его результаты, измеряемые: а) дистанцией между исходным и производным словом в семантическом отношении; б) типом и характером преобразований в производном слове по сравнению с непосредственно мотивировавшей его единицей, то есть той, которая послужила его источником» [234, с. 160]. М. Докулил понимал под транспозицией перевод слова из одной части речи в другую при отсутствии изменения лексического значения, при этом наиболее убедительным примером транспозиции ученый считал образование относительных прилагательных. С точки зрения исследователя, модификация является процессом, отличным от транспозиции и являет собой частичное изменение или уточнение значения исходного слова. Мутация же предполагает возникновение абсолютно нового лексического значения на базе исходного [586].

Данная теория получила развитие в трудах Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, в последние десятилетия упомянутые словообразовательные процессы исследовали С.Г. Бабич, Н.А. Бекетова, Л.А. Вараксин, Т.К. Иванова, В.А. Косова, Г.К. Касимова, Е.Ю. Лизунова, О.И. Лыткина, В.И. Теркулов. Согласимся с мнением С.Г. Бабича, что «в основе классификации семантических изменений, связанных с процессом словообразования, лежат два основных критерия: степень тождества семантики мотиватора и деривата и тождество их синтаксической позиции» [29, с. 123].

Несмотря на то, что существуют некоторые расхождения в определении основных деривационных процессов, большинство лингвистов понимают под транспозицией «изменение частеречной принадлежности деривата с сохранением или изменением семантики мотиватора» [там же, с. 124], слова с транспозиционными словообразовательными значениями тождественны во всех компонентах своего значения со значением мотивирующего слова и отличаются от своих производящих только частеречной принадлежностью. В.М. Шарипова полагает, что «среди всех средств эволюционного развития языка наиболее

продуктивной следует считать функциональную транспозицию» [544, с. 110]. Л. Теньер, оценивая значение транспозиции (трансляции), приходит к выводу о том, что транспозиция «позволяет любой класс слов преобразовать в любой другой», что это механизм, в котором «реализуется независимость структурного и семантического планов» [462, с. 379].

Транспозиция охватывает все классы языка, но в большей степени это касается крупнейших подклассов – предметных и признаковых имен. Именно на это обращает внимание А.А. Уфимцева: «Знаменательные слова, попадающие под основные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), формируют смысл высказывания не только лексической семантикой входящих в него слов, но и синтаксической ролью и ракурсом логических связей последних в самом высказывании, суждении …. Своеобразные семантические оси, отображающие логико-семантические отношения между предметами (лицами) и их свойствами, признаками, допускают возможность различных трансформаций, деривационной транспозиции…» [507, с. 103-104].

Е.С. Кубрякова считает, что при модификационном словообразовании «происходит лишь частичное изменение или уточнение семантики исходного слова» [230, с. 147] и слова с модификационными словообразовательными значениями содержат в своем значении дополнительный мотивирующий (модификационный) признак (И.С. Улуханов, 1996; О.И. Лыткина, 2005; Г.К. Касимова, 2013). Наконец, мутационные процессы приводят к значительным изменениям в семантике деривата и не зависят от его частеречной принадлежности, называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*чай – чайник, белый – белеть, жир – жирный*) [497, с. 149]. Семантика производных слов является настолько сложно структурированной, что помимо основных трех типов словообразовательных отношений ученые выделяют также мутационно-модификационные, транспозиционно-модификационные и транспозиционно-мутационные значения для полной реализации базовых функций языка – номинативной, синтаксической и прагматической [36, с. 137].

Имена прилагательные, как уже было отмечено, обладают свойством двойной референции: «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [230, с. 10]. Первое свойство свидетельствует о наличии у производного слова (прилагательного-композита – Л.С.) индивидуального лексического значения, второе же «указывает на источник этого значения и особую форму его существования» [там же, с. 10]. Наличие собственного лексического значения позволяет считать производное слово самостоятельным номинативным знаком и дает возможность его лексикографического оформления. Как справедливо замечает Е.Ю. Лизунова, сложность в описании производной адъективной лексики кроется в нескольких причинах, а именно: «в транспонированном прилагательном аффикс зачастую выполняет лишь роль категоризатора, то есть маркирует принадлежность слова к адъективной лексике, и релятора, то есть указывает на соотнесенность признака с какой-либо другой сущностью или явлением» [255, с. 8-9]. Ученый считает, что описание словообразовательных значений производных адъективных единиц «основывается на выявлении скрытых предикатов, не выраженных в поверхностной структуре производного» [там же, с. 9].

С учетом основных положений ономасиологической теории описание семантики транспонированных прилагательных следует проводить исходя из трехчленности структуры относительных прилагательных, включающей в себя ономасиологический базис, ономасиологический признак и связывающий их предикат, при этом их ономасиологическое значение соответствует концептуальным характеристикам и входит в семантическую структуру производного слова. Данные нашей картотеки свидетельствуют о том, что универбализационные композиты (в т.ч. и бахуврихи), обладая трехчленной структурой, могут быть отнесены к транспонированным прилагательным. В то же время. В.И. Теркулов предлагает для подобного типа словообразовательных отношений использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип*, отмечая, что он так же, как модификационный, мутационный и

транспозиционный типы «указывает на особенности семантических отношений между производящим и производным» [472, с. 49-62], демонстрируя при этом полное семантическое тождество, например, ***с голубыми глазами*** / ***голубоглазый***: *Привлекают брюнетки, но перед блондинкой* ***с голубыми глазами*** *я тоже не смогу устоять*! (Отдохни, № 10, 27.02.2015); *А возможно,* ***голубоглазый*** *британец, и вы наконец сможете на практике применить ваши знания английского языка* (Отдохни, № 27, 01.07.2014); ***с белой кожей*** / ***белокожий***: *Она была очень юная, прекрасная, тонкая,* ***с*** *очень* ***белой кожей*** (СН, 6.10. 2013); ***Белокожая*** *красотка и весь покрытый татуировками темнокожий рэпер два года проверяли свои чувства на прочность* (Вива-Биография, № 5-6 (82), июнь-июль 2014); ***из двух комнат*** / ***двухкомнатный***: *Я жил на площади Тевелева, 19, с женой Анной, 28 лет, и ее шестидесятилетней матерью, в квартире* ***из двух комнат****, в самом что ни на есть центре* Харькова (Эдуард Лимонов. Книга воды (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В* ***двухкомнатной*** *квартире каким-то чудесным образом поместились маленькая Дина с моей бабушкой и мы с Сашей* (КИ, № 1, 2013).

Ученый указывает на расширение реестра мотивационных словообразовательных типов, обусловленное сложностью и многообразием отношений между производным и производящим словом или словами. Л.А. Вараксин, занимаясь вопросами компрессивного словообразования (обозначенного Е.А. Земской в 2001 г.), выделяет у дериватов конвертирующее словообразовательное значение. Это терминологическое обозначение явления «порождения производных слов, когда несколькослоговое слово заменяется менее многослоговым, а несколькослоговое наименование заменяется однословным» [65, с. 146]. При многообразии способов словообразования (аббревиация, субстантивация, усечение, суффиксация) он отмечает здесь всего лишь одно словообразовательное значение. Ученый считает, что процесс конвертирования «результирует появление универбата с тем же лексическим значением, которое имело исходное слово или словосочетание» [та же, с. 146]. В.И. Теркулов полагает, что конвертирующий тип определяет лишь формальные отношения

между языковыми единицами, что абсолютно не согласуется с семантической основой классификации мотивационных типов и предлагает интерпретировать его как эквивалентный, тем более что мнения Л.А. Вараксина [65] и Л.С. Филипповой [518] совпадают в части примеров мотивации конвертирующего типа и мотивации эквивалентного типа соответственно.

В современном языкознании термин «транспозиция» является наименее определенным, чем и объясняется множественность научных подходов к разграничению словообразовательных процессов. Изучая особенности межкатегориальной деривации, которая «не влечет за собой никаких лексических последствий» [230, с. 152], Е.С. Кубрякова приравнивает ее к понятию синтаксической деривации, являющейся частным случаем транспозиции. По мнению Е.С. Кубряковой, «примеры, иллюстрирующие у М. Докулила модификацию и мутацию, являются одновременно примерами явной транспозиции» [там же, с. 147], поскольку «подавляющее большинство процессов словообразования в разных языках носит характер транспозиции, то есть осуществляется между разными частями речи» [238, с. 342].

Исследования Е.С. Кубряковой имеют когнитивно-лингвистическую основу, исходя из этого «механизм транспозиции представляет собой такую операцию по когнитивному связыванию ментальных пространств, при которой новая целостная сущность (новое обозначение, новое наименование) характеризуется по ее части, вербализуемой в качестве мотива обозначения» [там же, с. 350]. В.А. Косова считает данное понимание транспозиции (подразумевающее образование на базе слов одних частей речи дериватов с другой частеречной характеристикой) теоретически убедительным и логически обоснованным [218, с. 144]. Е.С. Кубрякова указала на необходимость и важность исследования семантических преобразований при межкатегориальных переходах, отметив при этом важность изучения мотивированности производного слова прототипом.

Этот подход существенно отличается от исследований И.С. Улуханова и Е.А. Земской, в основу которых положен принцип выделения так называемых

словообразовательных (деривационных значений). Словообразовательное значение устанавливается путем анализа взаимоотношений производного и производящего слов и выражается словообразовательным формантом. Заметим, что словообразовательное значение не всегда определяется при обращении лишь к производящей единице, поскольку в семантической структуре деривата могут присутствовать другие семантические компоненты.

Когнитивное обоснование имеет замечание Н.Н. Болдырева, когда он обращается к явлению перекатегоризации, обозначая его как «переосмысление слова в результате его соотнесения с другой категорией за счет реализации признаков другой категории или другого концепта» [54, с. 48]. При перекатегоризации прилагательного в существительное происходит концептуализация признака в предмет мысли, а при перекатегоризации существительного в прилагательное наблюдаем концептуализацию объекта (носителя признаков) в признак, выделенный в объекте. Ученый пишет, что «в процессе перекатегоризации осуществляется перенос грамматического значения в семантически подчиненный зависимый элемент с целью его выделения. Новое значение приобретается словом именно как следствие перемещения исходного слова в другую часть речи» [там же, с. 48].

С.А. Виноградова уверенно относит данный процесс к относительным прилагательным, которые «являются результатом межкатегориальной перекатегоризации – результатом транспозиции существительного в класс отсубстантивного прилагательного», при этом «слово приобретает новое значение в результате транспозиции оригинала в другую часть речи» [82, с. 59]. Во время перехода в другую часть речи новообразованное прилагательное, по сравнению со своим эквивалентом атрибутивным существительным, «приобретает признаковую природу, которая появляется в процессах метафоризации латентных признаков» [там же, с. 82]: Весьма убедительными нам представляются примеры, взятые из английского языка:

- ‘airy’ (воздушный) – light, lightweight – раскрывает латентный признак объекта ‘air’ – легкость. Процесс продвигается дальше:

- ‘airy’ – light – graceful, - грациозный, ‘airy tread’ (легкая походка);

- ‘airy’ – light – careless, cheerful, merry – беззаботный, веселый, ‘airy laughter’ (беззаботный смех);

- ‘airy’ – light – empty, giddy, flyaway, - легкий, пустой ‘airy promise’ (пустые обещания);

- ‘airy’ – aerial, ethereal, unreal, - эфемерный, нереальный, ‘airy notions’ (неясные, эфемерные понятия).

М.Г. Волкова считает транспозицию одним из способов создания новых наименований цвета и усматривает ее сущность в том, что «слово переходит из одной части речи в другую или употребляется в функции другой части речи» [87, с. 57]. К основным процессам транспозиции ученый относит субстантивацию прилагательных и адъективацию существительных и причастий, например, *rose – розовый*, *olive – оливковый*, *lilas – лилейный*. Субстантивированное прилагательное становится субститутом существительного и получает грамматическую самостоятельность и способность «вступать в синтагматические отношения с другими частями речи», они претерпевают сужение смысла, например, *noir – черный* (*цвет*), *le noir – темнота* [там же].

В современной лингвистике предприняты многочисленные попытки рассмотрения структурных и семантических особенностей межкатегориального словообразования. В зарубежном языкознании такие исследования проводились в рамках трансформационной грамматики, акцентирующей внимание на однотипности отношений между участниками словообразовательного процесса. По мнению Е.А.Ивашко, «подобный анализ языковых единиц во многих случаях позволяет раскрыть как направление мотивации, так и характер семантических отношений между участниками межкатегориального перехода», однако не все деривационные единицы подходят под «относительно широкий, но все же лимитированный набор типовых отношений между производящим и производным словом» [178, с. 57]. К тому же надо принимать во внимание, что иногда «языковые единицы, которые формально можно описать с помощью одной и той же ядерной структуры обладают различными семантическими

характеристиками» [там же, с. 57]. На таких же позициях стоят многие современные лингвисты, в частности, Н.Н. Болдырев, потому необходимо отметить важность когнитивных концепций при изучении словообразовательных процессов. К числу несомненных достоинств когнитивного направления в лингвистике отметим признание креативного характера речевой деятельности и «невозможность сведения межкатегориальных переходов к формализованной трансформации глубинных структур в поверхностные» [178, с. 57].

Вслед за И.С. Улухановым, многие лингвисты усматривают транспозицию в таких парах слов, как *невежество – невежественный, жир – жирный,* т.к. они «тождественны во всех компонентах своего значения со значением мотивирующего слова, за исключением части речи» [193, с. 119]. Полагаем, что это утверждение может быть справедливым в отношении простых слов. Поскольку предметом нашего исследования являются сложные прилагательные, изучение которых происходит с учетом основных принципов композитологии, считаем возможным выделить в отдельную группу адъективы, образованные на базе так называемых первичных композитов, например, ***железобетонный*** от ***железобетон***, ***верноподданнический*** от ***верноподданничество***, ***трагикомичный*** от ***трагикомедия***: *Судьба этого агента оказалась* ***трагикомичной*** *и вошла в анналы шпионажа* (СН, 29.10.2013); *В парламенте Украины продолжается многосерийная* ***трагикомедия*** (Правда, 16.07.2009). *Эта* ***трагикомедия*** *рассказывает о взаимоотношениях знаменитого писателя* (*его сыграл Жерар Депардье*) *со своим главным литературным негром – Огюстом Маке* (Известия, 9.12.2015). Базовые композиты (первичные – Л.С.) являются деривационными и претерпевают, по нашему мнению, изменения мутационного характера, несмотря на оформленность производного слова парадигматическим формантом прилагательного.

Как справедливо замечают лингвисты, «мутационная деривация охватывает соотношения, при которых производное отличается от производящего тем, что обозначает совершенно иной феномен внешней действительности» [431, с. 363]. Мутационный тип приводит к значительным изменениям в семантической

структуре производного слова и считается наиболее сложным в русском языке, «поскольку он, в отличие от модификации и транспозиции, характеризуется как внутрикатегориальными, так и межкатегориальными отношениями меж производящим и производным словами» [29, с. 124].

Мутация, по мнению С.Г. Бабича, «обладает двумя особенностями: а) появлением новой интегрирующей семы и б) изменением иерархического статуса сем деривата» [там же, с. 124]. Данный словообразовательный процесс фиксируем только в деривационных композитах, поскольку в их семантику «входит как часть семантика базового словосочетания, химически соединенная с семантикой форманта, а в форму как часть – особым образом сочлененные планы выражения всех … компонентов» [468, с. 186]. Так, прилагательное ***черноморский*** является производным от словосочетания ***Черное море***, фиксируем сочленение двух основ ***черн-*** и ***мор-***, соединенных интерфиксом и оформленных суффиксом и парадигматическим формантом ***–ий***. Указанный деривационный композит реализует ономасиологическую модель *статус + локатив*: *Отдых в Скадовске для многих остается самым любимым и приемлемым отдыхом на* ***Черном море*** (http://kherson-more.com.ua); *В некоторых* ***черноморских*** *бухтах были развернуты базы для обучения боевых пловцов* (СН, 14.01.2014); ***железная дорога*** / ***железнодорожный***: *К середине 90-х гг. была закончена прокладка одноколейной* ***железнодорожной*** *ветки* (*недавно* ***железная дорога*** *продлена ещё на 300 км севернее Яньани до города Юйлинь*) (Памятные места Китая. Яньань (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Когда пришло время уезжать из Германии, на вывоз имущества потребовался эшелон из 30* ***железнодорожных*** *вагонов* (СН, 8.01.2014).

Согласимся с мнением Е.В. Самохиной о том, что «наиболее устойчивыми к изменению исходного значения производящих прилагательных являются сферы модификационной и транспозиционной деривации, при которой не затрагиваются глубинные слои семантики производящего имени» [397, с. 42]. Преобразованиям

в большей степени подвергается сфера мутационного словообразования, изменения в которой можно условно разделить на две группы:

1) сокращение производных или их полная утрата (количественный аспект);

2) изменение лексико-семантического значения производных (качественный аспект) [там же, с. 42].

Ономасиологическая трактовка транспозиционного, мутационного и модификационного типа словообразовательных значений является наиболее универсальной, но вместе с тем демонстрирует отсутствие единого понимания всех составляющих, особенно транспозиционного компонента. Разделяем точку зрения большинства лингвистов, считающих транспозицию в системе словообразования «актом номинативной деривации», когда происходит «создание производного языкового знака с предельно близким, но все же иным, отличным от источника деривации лексическим значением» [218, с. 149]. В результате исследования приходим к выводу, что для определения словообразовательного значения универбализационных композитов, являющихся по сути транспонированными прилагательными, удобно использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип* как наиболее точно отражающую семантику отношений между производящим и производным словами. Что же касается деривационных композитов, в их структуре мы зафиксировали изменения мутационного характера при описании отношений между исходным словосочетанием и образованным на его основе композитом.

1.8. Место сложных прилагательных в словообразовательном гнезде

Центральным, специфическим понятием словообразовательной системы, зерном ее, определяющим все остальные понятия, является понятие словообразовательной мотивации, которое «непосредственно связано с установлением природы названия, отражающим характер связи между именем вещи и самой вещью. Таким образом, это понятие изначально связано с номинацией, с анализом формирования в языке обозначения разных фрагментов познаваемого человеком окружающего мира» [291, с. 86]. О.П.Рябко усматривает

сущность семантической мотивации в поиске семантически мотивирующего слова, полагая при этом, что «выявить назначение словообразовательного форманта – значит установить, в каких мотивированных словах с тем или иным обобщенным словообразовательным значением он обычно встречается». Значения мотивированного слова и форманта ученый представляет в виде «семантических признаков (составных частей) изучаемого деривата», а соотношение обеих этих частей является «третьей величиной, формирующей значение мотивированного слова» [391]. О.П. Рябко определяет структурно-компонентные аспекты взаимосвязи мотивации с ее гетерогенными детерминантами и отмечает три фактора, влияющие на выбор мотива:

А) признак денотата (объективная сторона номинации);

Б) намерения номинатора (субъективная сторона номинации);

В) словообразовательные модели (структурно-семантический тип языка и его система).

Мотивационные отношения могут быть определены как оппозиционные, при этом «член словообразовательной оппозиции, обусловливающий формальную структуру и значение другого слова, называется мотивирующим словом, а тот, который зависит от первого – мотивированным» [там же]. Эксплицировать семантические признаки мотивированного слова можно лишь при раскрытии сущности семантической мотивации и установлении специфики отношений «между значением мотивирующего слова и форманта (или между значениями двух мотивирующих слов в случае композита)» [там же]. Последнее предположение считаем особенно значимым для изучения адъективных композитов, являющихся предметом нашего исследования.

Разработка системного подхода при анализе словообразовательных актов, характерная для современной теории словообразования, выдвинула проблему иерархической организации словообразовательных отношений. В этом плане особое значение приобретает анализ словообразовательных гнезд (далее СГ – Л.С.), которые, по словам А.Н.Тихонова, «играют исключительно важную роль системной организации словообразования» [481, с. 6]. Ученый пишет, что «к

актуальным проблемам современной дериватологии относится … исследование словообразовательных гнезд в диахроническом аспекте, выявление особенностей формирования их, анализ и характеристика изменений и структурных преобразований, вызванных различными лингвистическими и экстралингвистическими причинами, изучение процессов распада и возникновения новых гнезд, описание путей совершенствования словообразовательной системы языка как системы гнезд» [там же, с. 12].

Современные классификации СГ позволяют выделять гнезда «простые и сложные, закрытой и открытой структуры, разветвленной и неразветвленной структуры, моноструктурного или ансамблевого типа, с гомогенными и гетерогенными парадигмами, с типичными и нетипичными словообразовательными цепочками, с полноценной, развивающейся или дефектной структурой» [304, с. 434]. Гнезда открытого типа демонстрируют способность пополняться, к ним относятся гнезда с вершинами-прилагательными и вершинами-существительными, «входящими в какие-либо тематические группы и являющиеся видовыми наименованиями какого-либо рода предметов, явлений». Важно отметить, что СГ открытого типа чаще всего пополняются «словами-усечениями, суффиксальными универбатами, субстантиватами, производными, созданными различными типами аббревиации и сложения» [там же, с. 434].

И.А. Ширшов определяет гнездо как группировку слов, обладающих общностью корня или аффикса [555, с. 45]. В соответствии с данным определением, все гнезда русского языка распадаются на корневые и аффиксальные (префиксальные и суффиксальные), простые и сложные, каждое из которых в зависимости от аспекта, положенного в основу его описания, делится на несколько видов: лексическое, словообразовательное, морфемное и лексико-словообразовательное. По мнению автора, полное представление о гнезде дает комбинация семантического и словообразовательного аспектов, при этом само гнездо предстает как система семантической и словообразовательной деривации [554, с. 21]. Ученый вводит понятие лексико-словообразовательное гнездо, оно «предстает как структурно-семантическое целое, в котором смысловые

отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты сливаются неразрывно» [там же, с. 22].

В концепции, предложенной И.В. Евсеевой, лексико-семантическое гнездо отражает «семантическое разнообразие его производных слов», что указывает на многоаспектность семантики мотивирующего и мотивированного слов [143, с. 194]. Дериват может связываться с другими единицами того же гнезда не только путем мотивационных отношений, но и через лексико-семантические варианты. А.И. Моисеев трактует СГ как суммарный результат словообразовательных процессов, начатых на базе исходного (корневого), составляющего вершину гнезда слова и продолженных на базе его производных и производных всех последующих степеней производности, ставших производящими [306, с. 174]. С.М. Еникеева пишет, что СГ «характеризуется иерархичностью структурной организации, большей степенью открытости и неравновесности, разнообразием аттракторов, на которые может выйти система вследствие создания новых дериватов» [146, с. 113]. В.М. Никитевич полагает, что «индивидуальность словообразовательного гнезда обусловлена многими и известными причинами: общей и конкретной семантикой исходного слова (лексической морфемы), морфонологическими свойствами его финали, исторически неодинаковыми вспышками и затуханиями продуктивности разных моделей, по-видимому, и общей тенденцией к аналитизму, а также внелингвистическими факторами» [322, с. 14].

Вслед за В.М. Никитевичем В.Г. Фатхутдинова указывает на то, что «ни одно словообразовательное гнездо в русском языке не повторяет другого ни в семантическом, ни в структурном отношении», поскольку «каждое производное слово, входящее в словообразовательное гнездо, обладает уникальным лексическим значением», из чего следует, что «все комплексные единицы … также уникальны и неповторимы» [512, с. 24].

В нашем исследовании решается проблема определения места сложных слов в словообразовательном гнезде, то есть в «иерархически организованной, упорядоченной совокупности всех производных базового слова» [430, с. 357]. Под

базовым словом понимается номинатема, обозначающая любую языковую сущность, объединяющую глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности [468, с. 149]. В.Г. Фатхутдинова интерпретирует СГ как «совокупность лексических единиц, выражающих особый тип языковой семантики – лексико-словообразовательные значения» [514, с. 8]. М.Н. Янценецкая полагает, что лексико-словообразовательные значения помогают определить тематические классы явлений, находящимися в соответствии с определенными принципами номинации [576, с.21]. Л.А. Араева вполне справедливо замечает, что «уровень лексико-словообразовательной семантики, находящейся на пересечении ментальных, синтаксических и лексических проявлений, включающий индивидуальные лексико-словообразовательные значения, наиболее значим при исследовании процессов деривации в силу его прагматической осознанности» [16, с. 45].

Известно, что лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) слов обладают различным словообразовательным потенциалом. Структурно-семантический анализ СГ с вершинами, относящимися к определенным ЛСГ, позволяет выявить не только их словопорождающие свойства, но и степень актуальности для языкового сознания [513, с. 687-691]. Предметом нашего исследования является изучение существующих научных подходов к проблеме определения места сложных слов в словообразовательном гнезде, что является одним из самых спорных вопросов современного языкознания. Более того, считаем необходимым определить положение адъективных композитов в СГ.

Как пишет В.Г. Фатхутдинова, принадлежность исходных слов к ЛСГ определяет «структурно-семантическую основу гнезда, а семантическая близость слов одной ЛСГ предопределяет общность их словообразовательных возможностей, отраженных в структуре конкретных и типовых парадигм» [514, с. 37]. Считаем вполне справедливым ее замечание о том, что «отнесенность исходного слова к определенной ЛСГ формирует однотипную структуру словообразовательного гнезда, последовательность образования производных и их расположение в гнезде, набор формантных структур, характеризующих его

адъективную, субстантивную, вербальную и адвербиальную зоны» [там же, с. 37]. Е.С. Кубрякова определяет словообразовательные процессы как своеобразное моделирование, когда воспроизводится модель слова-образца, его морфологическая структура, но при этом она заполняется новым лексическим материалом путем замены одного из компонентов [230, с. 26]. В.И. Теркулов отмечает, что «указанные единицы, в сущности, являются системами констатирующего моделирования словообразовательных и, шире, номинативных процессов не только отдельно взятых языков, но и языка вообще» [468, с. 188].

Полагаем, что проблема обозначения четких границ СГ для прилагательных-композитов во многом обусловлена сложностью определения исходного слова. В современном языкознании существует несколько подходов к решению проблемы отнесенности композитов к словообразовательному гнезду. Н.А. Ярошенко рассматривает сложное слово как «полноправный компонент СГ, который представляет собой место пересечения нескольких гнезд, отражая в своей структуре и семантике их взаимодействие и тем самым углубляя восприятие словообразования в целом и СГ как его единицы в системе взаимосвязанных элементов» [578, с. 267]. Сложное слово в понимании ученого имеет широкое значение, т.к. под это определение подпадают композиты, сложносокращенные слова, сращения и юкстапозиты. Исследователь стоит на позициях таких ученых-лингвистов, как А.Н. Тихонов и Е.А. Карпиловская, которые отмечают способность сложного слова входить в два и более СГ всеми своими частями.

Следует упомянуть теорию аллигатур (от лат. Alligatura – связка, пучок), которая описывает «совокупности гнезд и рядов, объединенных связующими элементами, в случае гнезд – словами с несколькими корнями, в случае рядов – словами с несколькими аффиксами. План выражения аллигатуры гнезд является конечным множеством, связанным сложными словами, которые входят сразу в несколько составляющих» [9, с. 35]. СГ способны объединяться в аллигатуры, в состав которых входят дериваты разных гнезд, а словообразовательные ряды формируют алигатуры путем образования аффиксально-префиксальных

дериватов. Адъектив ***мелкособственнический*** можно рассмотреть как аллигатуру или как слово, входящее в два СГ с вершинами ***мелкий*** и ***собственник***, а ***снегоуборочный*** – с вершинами ***снег*** и ***убирать.***

Следующий подход к решению проблемы отнесенности композитов к СГ опирается на мнение И.А. Ширшова, которое является весьма авторитетным в разработке теории словообразовательных гнезд. Вместе с тем, он предлагает несколько упрощенный подход к отнесению композита к СГ – по первому конструкту, т.е. по алфавитному признаку [554, с. 51]. Согласно данной теории указанный выше композит ***мелкособственнический*** можно отнести к словообразовательному гнезду с вершиной ***мелкий***, а слово ***снегоуборочный*** к СГ с вершиной ***снег.*** Данная теория не может быть признана функциональной с позиций когнитивного подхода к изучению языковых единиц.

И.Д. Михайлова замечает, что традиционно при описании СГ было принято «дериваты – сложные слова описывать лишь в одном гнезде по первому корневому элементу сложения» [304, с. 435], но в этом случае речь не идет о «полноте представления другого гнезда». В этой связи появилась тенденция к выделению простых и сложных СГ, в простых гнездах нет сложных дериватов, в сложных же они присутствуют. Сложные СГ могут быть моноструктурными или ансамблевого типа, т.е способными образовывать с другими СГ словообразовательные ансамбли. Напомним, что под словообразовательным ансамблем понимается «объединение словообразовательных гнезд, имеющих в своем составе общие сложные слова», такие гнезда еще называют усложненными. Так вот ядро данных ансамблей занимают те СГ, в которых перекрещиваются гнезда с вершинами, относящимися к разным частям речи, что, собственно, мы и наблюдаем при изучении композитов, в т.ч. адъективных.

Ученые обращают внимание на возможность прилагательных выполнять характеризующую функцию, когда «в одной единице дается многоаспектная, всесторонняя характеристика предмета или явления; СГ с вершиной прилагательным качественным или с вершиной-существительным, способным реализовать словообразовательный потенциал для создания относительного

прилагательного, будут СГ открытого типа», они в состоянии произвести «дериват, способный одной единицей задать многоаспектную характеристику предмета» [там же, с. 435]. Весьма примечателен следующий пример: «*Чуть не половину мастерской занимал невероятный*, ***обеденно-рабоче-раскройно-чертежный*** *стол*, *на котором и за которым у обитателей этого дома была сосредоточена изрядная часть жизни»* (Д.Рубина, «Синдром Петрушки») [там же, с. 435].

А.В. Петров считает, что «сложные слова могут формировать самостоятельные гнезда» [347, с. 384]. В основу построения гнезда им положены два аспекта – словообразовательный и семантический, что дает нам представление о гнезде как едином структурно-семантическом объединении. Являясь автором «Гнездового толково-словообразовательного словаря композитов», ученый предлагает группировать композиты в соответствии с их словообразовательной структурой. В качестве систематизирующего элемента взят второй (опорный) компонент сложения, который «составляет стержень слова и в структурном, и в семантическом отношении» [там же, с. 384].

По мнению Н.Ф. Клименко, принадлежность к СГ определяется по главному слову производящего словосочетания. При этом первый компонент (в нашем примере ***мелкий***) ученый считает классифицирующим, а второй (***собственник***) – идентифицирующим [201, с. 26]. Следовательно, ***мелкособственнический*** относим к СГ с вершиной ***собственник***, а ***снегоуборочный*** входит в СГ с вершиной ***убирать***. Данная теория нам наиболее близка, т.к. она позволяет рассматривать композиты в ономасиологическом аспекте и прослеживать мотивационные отношения между базовым словосочетанием и сформированным на его базе деривационным композитом. При этом считаем необходимым уточнить, что «среди сложных слов есть как слова, входящие в состав СГ, так и слова, которые находятся вне их пределов, так как являются не самостоятельными номинативными единицами, а только глоссами, универбализационными дублетами номинатем-коллокаций в пределах их тождества, то есть реализуют отношения внутренней мотивации, например,

нефтеперегонка (= ***перегонка нефти***), ***радиоузел*** (= ***радиотрансляционный узел***)» [468, с. 191]. Мы констатируем наличие в языке процессов, в результате которых между словосочетанием и образованным на его базе композитом не возникает никаких семантических различий, например, ***с длинными волосами*** / ***длинноволосый***: *В туманную погоду здесь является призрак девушки* ***с длинными волосами*** (СН, 1.01.2014); *Петренко на всю Россию орал, что разобъет этому* ***длинноволосому*** *молокососу рожу* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); ***одного пола*** / ***однополый***: *Мы надеемся, что наши суды не пойдут против закона и разрешат гей-парады только в том случае, если они будут выступать с ярким осуждением нетрадиционных форм отношений между людьми* ***одного пола*** (Проверяй, какого пола твой сосед! // «Знание-сила», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Бесплодными людей делают духовные травмы – кровосмешение и* ***однополые*** *связи как нарушение естественного пути эволюционного развития* (СН, 5.11.2013).

В отмеченных примерах не существует отношений внешней словообразовательной мотивации между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом. Значение слова совпадает со значением словосочетания, при этом не происходят и грамматические изменения, «в случае с синтаксическими дериватами … значение производного практически не меняется, лишь добавляется специфика частеречной семантики» [304, с. 436]. Полагаем, что «между словосочетанием и его словесным эквивалентом здесь реализуются словообразовательные, но не внешние, деривационные, а внутренние, межглоссовые мотивационные отношения» [468, с. 195]. Образовавшаяся языковая единица является дублетом номинатемы, включающей в свой состав оба компонента. Языковые процессы, в результате которых происходит преобразование словосочетаний в слово, определяются нами как универбализационные, а композиты называются универбализационными.

В нашем исследовании мы опираемся на теорию номинатемы, согласно которой все сложные слова, в т.ч. имена прилагательные, делятся на три группы: универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы

квазикомпозитного образования. Разные типы композитов имеют различную модель вхождения в словообразовательные гнезда. В.И. Теркулов считает, что для деривационных композитов важным является тот факт, что они могут образовываться от всех видов словосочетаний, как от свободных (*зуборезный – резать зубцы*), так и от коллокаций (*железнодорожник – железная дорога*) и фразеологизмов (*водотолчение – толочь воду в ступе*) [468, с. 191]. Композиты, образованные от свободных словосочетаний, относятся к гнездам с вершинами – главными словами таких словосочетаний, поскольку они являются «аналитическими лексико-семантическими вариантами главных лексем» [там же, с. 191].

Представляет интерес мнение А.Г. Гуляевой, которая пишет о вершинных словах: «Природа семантического значения вершинных слов во многом обуславливает как особенности деривационных процессов в СГ, так и специфику самих дериватов, в т.ч. и в функционально-стилистическом аспекте» [122, с. 65]. Вершинные слова разных частей речи по-разному определяют специфику СГ и могут быть выражены знаменательным, служебным, междометным словом и связанным корнем. Как отмечает И.Д. Михайлова, «словообразовательный потенциал слов всех частей речи определяется составом семантических компонентов производящего и всеми лексико-семантическими вариантами многозначной вершины» [304, с. 433]. У глагола потенциал зависит от его сочетаемости, поэтому отглагольные производные выступают как реализация его валентности. Адъективы ***чугунолитейный***, ***сталелитейный*** входят в словообразовательное гнездо глагола **лить**, т.к. они образованы от лексико-семантического варианта указанного глагола: *Лучшей рекомендацией служит лояльность наших клиентов, которые регулярно приобретают продукцию нашего* ***чугунолитейного*** *предприятия* (http://bkmzlit.com/); *Кстати, время от времени мне встречаются русофобы, которые утверждают, что всего вышенаписанного не может быть, поскольку даже высокопрогрессивные и развитые Англия и Франция научились* ***лить чугун*** *только в XIX веке* (http://prozorov.lenizdat.su/essays/essay_01.shtml).

В то же время прилагательное ***камнелитейный*** не является деривационным композитом ввиду отсутствия производящего словосочетания (***лить камни***), вот почему рассматриваем эту языковую единицу как квазикомпозит. Под квазикомпозитами мы понимаем слова, образованные по уже имеющимся в языке моделям. Нам представляется интересным мнение В.Г. Фатхутдиновой о неоднородности лексико-семантической системы языка в целом и словообразовательных гнезд как части этой системы [514, с. 34-35], это подтверждает слова В.В. Виноградова о том, что «при изучении группировки слов по «гнездам» приходится учитывать своеобразие в строении и соотношении непроизводных и производных основ, свойственные разным сериям или разрядам слов, а также разные закономерности связи слов с теми или иными аффиксальными элементами» [80, с. 201]. В.Г. Фатхутдинова соглашается с И.А. Ширшовым, который определяет СГ как «одно из состояний движущейся системы, поэтому не может включать только продуктивные и регулярные образования, непродуктивные и нерегулярные образования тоже принадлежат системе, только не ее ядру, а периферии» [554, с. 132]. Считаем квазикомпозиты непродуктивными образованиями и разделяем позицию лингвистов в отношении единиц квазикомпозитного производства, главной особенностью которых является отсутствие базовых словосочетаний, что усложняет выведение семантического значения квазикомпозита.

Мы уже ссылались на мнение Н.Ф. Клименко, которая выделяет в композитах всех типов и квазикомпозитах, в том числе, основы-классификаторы, которые обозначают профиль базового компонента, и основы-идентификаторы, которые исполняют роль базового компонента композита [201, с. 26]. Функцию идентификатора при образовании квазикомпозитов выполняет слово-источник, а классификатора – аффиксоид. Отнесение квазикомпозитов к СГ, в т.ч. прилагательных-квазикомпозитов, происходит по основе-идентификатору: ***нефтеносный*** относится к словообразовательному гнезду с вершиной ***нефть***, ***миндалевидный*** – ***миндаль***, ***волнообразный*** – ***волна***, ***простоволосый*** – ***волосы***. И.Д. Михайлова полагает, что СГ с иноязычными вершинами и вершинами-

аббревиатурами только начинают развиваться, поэтому условно она их называет «неразвитыми», «СГ с вершиной – связанным корнем иноязычного происхождения (СГ агит…, СГ авиа…) на первой ступени не будут иметь гомогенных парадигм», такие корни являются «полусвязанными» или «полуприкрытыми». По мнению ученого, в эту же группу могут войти и *аффиксоиды*, которые по своей структуре ведут себя как «отсубстантивные или атрибутивные гнезда, но не отвербиальные» [304, с. 437].

Деривационные композиты, образованные от коллокаций, следует относить к СГ с вершиной – коллокацией, выступающей самостоятельной номинативной единицей. Уточним, что под *коллокацией* мы понимаем словосочетание, имеющее признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого (например, *ставить условия* – выбор глагола *ставить* определяется традицией и зависит от существительного *условия*, при слове *предложение* будет использован другой глагол – *вносить*). Прилагательное ***красноармейский*** относится к СГ не с вершиной ***армия***, а к словообразовательному гнезду с вершиной – именной коллокацией ***Красная Армия***, которое является часто встречающимся устойчивым сочетанием: *Сняв* ***красноармейский*** *мундир, он надел шапку бухарского эмира, с красной лентой через плечо приехал в Урус-Мартан и объявил собравшемуся чеченскому населению о создании первого чеченского административно-территориального образования – Чеченской автономной области* (http://litrossia.ru/2013/39/08305.html); *Польские власти, принимая от* ***Красной Армии*** *переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах* (http://www.ruska-pravda.com/nit-vremeni/45-st-nit-vremeni/17687--1945-.html?tmpl=component&print=1&page).

Сюда же относим деривационные композиты ***каменноугольный*** (***каменный уголь***), ***железорудный*** (***железная руда***), ***легкоатлетический*** (***легкая атлетика***): *Запасы энергоресурсов на нашей планете велики – даже если не принимать во*

внимание нефть или ***каменный уголь*** (Метановые льды сулят безбедные времена? // «Знание – сила», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Кстати, воронки поперечником в 2-3 метра с осыпавшимися и подзаросшими краями, где просматривалась какая-то спекшаяся, похожая на* ***каменноугольный*** *шлак масса, я встречал раза три в дальней, необитаемой тайге – по-моему, непрофессиональному разумению это могут быть следы метеоритов* (Александр Кошелев. Еще один метеорит? (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Жизнь была понятной: в горах –* ***железная руда****, под землей – уголь, в Скрэнтоне – плавят сталь, в будущей Москве рубят лес* (Игорь Свинаренко. Навстречу 900-летию Москвы (1997) // «Столица», 1997.12.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Город вырос вокруг одного комбината – Коршуновского, производящего* ***железорудный*** *концентрат, и всегда зависел от его благополучия* (Константин Горин. Пролетариат превращается в орудие // «Аргументы и факты», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Мало того, обычные зрители могут считать, например, что* ***лёгкая атлетика*** *– это один вид спорта, а специалисты скажут, что одних прыжков существует как минимум четыре вида* (М. Подольский. Картинг — это круто! // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Необычный* ***легкоатлетический*** *пробег прошел по улицам Йошкар-Олы* (Пробег длиною в год (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В пределах анализируемой группы деривационных композитов-прилагательных значительную часть составляют единицы, образованные от географических названий: ***средиземноморский*** – ***Средиземное море***, ***западноевропейский*** – ***Западная Европа***, ***североатлантический*** – ***Северная Атлантика***, ***северокорейский*** – ***Северная Корея***, ***латиноамериканский*** – ***Латинская Америка***: *В политическом и экономическом плане Украина все больше становится похожей на* ***латиноамериканские*** *страны*; *В* ***Латинской***

Америке *развита олигархия, есть огромный разрыв в доходах между богатыми и бедными* (СН, 22.04.2014); ***Северная Атлантика*** *встретила нас непрерывными зимними штормами (*Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Североатлантический*** *альянс начал воздушную наступательную операцию против Югославии 24 марта 1999 г.* (Николай Патрикеев. «Решительная сила» в действии (2004) // «Воздушно-космическая оборона», 2004.10.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Среди сложных прилагательных весьма редки случаи их образования от фразеологизмов, поэтому в большей степени это относится к именам существительным – ***шкуродер*** от «драть в три шкуры», ***бумагомарательство*** – от «марать бумагу», где фразеологизмы являются вершиной словообразовательных гнезд [468, с. 192].

1.8.1. Особенности когнитивного подхода к изучению лексико-словообразовательного гнезда. С точки зрения когнитивной науки словообразование трактуется как система, образуемая «совокупностью производных лексических единиц» и состоящая из «ряда подсистем, которые выражены комплексными единицами, реализующими парадигматические отношения» [2, с. 10]. Выбор СГ в качестве некой организующей единицы обусловлен двумя причинами, во-первых, данная комплексная единица соответствует естественным классификациям и дает возможность проследить переходы от исходного слова к производному; во-вторых, СГ дает возможность «обнаружить главные типы языковых отношений в сжатом виде» [там же, с. 11].

В последнее десятилетие внимание ученых-когнитологов обращено к словообразовательным гнездам, которые признаются «комплексными единицами, способными отражать действительность через взаимодействующие мотивировочные признаки, и таким образом, выявлять когнитивную природу и механизмы словообразования» [143, с. 6], интенсивность исследований и разнообразие подходов к решению данной проблемы М.Ю. Казак оценивает как «гнездовой бум» [182, с. 3]. Современная теория концептуализации в рамках

когнитивного направления трактует лексико-словообразовательное гнездо как «высшую форму организации однокоренной производной лексики, как целостный организм, в котором все компоненты взаимосвязаны» [144, с. 41], при этом СГ обладает «ярким прогнозирующим свойством, позволяющим выявить его деривационный потенциал» [142, с. 171]. Говоря об организующей и системообразующей роли словообразовательного гнезда (СГ), Л.А. Абросимова рассматривает его как «иерархическое объединение производной лексики, которое наделено внутрисловными и межсловными структурными и семантическими отношениями и дает их наиболее полную картину» [2, с. 10]. По мнению М.Ю. Казак, СГ – одна из самых сложных и многогранных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений [182, с. 14].

Л.С. Абросимова считает такой тип организации производной лексики «эвристичным» при работе с соматизмами и их производными, поскольку «специфика соматической лексики заключается в ее универсальности, константности, она вербализует понятный обыденному сознанию человеческий опыт» [2, с. 11], а также учитывает экспериенциалистскую природу ментальной деятельности человека. Экспериенциальный подход в исследовании соматизмов и отсоматических производных позволяет отметить зависимость между частью тела и ее языковым именованием как отражение культурного опыта в картине мира, которая формируется практическими потребностями человека и представляет собой основу для его дальнейшей познавательной деятельности. Ученый отмечает, что «аксиологическая маркированность соматизмов дает возможность предположить, что части тела – наиболее важные для человека в сенсорном познании мира и предметно-практической деятельности – являются источником большего количества производных единиц» [там же, с. 12].

Поскольку значительную часть нашего исследования составляют именно соматизмы и их производные, считаем необходимым обратиться к рассмотрению разных языковых подходов. Нам представляются интересными работы И.В. Евсеевой, посвященные рассмотрению фреймовой организации дериватов, образованных от соматизмов, данное исследование считаем весьма перспективным для анализа сложных адъективов. Соматическая лексика отражает «знание носителей языка о себе, о частях своего тела и о других телесных объектах, а также об окружающем мире» [144, с. 35]. Так, концепт ***сердце*** имеет несколько лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), продуцирующих разное количество дериватов. Заложенные в базовом слове потенции формируют специфичные ситуации – слоты, сформированные пропозициональными схемами (ПС) и пропозициями (П). Полагаем, что интересующие нас прилагательные – композиты (преимущественно квазикомпозиты) имеют такое местоположение: слот «качество»: ПС - «признак – предикат – качество», П «признак, характеризующий качество человека» - ***жестокосердый***, ***твердосердый***, ***сухосердный***, ***чистосердый***, ***чистосердечный***, ***добросердечный***, ***мягкосердечный***, ***мягкосердый***, ***простосердечный***: *И* ***жестокосердый*** *нарком Николай Иванович Ежов по пути туда запел* «*Интернационал*»*, а несгибаемый Абакумов после трех месяцев в кандалах в камере-холодильнике вскричал навстречу летящим пулям*: «*Я все напишу в Политбюро*!» (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); – *Не везет мужику*, - *сокрушался* ***добросердечный*** *соотечественник, попивающий чай в каком-нибудь Дальнереченске* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); «*При помощи моей машины можно отрубить голову в мгновение ока, без малейших страданий осужденного*», *– уверял* ***мягкосердечный*** *доктор Гильотен депутатов* (http://sokrytoe.net/29437-myagkoserdechnyy-doktor-giloten.html); *Впрочем, доказательств, помимо* ***чистосердечного*** *признания, хватало с избытком* (СН, 14.01.2014); *Так промолвит* ***простосердечный*** *человек, отчего-то всегда позабывая о себе*; *что мне несчастия иных, коли мучаюсь я сам,*

– *так скажет самолюбивый человек* (Владимир Личутин. Любостай (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); слот «функционирование»: ПС «признак – предикат – объект», П «признак, связанный с воздействием на признак эмоций» - ***сердцещипательный***, ***сердцекрепительный***; слот «форма»: ПС - «признак – предикат – объект», П «признак, названный по символической форме объекта» - ***сердцевидный***, ***сердцеобразный***, ***сердцелистный***, ***обратносердцевидный***.

И.В. Евсеева также отмечает, что самое большое множество по числу дериватов в ЛСГ «рука» образуют слова, характеризующие человека в связи с его руками: ***большерукий***, ***голорукий***, ***двурукий***, ***длиннорукий***, ***долгорукий***, ***короткорукий***, ***косорукий***, ***многорукий***, ***однорукий***, ***сухорукий***, ***тонкорукий***, а также прилагательные, характеризующие человека по его действию руками: ***голорукий*** (с пустыми руками), ***короткорукий***, ***криворукий***, ***косорукий*** (все в значении неуклюжий, неловкий) [140, с. 166]: *Отсюда вывод*: *акселерант будет довольно* ***коротконогим и короткоруким*** (http://www.ug.ru/old/01.17/t19.htm); *Конечно, он узнает про себя много нового, какой он* ***косорукий*** *и безголовый, точно определится место, откуда у него растут руки* (Галина Щербакова. У ног лежачих женщин (1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

И.В. Евсеева делает вполне справедливое замечание о том, что «семантико-словообразовательные связи, последовательно проявляющие себя в структуре гнезда, соединяют постепенно все дефиниции производных слов, образованных от одной мотивирующей единицы» [142, с. 170]. По мнению исследователя, фреймовое описание разных ЛСГ с вершинами, называющими части человеческого тела, позволяет выявить «как точки пересечения этих гнезд, так и их специфику на уровне разных когнитивных структур» [144, с. 40]. А.Р.Попова, указывая на высокий словообразовательный потенциал лексемы ***рука***, полагает, что данная единица в современном русском языке «находится в активной фазе своего жизненного цикла» [362, с. 129]. Являясь вершиной словообразовательного гнезда и будучи полисемантом, рука имеет несколько значений. Первое, основное,

соматическое значение слова «*рука*» - верхняя конечность человека, породило, по мнению ученого, 578 единиц лексического уровня, что составляет 52,5% - более половины всего словообразовательного гнезда. Самые распространенные ассоциации человека с понятием «*рука*» - трудовая деятельность и власть (символ власти, владычества), они обладают значительной словообразовательной активностью и участвуют в создании 56 деривационных единиц. Согласимся с А.Р. Поповой, что «самым существенным фактором, объясняющим наличие значительных словообразовательных возможностей у ЛСВ рука, оказывается его общеизвестность, актуальность, принадлежность литературному языку», вот почему «совокупность единиц, составляющих СГ с вершиной-полисемантом рука, в лексико-семантической системе занимает значительное место и играет заметную роль» [там же, с. 131]. Ученый приходит к выводу о том, что «в словообразовательном гнезде с вершиной рука активно реализуются парадигматические отношения: синонимические, антонимические, гипер-гипонимические, но для однокоренных лексем такие отношения возможны лишь в пределах одного частного СГ (достаточно богатого и разветвленного), восходящего к определенному ЛСВ полисеманта рука» [там же, с. 132].

Напомним, что мы придерживаемся иного подхода в описании имен прилагательных с учетом основных положений теории композитостроения. Так, для прилагательного ***длиннорукий*** существует базовая структурная модель **предл + Прил5мн + Сущ5мн** (***с длинными руками***), которая универбализуется по схеме **оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил**, композит существует в пределах ономасиологического класса ***физический признак человека***, ***руки*** относим к ономасиологическому базису ***орган***, а ***длинные*** реализует ономасиологический признак ***размер***: *Высокий, нескладный, **с длинными руками** и ногами, он чем-то напоминал марионетку, которая ожила* (http://samlib.ru/w/werbena/a_mar1.shtml); *Саша Иншаков – такой молчаливый, **длиннорукий**, с длинными волосами – покорил абсолютно всех своей сдержанностью, невероятным умением все делать тихо, спокойно и очень надежно* (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В.А.Карпов предпринимает попытку структурного описания соматизмов и трактует композиты (в т.ч.соматизмы) как «сложные слова, где семантика ясна по причине наличия двух корней в слове, представлявшем некогда словосочетание» [191, с. 3]. При назывании частей тела человека «эти части могут иметь свои признаки, как правило, они передаются сочетанием согласуемых прилагательного и существительного – длинные руки, светлые волосы, синие глаза», ученый описывает их как «триады*: рука – длинные руки – длиннорукий, волосы – светлые волосы – светловолосый, глаза – синие глаза – синеглазый, ноги – короткие ноги – коротконогий, уши – отвислые уши – вислоухий*». По его мнению, «все названия частей имеют сложные определения, первый корень называет признак части тела или части части, названной вторым элементом слова» [там же, с. 5]. В семантическом отношении «первые компоненты представляют достаточно компактные группы: 1) названия цвета (*краснощекий*); 2) названия числа (*однорукий*); 3) название формы или вида (*кривошеий*); 4) названия размера (*толстомордый*); 5) другие признаки (*жестокосердый*). Ученый представил важнейшие детали человеческого тела в виде сводной таблицы, используя метод квантитативного анализа. Существенным недостатком данной классификации считаем отсутствие прилагательных типа *сухопарый, долговязый, сухощавый, черномазый,* так как «их семантика далеко не столь прозрачна», а «их частотность не столь высока» [там же, с. 4]. Мы же такие прилагательные уверенно относим к квазикомпозитам.

По результатам проведенного анализа мы пришли к выводу, что соотнесенность прилагательных-композитов со словообразовательным гнездом осуществляется по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Композиты деривационного типа могут образовываться от двух видов словосочетаний – свободных (***лить чугун*** – ***чугунолитейный***) и от коллокаций (***железная дорога*** – ***железнодорожный***), при этом вершинами словообразовательных гнезд являются главные слова производящих словосочетаний. Отнесенность квазикомпозитов к СГ происходит

по основе-идентификатору. Все сказанное выше справедливо в отношении единиц деривационного и квазикомпозитопостроения, универбализационные же композиты не могут быть рассмотрены в пределах словообразовательного гнезда ввиду полной тождественности базового словосочетания и производного слова.

Выводы к первой главе

Словообразовательные процессы современного русского языка являются предметом исследования многих ученых-.лингвистов. Значительные сложности возникают при изучении сложных слов, так называемых композитов, вот почему в современном языкознании существует несколько подходов к изучению таких языковых единиц. Сложные имена прилагательные, или адъективные композиты, являющиеся предметом нашего исследования, рассматриваются с позиций ономасиологического подхода, который мы считаем доминирующим в современной лингвистике, поскольку он наилучшим образом сочетает в себе характеристики лингвистического и когнитивного подхода к описанию наименований. Данный подход используется при установлении частеречного статуса имен прилагательных, являющего собой довольно противоречивое явление. В традиционной лингвистике существует устойчивое мнение, что имя прилагательное относится к знаменательным частям речи наряду с именем существительным, глаголом и наречием. Точное следование грамматических категорий имени прилагательного таким же категориям имени существительного позволяет говорить не только о формальной зависимости прилагательных, но и о второстепенности адъективов в системе частей речи. Нам близка позиция современных ученых-лингвистов, взгляды которых идут некоторым образом вразрез с базовыми лингвистическими представлениями об имени прилагательном как основной части речи, поскольку ученые-когнитологи трактуют имя прилагательное как вспомогательную часть речи.

Рассмотрев традиционный и новаторский подход к данной проблеме, приходим к выводу, что современная концепция определения частеречного

статуса имени прилагательного обращена к факту существования в пределах предложения трех синтаксических функций, получивших названия актант, предикат, атрибут. Анализ существующих концепций позволяет считать справедливым утверждение о том, что прилагательные, в т.ч. сложные, выполняют в предложении функцию атрибута актанта.

В языкознании не существует убедительного мнения относительно референтного статуса имен прилагательных. Традиционная трактовка относит их к нереферентным языковым единицам, делая исключение лишь для прилагательных-колоративов, значение которых связано с реализацией концепта «цвет». Как вспомогательная часть речи, имя прилагательное служит конкретизации лексических значений знаменательных глосс и актуализации референтных слотов концептов, связанных с этими глоссами через номинатему. В современной лингвистике отмечается вполне определенная тенденция к выявлению референтного потенциала у имен прилагательных, учитывая когнитивные механизмы анализа адъективов и наличие прочных связей с производящими именами существительными, являющимися абсолютно референтными в системе любого языка. Особенно убедительными в этом смысле являются относительные имена-прилагательные, демонстрирующие прочные связи с базовыми именами существительными. Семантико-денотативный потенциал имен прилагательных зависит не только от круга определяемых прилагательным существительных, что в известной степени обусловлено кругом номинируемых именем существительным референтов, но и в значительной степени от деривационного потенциала самого слова-прилагательного, от наличия и характера внутренней формы производного слова и от его дискурсивно-обусловленного контекста.

Атрибут в языкознании трактуется как необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта или явления. В русском языке атрибутивная функция реализуется простыми и сложными конструкциями. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, демонстрирующий тесное смысловое единство и сохраняющий достаточную независимость по

отношению к предложению в целом. Специфика атрибутивных отношений такова, что в функции определения мы наблюдаем не только имена прилагательные, но и имена существительные, это позволяет выделять атрибутивные и субстантивные словосочетания. Русские генитивные словосочетания существуют в пределах особой группы, представляющей собой объединение слов одного морфологического ряда, при этом семантика генитивной конструкции определяется тем обстоятельством, что опорное существительное всегда позиционируется как реляционное и обозначает реалию, находящуюся в отношениях с другой реалией.

Все атрибутивные словосочетания делятся на простые и сложные, в основу построения сложных словосочетаний заложен принцип комбинированности различных связей между главным и зависимыми словами. Изучение атрибутивных словосочетаний ставит вопрос о придании им статуса «атрибутивно-субстантивные комплексы», которые являются промежуточными единицами между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Атрибутивные композиты реализуются в языке как единицы, внутренняя структура которых является отражением структуры атрибутивного сочетания. При реальной возможности выделения нескольких корней мы трактуем данное сочетание как свернутую атрибутивную группу.

Одним из наиболее важных процессов в современном языкознании считается компрессивное словообразование, состоящее из универбации, субстантивации и аббревиации. Кроме того, в лингвистике существует устойчивая тенденция к сведению всех словообразовательных процессов в один – конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность. Примером семантической конденсации может служить явление, когда происходит включение значения одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента, например, ***мобильный телефон*** – ***мобильник***, ***подземный переход*** – ***подземка***. Лексическая же конденсация предполагает прочное слияние компонентов словосочетания в сложное слово, например, ***со светлыми глазами*** – ***светлоглазый***.

Корпус сложных имен прилагательных представлен также атрибутивными конструкциями, в состав которых входит причастие. Синкретичность категориального значения причастий обусловлена сочетанием значения действия и признака предмета. Причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. Реализация атрибутивной функции простыми и сложными конструкциями, которые принято считать атрибутивными комплексами, происходит по следующим синтаксическим моделям: «прилагательное + существительное» (*синее небо*), «существительное + существительное» (*лицо женщины*), сложные конструкции с комбинированной связью между главным и зависимым словом (*большой дом с мезонином*), бахуврихи (*розовощекий младенец – младенец с розовыми щеками*), а также модель «причастие + существительное» (*тепловыделяющий элемент – выделяющий тепло элемент*).

Ономасиологическая трактовка транспозиционного, мутационного и модификационного типа словообразовательных значений является наиболее универсальной в современном языкознании, но вместе с тем демонстрирует отсутствие единого понимания всех составляющих, особенно транспозиционного компонента. Разделяем точку зрения большинства лингвистов, считающих транспозицию в системе словообразования актом номинативной деривации, когда создается производный языковой знак с весьма близким, но все же отличным от источника деривации лексическим значением, причем транспозиция является наиболее продуктивным средством развития словообразовательной системы языка.

Для определения словообразовательного значения универбализационных композитов, являющихся по сути транспонированными прилагательными, предлагаем использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип* как наиболее точно отражающую семантику отношений между производящим и производным словами. Что же касается деривационных композитов, в их структуре зафиксированы изменения мутационного характера при описании отношений между исходным словосочетанием и образованным на его основе

композитом. Мутационный тип приводит к значительным изменениям в семантической структуре производного слова и считается наиболее сложным в русском языке, поскольку он, в отличие от модификации и транспозиции, демонстрирует внутрикатегориальные и межкатегориальные отношения между производящим и производным словами. Модификационное словообразование предполагает лишь частичное изменение или уточнение семантики исходного слова, а слово с модификационным словообразовательным значением содержит в своем значении дополнительный модификационный признак.

Сложные прилагательные в современном русском языке могут образовываться на базе свободных словосочетаний, коллокаций и фразеологических единиц, являясь при этом универбализационными композитами и единицами деривационного словопроизводства. Статус словосочетаний определяется с учетом целостности их семантики, а также структурной и семантической соотнесенности их компонентов. Идиоматизированные словосочетания и фразеологизмы демонстрируют цельное значение, которое не выводится из значений составляющих их компонентов. Свободное же словосочетание реализует значение только главного слова, при этом зависимое слово является только вербализованным компонентом этого значения.

В нашем исследовании мы определяем значение словосочетания как значение основного, базового компонента номинатемы, его носителя, которое актуализируется в зависимом слове, при этом каждая из сем номинатемы может рассматриваться как концепт, что дает возможность реализации зависимого слова в словосочетании в качестве базы для самостоятельной номинатемы. Необходимо дифференцировать свободные словосочетания, коллокации и фразеологизмы по принципу связанности структурообразующих компонентов. Мы полагаем, что коллокация может считаться пограничным явлением между свободными и устойчивыми сочетаниями и являться производящей базой для образования деривационных композитов. Такой же пограничный статус имеют атрибутивно-субстантивные комплексы, располагаясь между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Фразеологическая же единица, являющаяся более

сложным структурным образованием по сравнению со словом или свободным словосочетанием, выступает в роли исходного сочетания как для образования деривационных композитов, так и для создания единиц универбализационного композитостроения.

Словообразовательное гнездо трактуется современными лингвистами как упорядоченное отношениями производности структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты тесно связаны. Каждое словообразовательное гнездо является уникальным благодаря уникальности лексического значения каждого производного слова, входящего в его состав. Проанализировав множество научных подходов к проблеме вхождения композитов в словообразовательное гнездо, предлагаем считать наиболее обоснованной теорию о соотнесенности прилагательных-композитов со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Композиты деривационного типа могут образовываться от двух видов словосочетаний, в первом случае от свободных (***лить чугун*** – ***чугунолитейный***, ***наносить вред*** – ***вредоносный***), при этом вершинами словообразовательных гнезд являются главные слова производящих словосочетаний. Во втором случае деривационные композиты, образованные от коллокаций, следует относить к СГ с вершиной – коллокацией, выступающей самостоятельной номинативной единицей (***железная дорога*** – ***железнодорожный***). Отнесенность квазикомпозитов к СГ происходит по основе-идентификатору, например, ***нефтеносный*** относится к словообразовательному гнезду с вершиной ***нефть***, ***стекловидный*** – ***стекло***. Все сказанное выше справедливо в отношении единиц деривационного и квазикомпозитопостроения, универбализационные же композиты не могут быть рассмотрены в пределах словообразовательного гнезда ввиду полной тождественности базового словосочетания и производного слова.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБРАЗОВАНИЮ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ

2.1. Параметры определения ономасиологических классов прилагательных-композитов. Основные различия между лексико-семантической группой (ЛСГ) и лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ)

Современные лингвистические исследования направлены на решение теоретических проблем, связанных с функционированием языковой системы и лексико-семантической системы в целом. Объектом исследования выбраны наиболее часто повторяющиеся регулярные языковые процессы, которые описываются при помощи определенных правил, позволяющих прогнозировать или моделировать пути порождения новых наименований и их взаимодействия в пределах языка, когда «объектом изучения выступает та или иная интегративная совокупность единиц, связанных системными, формально-смысловыми отношениями» [542, с. 211]. Речь идет о таких парадигматических объединениях, как «лексико-семантические и тематические группы, которые одновременно являются и единицами, моделирующими лексико-семантическую систему языка» [там же, с. 211].

Все имена прилагательные русского языка, являющиеся предметом нашего исследования, могут рассматриваться как лексико-семантическая подсистема, состоящая из «иерархически соподчиненных дискретных единиц – семантических классов, семантических подклассов или лексико-семантических групп» [553, с. 66]. Структурированность на фоне соподчиненности всех элементов является главным отличительным признаком системно организованного объекта, который «становится внутренне упорядоченным, т.е. системой, в результате такого усложнения взаимосвязей между составляющими, которое ведет к появлению внутренней организации. Совершенно очевидно, что установление системного характера объекта предполагает выявление в составе целого связей между дискретными частями целого» [435, с. 15].

Опираясь на системный подход к изучению лексических единиц, полагаем, что наиболее общей категорией в лингвистике является *лексико-семантическое поле*, трактуемое как «совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой). Именем поля является, как правило, словосочетание, называющее понятие, объединяющее слова в поле» [366, с. 257]. Это иерархическая структура множества лексических единиц, характеризующихся общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. По мнению А.А. Уфимцевой, лексико-семантическое поле – «это крупное объединение семантически связанных лексем, включающих лексико-семантические группы, одна из которых является ядерной» [506, с. 274]. Лексико-семантическую группу ученый трактует как совокупность слов, прежде всего относящихся к одной части речи и «объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения» [там же, с. 274]. Ф.П. Филин определяет лексико-семантическое поле как «четко структурируемую лексическую микросистему, имеющую тенденцию к постоянным преобразованиям, основанным как на изменениях количественного и качественного состава периферийных лексем поля, так и на семантическом развитии его ядерных элементов, которые объединены общим семантическим компонентом» [517, с. 228].

Мы констатируем тот факт, что лексико-семантические поля могут состоять из нескольких лексико-семантических групп (ЛСГ), которые представляют собой парадигмы меньшего ранга. Согласимся с мнением И.В. Буйленко о том, что «семантическое поле характеризуется большим охватом лексических единиц, чем ЛСГ, и в него входят слова разных частей речи, в то время как ЛСГ объединяет слова одной части речи» [59, с. 89]. Современные лингвисты предлагают несколько дефиниций термина ЛСГ, в разное время к этой проблеме обращались В.Г. Гак, Ф.П. Филин, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, О.И. Блинова, Э.В. Кузнецова, В.И. Супрун, В.В. Банкевич, Ю.Н. Караулов, В.В. Богданов. В качестве рабочего можно взять определение В.И. Супруна: «сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной

направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем (инвариантом), относящиеся к одной и той же части речи и характеризующиеся синонимическими (в широком смысле) и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента» [456, с. 6]. Под *интегрирующим семантическим множителем* ученый понимает базовое слово в составе ЛСГ, которое имеет различные варианты названия – *идентификатор* (В.П. Абрамов, Э.В. Кузнецова), *категориальная архисема* (В.Г. Гак), *имя поля* (Ю.Н. Караулов), *гиперсема* (В.К. Андреева), *доминанта* (В.В. Богданов), *ядерная единица* (В.Л. Ибрагимова), причем все исследователи придерживаются единого мнения о том, что слову должен быть присущ категориальный характер.

Многие ученые-лингвисты указывают на открытый характер ЛСГ. Так, Ю.Н. Караулов полагает, что открытость поля, его незавершенность, способность «генерировать новые слова выступает как фундаментальное его свойство» [189, с. 214]. Ю.Д. Апресян указывает на подвижный характер границ ЛСГ в силу подвижности семантической структуры самих элементов группы, их способности к постоянному изменению и развитию, что обусловливает пересекаемость различных ЛСГ [13, с. 119], с ним соглашается И.В. Буйленко, который пишет, что любая ЛСГ не является замкнутым объединением слов, поскольку «отдельные лексико-семантические варианты слов могут принадлежать к ядру одной ЛСГ и периферии другой» [59, с. 91]. В.И. Супрун считает существенными особенностями ЛСГ как сегментов словарного состава языка деление их состава с точки зрения активного и пассивного набора лексем, социально-диалектного употребления, экспрессивно-стилистического признака, происхождения [456, с. 5 -6]. Для современной трактовки ЛСГ характерны следующие компоненты:

- наличие идентификатора;
-однородная семантика;
-членимость на более мелкие подгруппы;
-меньший объем единиц (по сравнению с семантическим полем);

-принадлежность единиц к одной части речи;

-особый тип организации;

- полевый характер;

- связь с другими ЛСГ.

По структурно-парадигматическому значению лексико-семантические группы одного и того же семантического класса образуют сложную парадигму, обладая при этом «общими (интегральными) архисемами класса, а также имеют наборы дифференциальных сем разного статуса» [553, с. 66]. Считаем необходимым еще раз уточнить, что ЛСГ представляют собой группу слов только одной части речи, «объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [365, с. 257].

Н.А. Дьячок отмечает, что «это организация слов, которая характеризуется базовым семантическим компонентом», он «обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем), обозначая класс предметов, признаков, процессов, отношений» [136, с. 302]. Связь между понятиями тематического поля, лексико-семантического поля и лексико-семантической группы заключается в иерархическом соподчинении друг другу: ***тематическое поле*** – ***лексико-семантическое поле*** – ***лексико-семантическая группа***.

В нашем исследовании мы придерживаемся понятия лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ). В пределах ЛСГОЕ не могут рассматриваться композиты с похожей, но не идентичной семантикой. Существуют некоторые различия между общепринятой трактовкой ЛСГ и ЛСГОЕ. Согласимся с В.И. Теркуловым, что «в ЛСГОЕ часто невозможно выделение доминантной номинатемы, поскольку она может находиться за пределами данного структурного типа в общеязыковом ЛСГ (например, номинатема ***человек*** для слов, образующих ЛСГОЕ «субъект»: ***авиапассажир***, ***начдив***, ***радиослушатель***)» [468, с. 222]. Ученый считает несущественным «разграничение ядра и периферии группы – оно является только отражением

разграничения ядра и периферии общеязыковой ЛСГ и выделяется на основе анализа именно последней» [там же, с. 222].

Теоретической базой для решения классификационных вопросов лексического и словообразовательного уровня языка могут служить семантические и мотивационные характеристики производного слова, рассмотренные в тесном взаимодействии. Ю.А. Шепель отмечает сложность производного слова как языкового знака и предлагает считать носителем словообразовательного значения всю ономасиологическую структуру производного, «в динамике формирования которой складываются его номинационные параметры – степень абстрактности и самостоятельности, характер связи с другими категориями, возможность выражения дополнительных смыслов (лексических, грамматических, стилистических, коннотативных) [551, с. 37]. Современные лингвисты полагают, что «методика сопоставления лексико-семантической структуры производящего слова и семантической структуры производного в рамках словообразовательного типа позволит исследовать специфику выражения словообразовательного значения, выявить особенности словообразовательной мотивации, соотношения имплицитных и эксплицитных компонентов производящего и производного значений» [76, с. 134]. Это утверждение вполне справедливо и при рассмотрении сложных слов с той лишь разницей, что производящей основой для образования композитов выступает не просто слово, а целое словосочетание.

Ономасиологическая классификация сложных слов основана на понимании того, что «сложное слово всегда постулирует наличие связи между обозначаемыми сущностями (<...> между стоящими за этими обозначениями объектами действительности), а о характере связи судят, опираясь на знание естественной логики вещей. Сложное слово, как особая единица номинации, свидетельствует, прежде всего, о том, что достаточно говорящему назвать два связанных между собой объекта, чтобы слушающий мог самостоятельно угадать тот тип связи, который имел в виду говорящий» [230, с. 64]. Вполне справедливым считаем мнение Э. Бенвениста, который настаивает на том, что «при анализе сложных имен

следует различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Только логическое отношение дает критерии для функциональной классификации сложных слов» [42, с. 242]. М. Докулил, полагая, что основной функцией лексических единиц является номинативная, предложил следующую характеристику семантической структуры слова с позиций ономасиологического подхода: «Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определенный понятийный класс …, а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономасиологическую структуру понятия как определяемое (ономасиологический базис), а признак как определяющее (ономасиологический признак» [586, с. 196].

Е.С. Кубрякова замечает, что если в непроизводных словах ономасиологический базис и ономасиологический признак выражаются нерасчлененно, имплицитно, то в производных словах, созданных по модели, бинарной семантической структуре соответствует расчлененность семантической структуры, представляющей собой двуединство производящей основы и форманта: «формальное выражение с помощью лингвистических единиц находят и базис, и признак по отдельности» [229, с. 59]. С.А. Жаботинская рассматривает ономасиологическую структуру наименования как состоящую из ономасиологического базиса, ономасиологического признака и предиката-связки, полагая, что «ономасиологическая структура вскрывает природу мотиватора как фрагмента значения языковой единицы, представленного в ее физическом теле». Ученый считает, что в физическом теле знака «элементы ономасиологической структуры могут быть выражены полностью или частично, при этом ономасиологический признак всегда выражен, эксплицитен» [148, с. 116-117].

Ономасиологический подход к изучению языковых единиц всегда интересовал ученых-лингвистов, которые признавали необходимость системного осмысления словообразовательной семантики именно в ономасиологическом аспекте и указывали на способность производного слова к одновременному отражению семантических признаков исходного и результативного класса слов.

По утверждению Г.О. Винокура, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ … и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [84, с. 421]. И.Г. Милославский писал, что «слово является семантически производным тогда и только тогда, когда производящее включается в толкование его значения. Однако не всегда можно ответить на вопрос, как следует толковать значение производного слова. Видимо, целесообразно считать слово семантически производным уже в том случае, если значение производящего может быть включено в толкование производного» [298, с. 66]. Как справедливо заметила Т.В. Веселкова, «значения анализируемых производных слов складываются из нескольких частей – семантики мотивирующей части (значения мотивирующего слова), индивидуальных для данного слова компонентов и компонентов, повторяющихся в семантике производных» [76, с. 133].

Проблеме определения ономасиологических классов композитов посвящены работы многих современных ученых. Согласно теории М. Докулила, ономасиологическая структура значения сложного слова должна состоять из двух компонентов, а именно: ономасиологического базиса, указывающего на определенный понятийный класс – родовое понятие, к которому отнесено наименование, и ономасиологического признака, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса [586, с. 146]. Вместе с тем, Е.С. Кубрякова предлагает ввести в эту двухкомпонентную структуру третий компонент – предикат, который служит для установления смысловых связей между ономасиологическим признаком и ономасиологическим базисом, а Е.А. Селиванова называет его типом отношений между базисом и признаком. Полагаем, что эти замечания справедливы в отношении деривационных композитов и квазикомпозитов ввиду отсутствия ономасиологического базиса в производящей единице.

В.И. Теркулов приходит к выводу, что «общим для всех предложенных учеными семантических классификаций композитов является их

трехкомпонентная иерархическая организация – они представляют собой последовательное распределение сложных слов по лексико-грамматическим разрядам (имя, глагол и т.п.), по лексико-семантическим группам (в дальнейшем – ЛСГ) (человек, процесс и т.п.) и по доминантному признаку исследования в пределах ЛСГ» [468, с. 217]. Например, Е.А. Смирнова и Н.В. Макарова предложили классификации ЛСГ коллоквиальных композитов, Е.Г. Васильева – посессивных бахуврихи – обозначений лица, О.В. Деменчук – колоративных композитов, Н.В. Ситянина – композитных наименований объектов и явлений природы, О.В. Блюмина исследовала композиты со значением процессуальности, Е.Г. Донцова описала атрибутивные композиты, имеющие отношение к описанию физических и социальных признаков человека. Однако следует сказать, что общей классификации ономасиологических классов композитов, по крайней мере, русского языка, пока не существует. Такая классификация должна содержать общеязыковые модели описания ономасиологических классов. Н.А. Дьячок справедливо замечает, что «ономасиологический класс объединяет единицы, которые не только обозначают однотипные реалии, но и делают это структурно однотипно. Другими словами, ономасиологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [137, с. 383]. В нашем исследовании это такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний (характеристика признака) реализован в одном соответствующем грамматическом классе единиц (в нашем случае – имен прилагательных) одинаковым структурным способом (в нашем случае – при помощи всех видов композитов). Основным параметром при их определении является отнесенность исследуемых единиц к одной части речи. Далее «части речи делятся на лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы» [468, с. 136]. Таким образом, структуру ономасиологического класса следует представить в виде последовательности «часть речи → ЛСГ → разновидность ЛСГ». Классификация должна распределить «номинатемы, включающие в свой состав словосочетание и его композитный дублет, по ономасиологическим классам по тождеству

частеречной принадлежности (лексико-грамматический разряд) и архисемы (ЛСГ), а затем осуществить внутреннюю структурацию данных групп по схемам формирования внутренних форм (ономасиологическим моделям) указанных единиц» [468, с. 219] Таким образом, классификация семантических классов композитов включает в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) ЛСГОЕ (лексико-семантическая группа одноструктурных единиц) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группы), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая «ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования [468, с. 233].

В нашем исследовании все композиты имеют одинаковую частеречную принадлежность, являясь именами прилагательными и демонстрируя общие для этого класса грамматические характеристики. Ученые-лингвисты полагают, что наиболее полно деривационный потенциал любой языковой единицы можно выявить в рамках ономасиологического класса. Словообразовательная номинация всегда связана с наличием феномена объективной действительности, который должен иметь соответствующее обозначение, потому производное слово уже в процессе своего создания «должно быть отнесено к некоторому классу, категории, причем это отнесение совершается соответственно тому, как поняты онтологические свойства обозначаемого» [234, с. 156]. Иначе говоря, в рамках номинации всегда ставится вопрос о включении представления в содержание слова. Л.А. Чижова считает, что «целью отдельного акта номинации является создание семиотических объектов для описания денотатов – свойств, качеств, отношений предметов и процессов объективной действительности» [530, с. 198].

Мы рассматриваем денотат как целостный образ номинируемого объекта действительности, отраженный в сознании носителей языка в своих типичных

признаках. Как замечает Г.М. Шипицына, денотативный компонент является важнейшим элементом лексического значения слова, во многом это обусловлено образно-предметным характером человеческого мышления, его обращенностью к миру объектов действительности [552, с. 56-57]. Специфика денотативного значения имен прилагательных заключается в том, что адъективы используются для номинации неограниченного количества свойств и качеств предметов и носит ассоциативный характер. Различие в денотатах имен прилагательных и существительных очень велико, у прилагательных «оно нестабильно, неопределенно, незавершенно, поскольку имя прилагательное – это одно из средств языка с ярко выраженным вероятностным характером значения» [там же, с. 57]. По мнению Л.А. Чижовой, в любом акте номинации можно выделить несколько стадий:

1. выделение денотата в действительности;

2. выделение новых денотатов в действительности, не имеющих имен;

3. создание образа нового денотата;

4. вычленение свойств и черт образа нового денотата как отдельных объектов мыслительной деятельности;

5. выделение специфических и типичных черт непоименованных денотатов – введение нового денотата в класс денотатов;

6. определение связей новых денотатов с теми денотатами, которые имеют имя;

7. определение стратегии номинации (имятворчество или имяупотребление) для нового денотата;

8. имятворчество или имяупотребление [530, с. 198].

Е.С. Кубрякова так описывает два типа механизмов номинации: «...говорящий владеет двумя разными механизмами речи: воспроизведения знакомых единиц и их извлечения из памяти, с одной стороны, и сборки единиц по правилам, с другой» [238, с. 44]. Именно второй тип рассматривается в рамках словообразовательных процессов, в нашем исследовании – с позиций ономасиологического подхода. Наиболее крупными объединениями сложных

прилагательных считаем три ономасиологических класса – *физический признак человека*, *социальный признак человека и характеристика объекта*, *предмета*, *процесса*, *явления*. Как справедливо замечает Г.М. Шипицына, «в системном устройстве … имен прилагательных ярко проявляется принцип структурности, что обусловлено качественно-количественной семантикой и денотативно-понятийными особенностями этой части речи» [553, с. 72]. Дальнейшее деление на группы осуществляется с учетом необходимых критериев, которые позволяют представить классификацию композитных адъективов в ономасиологическом аспекте.

Под классификацией в широком смысле понимается подведение нового предмета или явления под определенную категорию, точнее – «выстраивание определенной иерархии категорий, которые включают данный объект», при этом «именующий субъект формирует такую структуру, которая отражает наиболее яркий дифференцирующий признак данного объекта, говорящий использует некие постоянные характеристики объекта, имеющие классификационное значение» [391]. Как замечает О.П. Рябко, мотивационно-ономасиологическая структура производных лексических единиц складывается из ономасиологического базиса – понятия, которое кладется в основу обозначения, и мотивационно-ономасиологического признака – понятие, которое … уточняет содержание обозначаемого» [391]. Ученый, вслед за Е.С. Кубряковой, определяет мотивационно-ономасиологический базис как понятие «субстанции и ее разновидностей», а мотивационно-ономасиологический признак как «свойство предметов, их отношение и связь» [там же].

Интересный подход к определению номинативно-словообразовательной семантики производного слова предлагает А.А. Матюнова, которая рассматривает ее как комплексное значение, состоящее из следующих компонентов:

1) лексическое значение и / или смысл мотивирующих слово основ;

2) лексическое значение потенциальной новой номинации;

3) мотивационный признак, обеспечивающий связь означаемого и означающего, мотивирующего и мотивированного слов с учетом интралингвистических и экстралингвистических факторов;

4) ономасиологическое значение, определяющее отношения внутри номинативного суждения, положенного в основу наименования;

5) словообразовательное значение, обусловливающее выбор словообразовательного форманта;

6) категориальное и реляционное значения всех входящих в состав производного слова аффиксов [290, с. 47].

По мнению ученого, можно выделить два уровня составных элементов номинативно-словообразовательной семантики – ментальный (мотивационный признак, ономасиологическое значение, семасиологический компонент, связанный с выбором лексического значения мотивирующего и мотивированного слов) и структурный (словообразовательное значение, значения всех входящих в состав производного слова аффиксов), при этом ментальный уровень «формирует в процессе именования внутреннюю форму номинации и существует на уровне мыслительных процессов», а структурный уровень «обеспечивает базу именования» [там же, с. 47]. Е.А. Селиванова считает, что ономасиологический анализ основывается на способах представления сигнификативных составляющих в структуре номинативного комплекса и осуществляется в два этапа: интерпретирует ономасиологические структуры производных знаков и моделирует соответствующие структуры знаний об обозначаемом в виде универсальных, воспроизводимых языковых категорий [405, с. 70].

2.2. Ономасиологический базис и ономасиологический признак как компоненты ономасиологической модели

Описание ономасиологических моделей, принятое в нашем исследовании, производится с определением ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Л.И. Плотникова описывает ономасиологическую модель как «основу логического моделирования словопроизводственного

процесса, это своего рода первая ступень создания нового слова». Ученый полагает, что ономасиологическая модель является определенной схемой, которая «отражает ход мыслительной деятельности, направленной на выбор необходимой категории в соответствии с развернутым описанием», эту схему можно отнести к первому, ономасиологическому уровню, основными единицами которого являются понятийные категории, составляющие основу номинации» [355, с. 14].

Н.А. Дьячок (2016), вслед за Е.А. Селивановой (2010), трактует ономасиологическую модель как схему «формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов языковой и речевой номинации» [137; 378], которая определяется на основании следующих признаков: 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком.

2.2.1. Типы ономасиологических базисов. Всего в нашем исследовании мы выделяем 14 ономасиологических базисов и 20 ономасиологических признаков. Под *ономасиологическим базисом* понимаются базовые категории человеческого опыта (действие, носитель признака и т. п.), которым всегда приписывается ономасиологический признак, формируемый основой производящего слова. Ономасиологический базис указывает на определенный понятийный класс, родовое понятие, *ономасиологический* же *признак*, являясь дифференцирующим членом, указывает на видовой признак, выделяющий предмет внутри класса (например, для описания базиса «орган» используются признаки «цвет», «размер»). Рассмотрим их подробнее.

1. Ономасиологический базис «орган» - ономасиологический базис представлен прилагательными, которые описывают часть организма человека, выполняющую определенную физиологическую функцию**,** физический признак человека реализуется в следующих моделях универбализационых композитов и единиц квазикомпозитопроизводства:

Модель «орган + цвет», например, ***с рыжими волосами – рыжеволосый***: *Елена эта была элегантная женщина, – бывшая советская, лет сорока, худая, с рыжими волосами* (Эдуард Лимонов. Книга воды (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); «*Великолепную Анжелику*» *и другие серии о* ***рыжеволосой*** *сердцеедке смотрели и смотрят взахлеб по всему миру* (ВИВА-Биография, № 4 (81), 2014);

Модель «орган + цвет», например, ***белобрысый, белокурый***: *Его убъет из-за женщины* ***белокурый*** *молодой мужчина* (СН, 3.06.2014);

Модель «орган + размер», например, ***с длинными ногами / длинноногий***: *Мимо пробегали милые красивые девушки с* ***длинными ногами*** *и красивыми шеями, но чего-то им действительно недоставало* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Майкл без ума от* ***длинноногих*** *блондинок типа Ким Бессинджер* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); ***с высоким лбом – высоколобый***: *Это была высокая девушка* ***с высоким лбом****, над ним возвышался черный учительский пучок, такой же строгий, как весь туалет*. (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Лицо же погибшего короля, по мнению реконструкторов, было весьма привлекательным − Ричард оказался* ***высоколобым*** *кареглазым брюнетом с тонким носом и изящным подбородком* (http://www.pravda.ru/science/mysterious/past/07-02-2013/1144000-richard_3-0/);

Модель «орган + размер», например, ***долгоносый, долговязый, долгокосый***: *В лучшем случае ваша* ***долгокосая*** *подружка предпочитает долгие и изысканные прелюдии* (СН, 4.08. 2013);

Модель «орган + квалитатив», например, ***с босыми ногами / босоногий***: *Пленников вели по городу с* ***босыми ногами*** *и били, причем больше всего неистовствовали женщины* (Алексей Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Ее называли* ***босоногой*** *дивой, африканской Эдит Пиаф, поющей бабушкой и уникумом с Островов Зеленого Мыса* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013);

Модель «орган + форма», например, ***с узким лицом* / *узколицый***, *с **острыми зубами** / **острозубый***: *Молодой человек **с узким лицом** и бесцветными глазами равнодушно глядел вдаль и держал лошадь под уздцы* (Юрий Петкевич. Бессонница (2003) // «Октябрь», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Вошел **узколицый** дворецкий, справиться, какие будут распоряжения* (Борис Хазанов. Путешествие (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + форма», например, ***лопоухий*, *клещеногий***: *На экране появился другой персонаж, совсем древний старик, лысый, **лопоухий** и беззубый, с противным бабьим голосом* (Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Я помню его всегда таким, сколько знаю: невысокий, **клещеногий**. Афоня – кочегар с «Москвина»* (http://lysvag.ru/sejchas-my-zavarim-chaj-zveroboj-myata-dushica-chabor-tysyachelistnik-lechebnye-rasteniya/);

Модель «орган + коррелятив», например, ***с каменным лицом* / *каменнолицый***: *Наконец продавщица **с каменным лицом** отнесла на кассу два мотка ниток чудного бирюзового цвета* (Алена Браво. Комендантский час для ласточек // «Сибирские огни», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А **каменнолицый** Алик тут же убежал в сарай и вернулся с раздолбанной ручной тележкой* (Виктор Мясников. Водка (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + коррелятив», например, ***шишконосый*, *веероусый*, *яйцеголовый***: *Что ж, подумать – так подумать, «пошевелить серыми клеточками», как говаривал один **яйцеголовый** бельгиец, это я понимаю и уважаю* (Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + нумератив», например, ***с двумя руками* / *двурукий***: *На фоне земного шара человек **с двумя руками** размахивает еще и третьей, которую, судя по виду, только что у кого-то отрубил* (Екатерина Гончаренко. Маленький мальчик маньяка нашел (1997) // «Столица», 1997.04.15;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Он стоял, опершись о лопату, согбенный от низкого свода подкопа, по колено в грязи*: *он был* ***двурукий****, а за ворот ему упали комья земли, и, копанье прервав, он скреб рукой по спине* (Владимир Маканин. Утрата (1984); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + интенсив», например, ***с быстрыми глазами*** / ***быстроглазый***: *И как он, ловкач* ***с быстрыми глазами****, успел догадаться, что мне тут ложка нужна*! (Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В 12 лет это уже был живой, подвижный и* ***быстроглазый*** *мальчик* (СН, 3.06.2014);

Модель «орган + интенсив», например, ***остроглазый***, ***востроногий***: *Тем более год тому назад* ***остроглазый*** *охотник Тендел, побывавший в городе, принес оттуда неслыханную весть* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Условный «Байкал» обегает Байкал, но с финальным свистком обнаруживает, что чужой тренер-победитель поздравляет своего* ***востроногого*** *форварда, приговаривая*: «*Братец мой любимый. Устал, бедняжка*! *Отдохни, родимый*» (Спорт-Экспресс, 23.09.2015);

Модель «орган + квалитатив», например, ***с отвислыми ушами*** / ***вислоухий***: *За поворотом под кустами стояла крупная рыжая собака* ***с отвислыми ушами*** (http://www.lib.ru/TALES/KRASOWSKIJ/slent.txt_with-big-pictures.html); *Тут уже нужно смотреть на маму или папу, в зависимости от того, кто из родителей* ***вислоухий*** (Кошки форева! (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + квалитатив», например, ***простоволосый***, ***сухозадый***, ***сухорукий***: *Так и остался на снимке –* ***простоволосый****, в заношенной рубахе* (Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *На мотоцикле сидят верхом, как на лошади, а неуклюжий,* ***сухорукий****, хромой Сталин смолоду неплохо держался в седле и*

крайне ценил эту свою способность, единственно безопасную для окружающих (Ю. М. Нагибин. Моя золотая теща (1994); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + локатив», например, ***верхняя челюсть*** / ***верхнечелюстной***, ***нижневисочный***, ***спинной мозг*** / ***спинномозговой***: *Он косит под Николая Второго, носит бороду и периодически дает свой* ***спинной мозг****, чтобы подтвердить подлинность останков русской царской семьи* (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Будут брать всевозможные анализы, будут подвергать ее мучительным процедурам вплоть до пункции* ***спинномозговой*** *жидкости* (Александра Маринина. Иллюзия греха (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + действие», например, ***корноухий***, ***стремоухий***: *А, вы шутите*! *Спутник доктора Ди должен быть* ***корноухий***! *Господин фон Зеботтендорф, господин Гумилев*! (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Считаем уместным выделить отдельный подкласс сложных прилагательных, характеризующих ***социальный признак человека***:

Модель «орган + квалитатив», например, ***со слабыми нервами*** / ***слабонервный***: *Предупреждение*: *людям* ***со слабыми нервами*** *некоторые варианты лучше пропустить* (Автомобильный интернет (2004) // «За рулем», 2004.03.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Через некоторое время после этого измученный раскаянием* ***слабонервный*** *полковник впал в тяжелую депрессию и окончил свои дни в психиатрической больнице* (И. С. Шкловский. Эшелон (1984) // «Химия и Жизнь», 1988-1992; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + цвет», например, ***с черным ртом*** / ***чернoротый***: *Вкратце напомню. Столичная фифа* ***с черным ртом****, немереными претензиями и без намёка на хоть что-то типа совести, вполне уверенная в безнаказанности*

(http://nnm.me/blogs/z7z2929/chernye-rty-svanidzeromanovyh/); *Но эта дама обладала и обладает еще и удивительной приставучестью, что в сочетании с уникальной способностью к бесстыдной мимикрии всегда давало ей неизменно превосходный результат. Такие ротастые, я бы даже сказал,* ***черноротые*** *флюгера всегда были в цене у политиков* (Киевский телеграф, 8.02.2016);

Модель «орган + квалитатив», например, ***мягкотелый***, ***слабоголовый***, ***криводушный***, ***сиволапый***, ***жидконогий***, ***жидкотелый***: *Сейчас самое благоприятное для этого время*: *хаос, страну раздирают противоречия – национальные, территориальные, экономические*; ***мягкотелый*** *Президент, который не может показать свою власть республикам, пляшет под их дудку* (Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Нельзя таким* ***слабоголовым*** *олигархам деньги такие иметь, считают на Западе* (http://ai-zhilin.livejournal.com/168648.html);

Модель «орган + коррелятив», например, ***дубинноголовый***, ***дубоголовый***: *Зря хорошего человека обижали, не такой уж он* ***дубинноголовый*** *как кажется ... по театрам ходит* (http://www.clubvi.ru/news/2014/08/13/remember/87%20frolov/e);

Модель «орган + нумератив», например, ***двужильный***: *Мамыкин таких обещаний не давал и задачи перед нами ставил куда более значительные*: *этот* ***двужильный*** *человек-механизм с африканским загаром и обожженным сердцем пытался сделать из нас солдат* (Алексей Варламов. Присяга // «Новый Мир», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

2. Ономасиологический базис «физические свойства» - на основе данного ономасиологического базиса создаются прилагательные-композиты, которые характеризуют физические особенности человека, например:

Модель «физические свойства + коррелятив», например, ***золотоголосый***: *И это не единственное одиозное постановление, которое снискало поддержку у* ***золотоголосой*** *народной артистки* (http://antifashist.com/stat/22772-tema-bulatova-ne-davat-zatuhat-ognju-vojny.html);

Модель «физические свойства + квалитатив», например, ***сладкоголосый***: ***Сладкоголосый*** Николай Басков представил свою новую пассию на свадьбе друга – продюсера Виктора Дробыша (http://newsmuz.com/news_3_11476.htm); **с *хриплым голосом*** / ***хриплоголосый***: *Его герой – **с хриплым голосом**, чуть кривоватыми ногами, с гармошкой, частушками, плясками, такой* «*свой парень*» (Лидия Смирнова. Моя любовь (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И надо же – колоритный х**риплоголосый** итальянец вписался идеально* (КИ, № 1, 2013);

3. Ономасиологический базис «параметр» (в т.ч. физический) – ономасиологический базис включает прилагательные-критерии, характеризующие явление и определяющие его оценку, например:

Модель «физический параметр + квалитатив», например, ***низкого роста*** / ***низкорослый***: *Худой, **низкого роста**, с костлявым лицом, на котором выделялся крупный крючковатый нос, Зорин, когда улыбался, походил на Мефистофеля* (Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997);Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Низкорослый**, костлявый, с болезненно-бледной кожей, он пользовался невероятной, фантастической популярностью у женщин* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014);

Модель «параметр + нумератив», например, ***в два этажа*** / ***двухэтажный***: *Сейчас вместо уютной московской квартиры у семьи стоит в деревне рядом с храмом свой дом, а также дом для паломников. Деревянный – **в два этажа**. Рядом – огород, теплицы, ведь людей надо не только устроить на ночлег, но и попотчевать…* (Елена Зиминова. Чудеса совсем рядом (2012.12.01) // «Новгородские ведомости», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А звезды* (*и те, кто себя таковыми считает*) *со страниц глянцевых журналов позируют на фоне **двухэтажных** особняков и медвежьих шкур* (СН, 8.01.2014);

Модель «параметр + коррелятив», например, ***в одном томе*** / ***однотомный***: *Собственно, и* «*Белую гвардию*»*, тем более что у меня они **в одном томе*** (Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003; Национальный

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Огромный*. ***Однотомный***. *Ну я, естественно, посмотрел, кто из писателей вошел, кому достался портрет, кому не достался портрет* (Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // «Звезда», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «параметр + интенсив», например, ***в шесть баллов*** / ***шестибалльный***: *А выдержат ли наши девятиэтажные дома землетрясение хотя бы* ***в шесть баллов***? (Почта «Работницы» // «Работница», 1989; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Двое подростков погибли в Черном море в Алуште, оказавшись в воде в* ***шестибалльный*** *шторм* (КПвУ, 27.03.2010).

4. Ономасиологический базис «статус» (качественный и количественный) – ономасиологический базис указывает на отношение к действию, процессу или состоянию. **Качественный статус** реализуется в следующих моделях:

Модель «статус + квалитатив», например, ***мелкий собственник*** / ***мелкособственнический***: *И надо прямо сказать – ни* ***мелкий собственник****, ни средний, ни самый крупный не имеют никаких гарантий, ибо это противоречит живому течению жизни* (Алексей Митрофанов. ББ и русский марксизм (2003) // «Независимая газета», 2003.06.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В Будапешт мы попали к горячим денечкам*: *выборы в столичный муниципалитет, вокруг которых развернулась острейшая политическая борьба. Меряются силами коммунистический и* ***мелкособственнический*** *блоки. Город заклеен плакатами, воззваниями, декларациями* (Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***собственные руки*** / ***собственноручный***: *Все деревья на своей даче я тоже посадил* ***собственными руками*** (Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Он придумал сделать Джулии* ***собственноручный*** *подарок к свадьбе* (*М*ихаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

мелкая буржуазия / ***мелкобуржуазный***: *А между ними незначительные промежуточные слои*: ***мелкая буржуазия***, *остатки крестьянства, государственные служащие и люди свободных профессий* (Александр Механик. Униженные и оскорбленные // «Эксперт», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Время идет, появляются новые общественные страты, исчезают сословия и классы* («*класс рабочих, класс крестьян, класс служащих, прослойка советской интеллигенции*»), *растет если не количество буржуа, то, по крайней мере, количество людей, ведущих буржуазный и* ***мелкобуржуазный*** *образ жизни* (*а* ***мелкобуржуазный*** *образ мыслей имеет уже вся страна*), *а социальное устройство российского общества так и* не *описано* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «статус + квалитатив», например, ***благоприятный***: *Сами создайте* ***благоприятные*** *условия своего выбора и семейных отношений* (Отдохни, № 9, 25.02.2014); ***благоверный***: Он вынужден признать, что Нора сделала своего ***благоверного*** натуральным клоуном (Вива-Биография, № 1-2, 2014); ***добропорядочный***: *Мать Брейди пристроила сына в* ***добропорядочную*** *семью* (СН, 8.01.2014); ***великосветский***: *Оскар Уайльд прозорливо заметил*: «*Чтобы удержаться в* ***великосветском*** *обществе, надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать людей*» (СН, 14.01.2014);

Модель «статус + локатив», например, ***по ту сторону*** / ***потусторонний***: *Правда, что находится* ***по ту сторону*** *озера, парень не знал, но направление на Боговизну отсюда представлял точно* (Василь Быков. Болото (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Жителям Якутии приходится сосуществовать с духами и иногда жить по правилам* ***потустороннего*** *мира, как это веками делали их предки* (СН, .03.2014); ***левый берег*** / ***левобережный***: *С помощью крестьянина они переправились на* ***левый берег*** *реки* (СН, 4.03.2014); *И мы поехали на коллективную экскурсию в* ***левобережный*** *лес* (Виктор Конецкий. Вчерашние заботы (1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Западная Европа*** /

западноевропейский: *А между тем Византия и* ***Западная Европа*** *представляли собой две разные цивилизации* (Александр Алексеев. Как строился «Третий Рим» // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Поэтому, мол, нынешний уровень российского проникновения в* ***западноевропейскую*** *политику куда страшнее, глубже и шире, чем считалось ранее* (Аргументы, 4.02.2016);

Модель «статус + нумератив», например, ***второй степени*** / ***второстепенный***: *За столом с Валей и Ильей была еще пара – сослуживцы Сокольского* ***второй степени*** *важности* (Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Считать себя лучшей певицей Украины только потому, что кто-то правильно «подсчитал» в твою пользу результаты* ***второстепенного*** *песенного конкурса, явно самонадеянно* (СН, 14.01.2014);

Модель «статус + каузатив», например, ***бояться бога*** / ***богобоязненный***: *Утверждая границы владений, считая их священными и неприкосновенными, покоряя других, постигая науки и развиваясь, накапливая и обогащаясь, человек уже не помнил, что его удел –* ***бояться Бога*** (Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Послушные, молчаливые,* ***богобоязненные****, они были вежливы и прилежны* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); ***любить труд*** / ***трудолюбивый***: *Сделай так, чтобы больше всего люди* ***любили труд*** *и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни*! (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом (1963); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Народ в Шуе жил на редкость* ***трудолюбивый*** (И. Грачёва. Город мал, да много повидал... // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***светолюбивый***: *Низкие* ***светолюбивые*** *растения устроятся на подоконнике* (Отдохни, № 28, 8.07.2014);

Модель «статус + каузатив», например, ***угодный Богу*** / ***богоугодный***: *Это занятие было в почете среди казаков, так как пчела – божья букашка, а пасечник –* «***угодный Богу*** *человек*» (Казацкий спецназ (2004) // «Солдат удачи», 2004.10.06;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Вдруг братец, бормоча* ***богоугодные*** *слова, начал ее раздевать* (Аргументы, 4.02.2016);

Модель «статус + темпоратив», например, ***много лет*** / ***многолетний***: *Мы* ***много лет*** *шли к созданию СП с «Дженерал моторс», у нас ещё немало совместных планов, но… условия переговоров обязывают к конфиденциальности* (Петр Меньших, Владимир Каданников. В Тольятти придут инвесторы… (2003) // «За рулем», 2003.05.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Многолетний*** *опыт показывал, что адаптивные возможности человека намного превышают таковые у животных* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого .Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «статус + интенсив», например, ***много страданий*** / ***многострадальный***: *И почему одному человеку достается так* ***много страданий***? (Сергей Есин. Марбург (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Если разлука наша еще заставляет меня* ***много страдать****, то мой муж всегда находит средство успокоить и рассеять меня* (Юрий Безелянский. В садах любви (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В* ***многострадальный*** *Сайгон, где как раз в это время американцы негласно уже занимали бывшие казармы французских колонизаторов* (Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***высокопоставленный***: *Вину за скандал муфтий возложил на нескольких* ***высокопоставленных*** *чиновников, якобы ему противостоящих* (СН, 14.01.2014); ***низкого сорта*** / ***низкосортный***: *Во-первых, он украл табак самого* ***низкого сорта*** *«дип», как его именуют по старинке чегемцы* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Совсем недавно ему казалось, что реальная жизнь* ***низкосортная*** *и пошлая* (Вива-Биография, № 4 (81), 2014); ***высокого класса*** / ***высококлассный***: *Для мошенников* ***высокого класса****, специализирующихся на элитных клиентах, то и другое часто не становится преградой* (СН, 8.01.2014); *Монти известен как влиятельный европейский*

комиссар, ***высококлассный*** *экономист и нейтральный политик* (Вехи // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Количественный статус реализуется в одной модели.

Модель «количественный статус + нумератив», например, ***с шестью струнами*** / ***шестиструнный***: *Испанская гитара – это акустический инструмент* ***с шестью струнами*** *и девятнадцатью ладами, она же классическая гитара* (http://www.torontovka.com/journal/72/11005/); *Но всегда была со мною, боль и радости деля,* ***шестиструнная*** *гитара – неразлучная моя* (http://x-minus.org/track/13908/);

6. Ономасиологический базис «состояние» - ономасиологический базис, который указывает на положение, являющееся результатом действия:

Модель «состояние + объект», например, ***короткого действия*** / ***короткодействующий***, ***быстрого действия*** / ***быстродействующий***: *В голове у нее была программа совершенно простого и* ***быстрого действия****, которую она и применила в дальнейшем*: «*Я сначала просила* (*противника*) *об установлении мира*; *а если мира не хотели, я была готова сражаться*» (С. Оболенский. Жанна – божья дева // «Наука и религия», 1992; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Причем этот инструмент – гораздо более гибкий и* ***быстродействующий****, чем изменения в бюджетно-налоговой политике* (*за которую в ответе Минфин*) (Алексей Ефимов. Молчание финансистов (2003) // «Независимая газета», 2003.03.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + действие», например, ***закидать шапками*** / ***шапкозакидательный***: ***Закидать шапками*** *– это одно, это угроза идиотов* (Василий Ардаматский. Ленинградская зима (1971); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Я бы не увлекался* ***шапкозакидательными*** *настроениями* (А.Кофман, 30.01.16, «Точка зрения», Оплот);

Модель «состояние + темпоратив», например, ***сию минуту*** / ***сиюминутный***: *Почему эта смешная фигурка видится так отчётливо, словно*

сейчас, ***сию минуту*** *идут они по серому скрипучему снегу*? (И. Грекова. Фазан (1984) Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Если верить прессе, тайные отношения Пена и Кэмпбелл не* ***сиюминутная*** *вспышка страсти* (Аргументы, 4.02.2016); *Художник не должен опускаться до* ***сиюминутных*** *страстей* (Вива-Биография, № 4 (81), 2014); ***кратковременный***: *Зато у всех на слуху ее* ***кратковременные*** *романы с мужчинами, которые гораздо моложе актрисы* (СН, 25.02.2014); ***свежевымытый***: *Но в комнате было пусто и чисто, подсыхал* ***свежевымытый*** *пол* (Борис Екимов. Пастушья звезда (1989); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + коррелятив», например, ***ангелоподобный***, ***мужеподобный***, ***звероподобный***, ***древоподобный***, ***миндалевидный***, ***яйцевидный***, ***розоцветный***, ***крестоцветный***, ***клинолистный***: *Там они, последние представители своего вида, и спрятались – на полпути к краю утеса, под* ***веретенообразным*** *кустом* (Аргументы, 4.02.2016); *Но когда-нибудь, в новом веке, мы сами увидим человекоподобных роботов* (СН, 8.01.2014); *Фактически, в каждый патрон помещалась* ***игловидная*** *пуля, выталкиваемая пыжом* (СН, 14.01.2014);

Модель «состояние + квалитатив», например, ***тонкослезый***, ***великоразумный***, ***краеугольный***, ***полноводный***, ***пустопорожний***, ***баснословный***: *Пройдет несколько месяцев, прежде чем в июле-августе, – в Южном полушарии к этому времени наступила зима, – этот* ***полноводный*** *поток достигнет низовий Окаванго* (Александр Зайцев. Дельта Окаванго // «Знание - сила», 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И в данный момент Брит в поте лица работает над программой, с которой за* ***баснословный*** *гонорар будет веселить прожигателей жизни в клубах и казино Лас-Вегаса* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014); *Какие-то там их взрослые дела, какой-то* ***пустопорожний*** *вздор сквозь подступающую дрему…* (Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + дистрибутив», например, ***судьбоносный***, ***оскароносный***, ***золотоносный***, ***кровеносный***: *Любые фантазии помогают расширить горизонты и закладывать* ***судьбоносные*** *виражи* (Добрые советы, январь 2014); *Так что вполне возможно, что Миллер вскоре станет* ***оскароносным*** (Аргументы, 4.02.2016); *Художники-постановщики восстановили* ***золотоносный*** *прииск на берегу* (СН, 6.11.2013); *Боль на самом деле расширяла* ***кровеносные*** *сосуды, в первую очередь сосуды мозга* (Вива-Биография, № 1-2, 2014);

Модель «состояние + темпоратив», например, ***великовозрастный***: *А когда не хватало заработанных денег, в ход шло все, что можно было продать, лишь бы* ***великовозрастный*** *обормот был спасен* (Анна Василенко. «Трудные дети» любимых актеров // «Криминальный отдел», 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + интенсив», например, ***многочисленный***: ***Многочисленные*** *поклонники актера желают Уиллису появления наследника* (СН, 24.12.2013); ***скоропалительный***: *Однако* ***скоропалительный*** *брак оказался неудачным*: *хотя у них родились две дочери и сын, семейная жизнь не получилась* (Юрий Безелянский. В садах любви (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + направление», например, ***обоюдоострый***, ***обоюдовзрывной***: *Однако интерес этот* ***обоюдоострый***, *ибо и народ уже знает, что в год выборов становится возможным то, о чем раньше приходилось только мечтать* (Людмила Пирогова. В курсе дела (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.02.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***взаимно выгодный*** / ***взаимовыгодный***: *На Восточном экономическом форуме, состоявшемся в Приморье, региональные власти сумели подписать ряд крупных* ***взаимно выгодных*** *контрактов с партнерами из Китая* (http://lsmanagement.ru/economica/28-novye-ekonomicheskie-kontrakty-primorja-2015-11-30.html); *Для того, чтобы завидовать тебе подобным* (*и быть предметом зависти тех, с кем производишь* ***взаимовыгодный*** *обмен*), *не*

требуется особых знаний; *все это мы видим и на примере иных взрослых экземпляров* (Илья Утехин. Любимые вещи (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + статус», например, ***законнорожденный***: ***Законнорожденный*** *Гонсало спаивает взбунтовавшихся индейцев. Ваш автор продолжает отказываться от пищи, сна, увеселительных прогулок и прочих проявлений активного образа жизни* (Татьяна Дудкевич. Самое главное (1997) // «Столица», 1997.04.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + контрагент», например, ***стойкий к влаге*** / ***влагостойкий***, ***устойчивый к вибрации*** / ***виброустойчивый***, ***непроницаемый для воздуха*** / ***воздухонепроницаемый***: *Внешний слой – нейлон,* ***непроницаемый для воздуха*** *и отражающий солнечные лучи* (http://icebag.ru/index.php?categoryID=431); *Для осуществления этой цели потребуется только* ***воздухонепроницаемая*** *склянка* (СН, 5.11.2013);

Модель «состояние + трансгрессив», например, ***лишенный ума*** / ***умалишенный***: *Но человек,* ***лишенный ума****, становится не человеком* (http://www.worldart.ru/lyric/lyric.php?id=1415&public_page=2); *Король стал нищим, шут – мудрецом, слепой увидел мир, умный залепетал как помешанный,* ***умалишенный*** *оказался философом* (Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир (1962); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***с больной душой*** / ***душевнобольной***: *В прошлом году, когда я, изнемогая от семейного счастья, сбежал к Аркану на хутор, жизнь наша сразу не заладилась*: *ему породистая телка была нужна, а не человек, да еще* ***с больной душой***!.. (Валерий Попов. Грибники ходят с ножами (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Он приходил сюда из-за интереса к психиатрии и еще потому, что временами находил свою супругу, Софью Андреевну,* ***душевнобольной*** *и надеялся проконсультироваться по сему тонкому вопросу с корифеем медицины* (А. Рылов. «Наш профессор» // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***с ума сшедший*** (***сойти с ума***) / ***сумасшедший***: *Савелий совсем* ***с ума сошел***! (Аргументы,

4.02.2016); *Какие-то* ***сумасшедшие*** *пытаются остановить наши большегрузные машины на территории Украины* (МК в Донбассе, 18-24.02.2016);

Модель «состояние + дестинатив», например, ***способный к жизни*** / ***жизнеспособный***: *В моей душе остался светлый образ хранительницы семейного очага – свекрови Юзефы Викентьевны, с которой прожила 25 лет. Трудолюбивая, гостеприимная,* ***способная к жизни*** (https://www.proza.ru/2015/10/14/1632); *Одним из самых* ***жизнеспособных*** *был химикат, который либо отпугивал животных, либо убивал их* (СН, 14.01.2014);

Модель «состояние + коррелятив», например, ***одной крови*** / ***однокровный***: *Это происходило очень и очень постепенно… Все мы* ***одной крови****. Подвожу итоги* (Андрей Константинов. Предок из пальца // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Может, она протянет ему руку помощи и поможет найти его* ***однокровную*** *сестру*? (http://samlib.ru/r/rina_w_d/02-1.shtml);

7. Ономасиологический базис «действие» - ономасиологический базис, в котором скриптовые слоты преобладают над фреймовыми; основная составляющая ономасиологического базиса здесь указывает на одноразовое, мгновенное действие, являющееся фокусом номинации, например:

Модель «действие + трансгрессив», например, ***обогатить уголь*** / ***углеобогатительный***: *Если* ***обогатить уголь*** *с помощью песка, т.е. сухим способом, то можно сэкономить эти 2,5 млн литра воды* (http://asiarussia.ru/news/2109/); *Указанные компании имеют более 70 инсталляций современных* ***углеобогатительных*** *фабрик по всему миру* (http://podrobnosti.ua/732927-ukraintsy-obespechat-ugleobogatitelnye-fabriki-sng-syrem.html); ***нефтеперевалочный***: *Херсонский* ***нефтеперевалочный*** *комплекс заняли активисты «Правого сектора»* (СН, 4.03.2014); ***бракоразводный***: *Недавно журналисты сообщили, что Анджелина Джоли и Брэд Питт начали* ***бракоразводный*** *процесс* (Аргументы, 4.02.2016); ***понижающий жар*** / ***жаропонижающий***: *Сушеный инжир с давних времен применяют в качестве* ***понижающего жар*** *и потогонного средства для лечения простуд* (http://www.art-

pen.ru/category/frukty/page/3); *В первую очередь имеются в виду противовоспалительные и* ***жаропонижающие*** *препараты, а также витамины* (Аргумент, 4.02.2016);

Модель «действие + медиатив», например, ***поклоняться кресту*** / ***крестопоклонный***, ***сшибать с ног*** / ***сногсшибательный***, ***преклонить колени*** / ***коленопреклоненный***, ***кружить голову*** / ***головокружительный***: *Но ведь он может* ***кружить голову*** *очередной искательнице приключений* (Отдохни, № 29, 2015); *У актрис Марианны и Анастасии случалось множество* ***головокружительных*** *романов с известными кавалерами* (СН, 21.01.2014);

Модель «действие + дистрибутив», например, ***разливать вино*** / ***виноразливочный***, ***убирать снег*** / ***снегоуборочный***: *На Европейской площади Киева ночью коммунальщики внезапно начали* ***убирать снег*** (http://novostimira.com/news_83358.html); *Дворники расчищают дороги, подходы к метро, остановкам общественного транспорта, на автомобильных шоссе работает* ***снегоуборочная*** *техника* (МК, 28.10.2012); ***сосущий кровь*** / ***кровесосущий***: *Крохотные существа,* ***сосущие кровь*** *москитов — это мошки, латинское название которых звучит как Culicoides anophelis* (http://www.publy.ru/post/13524); *Временные* ***кровососущие*** *паразиты питаются многократно, часто на разных хозяевах, хотя и отдают предпочтение определенным видам теплокровных животных* (http://botan0.ru/?cat=2&id=283);

Модель «действие + фактитив», например, ***наносить вред*** / ***вредоносный***: *Электронные сигареты* ***наносят вред*** *здоровью не меньше обычных, утверждается в отчете департамента США по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами* (*FDA*) (http://www.obsheedelo.com/elektronnie_sigareti); *Ученые получили непосредственное доказательство* ***вредоносного*** *воздействия вируса Зика: полный геном патогенного микроорганизма был обнаружен в тканях эмбриона* (http://police-russia.info/novosti-nauki/26375-uchenye-dokazali-vredonosnoe-vozdejstvie-virusa-zika-na-mozg-detej.html); *Так что, дорогие мужчины, если Вам*

не безразлична Ваша же «здоровая и полноценная» жизнь, которая может продолжаться еще очень долго, то нужно обязательно придерживаться несложных правил, и следить за своим меню, из которого нужно просто убрать ***вредоносные*** *продукты* (http://www.profi-forex.org/medicina/entry1008161614.html); ***записывающий звук / звукозаписывающий***: *Прибор, изобретенный Эдисоном,* ***записывающий*** *всякого рода* ***звуки*** *на цилиндрических валиках и воспроизводящий их по желанию* (http://lex.biblioclub.ru/index.php?page=dicts&query=%); *Битлы в 1968 году основали музыкальную компанию, куда входил и* ***звукозаписывающий*** *лейбл* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014); ***болезнетворный***, ***смехотворный***, ***снотворный***, ***тошнотворный***: *Нет, потому что вакцина переносится гораздо легче, чем «здоровый»* ***болезнетворный*** *вирус* (Леонид Павлов. Счет четыре – ноль в пользу прививки! // «Даша», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Тошнотворный*** *запах на них никак не действовал* (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + финитив», например, ***убирать хлопок / хлопкоуборочный***: ***Убирать хлопок*** *студенты не хотят. В понедельник более 120 студентов Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики обратились к председателю Согдийской области с заявлением, в котором изъявили свое нежелание участвовать в* ***хлопкоуборочной*** *кампании этого года* (http://www.info-tses.kz/news/ubirat-khlopok-studenty-ne-khotyat/);

Модель «действие + фабрикатив», например, ***ситценабивной***, ***камнелитейный***, ***глинобитный***: *Совершите небольшую прогулку по лабиринту узких улочек среди живописных* ***глинобитных*** *домишек* (Отдохни, № 26, 24.06.2014);

Модель «действие + медиатив», например, ***огнестрельный***: *Шутка ли сказать, в его гараже наткнулись на мощный* ***огнестрельный*** *склад* (Владимир Черкасов. Черный ящик (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***спасаемый Богом / богоспасаемый***: *Дело в том, что в моей,*

спасаемой богом *стране, люди довольно мало думают об удобстве других* (http://kashin.guru/2014/09/22/velo/); *Россия в этом смысле счастливая и* ***Богом спасаемая*** *страна* (http://www.fishnet.ru/news/company/29459.html); ***Богоспасаемый*** *град Псков, освященный благословением и молитвами святой равноапостольной Ольги…* (Игорь Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + квалитатив», например, ***мелкодробленый***, ***мелкорубленый***, ***жидкотертый***: *В фарш добавить* ***мелкорубленый*** *лук, соль, перец, молоко* (Рецепты // «Работница», 1988; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + темпоратив», например, ***новоиспеченный***, ***новоявленный***, ***новообращенный***, ***новоизбранный***: *Переезд Тютчева в Мюнхен означал лишь начало новой успешной карьеры* ***новоиспеченного*** *перспективного государственного служащего* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); ***Новоявленная*** *католичка не отличалась целомудренностью и скромностью* (СН, 25.02.14); *В словах варяга явно сквозит неприкрытое превосходство, характерное для* ***новообращенных*** (СН, 24.12.2013); *Старший из четырех детей* ***новоизбранного*** *главы державы подарил Петру Алексеевичу внука* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014);

Модель «действие + объект», например, ***утоляющий боль*** / ***болеутоляющий***: *Анальгетики,* ***утоляющие боль****, бывают ненаркотическими и наркотическими* (http://www.universalinternetlibrary.ru/book/6696/ogl.shtml); *Также применяются* ***болеутоляющие*** *препараты при остеохондрозе, травмах и (только некоторые) после хирургических вмешательств*(http://fb.ru/article/284853/protivovospalitelnyie-i-boleutolyayuschie-preparatyi)

8. Ономасиологический базис «объект» - ономасиологический базис объединяет прилагательные, значение которых определяется наличием объекта. Реализуется в следующих моделях:

Модель «объект + цвет», например, ***из белого мрамора*** / ***беломраморный***: *Все* ***из белого мрамора***: *стены, лестницы, колонны, будто выточены из рафинада* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И знаешь, любовь моя, в зале импрессионистов обратила внимание на вещь Огюста Родена – **беломраморный** скульптурный портрет микробиолога Габричевского, который раньше как-то никогда не замечала* (Авдотья Ипполитова, Катя Метелица. Переписка двух женских друзей (1997) // «Столица», 1997.06.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «объект + квалитатив», например, ***из крупных панелей* / *крупнопанельный***: *Если, например, в некоем году XX века возведено 100 тысяч квартир в домах **из крупных панелей**, значит, и валить их придется одновременно, в один год, по истечении расчетного срока службы* (С. Смолкин. Коммунальное мышление. Надежно ли наше жилище? // «Огонек». № 5, 1991; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Высоко, подобно птице, воспарил над крутым берегом родной реки Е., вечно текущей в мудрый океан, наш шикарный **крупнопанельный** пятиэтажный дом с плоской крышей* (Евгений Попов. Стыковка (1970-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «объект + коррелятив», например, ***крестообразный***: *Но после чемпионата мира в Лондоне у Иры произошла серьезная травма – разрыв **крестообразной** связки* (КИ, № 11, 2014); ***китообразный***: *Президент Рейган и одна из мышей выволокли **китообразное** тело из воды* (https://books.google.com.ua/books?id);

Модель «объект + коррелятив», например, ***из грубого зерна* / *грубозернистый***: *Низкий гликемический индекс присущ кашам **из грубого зерна*** (http://woman365.ru/polza-i-vred-ovsyanoj-kashi/); ***Грубозернистая** мука из высушенных ягод облепихи производит нежный пилинг кожи и оживляет поверхностное кровообращение* (https://www.dermoshop.com/ru-ee/products/3018-mylo-kuskovoe-oblepihovoe); ***белый, как жемчуг* / *жемчужно-белый***: *Теплый солнечный свет, рябоватый бархат водной глади, **белый, как жемчуг**, песок – яркие фрагменты разыгравшейся фантазии* (http://mrhow.ru/379-kak-ne-sgoret-na-solnce-na-plyazhe.html); *Угрюмые валуны уступили место елкам, приблизившимся*

к самой дороге с обеих сторон, с их вершин медленно осыпался вниз ***жемчужно-белый*** *снег* (http://lib.co.ua/novel/svanholmdella/snegnajakrepost.list.jsp).

Модель «объект + локатив», например, ***горная руда*** / ***горнорудный***: ***Горная руда*** *с рудников транспортируется либо непосредственно в дробильный цех обогатительной фабрики, либо на рудничные склады для временного хранения* (http://www.cta.ru/cms/f/428058.pdf); «*Альфа-Групп*» *продолжает расширять свой* ***горнорудный*** *бизнес* (Максим Шахов. «Альфа» прикупила драгметаллов (2008.08.04) // (http://www.rbcdaily.ru/2008/08/04/industry/366697.shtml); *Китай заставит* ***горнорудные*** *компании нервничать* (http://www.vestifinance.ru/articles/47310);

Модель «объект + квалитатив», например, ***снежная лавина*** / ***снежнелавинный***: *Громадная* ***снежная лавина*** *буквально смела их палатку, которую они имели неосторожность разбить на опасной части склона* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Речь идет о III степени* ***снежнолавинной*** *опасности* (http://kvedomosti.com/218108-v-karpatah-ozhidaetsya-shod-lavin-goschs.html); ***каменный уголь*** / ***каменноугольный***: *Убедительный пример являет Германия, страна, как известно, небогатая природным сырьём, у которой долгое время основой энергетики был* ***каменный уголь****, но на территории которой нет золоотвалов* (Л. Кизильштейн. Следы угольной энергетики // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И действительно, в самом дальнем конце двора, где стена делала поворот и образовывала уютный угол, стояла котельная − собственно, не та ручная котельная, в которой сидит кочегар и поддает жару, бросая* ***каменноугольный*** *носитель энергии в железную печку прямо лопатой, всегда в майке с черным от сажи лицом и страшными белками глаз* (Борис Минаев. Детство Левы (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***мясные консервы*** / ***мясоконсервный***: *Во французской армии ещё во времена Наполеоновских войн широко применялись* ***мясные консервы*** *и маргарин*. (Владимир Армеев. Щи да каша − пища наша // «Родина», 2007; Национальный

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Барановичский* ***мясоконсервный*** *комбинат, основанный в 1927 г., одно из старейших предприятий мясоперерабатывающей отрасли Беларуси* (Международной специализированной выставке «Белпродукт» — 10 лет (2004) // «Мясная индустрия», 2004.03.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «объект + нумератив», например, ***в шестьдесят метров*** / ***шестидесятиметровый***: *Символом города стал башенный фасад с двумя* ***шестидесятиметровыми*** *башнями* (СН, 1.07.2014); *Так, окончательная высота башни приблизилась к отметке* ***в шестьдесят метров****, была достроена галерея и звонница* (http://fb.ru/article/73341/gde-nahoditsya-pizanskaya-bashnya-otvet-v-ee-nazvanii-no-mnogie-etogo-ne-znayut).

9. Ономасиологический базис «отрасль» - ономасиологический базис указывает на действие, формирующее отдельную, самостоятельную часть какого-нибудь рода деятельности или содержит указание на принадлежность действия тому или иному роду человеческой деятельности.

Модель «отрасль + квалитатив», например, ***конный спорт*** / ***конноспортивный***: ***Конный спорт*** *медленными, но верными шагами входит в моду в нашей стране* (Марина Руина. Эх, прокачусь! (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.04.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Следующий вид* ***конноспортивных*** *состязаний, включенный в программу Олимпийских игр, называется троеборьем* (http://www.hjonline.ru/sport-i-otdyh/zanyatiya-sportom/358.html); ***рыбная промышленность*** / ***рыбопромышленный***: *Поэтому* ***рыбная промышленность*** *должна располагать не только крупными, но и средними и мелкими предприятиями, особенно на внутренних водоемах с небольшими запасами сырья* (http://www.russia-city.ru/istoriya-promyshlennosti/423-rybnaya-promyshlennost.html); ***Рыбопромышленный*** *комплекс играет ведущую роль в хозяйстве Калининградской области.* ***Рыбная промышленность*** *развивалась как социально ориентированная отрасль, имевшая мощную государственную поддержку*

(http://knigi.link/regionalnaya-ekonomika/ryibopromyishlennyiy-kompleks.html); ***сельское хозяйство*** / ***сельскохозяйственный***: *Именно за счет канала в автономии возможно существование* ***сельского хозяйства*** (СН, 11.03.2014); *Свои интересы в республике обозначили даже далекие перуанцы, готовые вкладываться* в ***сельскохозяйственный*** *сектор* (Петр Скоробогатый. Ингушский стартап // «Эксперт», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***горнодобывающий***: *Императору Николаю II представили проект использования этой силы в* ***горнодобывающей*** *промышленности* (СН, 15.08.2014).

10. Ономасиологический базис «фактитив» - ономасиологический базис объединяет композиты, которые характеризуют человека по его способностям и имеют выраженную тенденцию к результативности.

Модель «фактитив + нумератив», например, ***много слов*** / ***многословный***: *Слишком* ***много слов****, слишком подробно объясняет − подготовилась* (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *С Жюлем Верном практически не плавал под водой и не летал на воздушном шаре −* ***многословный****, небрежный стилист* (*но я-то ведь еще мальчик, не знающий, что в слове* «*оттоманка*» *можно сделать три ошибки*) (Николай Крыщук. Расписание // «Звезда», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***много детей*** / ***многодетный***: *Я привезу тебе девочку, обязательно. Я, знаешь, хочу* ***много детей****. Девочек и мальчиков, штук пять* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Да разве думала она, поступая в Гарвард, что за каких-нибудь шесть лет превратится в* ***многодетную*** *мать семейства*? (КИ, № 1, 2013);

Модель «фактитив + квалитатив», например, ***со слабым характером*** / ***слабохарактерный***: *Он кончил консерваторию, был человек пожилой,* ***со слабым характером*** *и большой плешью* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов (записки очевидцев) (1976); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Среди товарищей у меня было амплуа примерного*

семьянина, причем ***слабохарактерного*** (КИ, № 8, 2004); ***острохарактерный***: *Это было нечто невообразимое –* ***острохарактерные*** *герои, гангстерский трэш-боевик, в котором шла безостановочная молотьба кулаками* (КИ, № 1, 2013).

11. Ономасиологический базис «темпоратив» – ономасиологический базис указывает на временные характеристики предмета, процесса, явления, действия.

Модель «темпоратив + нумератив», например, ***шести лет*** / ***шестилетний***: *Профессор Овчаров, руководивший на протяжении* ***шести лет*** *раскопками в Перпериконе, предполагает на страницах своей книги* «*Перперикон, цивилизация скальных людей*»*, что античное его название − Пергамон* (Александр Голяндин. Перперикон // «Знание-сила», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Некоторые особенности* ***шестилетней*** *подготовки к Играм – запредельная коррупция и пренебрежение экологическими нормами* (СН, 8.01.2014); *Ледяхов был женат и имел двух беленьких девчонок-хохотушек пяти и* ***шести лет*** (Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *После одного из первых концертов в Прилуках ко мне подошла мама* ***шестилетней*** *Даши* (Отдохни, № 28, 8.07.2014).

12. Ономасиологический базис «квалитатив» - ономасиологический базис указывает на качество действия, предмета.

Модель «квалитатив + квалитатив», например***, глухой и немой*** / ***глухонемой***: *Но у него же сердце разбито, душа кровью обливается, он* ***глухой и немой*** *− и его же еще и вызывать, его же еще и мучить*? (Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Я практически* ***глухонемой***, *курящий под подушкой* (СН, 15.08.2014);

Модель «квалитатив1 + квалитатив2 + квалитатив3», например, ***слепой, глухой и немой*** / ***слепоглухонемой***: *Когда* ***слепой, глухой и немой*** *девочке, которую выучили читать и писать по-ощупи, учительница объясняла, что такое любовь, она сказала*: *да, я понимаю − это то, что все люди всегда чувствуют друг к другу* (Л. Н. Толстой. Путь жизни (1910); Национальный корпус русского

языка; www.ruscorpora.ru); *Особенное впечатление произвело жизнеописание Елены Келлер, родившейся* ***слепоглухонемой*** *и ставшей высокообразованной незаурядной личностью* (Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

13. Ономасиологический базис «процесс» - ономасиологический базис объединяет композиты описывающие последовательность шагов или действий, приводящих к логическому завершению и выполняемых для достижения поставленной цели.

Модель «процесс (дестинатив) + медиатив», например, ***агитационно-массовый*** / ***агитмассовый***: *На основе этой телеграммы и передовой статьи «Правды» – «Крепче удары по врагу» была развернута* ***агитационно-массовая*** *работа по повышению боевой готовности, укреплению оборонительных сооружений, сохранению оружия* (http://muzejpamyati.narod.ru/text_a/t_s21.htm); *В целях укрепления противопожарной защиты объектов на территории республики Управлением надзорной деятельности Главного управления МЧС России по Ингушетии проводится* ***агитмассовая*** *работа по профилактике пожаров* (http://gazetaingush.ru/kto-luchshe-tushit-pozhary/).

14. Ономасиологический базис «колоратив» (цветообозначение) - ономасиологический базис представлен именами прилагательными, которые обозначают «конкретные и неконкретные цвета и функционируют как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами цвет/цвета» [102, с. 144]. Выделяем следующие модели:

Модель «колоратив1 + колоратив2 (+ колоратив3)», например, ***красно-зеленый***, ***бело-красный***, ***серо-буро-малиновый***: *С советской стороны полосы на деревянных столбах были* ***красно-зелеными***. *С польской стороны столбы были высокими и покрашенными в косые* ***бело-красные*** *полосы – в цвета флага Польши* (Корреспондент, № 9 (599), 7.03.2014); *И будто бы мать объяснила ей, Леонтьевой, что салатный лучше не носить вообще − он бледнит, − ей, Валентине, можно носить хоть* ***серо-буро-малиновый***, *хоть не разбери-пойми*

какой, *потому что она сама − цвет*! (Галина Щербакова. Армия любовников (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «колоратив + коррелятив», например, ***красный*, *как кровь*** / ***кроваво-красный***: *Реальность он перестал воспринимать только под утро, когда из темно-синего лес превратился в серый, а потом − уже где-то во сне − в* ***ярко-красный*, *как кровь***, *которая растекалась огромной лужей вокруг простреленной лошадиной головы* (Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Интересно, что наружность пса никому не запоминается, все говорят только о глазах* ***кроваво-красного*** *цвета* (СН, 1.01.2014); ***зеленый, как изумруд*** / ***изумрудно-зеленый***: *Солнце светило, солнечный был день, трава,* ***зелёная как изумруд***, *росла, отбрасывая тень* (http://www.stihi.ru/2011/01/09/8107); ***Изумрудно-зеленый*** *остров и гигантская волна, которая вдруг вырастала посреди безмятежной глади, чтобы в следующую секунду обрушиться на цветущий кусочек суши и поглотить его навсегда* (Юрий Зубцов. Исполин словес (2002) // «Домовой», 2002.05.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «колоратив + интенсив», например, ***нежно-розовый*, *роскошно-сиреневый*, *ярко-желтый***: *Эти светлые оттенки –* ***нежно-золотистый*, *бежево-пепельный*, *роскошно-сиреневый*, *нежно-розовый***, *словно поцелуй солнца, подчеркнут вашу женственность* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Затем снова происходила смена декораций, и на пороге в* ***ярко-желтом*** *галстуке показывался Уэйл* (Корреспондент, № 9 (599), 7.03.2014).

2.2.2. Разновидности ономасиологических признаков. Проанализировав прилагательные-композиты, мы определили следующие типы ономасиологических признаков (всего 20).

1. Цвет – ономасиологический признак, указывающий на субъективную оценку восприятия цвета предмета или объекта, например, ***с голубыми глазами*** / ***голубоглазый*, *розово-винный*, *бежево-каштановый***: *Стройная блондинка с* ***голубыми глазами***, *на голову выше Саввы* (Аргумент, 4.02.2016); *Согласно*

древней легенде незабудка выросла, политая слезами ***голубоглазой*** *Эгле, которая была разлучена со своим женихом, пастушком Ликасом* (Отдохни, № 44, 2015); *Самые актуальные цвета этого сезона –* ***розово-винные*** *оттенки,* ***бежево-каштановая*** *палитра, а также молочный и изумрудный* (Телегид, № 21 (980), 15.05.2014).

2. Форма – ономасиологический признак, характеризующий взаимное расположение границ (контуров) предмета, объекта, например, ***с круглым лицом*** / ***круглолицый***: *И без того он походил на пингвина*: *приземистый*, ***с круглым лицом*** *в круглых очках, седеющий пятидесятилетний пингвин с косицей и серьгой в левом ухе* (Николай Климонтович. Дорога в Рим (1991-1994); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это был* ***круглолицый*** *и белокожий господин с большими залысинами и редкими светлыми волосами, аккуратно зачёсанными на пробор* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3. Размер – ономасиологический признак, указывающий на величину объекта в линейном измерении. Определяются три линейные величины, характеризующие объект: 1) **длина**, например, ***с длинным носом*** / ***длинноносый***: *Он говорит, что один был худенький* ***с длинным носом****, а второй похититель – толстый, с огненно-рыжей бородой* (Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru)*; Худой, высокий,* ***длинноносый****, он был мнителен, подвержен депрессиям и истерикам* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); 2) **высота**, например, ***с высоким лбом*** / ***высоколобый***: *Это была высокая девушка* ***с высоким лбом****, над ним возвышался черный учительский пучок, такой же строгий, как весь туалет* (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Высоколобым*** *девушкам противопоказан прямой пробор, так как он делает лицо «голым»*(https://lady.mail.ru/article/489822-pricheski-dlja-devushek-s-vysokim-lbom/);3) **ширина**, например, ***с широкими плечами*** / ***широкоплечий***: *Андрей представлял его суровым мужчиной* ***с широкими плечами*** *и большими руками, а увидел старичка с пышными усами,*

худенького, похожего на профессора, которых часто показывали в кино (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Именно так за границей представляют скандинавов*: *высокий, **широкоплечий**, светлоглазый красавец с четко вылепленным мужественным лицом* (КИ, № 1, 2013).

4. Интенсив – количественная характеристика признака, а также способ выражения его усиления или ослабления, например, ***высокопоставленный**, **многочисленный**, **ярко-синий***: *В 2009 году в Афганистане **высокопоставленный** офицер британской армии и еще шестеро военнослужащих чудом остались живы* (СН, 3.09.2013); *В полдень столовые заполняют **многочисленные** служащие, выбравшиеся из-за своих столов на обед* (СН, 14.01.2014); *Справа от кресла, на расстоянии вытянутой руки, стоит сейф − вместительный, **ярко-синий**, с никелированными ручками ящик* (Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

5. Нумератив – ономасиологический признак в виде числового классификатора, указывающего на количественный состав участников события, действия, процесса, например, ***с одним колесом** / **одноколесный***: *В высокой траве виднелся остов телеги **с одним колесом*** (Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном (1977); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Физик Мануэль Альварес-Икаса представил общественности свое изобретение – **одноколесный** велосипед без педалей и руля* (СН, 1.07.2014).

6. Медиатив – ономасиологический признак указывает на способ, средство действия лица, предмета, явления или воздействия на лицо, предмет, явление, например, ***сшибать с ног** / **сногсшибательный**, **творить руками** / **рукотворный***: *И ее красота **сшибала** мужчин **с ног** что называется* (http://silverrat.livejournal.com/23776.html?thread=135392); *Причем неважно, богаты они или нет – все украинские женщины умудряются быть **сногсшибательными***! (Отдохни, № 43, 2015); *Дул сногсшибательный ветер* (http://www.liveinternet.ru/users/syamuka/post303949248/); *Мне нравится показывать им, как сложное делается просто, как возникает красота из*

обыкновенного. Это и есть развитие - ***творить*** *своими* ***руками*** *красоту*! - *говорит Ксения* (http://sobitie.com.ua/novosti/); *В очередном йети распознали* ***рукотворную*** *смесь опоссумов и гориллы* (СН, 15.08.2014).

7. Квалитатив – ономасиологический признак указывает на качество действия или предмета, например, ***с пухлыми губами*** / ***пухлогубый***: *Девушки с* ***пухлыми губами*** *− прекрасные матери* (http://www.kleo.ru/items/news/2011/11/03/estr.shtml); *Главный художник перерисовал Леночку Геринас, сделав ее голубоглазой, русоволосой,* ***пухлогубой*** (Вива-Биография, № 13, 2013).

8. Фабрикатив – ономасиологический признак указывает на материал, вещество, из которого сделан или состоит предмет, например, ***ситценабивной***: *Зарабатывал он тогда на жизнь чем приходилось − был грузчиком, рабочим на* ***ситценабивной*** *фабрике, истопником, санитаром* (Г. С. Васильева. Певец России // «Огонек», 1981; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

9. Фактитив – ономасиологический признак актуализирует объект, возникающий в результате действия, например, ***варить мыло*** – ***мыловаренный***: *Но вскоре отец, проявив свою природную предприимчивость, принялся за дела, в которых нуждались деревенские жители*: *стал* ***варить мыло*** *из рыбьего жира, золы и еще каких-то примесей* (Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1971-1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Нашей семье принадлежали богатейшие угольные копи, ну и разные там предприятия*: ***мыловаренный*** *завод, табачная фабрика, узкоколейная ветка железной дороги* «*Тавричанка*» *− она шла от копей до порта…* (Дина Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Леонид Пилунский считает возможность отделения Крыма* ***смехотворной*** (СН, 4.03.2014); *Правительство Франции начало расследование скандала. По закону, если родители не забирают из больницы тела детей,* ***рожденных мертвыми****, они должны быть кремированы по истечению 10-дневного срока* (http://podrobnosti.ua/231828-frantsija-v-shoke-ot-skandala-o-

mertvyh-novorozhdennyh.html); *Каждый пятый ребенок, чей прах содержался в урнах, был* ***мертворожденным*** (СН, 25.02.2014).

10. Финитив – ономасиологический признак является разновидностью фактитива, указывает на объект, которого еще нет, и который только возникнет в результате определенного действия, например, ***варить пиво*** / ***пивоваренный***: *Стоит обжиться, начать узнавать друг друга в лицо, вместе ходить на охоту и сообща* ***варить пиво****… вместе смеяться, заглядываться на пригожих девчонок… Как после этого резаться*? (Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003): Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А* ***пивоваренный*** *завод Р.И. Крюгера извещал, что пиво данного завода, известное своим отличным качеством, можно приобрести не только на оптовом складе на Вокзальной улице, но и на Николаевском проспекте, на улицах Межениновская, Асинкритовская, Тобизеновская и Кабинетская, а также в гостинице* «*Россия*»*, в железнодорожном собрании, в буфете станции Ново-Николаевск и заводских пивных лавках* (Михаил Щукин. «Белый фартук, белый бант...» // «Сибирские огни», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***лить чугун*** / ***чугунолитейный***: *В общем, на шоколадных заводах научились* ***лить чугун*** *и сталь, что ясно видно из данных держстата* (http://minfin.com.ua/2014/11/20/5336681/); *Однажды в городе Кирове Калужской области я попал на* ***чугунолитейный*** *завод, прямо на их местное партийное собрание* (Артем Тарасов. Миллионер (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

11. Трансгрессив – ономасиологический признак указывает на результат превращения и / или актуализирует объект преобразования, часто трансгрессив указывает на объект, который уже есть, но который приобретает в результате воздействия на него новое качество, например, ***бракоразводный***: *И Дуглас решительно затевает* ***бракоразводный*** *процесс с Диандрой* (Вива-Биография, № 11 (77*)*, 2013); ***с ума сшедший*** / ***сумасшедший***: *В последние годы его считали талантливым, но* ***сошедшим с ума*** *пьяницей, дебоширом, женившимся на женщине старше себя на 20 лет. Таков был итог затворничества Филиппова*

(http://www.1tv.ru/documentary/print/fi=7401); *Он просто* ***сумасшедший****, смотреть на его романы без слез нельзя*! (СН, 25.02.2014).

12. Дистрибутив – ономасиологический признак указывает на распределительные отношения, например, ***фасовать масло*** / ***маслофасовочный***: *Одними из первых мы стали* ***фасовать*** *подсолнечное* ***масло*** *в ПЭТ-бутылки* (http://www.a-sol.ru/info/company/); *В 1970 году был организован* ***маслофасовочный*** *цех мощностью 125 тонн в месяц* (http://www.irkutsk-holod.ru/qa/5.9.html); ***смертоносный***: *Если бы жена случайно не вернулась раньше домой раньше обычного, то кома, в которую он впал, сделав себе* ***смертоносный*** *коктейль из повышенной дозы наркотиков и алкоголя, оказалась бы необратимой* (КИ, № 1, 2013).

13. Дестинатив – ономасиологический признак указывает на назначение лица, предмета, явления, например, ***способный к бою / боеспособный***: *Боевая численность армии* (*в которую входил и не* ***способный к бою*** *корпус внутренней стражи*) *была далека от миллиона человек и 200 тысяч лошадей, значившихся по спискам*; *система резервов была неудовлетворительна* (http://www.myshared.ru/slide/836896/); *В местечке Прыгань располагался достаточно большой и* ***боеспособный*** *немецкий гарнизон* (Начальник разведки (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

14. Локатив – ономасиологический признак указывает на местонахождение в пространстве, например, ***Тихий океан*** / ***тихоокеанский***: *Крошечный вулканический островок Болс-Пирамид в южной части* ***Тихого океана*** *поднимается над морем как осколок стекла* (Аргументы, 4.02.2016); ***Тихоокеанские*** *пейзажи меня вдохновляют больше* (Отдохни, № 43, 2015).

15. Темпоратив – ономасиологический признак указывает на временные характеристики, например, ***в десять лет*** / ***десятилетний***, ***одиннадцати лет*** / ***одиннадцатилетний***: *Итак, Циолковский решил, что космическая эра наступит через сто лет, а Королёв определил новый срок* ***в десять лет*** (Георгий Гречко, Артур Хазиев. «Красота и ранимость Земли» // «Зеркало мира», 2012;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Когда поэт вернулся из* ***десятилетней*** *ссылки, Анны уже не было в живых* (СН, 11.03.2014); *Она хороший человек. У нее сын, Миша,* ***одиннадцати лет****. − Твой… сын*? (Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Потом он женился на его юной вдове –* ***одиннадцатилетней*** *французской принцессе Анне* (СН, 1.07.2014).

16. Коррелятив – ономасиологический признак указывает на соответствие / несоответствие предмета другому предмету, назначению, норме, например, ***человекообразный***, ***с золотыми волосами*** / ***золотоволосый***: *По рассказам очевидцев, он выглядит как гигантская ч****еловекообразная*** *обезьяна* (СН, 15.07.2014); *Она же не видела себя со стороны, не знала, что выглядит, как принцесса цирка, в своих чёрных шелках и с* ***золотыми волосами*** (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Золотоволосый*** *русский поэт и американская танцовщица − естественно, все это вызывало удивление, недоумение и споры* (Юрий Безелянский. В садах любви (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

17. Каузатив – ономасиологический признак указывает на причину того или иного события, например, ***любить Христа*** / ***христолюбивый***: *Как такое может быть, если они* ***любили Христа*** *Бога и никогда не изменяли Ему, никогда не признавали сергианскую ошибку и не сотрудничали с советской властью*? (протоиерей Алексий Микриков. Уния с МП приведет к духовной катастрофе (2006.03.04) // «Наша страна» (Аргентина), 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Товарищ по детским играм Клавдий Воронцов рассказывает, как этот* «***христолюбивый*** *отрок*» *устроил явление* «*чудотворной иконы*», *стащив из дома обычный образ и поставив его с зажженной свечкой в выкопанной на берегу Оки пещерке* (А. А. Козловский. Быль и легенды жизни Есенина (1986); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

18. Объект – ономасиологический признак указывает собственно на объект, на который направлено действие без констатации цели этого действия, например, ***утоляющий боль* / *болеутоляющий***: *Вывод очевиден*: *любой опиат*, ***утоляющий боль***, *ведет к привыканию, и чем эффективнее он утоляет боль, тем сильнее возникающее к нему привыкание* (http://blog.stiff.ru/2009/07/vtoraja-statja-berrouza.html); *Иногда глаза становились мутными, гасли с похмелья. Мама не разрешала давать* ***болеутоляющий*** *опиум. Только ром* (Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

19. Направление – ономасиологический признак содержит указание на пространственный объект, к которому стремится действие, например, ***взаимно выгодный* / *взаимовыгодный*, *обоюдоострый***: *У меня складывается впечатление – несмотря на то, что это соглашение является* ***взаимно выгодным***, *со стратегической точки зрения оно выгоднее для Китая, нежели для России* (http://ru.delfi.lt/opinions/comments/bzhezinskij-rossiya-mozhet-stat-vassalom-kitaya.d?id=65013793); *Я бы даже сказала, что это* ***взаимовыгодный*** *проект, ведь в области культуры ситуация в Болгарии сейчас − хуже, чем в России* (Айсылу Кадырова. Из солнечной Болгарии — в морозную Казань (2003) // «Вечерняя Казань», 2003.01.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Отточенным ятаганом повис над нами* ***обоюдоострый*** *серп луны* (Зана Плавинская. Отражение (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.08.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

20. Контрагент – ономасиологический признак содержит указание на объект, против которого направлено действие, например, ***непроницаемый для звука* / *звуконепроницаемый***: *Например, между спальной и гостиной никак не обойтись без настоящей двери, желательно массивной и* ***непроницаемой для звука*** (http://www.remotka.ru/vidy-dverej.html); *Это комплекс абсолютно темных и* ***звуконепроницаемых*** *камер, куда преступников полагается помещать в случае массового неповиновения* (Аргумент, 4.02.2016).

2.3. Ономасиологические модели универбализационных композитов. Семантические особенности прилагательных-бахуврихи

Универбализационные композиты реализуются в ономасиологических моделях, опирающихся на 14 ономасиологических базисов и актуализированных 20 ономасиологическими признаками. Мы предлагаем общую классификацию данных языковых единиц, включая бахуврихи, поскольку они относятся к универбализационным композитам с точки зрения основных положений теории композитостроения.

Ученые сходятся во мнении, что «композиты сохраняют органическую связь со словосочетанием, которому они обязаны своим образованием, благодаря чему отдельные признаки единиц синтаксического уровня отражены в словах со сложными основами, а именно номинативность, частеречная отнесенность по последнему компоненту, структурная двукомпонентность или многокомпонентность» [534]. О.Б. Полянчук считает, что для более полного раскрытия динамики производного слова «необходимо прибегать к специальной методике, учитывающей специфику синтаксических отношений, лежащих в основе формул мотивации производного и представляющих результат репрезентации концептов, имеющих в своей основе расчлененную структуру» [361, с. 51].

Структурные типы бахуврихи были рассмотрены в ряде исследований Донецкой школы композитологии, в частности, в статьях «Бахуврихи в русском языке» (В.И. Теркулов, 2008) и «Структурные типы бахуврихи» (Л.В. Соснина, 2013). В современной лингвистике не существует единого мнения о семантике прилагательных-бахуврихи, вот почему требуется систематизировать все имеющиеся научные подходы к этой проблеме и рассмотреть данные композиты с точки зрения их ономасиологического статуса с последующим описанием ономасиологической структуры.

Напомним, что наиболее авторитетной в языкознании всегда считалась теория Э. Бенвениста, предложившего отнести бахуврихи к классу сложных имен, в котором «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит

за их пределы» [42, с. 250]. Согласимся с его утверждением о том, что «это сложное имя основывается на атрибутивной конструкции» [там же, с. 251], при этом на атрибутивность бахуврихи указывает суффикс. В.И. Теркулов ставит под сомнение необходимость введения в ономасиологическую модель «носителя атрибута» и считает, что «в качестве ономасиологического базиса выступает именно атрибутивная функция исходного словосочетания, реализованная в композите в суффиксе» [467, с. 186]. Это объясняет положение теории Э. Бенвениста о «двуплановости» бахуврихи, которая подразумевает сочетание синтаксической и семантической функций [42, с. 253].

В этой связи возникает необходимость разграничения ономасиологических моделей бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов. По мнению В.И. Теркулова, «у бахуврихи ономасиологическим базисом является атрибутивное статусное (посессивное) синтаксическое значение исходного словосочетания, выраженное либо собственно синтаксической конструкцией, либо абсолютизацией значения синтаксической конструкции при помощи посессивного предлога, а ономасиологическим признаком – ономасиологическая структура исходного именного словосочетания, в то время как у деривационных композитных атрибутов ономасиологическим базисом является значение словообразовательного форманта» [468, с. 233].

Вслед за В.И. Теркуловым О.В. Блюмина считает, что «в универбализационных композитах ономасиологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексемы. В деривационных же композитах базисную функцию выполняет формант, а признаковую – исходное словосочетание целиком, которое и формирует производящую основу» [47, с. 139]. Например, бахуврихи ***краснощекий*** образуется на базе посессивного словосочетания ***с красными щеками***, где слово ***щеки*** относим к ономасиологическому базису «орган», а ***красный*** реализует ономасиологический признак «цвет»: *Около березы стоит девушка* ***с красными щеками*** *в шубе из белой овцы* (http://www.kommentator.info/); *Марина* ***с красными щеками*** *держала свою чашку*

возле лица и посматривала на меня из-за ее края (Андрей Геласимов. Год обмана (2003); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Краснощёкий*** *юноша в поварском колпаке нёс на блюде поросёнка* (http://fictionbook.in/aleksandr-chakovskiy-voenniy-korrespondent). Для деривационного же композита ***грибоварочный*** производящим является словосочетание ***варить грибы*** (**Гл + Сущ4мн – оснСущ4мн + инт + оснГлаг + суф + парПрил**), например: *Тогда вам обязательно стоит узнать, как* ***варить грибы****, чтобы получить вкуснейшее блюдо и не навредить своему здоровью*! (http://moisovety.com/kak-pravilno-i-skolko-po-vremeni-varit-griby); *На* ***грибоварочном*** *пункте необходимо соблюдать чистоту и строго выполнять соответствующие требования* (http://ehmore.ru/griby/gribovarochnyj-punkt.html). Здесь отмечается сочленение основ *гриб-* и *вар-* при участии интерфикса и суффикса с оформлением слова при помощи атрибутивной парадигмы. Значение же слова представляет собой химическое соединение семантики словосочетания и словообразовательного форманта.

Е.Г. Васильева предлагает считать бахуврихи единицами «с эксплицитно не выраженным ономасиологическим базисом и комплексным ономасиологическим признаком» [70, с. 104]. Ономасиологическим базисом ею считается объект атрибуции, находящийся за пределами рассматриваемой единицы, т.е. субстантивный компонент словосочетания, в который входит эта бахуврихи. В.И. Теркулов не соглашается с таким мнением, «поскольку субстантив в данном случае может быть определен только как ономасиологический базис именно глоссы, в которую входит бахуврихи, но ни в коем случае не последней» [468, с. 231]. Весьма убедительным представляется приведенный ученым пример, когда в словосочетании ***бензомоторный самолет*** слово ***самолет*** выступает как ономасиологический базис не для бахуврихи ***бензомоторный***, а для словосочетания ***бензомоторный самолет***, являющегося аналитическим лексико-семантическим вариантом номинатемы ***самолет***.

Считаем возможным разделить все универбализационные композиты на три ономасиологических класса – ***физический признак человека***, ***социальный признак человека и характеристика предмета*** (***объекта***), ***явления***, ***процесса***.

2.3.1. Ономасиологический класс «физический признак человека».

Ономасиологический базис – **«орган»**.

Модель «орган + цвет», например, ***с голубыми глазами*** / ***голубоглазый***: *Издавна блондинки* ***с голубыми глазами*** *считались самыми привлекательными и женственными* (http://www.jlady.ru/makeup/makiyazh-dlya-blondinok-s-golubymi-glazami.html); ***Голубоглазый*** *деревенский красавец отнюдь не так прост, каким кажется на первый взгляд* (http://www.superstyle.ru/23jul2008/vasilek);

Модель «орган + размер», например, ***с длинными ногами*** / ***длинноногий***: *По мнению ученых, в доисторические времена особенно ценились женщины* ***с длинными ногами*** *и широкими бедрами* (http://vkokorin.jimdo.com/2012/10/27); *Когда я уезжала, то играла роли молодых красавиц, теперь на них претендовали молодые и* ***длинноногие*** *девушки* (СН, 29.10.2013);

Модель «орган + квалитатив», например, ***с босыми ногами / босоногий***: *Как я могу стыдиться, что меня в шелковом сари и с* ***босыми ногами*** *увидят несколько человек в партере или ложе. При этом замечу, что, после признания всем миром успехов* ***босоногой*** *американской балерины Айседоры Дункан, я считаю правом танцовщиц появляться босиком и в европейской одежде на классических постановках – они заслужили его успехами танца* «*модерн*» (http://anugamastudio.narod.ru/spisok_gavva_article.htm);

Модель «орган + форма», например, ***с круглым лицом*** / ***круглолицый***: *Острые кончики более выгодно смотрятся у женщин* ***с круглым лицом*** (http://www.mycharm.ru/articles/text/?id=1817); *Эту роль* ***круглолицей*** *девчонке так никто и не поручил* (Звезды, № 5, 2013); с ***острыми зубами*** / ***острозубый***: *Он был чудо как хорош – волчонок с вечно голодными глазами и* ***острыми зубами***, *которые в любую минуту готовы прокусить вам сонную артерию* (КИ, № 1,

2013); ***Острозубый*** *оскал Стервятника увял до кривенькой усмешки Джина, при виде которой внутри у меня все перевернулось* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + коррелятив», например, ***с золотыми косами*** / ***золотокосый***: *Сшейте родными руками куколку Тильду – магическую фею* ***с золотыми косами*** (http://www.persona-rs.com/2666-tilda-feya-s-zolotymi-kosami-master-klass.html); *Теперь* ***золотокосая*** *девушка была серьезна как никогда* (http://www.loveread.ec/read_book.php?id=11925&p=165);

Модель «орган + нумератив», например, ***с тремя пальцами*** / ***трехпалый***: *Человек будущего*: *лысый, желтокожий и* ***с тремя пальцами*** (Наука и технологии, 18.04.2012); *Его странно выглядевшая* ***трехпалая***, *кажущаяся лишенной суставов ступня вовсе не бесполезна для существа, ведущего водный образ жизни* (http://4stor.ru/kriptozoologiya/15922-trehpalyy.html);

Модель «орган + интенсив», например, ***с быстрыми глазами*** / ***быстроглазый***: *Недоросль был кудряв, несколько сумрачен лицом,* ***с быстрыми глазами*** (http://eclassic.com.ua/russkaya_proza/yuriy_tynyanov/pushkin.mp3.281/?page=45); *По внешности это* ***быстроглазый***, *худощавый, подвижный человек, легко ориентирующийся в жизненных ситуациях* (http://www.people-publishing.com/uroki_taro/valet_mechey);

Модель «орган + квалитатив», например, *с* ***отвислыми ушами*** / ***вислоухий***: *Это были большие охотничьи гончие собаки* ***с отвислыми ушами***, *за которые американский руководитель очень любил таскать собак* (http://read24.ru/read/yuriy-sigov-neobyichnaya-amerika-za-chto-ee-lyubyat-i-nenavidyat/43.html); *У друга живет* ***вислоухий*** *британец* (http://www.murlika.msk.ru/forum/topic.php?c=1&f=1&t=0).

Ономасиологический базис – «физические свойства».

Модель «физические свойства + квалитатив», например, ***с звонким голосом*** / ***звонкоголосый*****:** *Это певец* ***с*** *сильным,* ***звонким голосом***, *способный дать фору самым почитаемым певцам итальянской оперной сцены*

(http://www.biogr.ru/biography/?id_rubric=7&id=13194); *Наши педагоги и другие работники с открытым сердцем и ласковой душой ежедневно встречают* ***звонкоголосых*** *малышей* (http://kpravda.com/ivankov-centr-razvitiya-rebenka-raduga/).

Ономасиологический базис – «**физический параметр**».

Модель «физический параметр + квалитатив», например, ***низкого роста*** / ***низкорослый***: *Именно мужчины* ***низкого роста*** *из-за прирожденной тяги командовать и занимают руководящие посты в крупных компаниях* (http://healthsnews.com/6-dostoinstv-muzhchin-nizkogo-rosta.html); *Выяснилось, что люди выше среднего роста чувствуют себя куда более счастливыми по сравнению с* ***низкорослыми*** *участниками опроса* (СН, 15.10.2013).

Ономасиологический базис – «**темпоратив**».

Модель «темпоратив + нумератив», например, ***пятнадцати лет*** / ***пятнадцатилетний***: *У нас на заводе одна девчушка* ***пятнадцати лет***, *приехавшая из деревни, случайно повредила деталь на станке* (http://www.loveread.ec/read_book.php?id=3973&p=42); *Гость семьи Дорлеак, режиссер Андре Юнебель пригласил* ***пятнадцатилетнюю*** *девчушку сняться в массовке своего фильма* «*Котята*», *и Катрин приняла приглашение* (СН, 22.10.2013).

Однако необходимо разграничивать бахуврихи ***пятнадцатилетний*** в значении возраста (пятнадцати лет от роду) и бахуврихи, обозначающего длительность промежутка времени (сроком, протяженностью в пятнадцать лет): *Только после 1953 года генерал МГБ Лангфанг будет арестован в числе бериевцев и за свои художества сам отбудет срок* ***в пятнадцать лет*** *в мордовских лагерях* (http://www.plam.ru); *Ющенко пугает украинцев Тимошенко, которая собралась на* ***пятнадцатилетний*** *срок* (http://www.politarena.org.ua/index.php?newsid=13693).

Ономасиологический базис – «**действие**».

Модель «действие+ фактитив», например, ***рожденный мертвым*** / ***мертворожденный***: *Случалось, что у добрых католиков появлялся*

мёртворождённый *ребёнок или дитя умирало, не восприяв святого крещения* (Святослав Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Талантливый до мелочей по исполнению и* ***мертворожденный*** *по существу фильм* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1968) // «Знамя», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – «**состояние**».

Модель «состояние + трансгрессив», например, ***с больной душой*** / ***душевнобольной***: *Перед моим мысленным взором прошли тогда все дети с* ***больной душой*** (В. Сухомлинский. Семья Несгибаемых // «Юность», 1969; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Даже Антонен Арто – действительно* ***душевнобольной*** *и настоящий наркоман, выйдя на склоне лет из психиатрической лечебницы, продолжал писать стихи и участвовать в радиопередачах, то есть использовать для самовыражения средства официальной культуры* (Ольга Балла. Живущие на краю // «Знание - сила», 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***с ума с(о)шедший*** / ***сошедший с ума*** / ***сумасшедший***: ***Сошедший с ума*** *Найденов не сбавлял хода – все на его пути успели попрятаться и приготовились к драме* (Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Толпа моих товарищей орет, указывая на меня пальцами*: «*С УМА СШЕДШИЙ*! *С УМА СШЕДШИЙ*!» *Теперь люди, вышедшие из круга, – инакомыслящие, диссиденты или, как в детстве*: «***С УМА сшедшие***!» (Вадим Сидур. Памятник современному состоянию (1973-1974); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А впрочем, если б и можно было, то и вторую, и третью пришлось бы проживать точно так же*: *вслепую и на большой скорости – как* ***сумасшедший*** *мотоциклист в тумане* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001;Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В словаре С.И.Ожегова [7, с. 779] зафиксированы следующие значения прилагательного ***сумасшедший***:

1. Страдающий психическим расстройством: *Но только* ***сумасшедшие*** *могли дать ему то, чего не было у людей здравомыслящих* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013) *Навстречу ему по широкой лестнице поднимался какой-то* ***сумасшедший*** *в бежевом пиджаке, красном шарфе, перекинутом через плечо, без шапки, в седых заснежённых кудрях* (Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Его в основном держали в клиниках – Дафна боялась находиться с* ***тяжелобольным сумасшедшим*** (КИ, № 1, 2013);

2. Предназначенный для душевнобольных: *Их вполне устраивает ситуация, когда в России некий не очень понятный им порядок, например, даже и* ***сумасшедший дом*** (Сергей Доренко. Левые силы - перезагрузка (2003) // «Завтра», 2003.08.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

3. Крайне безрассудный, безумный (перен.) – идея, планы: *Тютчев всеми силами старался противостоять* ***сумасшедшей*** *страсти, которая обуревала его поэтическую натуру* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); *Он поразил ее* ***сумасшедшей*** *энергией, потоком бессвязных слов и внезапным предложением провести вместе неделю в Париже* (КИ, № 1, 2013);

4. Крайний, исключительный (по величине, степени) – успех, скорость, деньги: *Он ехал, и сердце рвала* ***сумасшедшая*** *боль* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Они любой ценой стремятся назад, к своим возлюбленным, тратя на перелеты все накопления и влазя в* ***сумасшедшие*** *долги* (Отдохни, № 29, 2015).

Лишенный ума / умалишенный: *Так может сказать только человек, полностью* ***лишенный ума****, у которого нарушен аппарат восприятия полноты действительности* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984-1989); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Момент был самый ответственный, я прекрасно это понимал и вкалывал как* ***умалишенный*** (Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – **«квалитатив»**.

Модель «квалитатив + квалитатив», например, ***глухой и немой*** / ***глухонемой***: *Натка представила себя* ***глухой и немой****, будто едет она в метро – и не слышит и молчит, потом идет по улице одна – и не слышит*: *ни шума машин, ни обрывков разговоров, ни шелеста листьев, ничего не слышит и молчит, потому что никто ее не поймет* (Светлана Василенко. Звонкое имя (1997-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Они общались жестами с помощью азбуки глухонемых, в этом ничего удивительного*: *воспитывались* ***глухонемой*** *матерью* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «квалитатив + квалитатив + квалитатив», например, ***слепой***, ***глухой***, ***немой*** / ***слепоглухонемой***: *Языками не владеет, посему и бутафория –* ***слепой***, ***глухой***, ***немой*** *или глухонемой, умевший – по роли – украинскую мову пустить в ход* (Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Теперь, доведись подбирать сравнение, я не назвала бы себя* ***слепоглухонемой*** (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2.3.2. Ономасиологический класс «социальный признак человека».

Ономасиологический базис – «орган».

Модель «орган + квалитатив», например, ***со слабыми нервами*** / ***слабонервный***: *Многие люди* ***со слабыми нервами*** *просыпаются по утрам между четырьмя и пятью часами с мучительными депрессивными симптомами, которые через час исчезают* (http://vyach-zaxaroff.narod.ru/index/0-24); *Удар был так силён, что* ***слабонервный*** *и перепуганный штабс-капитан потерял сознание и повалился на пол* (http://bookz.ru/authors/stepanov-aleksandr/stepanovalks02/page-3).

Ономасиологический базис – **«состояние»**.

Модель «состояние + коррелятив», например, ***единой крови*** / ***единокровный***: *Но главный вывод за нас уже сделал Сергей Есенин, точно сказавший*: «*Поэты – все* ***единой крови***» (http://www.kultura.uz/view_9_r_3122.html); *Был дядя Сергей, младший папин* ***единокровный*** *брат, родившийся в ту пору, когда после развода с первой женой папа отказался от положенной ему отсрочки и ушёл служить в армию, а недавно овдовевший Николай Петрович в его отсутствие второй раз женился* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – **«статус»**.

Модель «статус + интенсив», например, ***с высоким авторитетом*** / ***высокоавторитетный***: *Рейтинг Форбс показывает, что Путин востребованный политик* ***с высоким авторитетом*** *в мире* (http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008184908.html); *В нашем социалистическом обществе сельский врач – активный строитель новой жизни, большая культурная сила, человек* ***высокоавторитетный*** (С. Герасимов. Поэзия профессии // «Огонек». № 5, 1952; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2.3.3. Ономасиологический класс «характеристика предмета (объекта), явления, процесса».

Ономасиологический базис – **«объект»**.

Модель «источник (объект) + коррелятив», например, ***из грубого зерна*** / ***грубозернистый***: *Именно здесь отчетливо понимаешь, что можно жить и без всего этого, достаточно только чистой воды и простой лепешки* ***из грубого зерна*** (http://butanonline.ru/post/42/); *Магний попадает в организм, когда мы употребляем в пищу орехи, горох,* ***грубозернистый*** *хлеб, красную рыбу или шоколад* (http://eacclinic.ru/about-the-clinic/biblioteka-strojnosti/91-eda-i-zaschitnye-sily.html); ***из цельного зерна*** / ***цельнозерновой***: *Полезны во всех отношениях*

продукты, богатые пищевыми волокнами, такие как хлеб и каши ***из цельного зерна****, коричневый рис, овощи и фрукты отдельно и вместе с прочими блюдами, различные мюсли* (Валерия Фейгина. Полюбите ваше сердце (2003) // «100% здоровья», 2003.02.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В состав продукта входят мука* ***из цельного зерна*** *пшеницы, овса и ржи, манная крупа, рисовая мука, пшеничные отруби, витамин В1* (Ценности в банке (2002) // «100% здоровья», 2002.11.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *На выходных можно побаловать себя выпечкой из* ***цельнозерновой*** *муки, так как при обработке из зерен не убирается ничего лишнего, а, напротив, сохраняются все полезные вещества* (http://woman.ua/100196-vmesto-tabletok-produkty-utolyayushie-bol/);

Модель «объект + цвет», например, ***из белого мрамора*** / ***беломраморный***: *Это будет* ***беломраморный*** *дворец* (http://abcdefgh.livejournal.com/313008.html); *Ашхабад недавно попал в Книгу рекордов Гиннеса как город, имеющий больше всего зданий* ***из белого мрамора*** *в мире(http://daypic.ru/travel/171326);*

Модель «объект + квалитатив», например, ***из крупных панелей*** / ***крупнопанельный***: ***Из крупных панелей*** *монтируют наружные и внутренние стены* ***крупнопанельных*** *бескаркасных зданий* (http://www.baurum.ru/_library/?cat=install_reinforced_concrete&id=770);

Модель «объект + коррелятив», например, ***белый, как жемчуг*** / ***жемчужно-белый****: Нужно выстроить странную ассоциативную цепь*: *зубы* ***белые как жемчуг*** *– экстракт жемчуга в блеске сделает зубы белыми как жемчуг* (http://morozzzco.livejournal.com/8787.html); *Ярким примером такого наряда является* ***жемчужно-белое*** *платье от Versace* (http://monemo.ru/things/zhemchuzhno-beloe-plate-ot-versace/).

Ономасиологический базис – «количественный статус».

Модель «предмет + нумератив», например, ***с шестью стволами*** / ***шестиствольный***: *Итогом его измышлений стал станковый аппарат* ***с шестью стволами*** (http://topwar.ru/8747-mnogo-stvolov.html); *В конце 30-х гг. немецким*

инженером Небелем был спроектирован 150-мм реактивный снаряд и ***шестиствольная*** *трубчатая установка* (http://rbase.new-factoria.ru/).

Ономасиологический базис – «**параметр**».

Модель «параметр + нумератив», например, ***в пять литров*** / ***пятилитровый***: *Если нельзя на двигатель* ***в пять литров*** *ввести налог, то на дом в полторы тысячи квадратных метров я очень сомневаюсь, что он появится* (http://old.rian.ru/videocolumns/20110928/445225810.html); *У* ***пятилитровых*** *машин сзади строго два отдельных кресла, а между ними – термобокс с функциями охлаждения и подогрева* (http://www.autoreview.ru/);

Модель «параметр + коррелятив», например, ***в одном томе*** / ***однотомный***: Представляет собой популярные циклы известных писателей ***в одном томе*** (http://www.investbel.ru/index.php?newsid=15220); ***Однотомный*** «*Словарь русского языка*» *С.И Ожегова более полувека считается самым популярным и одним из наиболее авторитетных толковых словарей современного литературного языка* (http://vesvladivostok.ru/publ/mify_i_realnost/istorija_rossii/leksikograf_ot_boga/49-1-0-30180);

Модель «параметр + интенсив», например, ***в пять баллов*** / ***пятибалльный***: *Сильный боковой ветер и шторм* ***в пять баллов*** *не позволяет кораблям причалить к берегу, где расположен полигон Гонио, и начать погрузку тяжелой военной техники* (http://izvestia.ru/news/305080); *Как выяснилось, синоптики проморгали этот разгул стихии – по их прогнозу шторм должен был быть всего 2-3 балла, а фактически бушевал* ***пятибалльный*** *шторм* (http://www.zagolovki.ru/daytheme/ship/21Dec2009).

Ономасиологический базис – «**состояние**».

Модель «состояние + объект», например, ***короткого действия*** / ***короткодействующий***, ***быстрого действия / быстродействующий***: *В чистом виде инсулин совершенно прозрачен. Такой инсулин называют препаратом* ***короткого действия*** (http://www.medideal.ru/zlendo/zlendo-0151.shtml); *Даже*

короткодействующие *препараты нельзя использовать чаще четырех раз в день* (АиФ, 26.08.2014);

Модель «состояние + контрагент», например, ***стойкий к жаре*** / ***жаростойкий***: *Британские авто станут* ***стойкими к жаре*** (http://newsfordrivers.com/autonews/2499-britanskie-avto-stanut-stojkimi-k-zhare.html); *Перед создателями лопаток для турбин встала задача*: *получить материал жаропрочный и* ***жаростойкий*** (С. Мубояджян. Плазма против пара: победа за явным преимуществом // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***устойчивый к вибрации*** / ***виброустойчивый***: *Помимо идеальной точности хода такие часы должны быть* ***устойчивыми к вибрациям***, *перепадам температуры, резким скачкам давления и к постоянной смене магнитных полей* (http://www.haroldltd.ru/news/release297.html); ***Виброустойчивые*** *манометры применяются в условиях высоких вибраций, при которых обычные приборы быстро выходят из строя* (http://www.manomarket.ru/manometry-vibroustojchivye/);

Модель «состояние + направление», например, ***взаимно выгодный*** / ***взаимовыгодный***: *Столь быстрое заключение контракта указывает на* ***взаимно выгодный*** *интерес сторон, и достаточно великий спрос на продукцию* (http://alcogol.su/page.php?al=produktsija_ochakovo_pri); *Интерес был* ***взаимовыгодный***: *Катя получала мужа из приличной семьи, Гоша – отдельную квартиру в центре Москвы плюс продвижение по службе* (Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + дестинатив», например, ***способный к бою*** / ***боеспособный***: Украинское войско вовсю пытается стать ***способным к бою***. *Причем, как получается – пока сказать трудно* (http://www.bagnet.org/news/ukraine/173277); *А на переломе тысячелетий* ***боеспособный*** *российский люд вдруг оказался остродефицитным* (Легион по имени Вавилон (2004) // «Солдат удачи», 2004.10.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***способный к жизни*** / ***жизнеспособный***: *Я*

брал лишь те черты, то терпкое своеобразие разных людей, те их качества, и хорошие и, быть может, в чем-то заслуживающие осуждения, которые органически сливались в цельный – при всей своей сложности, даже противоречивости, – ***способный к жизни*** *образ* (Ю. Нагибин. О главном герое // «Советский экран», 1965; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Если компании удается предложить им* ***жизнеспособный*** *продукт, это* «*поразительное достижение*» (Вячеслав Суриков. Книги // «Эксперт», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***опасный для жизни*** / ***жизнеопасный***: *Это более чем в два раза превышает уровень, который Всемирная организация здравоохранения определила как уровень,* ***опасный для жизни*** *и здоровья человека…* (Вадим Бондарь. Веселится и ликует весь народ // «Однако», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Война для нас – самый тяжкий, вредный для здоровья, а порою и* ***жизнеопасный*** *труд, искупаемый благородной целью защиты человечества* (Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – «**действие**».

Модель «действие + трансгрессив», например, ***понижающий жар*** / ***жаропонижающий*****:** *Если вы дадите ребенку препараты,* ***понижающие жар****, и он / она никак не отреагирует, или если произойдет лихорадочный приступ, обратитесь за медицинской помощью* (http://home.damotvet.ru/babies/501874.htm), *Сейчас известно, что хинная корка кроме хинина содержит* ***жаропонижающий*** *алкалоид цинхонин, следовательно, она действительно снижает температуру, что в то время считалось не устранением симптома, а излечением болезни* (В. Прозоровский. Диалог с Ганеманом // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***сужающий сосуды*** / ***сосудосужающий***: *Существуют и лекарственные препараты,* ***сужающие сосуды*** *и повышающие давление* (http://z0j.ru/article/a-586.html); *При использовании* ***сосудосуживающих*** *капель и спреев необходимо четко соблюдать инструкцию, не превышать дозировку и рекомендованную частоту приема. Если у человека*

*существует зависимость от **сосудосуживающих** капель, с ней нужно бороться* (АиФ, 26.08.2014);

Модель «действие + фактитив», например, ***записывающий звук* / *звукозаписывающий***: *Естественно, что до Эдисона были предприняты попытки создать устройство, **записывающее звук*** (http://www.etheroneph.com/retrozvuk/74-pervaya-zvukozapis.html); *На сегодняшний день крупная **звукозаписывающая** студия – только лишняя трата денег* (http://vse-temu.org/new-kak-otkryt-studiyu-zvukozapisi.html);

Модель «действие + дистрибутив», например, ***сосущий кровь* / *кровесосущий***: *Крохотные существа, **сосущие кровь** москитов – это мошки, латинское название которых звучит как Culicoides anophelis* (http://www.publy.ru/post/13524); *Лихорадка Зика, которую переносят **кровососущие** комары, стала приближаться к угрожающей масштабности* (http://ruspravliga.org/novosti-mira/); *В конце декабря специалисты Роспотребнадзора в связи с осложнением эпидемиологической ситуации, связанной с распространением лихорадки Зика, рекомендовали пользоваться средствами защиты против москитов, комаров и других **кровососущих** насекомых при посещении стран Южной Америки* (http://vz.ru/news/2016/1/28/790970.html);

Модель «действие + финитив», например, ***добывающий рыбу* / *рыбодобывающий***: *Приглашение возглавить Госдепартамент рыбного хозяйства я получил, будучи главой Ассоциации рыбопромышленников, в которую входят как импортеры, так и компании, **добывающие рыбу** в Украине* (http://www.dsnews.ua/politics/aleksandr-kachnyy-rybnyh-del-master20092013110000); *Есть подводный охотник, а есть просто человек, **добывающий рыбу** с помощью подводного снаряжения* (http://forum.spearfishing.org.ua/index.php?topic=28.310;wap2); *До 1992 г. Калининградская область имела один из самых мощных **рыбодобывающих** флотов в бывшем СССР* (http://knigi.link/regionalnaya-ekonomika/ryibopromyishlennyiy-kompleks.html);

Модель «действие + медиатив», например, ***дышащий огнем / огнедышащий***: *Только представьте, температура лавы колеблется от 500 до 1200 градусов Цельсия*! *Этот* ***дышащий огнем*** *поток слизнет как корова языком, никто и не заметит* (http://www.pravda.ru/photo/album/21696/#&gid=1&pid=7); *Когда уснувшая* ***огнедышащая*** *гора просыпалась, вода, ил, лава сносили все на своем пути* (СН, 14.01.2014); ***спасаемый Богом / богоспасаемый***: *Да. Россия – страна,* ***спасаемая богом***. *Это правда* (http://sztufar.ru/node/379); *И* ***богоспасаемый*** *город Лейпциг, подаривший оседлость бродячему музыканту, не являл собой счастливого исключения, пожалуй, даже превзошел докуками остальные города, включая и недоброй памяти Арнштадт, где двадцатилетнего органиста и регента небольшого школьного хора беспощадно травила консистория вкупе со старшими учениками, с последними дело дошло до уличной схватки на шпагах – горяч и неуступчив был юный Иоганн Себастьян*! (Ю. М. Нагибин. Перед твоим престолом (1972-1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Наш доселе* ***богоспасаемый*** *городок постигла участь… окропиться кровью людей, до сих пор так или иначе эксплуатировавших трудящихся…* (Жизнеописание протоиерея Павла Петровича Заболотского (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.07.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + объект», например, ***утоляющий боль / болеутоляющий***: *Зализывать раны полезно – в слюне содержатся вещества,* ***утоляющие боль*** (http://www.1tv.ru/news/crime/91784); *Солитов, кстати, получил на его основе снотворный и* ***болеутоляющий*** *препарат широкого действия* (Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + фактитив», например, ***рожденный мертвым / мертворожденный***: ***Рождённый мёртвым*** *недоношенный ребёнок начал проявлять признаки жизни после того, как его мать подержала его в руках* (https://www.babyblog.ru/community/post/rstory/822594); *Случалось, что у добрых*

католиков появлялся ***мёртворождённый*** *ребёнок или дитя умирало, не восприяв святого крещения* (Святослав Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + фактитив», например, ***печатающий билеты*** / ***билетопечатающий***: *На железнодорожных станциях Калининграда появились* ***печатающие билеты*** автоматы. *Вскоре* ***билетопечатающие*** *автоматы установят на станциях Светлогорск, Зеленоградск, Пионерский Курорт, Чкаловск, на Северном вокзале и на остановочном пункте «Сельма»* (КП, 16.03.2015); *В Тверской области на железнодорожных станциях появятся* ***билетопечатающие*** *автоматы* (http://metateka.com/metka); ***охлаждаемый водой*** / ***водоохлаждаемый***: *Сингапурская дизайн студия Wallflower Architecture + Design представила дом,* ***охлаждаемый водой****. Этот дом расположен недалеко от дороги и надежно скрыт густыми деревьями* (http://nnm.me/blogs/gus7/dom_ohlazhdaemyy_vodoy_ot_studii_wallflower); *Американские инженеры применяли для охлаждения медный* ***водоохлаждаемый*** *кристаллизатор* (И. Демонис. Во все лопатки // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Для этого в ближайшее время будет установлен газоотводящий* ***водоохлаждаемый*** *тракт, закалочная камера и рукавный фильтр* (Потенциал реконструкции (2004) // «Металлы Евразии», 2004.04.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – «статус».

Модель «статус + квалитатив», например, ***на злобу дня*** / ***злободневный***: *Ещё когда я читал только его репортажи* ***на злобу дня****, я почувствовал – по запаху – что это тот человек, с которым я мог бы общаться* (Герман Садулаев. Таблетка (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Но это не* ***злободневный*** *спектакль, сегодняшнему театру стыдно заниматься политикой* (Роберт Стуруа: «Сегодняшнему театру стыдно заниматься

политикой» (2002) // «Известия», 2002.04.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «статус + каузатив», например, ***угодный Богу*** / ***богоугодный***: *Способность в любых условиях делать правильный выбор, **угодный Богу**, без учета сиюминутных общественных или личных интересов* (протоиерей Александр Ильяшенко. Экуменизм и глобализация (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Богоугодный** день выбрали атеисты, ничего не скажешь* (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «статус + коррелятив», например, ***одного типа*** / ***однотипный***: *Как правило, это небольшие дополнения и разновидности **одного типа** предметов – крупных вещей, которых не было бы в этой коллекции, на рынке уже практически нет* (Ирина Осипова. Новые русские музеи // «Эксперт», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Крошечные **однотипные** роли дешевых страшилищ, мелкого хулиганья, столь короткие, что не давали успеть выстроить характер* (КИ, № 1, 2013); ***разного цвета*** / ***разноцветный***: *Мне от нашей большой семьи передались глаза **разного цвета**: левый глаз у меня с голубизной, правый – с бирюзой* (Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Глория почти каждый день появлялась на публике с **разноцветными** и причудливыми прическами* (СН, 25.02.2014); ***разного профиля*** / ***разнопрофильный***: *Совершенно очевидно, что их успешная разработка требует объединённых усилий специалистов **разного профиля**, то есть того подхода, который ныне именуется мультидисциплинарным* (В. Е. Хаин. О главных направлениях в современных науках о Земле // «Вестник РАН», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В центре существует 16 команд **разнопрофильных** специалистов* (СН, 25.02.2014).

Ономасиологический базис – «процесс».

Модель «процесс (дестинатив) + медиатив», например, ***агитационно-массовый*** / ***агитмассовый***: *При планировании **агитационно-массовой** работы*

работники пожарной охраны исходят из того, что тематика мероприятий должна отличаться актуальностью, злободневностью и отвечать текущим задачам, стоящим перед пожарной охраной местности (http://www.pojarnayabezopasnost.ru/propaganda-3.html); ***Агитмассовая*** *работа кандидатами не проводилась* (http://millerovo.ikro.ru/archive-elections/kratkie-itogi/).

2.4. Ономасиологические классы деривационных композитов

2.4.1. Синтаксическая и лексическая деривация. В нашем исследовании мы относим к деривационному композитопостроению процессы, в результате которых «между исходной (производящим словосочетанием) и конечной (производным словом) единицами возникают деривационные мотивационные отношения. Другими словами, отличительной чертой композита деривационного типа является то, что в его семантику входит как часть семантика базового словосочетания, химически соединенная с семантикой форманта, а в форму как часть – особым образом сочлененные планы выражения всех его компонентов» [468, с. 186]. Мотивационные отношения между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом определяются как внешние.

Проблемы мотивации являются центральными в лингвистике и прозрачными при изучении семантики производного слова, которое «передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего ее слова» [230, с. 161]. В современной теории мотивации используются такие понятия, как *мотивировочный* / *мотивационный признак*, *мотивированность*, *мотивирующая база*, *мотивирующее суждение*, *мотивированные отношения*. Обратимся к исследованию В. фон Гумбольдта, который предложил разграничивать внутреннюю и внешнюю форму языка, указывая на то, что «действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и непроизвольных движений духа, предшествующих

образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [123]. Ученый не только разделил внутреннюю и внешнюю формы языка, но и дифференцировал внутренние формы, «одна из которых выполняла мотивационную функцию довербального характера, а другая – функцию трансформированного членения значения, устанавливая тем самым корреляцию между мотивом и его вербализованным значением» [391].

А.А. Потебня в основном исследовал внутреннюю форму слова, а не языка, в отличие от В. фон Гумбольдта, при этом он считал, что в ряду однокоренных слов, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть внутренней формой последующего [373, с. 156]. А.А. Потебня сделал ряд важных открытий в теории внутренней формы слова с позиций психологического направления в языкознании, многие считают его предтечей когнитивной лингвистики. Так, он выделил три составных элемента: внешнюю форму, т.е. членораздельный звук; содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, отметив при этом существенные различия между внутренней и внешней формой слова: «Внутренняя форма каждого из слов иначе направляет мысль; почти то же выйдет, если скажем, что одно и то же новое восприятие, смотря по сочетаниям и в какие оно войдет с накопившимся в душе запасом, вызовет то или другое представление в слове. Внешняя форма не разделима с внутреннею, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собой, но тем не менее совершенно от нее отлична» [там же, с. 156].

О.П. Рябко пишет, что «во внутренней форме слова находит свое отражение ассоциативность человеческого мышления, образность восприятия мира, многовековой опыт познавательной деятельности человека. Внутренняя форма слова делает язык более выразительным, придавая ему национальный колорит» [391]. Ученый полагает, что внутренняя форма – это «мост, соединяющий две стадии номинативного акта: довербальную стадию и стадию вербальной номинации, при этом номинативный акт рассматривается как «результат преобразования (стяжения) некоторой синтаксической конструкции в

производную номинативную единицу, как результат преобразования синтаксической структуры в номинативный знак – универб»[там же].

Говоря о семантике производного слова, Е.С. Кубрякова усматривает ее непосредственную зависимость от мотивирующего слова как такового при аналогическом и корреляционном типах словообразования, при словообразовании на синтаксической основе семантика «предопределяется окружением мотивирующего слова и его местом в исходной синтаксической конструкции» [230, с. 162]. Исследователь, развивая теорию мотивации, предлагает включать в нее «изучение тех типов производных, которые мотивированы суждениями или же высказываниями, содержащими однокоренное с производным слово», что объясняет различие между мотивирующим словом или словосочетанием и мотивирующим суждением, в котором «мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию» [227, с. 286].

Нам представляется интересным мнение Е.С. Кубряковой о неравнозначности преобразований, наблюдаемых в разных трансформациях мотивирующего суждения, например, *машина перевозит груз в пять тонн – машина, перевозящая пятитонные грузы – машина для перевозки пятитонных грузов – пятитонка*. Она полагает, что «для нормального протекания дискурса необходимы не столько синонимы, сколько альтернативные разноструктурные единицы со сходным содержанием, но с разной степенью семантической компрессии, когнитивной сложности и, конечно, фокусировкой внимания на разных деталях описываемого» [238, с. 425]. Производное или сложное слово является наиболее приемлемым вариантом, т.к. является «чрезвычайно удобным» для оперирования в дискурсе знаком [там же, с. 425]. Л.А. Араева полагает, что словообразование русского языка в основе своей синтаксично, «производная семантика в свернутом виде реализует пропозицию с ее основными элементами и синтаксическими ролями между ними, которые могут быть выражены однокоренными словами, находящимися в отношениях множественной мотивации конкретного производного слова» [16, с. 15].

По мнению А.В. Чанчиной, при описании значений производных слов необходимо использовать «две основные формулы соотношения мотивированных и мотивирующих в зависимости от того, к какой подсистеме деривации принадлежит слово» [528, с. 236]. В современном языкознании выделяют два основных направления деривации и, соответственно, два типа дериватов – синтаксические и лексические. Подсистема синтаксической деривации «характеризуется абстрактностью формантной части значения, а следовательно, стандартизованностью отношений мотивированных и мотивирующих во всех группах производных» [там же, с. 236]. В этой подсистеме наблюдается отсылочный способ представления значений мотивированных слов, например, *ходьба* «*действие по глаголу ходить*», *синева* «*признак по прилагательному синий*»; сюда же относится часть мотивированных с модификационным значением, *столик* «*уменьшительное к стол*». Лексическая деривация предполагает включение значения мотивирующего слова в толкование производного, например, *тракторист* – «*тот, кто водит трактор*», *кусаться* – «*иметь обыкновение кусаться*». Л.М. Дударова указывает на необходимость дифференциации семантических отношений между мотивирующими и мотивированными словами, принадлежащими к разным частям речи, и заявляет о том, что «не могут быть лексически тождественны слова с разными категориально-семантическими значениями» [133, с. 430]. По мнению ученого, смысловое преобразование, сопровождающее процессы возникновения новых слов, зависит главным образом «от семантической корреляции соответствующих частей речи, от категориального значения того разряда слов, под который подводится образуемая лексема» [там же, с. 430]. Н.Д. Арутюнова замечает, что «семантическое ядро при этом не переживает коренной ломки, происходит лишь трансформация его грамматических категорий и синтаксической сочетаемости» [23, с. 91].

Е.А. Земская относит к области синтаксической деривации процессы, в результате которых образуются: 1) отглагольные существительные со значением отвлеченного действия: *размышление*, *расследование*; 2) отадъективные

существительные со значением отвлеченного признака: *активность*, *влажность*; в) отсубстантивные прилагательные, обозначающие общее, неконкретизированное в производном отношении к тому, что названо производящей основой: *вкусовой*, *лесной* [165, с. 185]. Сравнивая пары слов *желтый-желтизна*, *храбрый-храбрость*, ученый замечает: «Лексическое значение однокоренных слов тождественно; существительное обозначает без всякой семантической добавки опредмеченный признак, выражаемый прилагательным» [там же, с. 296].

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов считают, что к синтаксической деривации относится образование отадъективных наречий, а к лексической деривации – отсубстантивных относительных прилагательных [388, с. 16]. И.А. Ширшов видит специфику синтаксической деривации в том, что она «передает по цепи лексическое значение исходного слова без всякого изменения, в результате одно и то же лексическое значение может выступать в сопровождении разных частеречных значений» [133, с. 431]. Анализируя суффиксы синтаксической деривации, ученый отмечает их структурно-семантическую функцию, поскольку они переводят слово из одной части речи в другую, передавая в языке внутрикодовую информацию.

И.А. Бекетова понимает под синтаксическими дериватами «специальные средства – транспозиционные словообразовательные типы», которые формируются для обслуживания синтаксической функции в словообразовании [36, с. 136]. Следует отметить, что ученый исследует предназначение и поведение дериватов в пределах целого текста, вот почему ее трактовка носит более масштабный характер, когда она говорит об особом классе производных слов, предназначенных для свертывания (номинализации) предложения в именную конструкцию. Транспозиционные словообразовательные типы (имена действия и имена качества) являются прежде всего «единицами текста, и лишь затем – единицами словаря, так как становятся знаковыми заместителями целых предложений и могут рассматриваться как краткое резюме определенного события или ситуации» [там же, с. 136]. И.А. Бекетова полагает, что корпус

транспозиционных словообразовательных типов выполняет в русском языке прежде всего синтаксическую функцию, усиливает связность и целостность текста, позволяя избежать повторов и синтаксического усложнения.

Е.С. Кубрякова констатирует наличие синтаксической деривации тогда, когда «внутри одного деривата сплетаются два разнопорядковых категориальных значения при доминирующем положении одного из них и без особой конкретизации их отношений» [230, с. 150]. Ученый полагает, что синтаксическая деривация является такой разновидностью транспозиции, которая не влечет за собой никаких семантических последствий.

Описывая лексическую деривацию, М. Докулил выделяет два основных типа: мутацию и модификацию. Тип деривации детерминирует характер функционирования производного слова, его деривационный потенциал и особенности семантики в словообразовательной системе языка. Е.С. Кубрякова полагает, что для лексической деривации тоже характерны межкатегориальные сдвиги и транспозиция, но уже осложненная семантическими преобразованиями, при этом изменение синтаксической функции приходит в соответствие с изменением лексического содержания исходной единицы. При синтаксической деривации в формуле словообразовательного значения можно выделить два компонента – слово-идентификатор, маркирующее переход исходного знака в новую часть речи, и мотивирующее слово, тесно связанное с идентификатором. При лексической же деривации, носящей характер транспозиции, в формуле словообразовательного значения появляется «новый конкретизатор, указывающий на характер наступившего семантического сдвига» и выражающий «конкретное отношение ономасиологического базиса к ономасиологическому признаку» [230, с. 151].

Согласимся с Л.М. Дударовой, которая трактует транспозиционную, лексическую и грамматическую деривацию как характеристику словообразовательного типа, при этом его словообразовательное значение «прогнозирует не только деление системы словообразования на две подсистемы – лексическую и синтаксическую деривацию, но и синтез этих подсистем, в

результате которого возникает иерархичность синтаксических функций однотипных производных слов в рамках лексической и синтаксической деривации» [133, с. 430].

2.4.2. Словообразовательная мотивация. Традиция употребления термина мотивация восходит к Ф. де Соссюру, однако в современной лингвистике термины мотивация и производность используются в равной степени для описания отношений между мотивирующим и мотивированным словом. Еще в середине прошлого столетия Г.О. Винокур писал о том, что «…есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не полнее условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами» [84, с. 421]. Э.А. Балалыкина так определяет отношение производности между словами: «Слова *дубняк*, *учитель*, *расчистить*, *беловатый* и др. – производные, так как называют предметы, явления или действия мотивированно по отношению к тому, что указано производящими *дуб*, *учить*, *чистить* или *белый*, которые, в свою очередь, являются непроизводными, так как называют предметы или явления реальной действительности непосредственно, безотносительно, немотивированно» [31, с. 37].

По мнению И.С. Улуханова, словообразовательная мотивация предполагает отношение между двумя словами, обладающими рядом признаков: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов либо полностью входит в значение другого (*дом – домик*, *победить – победитель*), либо тождественно лексическому значению другого, либо синтаксические позиции этих слов различаются (*бежать – бег*, *белый – белизна*, *быстрый – быстро*, образуемые словами разных частей речи). Сюда же ученый относит стилистические различия между словами при тождестве синтаксических позиций (*книга – книжка*,

книженция) [496, с. 10-11]. В работе Н.Д. Голева мотивационные процессы рассматриваются в аспекте взаимодействия планов создания и функционирования слова, которые выступают частями единого непрерывного деривационно-мотивационного процесса, при этом «мотивировка лексических новообразований» представлена как «частный случай мотивации производимых в речи единиц» [109, с. 36].

В лингвистике существует устойчивое мнение, что центральным понятием словообразовательной является понятие словообразовательной мотивированности (производности), т.е. синхронической выводимости одного слова (мотивированного) из другого (мотивирующего). Подобные заявления в отношении мотивации композитообразований делают многие современные лингвисты, такие как О.И. Блинова, Н.Д. Голев, К. Балхия, который, в частности, считает, что «для словообразования – науки о законах и способах образования слов – свойственно определение мотивированности через соотношение производящего и производного слова, мотивированность – это обусловленность его значения значением другого слова, от которого оно образовано» [34, с. 55].

В.Г.Фатхутдинова, рассматривая словообразовательную пару как основную единицу словообразовательного уровня языка, считает ее отличительным признаком наличие в ней отношений мотивации, т.к. «данный признак наглядно отражает сам процесс деривации, его наличие или отсутствие» [512, с. 28]. Так, слово ***железнодорожный*** образовано на базе словосочетания ***железная дорога***: *Самый быстрый способ добраться до Польши –* ***железной дорогой*** (СН, 2.07. 2013); *Якунин считает, что важнейшем этапом для устранения имеющихся ограничений является модернизация Восточного полигона* ***железнодорожного*** *пути* (http://ria.ru/economy/20130718/950445187.html). Отмечаем сочленение основы ***железн-*** с основой второго слова ***дорож-*** при участии форманта ***-ный***, конструкты соединяются при помощи интерфикса ***-о-***, при этом «в плане содержания значение словосочетания распространяется значением «*относящийся к*» указанного форманта, являющимся модификатором значения производящей единицы» [468, с. 187]. О.П.Рябко справедливо замечает,

что «выяснить сущность семантической мотивации – это значит отыскать семантически непосредственно мотивирующее слово», а «выявить назначение словообразовательного форманта – значит установить, в каких мотивированных словах с тем или иным обобщенным словообразовательным значением он обычно встречается». Значения мотивированного слова и форманта ученый представляет в виде «семантических признаков (составных частей) изучаемого деривата», соотношение этих частей «является третьей величиной, формирующей значение мотивированного слова» [391].

Деривационные композиты следует отличать от универбализационных композитов. В противовес слову ***железнодорожный*** рассмотрим прилагательное ***автогужевой***, образованное от словосочетания ***автомобильный и гужевой***. Мы не наблюдаем мотивационных отношений между исходным словосочетанием и сложносокращенным словом – речь идет о полной (семантической и функциональной) тождественности этих двух конструкций, что позволяет говорить о процессе универбализации. Одной из наиболее важных особенностей композитов данного типа является их способность развертываться в словосочетания, что зачастую происходит в пределах одного текста, например: *В Пятигорске существовала сеть муниципализированных гостиниц, работал городской водопровод, функционировал* ***автогужевой*** *транспорт. Коммунальное хозяйство стремительно развивается. Теперь оно объединяет электростанции, трамвайный парк, водопроводы и канализации, бани, прачечные,* ***автомобильный и гужевой*** *транспорт* (http://www.pandia.ru/text/77/195/40309.php).

Описание деривационных композитов с точки зрения их ономасиологического статуса необходимо производить с учетом существования мотивационных отношений между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом. Сложность лингвально-когнитивного подхода к изучению прилагательных-композитов предопределена их некоторой семантической несамостоятельностью. Словообразовательная номинация всегда связана с наличием феномена объективной действительности, которому следует найти соответствующее обозначение, используя при этом словообразовательные

возможности языка. Е.С. Кубрякова пишет, что «производное слово уже в процессе своего создания должно быть отнесено к некоторому классу, категории, причем это отнесение совершается соответственно тому, как поняты онтологические свойства обозначаемого» [234, с. 156]. Многие современные лингвисты сходятся во мнении, что «наиболее перспективным в современном языкознании является лингвистическое направление, в основе которого лежит функционально-когнитивный принцип описания языка, опирающийся на функциональную природу всех сфер человеческой жизни и деятельности» [92, с. 182].

Напомним, что к деривационным композитам мы относим слова, демонстрирующие мотивационные отношения между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом. Согласимся с утверждением, что «сложность производного слова как языкового знака заключается в том, что приобретая новые значения и форму, оно наследует и особым образом преломляет семантические свойства составляющих его компонентов» [303, с. 193]. В.И. Теркулов считает, что «отличительной чертой композита деривационного типа является то, что в его семантику входит как часть семантика базового словосочетания, химически соединенная с семантикой форманта, а в форму как часть – особым образом сочлененные планы выражения всех его компонентов» [468, с. 186]. Исследуя процессы композитостроения в русском языке, ученый предложил трехчленную структуру для описания универбализационных композитов, которая включает ономасиологический класс с последующим определением ономасиологического базиса и признака. О.В. Блюмина высказала предположение, что данный подход позволяет избежать унифицированного подхода к разграничению деривационных композитов и квазикомпозитных образований и вполне может быть использован для исследования их ономасиологической природы [47, с. 61].

Выделение ономасиологических классов сложных прилагательных деривационного типа следует производить с соблюдением определенных условий, в частности, изучением «всех видов отношений между соотносящимися и

взаимодействующими элементами, приводящих к формированию производной номинативной единицы» [303, с. 193]. Значительный пласт лексики составляют сложнопроизводные прилагательные, уже образованные от сложных слов: ***свободолюбивый*** от ***свободолюбие***, ***братоубийственный*** от ***братоубийство***, ***верноподданнический*** от ***верноподданичество***, например: *Патриот Брежнев не заметил, как за* ***верноподданическими*** *речами поменялись ценности главы КГБ и будущего генсека Юрия Андропова* (СН, 6.11.2013); *Представители коалиции демократических сил не смогли проголосовать за кандидатуру Юлии Тимошенко на пост премьер-министра, потому что спешили продемонстрировать свое* ***верноподданичество*** (http://newsukraine.com.ua/news/90113/).

Однако для нас представляют интерес такие адъективные образования, которые демонстрируют сочленение двух производящих основ при помощи словообразовательных формантов. Прилагательное ***конноспортивный*** образовано на базе словосочетания ***конный спорт*** путем соединения основы ***кон-*** с основой второго слова ***спорт-*** при участии суффикса ***-ив*** и форманта ***-ный***, конструкты соединяются при помощи интерфикса ***-о-***. Как мы уже ранее отмечали, при этом «в плане содержания значение словосочетания распространяется значением «*относящийся к*» указанного форманта, являющимся модификатором значения производящей единицы» [468, с. 187], например: *Хотя* ***конный спорт*** *в Калмыкии перебивается с хлеба на воду, местные специалисты следят за его состоянием по всей стране* (Михаил Виноградов. Люди и кони. Выборы в стране буддизма и шахмат (2002) // «Известия», 2002.10.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru)*; Для Фролова это отдельный повод для грусти – в этой шайке два человека, которых он в* ***конноспортивный*** *клуб ЦСКА отправлял учиться* (Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007;Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Наше исследование позволило выявить следующие ономасиологические модели деривационных композитов.

2.4.3. Ономасиологический класс «социальный признак человека».

Ономасиологический базис – «**состояние**».

Модель «**состояние + действие**», например, ***не подать руки*** / ***нерукоподаваемый*** (***руконеподаваемый***): *После матча, который завершился со счетом 3:2, наставник «горняков»* ***не подал руки*** *тренеру львовян Александру Севидову* (http://vz.ua/video/12466); *В первом случае Янукович может уже в ближайшее время окончательно стать самым «****нерукоподаваемым****» на Западе, приведя Украину к полной международной изоляции* (СН, 24.12.2013); *Недавно актер Алексей Девотченко объявил меня* ***руконеподаваемым*** *человеком* (http://www.novayagazeta.ru/politics/3707.html); «*Подобные слова Путина означают, что по крайней мере до тех пор, пока не изменится риторика президента Порошенко, он переходит в категорию людей, с которыми разговаривать не хотят, как говорят,* «***нерукоподаваемый***» (http://uapress.info/ru/news/show/140707);

Модель «**состояние + коррелятив**», например, ***единая вера*** / ***единоверный***: *Это разрушение любви к родине, к Церкви, идеи жертвенности во имя своего народа, уничтожение идеи справедливой, священной войны готовит почву для создания* ***единой веры****, единой религии, единой культуры, единого всемирного государства с безликой массой рабов и властителей-богов* (А. И. Осипов. Меч и мир: православный взгляд (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). *Общины шиитов призывают к себе на помощь* ***единоверный*** *Иран* (Светлана Лурье. Шиитский фактор (2003) // «Спецназ России», 2003.06.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис − «**статус**».

Модель «статус + каузатив», например, ***бояться бога*** / ***богобоязненный***: *Хотя вообще, это очень личное дело. Скажу только, что* ***бояться Бога*** *− неправильно. Можно бояться себя, поступая не по-божески* (Галина Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // «Огонек», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Но в ситуации, когда*

*можно себе позволить физически устранить главного конкурента, а рынок захватить силой с помощью бандитов или продажных представителей органов власти, законопослушный, **богобоязненный** православный русский предприниматель обречен* (Валерий Андреев. Национальные модели экономики (2004) // «Наш современник», 2004.07.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***любить мир* / *миролюбивый***: *Он способен улавливать в этой жизни не только черные и белые тона, но и полутона, умеет **любить мир** во всех его проявлениях* (Эльвира Савкина. «Характер у меня довольно скверный» (2002) // «Дело» (Самара), 2002.08.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Странно только, зачем это Илье, он человек **миролюбивый*** (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2.4.4. Ономасиологический класс «признак предмета (объекта), явления, процесса».

Ономасиологический базис – «**действие**».

Модель «действие + трансгрессив», например, ***очистить дно* / *дноочистительный***: *Правда, тогда от обязательств **очистить дно** реки отказались и городские и областные власти* (http://www.nr2.ru/ekb/446330.html); **Дноочистительные** работы производятся после спада половодья с 1 июня до конца навигации (http://rgkupvp.kz/index.php?id=4);

Модель «действие + медиатив», например, ***поклоняться кресту* / *крестопоклонный***: *Будем же ныне с особым благодарным, радостным и благоговейным чувством **поклоняться Кресту** Господню и лобызать* его (Поучение в неделю крестопокаянную (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.03.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Город был **крестопоклонный**, славянский – город-Русь* (http://www.ereading.club/chapter.php/28203/4/Kozakov_Chelovek,_padayushchiii_nic.html); ***сшибать с ног / сногсшибательный***: *В общем, сияйте в новогоднюю ночь во всех смыслах этого слова и **сшибайте с ног** окружающих мужчин своими*

нарядами (http://news-armavir.ru/retrosite/index.php/lifeastyle/fashion/5099); *Он радовался не своей громадной физической силе, не своему умению идти напролом, **сшибить с ног**, взломать кассовую сталь* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Не такая **сногсшибательная** красотка, как Климова, она покорила Илью своей тихой, спокойной женственностью* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Женщина действительно ослепительная*: *даже в длинных закрытых платьях и национальных головных уборах она ухитряется выглядеть **сногсшибательной*** (СН, 4.03.2014); ***преклонить колени / коленопреклоненный**: Это была женщина, перед которой хочется **преклонить колени**…* (И. К. Архипова. Музыка жизни (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Коленопреклоненный** Колон принимает из рук королевы письмо с высочайшим повелением совершить экспедицию к берегам Индии* (*Дина* Рубина. Воскресная месса в Толедо (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «действие + дистрибутив», например, ***разливать вино* / *виноразливочный***: *Официант кивнул и начал **разливать вино** по бокалам* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000-2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Любопытно, что как только дегустация закончилась, уборщица тут же отнесла пустые бутылки обратно в **виноразливочный** цех* (http://polite.com.ua/no_form/4142-.html); ***убирать снег* / *снегоуборочный***: *Ручка – еще одна важная деталь **снегоуборочной** лопаты, от которой зависит эргономичность инструмента. Если же потребуется ею **убирать снег** со всего двора, то придется попотеть* (http://landscape-project.com/tech/instrument-dlya-uborki-snega.html);

Модель «действие + фактитив», например, ***наносить вред* / *вредоносный***: *Удержание инфляции «денежным голодом» **наносит вред** экономике* (http://www.rbc.ua/rus/finance/economic/); *Основным признаком, по которому различают **вредоносные** утилиты, являются совершаемые ими действия* (http://www.securelist.com/ru/threats/detect/malware);

Модель «действие + финитив», например, ***лить чугун*** / ***чугунолитейный***: *Кризис*: ***лить чугун*** *не буду, потому что раньше зарабатывал 30 тысяч долларов, а теперь заработаю только* 10… (http://news-nomad.ru/stars/39.html); ***Чугунолитейный*** *цех производит отливки деталей из серого и высокопрочного чугуна исходя из сложности отливок, серийности, габаритов* (http://www.ruscastings.ru/work/168/169/221/986).

Ономасиологический базис – «объект».

Модель «объект + локатив», например, ***горная руда*** / ***горнорудный***: *Это намного более прибыльная индустрия, чем те, которые основаны на невозобновляемых ресурсах, таких как нефть и* ***горная руда*** (http://polpred.com/?ns=1&ns_id=669636); *Прошедший год для мировой* ***горнорудной*** *отрасли был непростым* (http://delo.ua/world/);

Модель «объект + квалитатив», например, ***мясные консервы*** / ***мясоконсервный***: *Оказывается, хранить её можно неограниченно долго – намного дольше, чем самые качественные рыбные или* ***мясные консервы*** (Борис Руденко. Чакры, бывшие в употреблении // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Исследование проводили в ОАО «Уфимский* ***мясоконсервный*** *комбинат», одном из крупнейших мясоперерабатывающих предприятий республики Башкортостан* (С. М. Сулейманов. Влияние автолитических превращений на свойства конины (2004) // «Мясная индустрия», 2004.09.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***снежная лавина*** / ***снежнолавинный***: ***Снежная лавина*** *начинается с того, что кашлянул проходящий лыжник; с того, что его подружка лыжница сбросила машинально со своей синей шапочки малую пригоршню снега* (Владимир Маканин. Сюр в Пролетарском районе (1990); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *При этом месторождение характеризуется Ивано-Франковской области объявлена повышенная опасность схода лавин. Речь идет о III степени* ***снежнолавинной*** *опасности* (http://hronika.info/obwestvo/112420-v-karpatah-ozhidaetsya-shod-lavin-goschs.htm); ***каменный уголь*** / ***каменноугольный***: *Запасы* ***каменного угля***

являются основной сырьевой базой, снабжающей Украину и другие государства СНГ энергетическим и технологическим топливом (http://geonews.com.ua/news/detail/bezdonnye-zapasy-ugol-kak-osnova-97); *При этом месторождение характеризуется равномерным распределением* ***каменноугольных*** *пластов с высоким качеством коксующихся углей* (http://dobychauglja.ru/svojstva-uglya/yuzhno-yakutskij-kamennougolnyj-bassejn.htm).

Ономасиологический базис – «**статус**».

Модель «**статус + квалитатив**», например, ***мелкая буржуазия*** / ***мелкобуржуазный***: *Погромы приняли массовый характер в связи с участием в них самых широких слоев населения* (*железнодорожные и почтово-телеграфные служащие*, ***мелкая буржуазия***, *рабочие*, *крестьяне*), *преследовавших чисто грабительские цели* (Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Время идет, появляются новые общественные страты, исчезают сословия и классы* («*класс рабочих, класс крестьян, класс служащих, прослойка советской интеллигенции*»), *растет если не количество буржуа, то, по крайней мере, количество людей, ведущих буржуазный и* ***мелкобуржуазный*** *образ жизни* (*а мелкобуржуазный образ мыслей имеет уже вся страна*), *а социальное устройство российского общества так и не описано* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***частное владение*** / ***частновладельческий***: *Как рассказали местные жители, эти 55 гектаров земли с парком, прудами, благородными руинами и вполне уцелевшими зданиями совсем недавно купил в* ***частное владение*** *олигарх Олег Дерипаска* (http://www.compromat.ru/page_17394.htm); *Поселения евреев на* ***частновладельческой*** *земле даже в официальных документах назывались колониями* (http://www.evkol.nm.ru/private_colonies.htm); ***русский язык*** / ***русскоязычный***: *Основная масса китайцев не знала* ***русского языка*** (СН, 15.08.2014); *Да и* ***русскоязычные*** *поклонники певицы не особо в восторге*: *вокал слабоват, стиль все тот* же (Вива-Биография, № 3 (80), 2014);

Модель «статус + локатив», например, ***Средиземное море* / *средиземноморский***: *Как-то летом чета расслаблялась на одном из средиземноморских островов* (СН, 4.03.2014); ***Средиземное море*** *можно без всякого преувеличения назвать колыбелью человечества* (http://geosfera.info/evropa/467-sredizemnoe-more.html); ***по ту сторону* / *потусторонний***: *Правда, что находится* ***по ту сторону*** *озера, парень не знал, но направление на Боговизну отсюда представлял точно* (Василь Быков. Болото (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Одного* ***потустороннего*** *обитателя студенты прозвали Флейтистом – за то, что свистел* (СН, 14.01.14); ***левый берег* / *левобережный***: *С помощью крестьянина они переправились на* ***левый берег*** *реки* (СН, 4.03.2014); *Никак не ощущалось, что портвейн* ***левобережный****, и даже мелькнула в голове догадка, что, будь этот портвейн правобережным или вообще каким-нибудь молдавским, окружающий мир претерпел бы те же самые изменения* (Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Южная Америка* / *южноамериканский***: *Это* ***Южная Америка****, и чтобы не попасть в ненужные приключения, туристу, который сюда едет, достаточно соблюдать нормы и требования, обычные для поездок в эти края* (Игорь Варламов. Какой футбол им не нужен // «Огонек», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Но в отличие от других* ***южноамериканских*** *столиц, в Боготе его маршрут не проходит через вокзалы* (СН, 14.01.2014);

Модель «статус + нумератив», например, ***третий мир / третьемировой***: *Многие наши соседи по основным рейтингам – разоренные гражданскими войнами страны* ***третьего мира*** (http://uspishnaukraina.com.ua/news/1766.html); *Во второй половине XX века в условиях демографического взрыва, охватившего* ***третий мир****, возникла угроза масштабного голода* (В. Алексеев. Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Дело в том, что при всем своем «****третьемировом****» устройстве, правовая система этой страны работает четко, как часы* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013);

Модель «статус + темпоратив», например, ***много лет / многолетний***: *Ведь нашим людям* ***много лет*** *подряд со всех экранов твердили, будто политика − грязное дело, и на том ставили точку* (Олег Щукин. Раёк от Райкова (2003) // «Завтра», 2003.07.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Составитель, комментатор и автор вступительной статьи − Владимир Новиков,* ***многолетний*** *исследователь творчества Тынянова* (Юлия Рахаева. Учебники плавания по морю жизни. Книги (2002) // «Известия», 2002.09.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «статус + интенсив», например, ***много страданий / многострадальный***: *В этот период он стал самым завидным холостяком постсоветского пространства, разведясь с м****ногострадальной*** *женой Людмилой* (СН, 8.01.2014).

Ономасиологический базис – «орган».

Модель «орган + квалитатив», например, ***мягкое нёбо / мягконёбный***: *Чаще всего храпят люди, склонные к полноте, имеющие короткую толстую шею, утолщенное* ***мягкое нёбо*** (http://stat-krasivoi.ru/); *При поражении языкоглоточного и блуждающего нерва затруднения глотания сочетаются с нарушением чувствительности в глотке, исчезают глоточный и* ***мягконёбный*** *рефлексы* (http:// expodata.ru›~expopress/2013/reab2/);

Модель «орган + локатив», например, ***спинной мозг / спинномозговой***: *Поэтому Аль-Хавахиру удалят* ***спинной мозг****, чтобы он тоже всю жизнь был парализован, как его жертва* (http://ru.tsn.ua/chorna-hronika/); *Последствия* ***спинномозговой*** *травмы зависят от ее тяжести, от того, какие именно клетки спинного мозга пострадали* (http://www.kp.ru/guide/travma-spinnogo-mozga.html); ***верхняя челюсть / верхнечелюстной***: *Тут смотрю, на окне чья-то* ***верхняя челюсть*** *в стакане – почти целиком, дырки три в ней – не больше* (Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Первая из них* (*челюстная*) *дифференцируется на* ***верхнечелюстной*** *и нижнечелюстной отростки, ограничивающие ротовую*

впадину с боков и снизу (Рудольф Самусев, Юрий Селин. Анатомия человека (2003): Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – «**отрасль**».

Модель «отрасль + квалитатив», например, ***сельское хозяйство* / *сельскохозяйственный***: ***Сельское хозяйство*** *практически везде дотируется государством*: *и в успешной Европе, и в богатой Америке, и небогатой Индии* (http://belarus.regnum.ru/news/1776731.html); *Оглядел все, прошелся по* ***сельскохозяйственной*** *выставке в нынешнем Парке культуры и вернулся в Горки* (СН, 21.01.2014); ***конный спорт* / *конноспортивный***: *Может, стоит начать с лошадей, а там, глядишь, и отечественный* ***конный спорт*** *подтянется*? (Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Заядлый лошадник, Свид поддерживает и* ***конноспортивный*** *клуб, и все пять футбольных команд хозяйства, и других спортсменов* (Аграрная партия России: выбирай родное, голосуй за своих! (2003) // «Сельская новь», 2003.11.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – «**фактитив**».

Модель «фактитив + нумератив», например, ***много слов* / *многословный***: *На каждом из языков* (*кроме немецкого, знакомого с детства*) *он знал не слишком-то* ***много слов****, но отлично знал ходкие восклицания, модные словесные ужимки и выверты* (И. Грекова. Фазан (1984); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Язык взрослых очень подвижный,* ***многословный****, богатый синонимами и эвфемизмами…* (Юрий Богомолов. Очередная годовщина моей дедовщины (2002) // «Известия», 2002.12.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***много языков* / *многоязычный***: *У человека* ***много языков***: *язык, на котором разговаривают с детьми, еще один, это тот, на котором говорят в любви… А еще есть язык, на котором мы говорим сами с собой, ведем внутренние разговоры* (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Вот мы приехали, аэропорт,* ***многоязычный*** *многоголосый*

рокот, такси с громким радио и неудержимо болтающим на плохом английском водителем, тут же предложившем нам купить за бесценок какие-то амулеты, утомительное размещение в светлой гостинице с просторным холлом (Мария Голованивская. Я люблю тебя (1990-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***много детей*** / ***многодетный***: *Семьи большие и дружные, очень* ***много детей*** (Юлия Вишневецкая. Большой дед следит за тобой // «Русский репортер», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Сезария родилась в бедной* ***многодетной*** *семье в городе Минделу* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013).

Ономасиологический базис – **«состояние»**.

Модель «состояние + темпоратив», например, ***сию минуту*** / с***июминутный***: *Я ведь* ***сию минуту*** «*форда*» *всё равно не куплю, верно*? (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Художник не должен опускаться до* ***сиюминутных*** *страстей* (Вива-Биография, № 4 (81), 2014); ***сию секунду*** / ***сиюсекундный***: *Ничего этого я делать не буду – я буду стоять, опустив руки по швам, не зная, как дальше жить, а именно куда сейчас идти, куда вот* ***сию секунду*** *шагнуть и можно ли вообще сделать шаг – вдруг ты разойдешься на все четыре стороны, как злой волшебник в старом фильме-сказке про Аладдина* (Вероника Капустина. Я не люблю музыку // «Звезда», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Они хоть как-то сдерживают моду – погоню за с****июсекундными*** *радостями. Сегодня счастье для меня – это суммарное ощущение* ***сиюсекундного*** *относительного благополучия* (СН, 15.07.2014).

Предложенная трактовка семантического значения имен прилагательных не является окончательной и может быть изменена вследствие постоянно увеличивающегося числа новообразований, реализующихся в языке в виде моделей деривационного композитопроизводства. Ономасиологические классы таких композитов определяются с учетом мотивационных отношений между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом.

2.5. Ономасиологические классы квазикомпозитов

Изучение сложных прилагательных с точки зрения их ономасиологической структуры является одной из наиболее спорных проблем в современной лингвистике. Под квазикомпозитами мы понимаем такие сложные слова, которые образуются по словообразовательным моделям, уже имеющимся в языке. По мнению В.П. Григорьева, «новое сложное слово с тем же вторым компонентом может образовываться уже не на почве словосочетания (если последнее все-таки признается за базу для возникновения «первого» сложного существительного), а лишь на почве одного слова, превращающегося в первый компонент; вместо второго компонента сложного слова в подобных случаях мы, с этой точки зрения, имеем дело с новым развивающимся, рождающимся «суффиксом» [117, с. 43]. Образование единиц квазикомпозитостроения происходит двумя способами – по моделям универбализационной композиции и по моделям деривационного композитопроизводства.

В работах ученых Донецкой школы композитологии (В.И. Теркулов, Л.В. Соснина) рассматривались ономасиологические классы универбализационных и деривационных композитов. Для этого использовалась схема, предложенная В.И. Теркуловым, и получившая свое развитие в работах его учеников. Ученый разработал типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса. Речь идет о трехчленной структуре ономасиологического класса универбализационных композитов, которая включает общекатегориальное грамматическое значение, при этом номинатема существует в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), являющейся в свою очередь лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСТОЕ). Третья составляющая предполагает распределение номинатем по ономасиологическим моделям. В целом же «ономасиологическая модель включает главный и уточняющий компоненты наименования, то есть его ономасиологический базис и ономасиологический признак» [468, с. 294].

О.В. Блюмина полагает, что это утверждение является справедливым не только в отношении универбализационных композитов, но и может быть использовано при описании квазикомпозитов и единиц деривационного композитопостроения [47]. Напомним, что универбализационные композиты демонстрируют полное семантическое тождество с производящим словосочетанием, что значительно упрощает распределение данных композитов по ономасиологическим классам. Основной особенностью квазикомпозитов является отсутствие базовых словосочетаний, и как следствие, усложняет выведение семантического значения квазикомпозита. Прилагательные-квазикомпозиты можно разделить на три класса: *физический признак человека*, *социальный признак человека* и *признак предмета*, *субъекта или явления* с последующим выделением ономасиологических базисов. Описание ономасиологических признаков мы осуществляем на основе «аргументов диктума», предложенных Е.А. Селивановой для деривационных номинативных моделей. Данными «аргументами» являются «различные ориентиры бинарной коннекции уровней субъектов и предикатов» [404, с. 136]. Отметим, что данную концепцию использовала в своей работе О.В. Блюмина, исследовавшая субстантивные композиты со значением процессуальности.

Наше исследование показало наличие в языке следующих ономасиологических моделей квазикомпозитов.

2.5.1. Ономасиологический класс «физический признак человека».

Ономасиологический базис – «**орган**».

Модель «орган + цвет», например, ***белобрысый***, ***белокурый***: *Я почему-то увидел* себя *со стороны*, ***белобрысого*** *паренька такого* (СН, 14.05.2013); *Эта неповторимая* ***белокурая*** *бестия стала символом исключительной сексуальности* (Вива-Биография, № 13, 2013);

Модель «орган + размер», например, ***долгоносый***, ***долговязый***, ***долговолосый***: *Худой*, ***долгоносый***, *смотреть не на что*, а *глазами насквозь*

прожигает (Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Ее звали Нора Баллинг*, ***долговязая*** *белобрысая дылда на голову выше Томаса* (Вива-Биография, № 1-2 (79), 2014); *В довершение бед путь к бегству заступал сам* ***долговолосый*** *барчук с таким побледневшим, даже слегка осунувшимся от охотничьего волнения лицом, с таким высокомерием нравственной чистоты во взгляде, как будто он-то, гладкий и холеный, прежде всех имел право судить Гиганова за его мерзости* (Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + квалитатив», например, ***сухозадый***, ***сухорукий***, ***простоволосый***: *Генерал-квартирмейстер штаба фронта, генерал-майор Орлов – израненный,* ***сухорукий*** *– человек робкий, и только исполнявший в точности приказания начальника* (http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_37.html); *Я мчусь со всех ног и знаю, что сейчас откроются стеклянные двери низковатого вестибюля, и* ***простоволосый****, в домашнем пиджачке, в валенках деревенский мальчишка – каким я приехал искать счастье в Москву – вылетит в снег, в сугробы* (Сергей Есин. Имитатор (1985); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + форма», например, ***клещеногий***, ***лопоухий***: *Был он широк в груди и по-кавалерийски* ***клещеног*** (http://federacia.ru/library/fantasy/2510.html); *Да и коккер его* ***лопоухий*** *раздражал. Балованная собака – и для баловства заведена* (Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + коррелятив», например, ***шишконосый***, ***веероусый***: ***Шишконосый*** *спутник с суровым нажимом в который раз оглядел тех, с кем разговаривал* (http://bookre.org/reader?file=395618&pg=2);

Модель «орган + интенсив», например, ***остроглазый***, ***востроногий***: *Бойкая,* ***остроглазая*** *баба накрывала стол для обеда* (http://russo.com.ua/malyiy_akademicheskiy_slovar/page/ostroglazyiy.39492); *Вишь ты, какой* ***востроногий****, – сказала старуха, – приехал в какое время*! (Н. В.

Гоголь. Мертвые души (1842); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + действие», например, ***корноухий***, ***стремоухий***: *Не спасет* ***корноухий*** *разбойник свой нежданный, но сладкий обед* (http://www.diary.ru/~ass-zmey/p23043418.htm); *– А, вы шутите*! *Спутник доктора Ди должен быть* ***корноухий***! *Господин фон Зеботтендорф, господин Гумилев*! (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Ономасиологический базис – «физические свойства».

Модель «физические свойства + коррелятив», например, ***сереброголосый***: *Всё, хватит церемониться с* ***сереброголосыми*** *дамами, слишком уж всё скверно* (http://www.loveread.ec/read_book.php?id=19155&p=29);

Модель «физические свойства + квалитатив», например, ***сладкоголосый***: ***Сладкоголосый*** *красавчик Дмитрий Маликов, кумир барышень 90-х годов, никогда не ассоциировался с Казановой* (Вива-Биография, № 1-2, 2014); *Новичок только один –* ***сладкоголосый*** *Авраам Руссо, для начала занявший очень неплохую позицию в середине таблицы* (Алексей Крижевский. Пока нас не было. Рейтинг CD (2002) // «Известия», 2002.05.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Формально для данного композита мы можем найти структурно соответствующее ему исходное словосочетание ***со сладким голосом***, однако в нашей картотеке отсутствуют примеры употребления такой конструкции.

2.5.2. Ономасиологический класс «социальный признак человека».

Ономасиологический базис – «орган».

Модель «орган + цвет», например, ***черноротый***: *Во львовском облсовете выискался феерически гонористый* ***черноротый*** *депутатишка* Козак (http://www.uatoday.com/modules);

Модель «орган + квалитатив», например, ***мягкотелый***, ***слабоголовый***, ***криводушный***, ***сиволапый***, ***жидконогий***, ***жидкотелый***: *Запретите запреты, которые только подогревают воображение* ***слабоголовой*** *части населения* (http://www.5-tv.ru/news/60083/); *Он знал, что полковник злобствует на него и каждому внушает, что вот, мол, он* ***жидконогий*** *сержант-дворянчик, сумел подлизаться к государю и оттирает от «батюшки» верных слуг – простых* казаков…(В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1-2 (1939-1945); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А знаешь ли,* ***криводушный*** *ты человек, почему тебе зла от меня не будет*? (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)] Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «орган + коррелятив», например, ***дубинноголовый***, ***дубоголовый***: *Эти свободные люди презирают свое циничное* ***дубоголовое*** начальство (http://www.mn.ru/blog_cinemagladil/20131121/363090399.html);

Модель «орган + нумератив», например, ***двужильный***: *Нельзя не отметить игру* ***двужильного*** *Дарио Срна сегодня. Хорват отыграл два тяжелых матча за национальную сборную и сегодня готов выступать в составе Шахтера* (http://football.ua/ukraine/game/33871.html).

Ономасиологический базис – «состояние».

Модель «состояние + коррелятив», например, ***ангелоподобный***, ***мужеподобный***, ***звероподобный***: *Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот* ***ангелоподобный*** *тип среди прирожденных преступниц и проституток* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Он сидел и щурился под своими очками, а его* ***звероподобный*** *приятель орал и командовал* (Давид Маркиш. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + квалитатив», например, ***тонкослезый***, ***великоразумный***: *Я переговорил с вашей* ***великоразумной*** *дочкой про одну секретную вещь* (http://www.vvord.ru/tekst-filma/Za-dvumya-zaycami/6);

Модель «состояние + дистрибутив», например, ***оскароносный***, ***венценосный***, ***смертоносный***: *Случалось, что мадридцы засекали* ***венценосных*** *супругов во время выходов в кино* (СН, 29.10.2013); *За красоту и шарм журналисты прозвали первую леди Катара арабской Грейс Келли в честь американской* ***оскароносной*** *актрисы* (СН, 4.03.2014); *Минимум 300 млн. были нужны гуманитарным организациям ООН, чтобы преодолеть последствия* ***смертоносного*** *тайфуна* (СН, 24.12.2013);

Модель «состояние + темпоратив», например, ***великовозрастный***: *Другой* ***великовозрастный*** *Риткин приятель – да и не приятель даже, а друг сердечный, – был шестидесятилетний подросток Витя-Голубь* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + интенсив», например, ***многоликий***, ***многочисленный***, ***малограмотный***: *На последующих двух десятках страниц уместился прошлый,* ***многоликий****, противоречивый мир* (Т. Полетаева. Предисловие к Дневнику Александра Сопровского // «Новый мир», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В полдень столовые заполняют* ***многочисленные*** *служащие, выбравшиеся из-за своих столов на обед* (СН, 14.01.2014); *Этот необразованный и, прямо скажем,* ***малограмотный*** *человек мог с достоинством вести себя в компании учёных, врачей, интеллектуалов самой высокой пробы – интуитивно чувствовал, что сказать, а когда и лучше промолчать* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис – **«статус»**.

Модель «статус + интенсив», например, ***благопристойный***, ***благоприятный***, ***благонадежный***: *Робкий, чахлый недокормыш из предместья, в миру –* ***благопристойный*** *семьянин, приходил по водопроводным делам, просил бабушку принести воды — и доставал топор из сумки* (Евгения Долгинова. Девушка с косой // «Русская жизнь», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Согласны до такой степени, что в целях обеспечения себе более* ***благоприятной*** *судьбы математическими методами изменяли не только*

свои имена, но даже даты своего рождения (СН, 24.12.13); *Сами создайте* ***благоприятные*** *условия своего выбора и семейных отношений* (Отдохни, № 9, 25.02.2014); *Все в* «*Деле*» *свидетельствует*: *человек* ***благонадежный***, *управляемый, прошел серьезную партийную школу* (Лев Корнешов. Газета (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «**статус + квалитатив**», например, ***благоверный***, ***благодушный***: *Через метрдотеля он вызвал* ***благоверную*** *на улицу и увел домой* (СН, 24.12.2013); *Не отпустит она своего* ***благоверного***, *да и он вряд ли осмелится переступить черту* (ВИВА-Биография, № 11 (77), 2013); *А вот с Зоей* ***благодушный*** *следователь Евгений Иванович свидание до суда разрешил* (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2.5.3. Ономасиологический класс «признак предмета (объекта), лица (субъекта), явления, процесса».

Ономасиологический базис – «**действие**».

Модель «**действие + фактитив**», например, ***болезнетворный***, ***смехотворный***, ***снотворный***, ***тошнотворный***: *Повышенная температура помогает организму бороться с* ***болезнетворными*** *вирусами и бактериями* (Добрые советы, январь 2014); *Жизнь была несладкой*: ***смехотворная*** *клоунская зарплата, сырая комната в коммуналке, шумные гости* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013);

Модель «**действие + трансгрессив**», например, ***бракоразводный***: *Я наблюдаю очень много* ***бракоразводных*** *процессов в мире шоу-бизнеса* (СН, 8.01.2014); ***Бракоразводный*** *процесс супругов Банбери тянулся семь лет* (КИ, № 8, 2004);

Модель «**действие + фабрикатив**», например, ***ситценабивной***, ***камнелитейный***: *Московская* ***ситценабивная*** *фабрика – классическое*

текстильное производство, расположенное на берегу Москвы-реки (http://svoboda-dostupa.livejournal.com/8074.html);

Модель «действие + медиатив», например, ***огнестрельный***: *С середины 1930-х годов инженеры пытались разработать* ***огнестрельное*** *оружие, работающее под водой* (СН, 14.01.2014);

Модель «действие + квалитатив», например, ***мелкодробленый***, ***мелкорубленый***, ***жидкотертый***: *В напитки также добавляют* ***мелкодробленый*** *лед* (лед-фрапэ) (http://gun-bar.com/drinks/osnovnye-ponyatiya-o-prigotovlenii-koktejlej.html); *В местных продуктовых магазинах спросите знаменитую колбасу из* ***мелкорубленой*** *свинины с крупными кусочками жира* (СН, 1.07.2014);

Модель «действие + темпоратив», например, ***новоиспеченный***, ***новоявленный***, ***новообращенный***, ***новоизбранный***: *Саша ослушался партнершу, закатив концерт в столичном «Крокус Сити Холле», который* ***новоявленный*** *певец провалил с треском* (СН, 15.07.2014); *Старший из четырех детей* ***новоизбранного*** *главы державы подарил Петру Алексеевичу внука* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014); *Переезд Тютчева в Мюнхен означал лишь начало новой успешной карьеры* ***новоиспеченного*** *перспективного государственного служащего* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); *В словах варяга явно сквозит неприкрытое превосходство, характерное для* ***новообращенных*** (СН, 24.12.2013).

Ономасиологический базис – «состояние».

Модель «состояние по отношению к объекту (коррелятив)», например, ***древоподобный***, ***миндалевидный***, ***яйцевидный***, ***розоцветный***, ***крестоцветный***, ***клинолистный***: ***Миндалевидным*** *разрезом глаз отличаются такие звезды, как Деми Мур, Мила Йовович, Николь Шерзингер и модель Линда Евангелиста* (http://allmakiyazh.ru/makiyazh-dlya-mindalevidnyx-glaz-obraz-vostochnoj-krasavicy.html); *Фактически, в каждый патрон помещалась* ***игловидная*** *пуля, выталкиваемая пыжом* (СН, 14.01.2014);

Модель «состояние + направление», например, ***обоюдоострый***, ***обоюдовзрывной***: *Чувствовала: дай они себе волю, одним мордобитем не*

обойдется, с их-то ***обоюдовзрывными*** характерами (Вива-Биография, № 10 (76), 2013);

Модель «состояние + квалитатив», например, ***краеугольный***, ***полноводный***, ***пустопорожний***, ***баснословный***. Квазикомпозит ***краеугольный*** входит в состав фразеологического оборота «*краеугольный камень*» в значении важнейший, основной, исходный. Изначально краеугольным называли первый камень, положенный в основание строения и принимающий на себя основную тяжесть: *Она принадлежала этому городу, − вкатанный в небо тяжелый масличный жернов, набитая зелеными маслинами бочка,* ***краеугольный*** *камень храма…* (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В настоящее время понятие, обозначающее основу, начало, суть чего-либо, получило широкое распространение: *Маркетинг –* ***краеугольный*** *камень любого бизнеса* (http://vr.com.ua/marketing.html); *Означает ли это, что* ***краеугольный*** *камень – экономическая теория – по прошествии 150 лет оказался изъят из основания марксизма, что свело на нет научное значение всего учения*? (Глеб Панов. Пролетарии, разъединяйтесь // «Коммерсантъ-Власть», 1998; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И в данный момент Брит в поте лица работает над программой, с которой за* ***баснословный*** *гонорар будет веселить прожигателей жизни в клубах и казино Лас-Вегаса* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014).

Прилагательное ***полноводный*** имеет значение «с высоким уровнем воды» и обозначает состояние реки: *Равнинные реки* ***полноводные****, судоходные, их течение спокойное* (http://biofile.ru/geo/63.html); *После «полевого исследования» астрономы убедились в том, что по этому каньону никогда не струился* ***полноводный*** *речной поток* (Луна, к которой мы придем // «Знание – сила», 2011; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Квазикомпозит ***пустопорожний*** выступает в двух значениях: 1) пустой, ничем не занятый: ***Пустопорожние****, незаселенные земли всегда занимали в России значительную площадь, которая, однако, непрерывно заселялась*

(http://www.runivers.ru/gal/today.php?ID=459469); 2) в переносном значении – лишенный серьезного содержания, значения; бессодержательный: *С одной стороны, вроде важный, нужный, с другой – **пустопорожний**, в рамках намерений и благих пожеланий, без конкретики* (http://helion-ltd.ru/empty-imperious conversations); *Присел, и нацарапал многословный и **пустопорожний** текст о том, о чем не имеет ни малейшего понятия* (Юлий Андреев. Знание и ум (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

Модель «состояние + интенсив», например, ***скороспешный***, ***скоропалительный*** – слишком скорый, ***скороплодный*** – способный к скорому плодоношению, быстро приносящий плоды; ***тугорослый*** – медленно, плохо растущий (все значения взяты из современных толковых словарей, в частности, из словаря Ефремовой). Отметим, что формальным маркером интенсивности в нашем случае выступают слова *скоро, быстро, медленно*: *Безусловно, именно этой ситуацией и вызвано **скороспешное** решение Федерального агентства по культуре и кинематографии* (http://emironov.ru/); *Мутная семейка, с прихотями и странностями, одна мать чего стоила: прислуга, возомнившая себя носительницей дворянских кровей, жестокая и самолюбивая, решившая судьбой дочери покрыть **скоропалительный** брак с пустяковым, как ей казалось, человечком, смердом, отцом Глафиры* (Анатолий Азольский. Глаша // «Новый Мир», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Также часто в больших прудах и водохранилищах, обитают как бы два подвида серебряного карася, один **тугорослый**, мелкий, а другой – крупный, средней массой – под килограмм, в поголовье которого встречаются и самцы, хотя самки все же преобладают* (http://donbass-fishing.com.ua/karas/101-lovlya-karasya.html);

Модель «состояние + темпоратив», например, ***кратковременный***, ***свежевымытый***, ***свежевыбритый***, ***свежеспиленный***: *Утром выходите из дома со **свежевымытыми**, объемными и упругими волосами* (Отдохни, № 9, 25.02.14); *Их организаторы не постеснялись поселить атлетов **в свежепостроенном** здании местной тюрьмы* (СН, 14.01.2014); *Материал позволяет получить*

долговечные и твердые предметы, внешне выглядящие как деревянные и даже имеющие запах ***свежеспиленного*** *дерева* (СН, 14.01.2014); *Наоми Уотс перекусывает* ***свежевыжатым*** *соком, кстати, как и Гвинет Пэлтроу* (Отдохни, № 28, 8.07.14); *Зато у всех на слуху ее* ***кратковременные*** *романы с мужчинами, которые гораздо моложе актрисы* (СН, 25.02.2014);

Модель «состояние + статус», например, ***законнорожденный***: *Официальной женой Фиделя Кастро Рус считается Мирта-Диас-Балларт, от которой у него единственный* ***законнорожденный*** *сын Фидель Феликс Кастро-Диас-Балларт* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Выходит, его* ***законнорожденный*** *сынок спал с собственной незаконнорожденной сестричкой*? (Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ономасиологический базис − «статус».

Модель «статус + квалитатив», например, ***мелкошерст(н)ый***, ***худошерст(н)ый***: *Попалось в пасти две лисы, пустобрюхих, костлявых, в* ***худошерстной*** *шкуре* (http://www.libok.net/writer/2483/kniga/32163/astafev_viktor_petrovich/tsar-ryiba/read/4); *Это кот ангорской породы* (*Турция*), ***мелкошерстный***. *Раньше такие кошки жили в богатых домах, их держали для красоты* (http://hozvo.ru/news/master_s_veterinarian/Angorskiykot-unas5letzhivet!/);

Модель «статус + интенсив», например, ***многоуважаемый***, ***малограмотный***: *Так не возглавит ли* ***многоуважаемый*** *Андрей Николаевич группу исследователей, срок − полгода, вознаграждение − по максимуму.* «*Видите ли…*» *− задумчиво промолвил Андрей Николаевич, изучив список группы* (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Нравственного невежества быть не может. Нравственным может быть* ***малограмотный***. *И вовсе безграмотный человек, как наша Василиса, может быть нравственным* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света// «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Выводы ко второй главе

Ономасиологический подход к изучению языковых единиц всех уровней, в т.ч. имен прилагательных, является наиболее перспективным в современной лингвистике. Ономасиологическая структура значения сложного слова состоит из ономасиологического базиса, указывающего на определенный понятийный класс – родовое понятие, к которому отнесено наименование, и ономасиологического признака, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса. В этой двухкомпонентной структуре выделяется третий компонент – предикат, который служит для установления смысловых связей между ономасиологическим признаком и ономасиологическим базисом. В основе нашего исследования лежит классификация семантических классов композитов, включающая в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) ЛСГОЕ (лексико-семантическая группа одноструктурных единиц) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группы), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая ономасиологический базис и ономасиологический признак наименования.

Исследуя процессы композитопостроения имен прилагательных в русском языке, мы опираемся на данную трехчленную структуру для описания универбализационных композитов, которая включает ономасиологический класс с последующим определением ономасиологического базиса и признака. Полагаем, что такая схема позволяет избежать унифицированного подхода к разграничению деривационных композитов и квазикомпозитных образований и вполне может быть использована для исследования их ономасиологической природы

Все композиты, являющиеся предметом нашего исследования, имеют одинаковую частеречную принадлежность и относятся к именам прилагательным.

Сложные имена прилагательные можно разделить на три ономасиологических класса – *физический признак лица*, *социальный признак лица* и *характеристика предмета* (*объекта*), *процесса*, *состояния*, *явления*. Дальнейшее деление осуществляется с учетом выделения ономасиологического базиса и ономасиологического признака. В нашем исследовании мы выделили 14 ономасиологических базисов – *орган*, *физические свойства*, *параметр*, *количественный статус*, *качественный статус*, *действие*, *состояние*, *темпоратив*, *объект*, *отрасль*, *процесс*, *фактитив*, *квалитатив*, *колоратив*, а также 20 ономасиологических признаков – *цвет*, *форма*, *размер*, *интенсив*, *нумератив*, *медиатив*, *квалитатив*, *фактитив*, *фабрикатив*, *финитив*, *трансгрессив*, *дистрибутив*, *дестинатив*, *локатив*, *темпоратив*, *коррелятив*, *каузатив*, *объект*, *направление*, *контрагент*.

Основные положения теории композитостроения позволяют определить три основных направления в образовании новых лексических единиц – универбализацию, деривационное композитостроение и создание единиц квазикомпозитопроизводства. В результате универбализационных процессов между словосочетанием и образованным на его базе композитом не возникает никаких семантических различий, например: ***глухонемой*** (***глухой и немой***), ***пятибалльный*** (***в пять баллов***), ***жаропонижающий*** (***понижающий жар***), ***босоногий*** (***с босыми ногами***). Между исходным словосочетанием и его словесным эквивалентом реализуются словообразовательные, так называемые межглоссовые мотивационные отношения. Для определения статуса новой лексемы и базового словосочетания вводится понятие дублет номинатемы, которое включает в свой состав оба компонента.

Преобразование словосочетания в слово при полном сохранении семантики словосочетания в получившемся композите называется универбализацией, соответственно, композиты, возникшие в результате такого преобразования, получили название универбализационных. Значительную часть таких композитов составляют бахуврихи – посессивные атрибутивные конструкции, в которых субъект определения находится за пределами данного сложного слова, например,

хромоногий *– человек, который хромает*; ***с хромой ногой***. *В* универбализационных композитах, в т.ч. бахуврихи, ономасиологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексической единицы, например, бахуврихи ***зеленоглазый*** образуется на базе посессивного словосочетания ***с зелеными глазами***, где слово ***глаза*** относим к ономасиологическому базису «орган», а ***зеленый*** реализует ономасиологический признак «цвет».

В деривационных композитах базисную функцию выполняет формант, а признаковую – исходное словосочетание целиком, которое и формирует производящую основу. Описание деривационных композитов с точки зрения их ономасиологического статуса необходимо производить с учетом существования мотивационных отношений между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом, данные адъективные образования демонстрируют сочленение двух производяших основ при помощи словообразовательных формантов, например, ***горнолыжный*** (***горн + о + лыж + н + парПрил***), ***чугунолитейный*** (***чугун + о + лит + ейн + парПрил***).

Под квазикомпозитами мы понимаем слова, образованные по моделям, уже имеющимся в языке. Основной особенностью данных лексических единиц является отсутствие базовых словосочетаний, что существенно усложняет выведение семантического значения квазикомпозита. Образование единиц квазикомпозитостроения происходит двумя способами – по моделям, уже имеющимся в языке, и на основе заимствования. В первом случае наименования возникают как структурные единицы универбализационной композиции и деривационного композитопроизводства, при этом один из его компонентов является деривационной базой (частью производящего слова в структуре квазикомпозита), а другой – аффиксоидом (словообразовательным формантом): ***простоволосый***, ***тугорослый***, ***свежевымытый***, ***краеугольный***, ***баснословный***. Второй способ предполагает использование заимствования в виде производящей базы для образования единиц квазикомпозитного производства.

Таким образом, адъективные композиты русского языка могут быть рассмотрены в пределах трех основных направлений композитопостроения – универбализации, деривационного производства и квазикомпозитообразования. Последующее деление происходит на ономасиологические классы с определением ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Полагаем, что такой подход к описанию имен прилагательных является новаторским и весьма перспективным.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ

3.1. Особенности структурной организации конструкций с атрибутивным значением. Виды универбализационных процессов

В данной главе рассматриваются основные модели универбализации конструкций с атрибутивным значением, например, ***утоляющий боль*** – ***болеутоляющий***; бахуврихи, то есть атрибутивно-композитные комплексы, имеющие посессивное значение, например, ***низкого роста*** – ***низкорослый***; структурные модели деривационных композитов, например, ***варить грибы*** – ***грибоварочный***; структурные модели квазикомпозитов, например, ***оскароносный***, ***простоволосый***. Все указанные языковые единицы имеют некоторые особенности языковой организации, требующие отдельного рассмотрения.

Описание моделей образования композитов универбализационного типа – это описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, поскольку, как уже было сказано, семантика исходного словосочетания и композита здесь абсолютно идентична и не участвует как изменяемая сущность в процессе универбализации [468, с. 295]. Модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкты композита, то есть, собственно, модель универбализации, строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей:

а. модели исходного словосочетания;

б. модели структуры композита.

Модель исходного словосочетания (**исходную конструкцию**) следует описывать с учетом тех параметров данной языковой единицы, которые соответствуют характеристикам возникшего на её базе универбализационного композита. В.И. Теркулов полагал, что такое описание нельзя применить к дериватам и квазикомпозитам [там же, с. 294]. Однако О.В. Блюмина в своем диссертационном исследовании успешно использовала данную трехкомпонентную методику (модель исходной единицы – модель перехода –

модель конечной структуры) при описании всех типов единиц композитопроизводства. По ее мнению, такой подход «зачастую позволяет преодолеть несколько унифицированный подход к разным по своей природе явлениям именно деривационного и квазикомпозитного типа» [47, с. 61]. При исследовании необходимо принимать во внимание:

– количество компонентов исходного словосочетания;

– тип связи между ними и порядок их следования;

– их грамматические характеристики.

Исходные конструкции, служащие для образования прилагательных-композитов, могут различаться по количеству компонентов. В нашей работе мы выделили следующие модели:

- двухкомпонентные, например, ***низкого роста*** / ***низкорослый***, ***защитно-декоративный***;

- трехкомпонентные (со служебными словами), например, ***с темной кожей*** / ***темнокожий***;

- трехкомпонентные – ***серо-буро-малиновый***;

- четырехкомпонентные (со служебными словами) – ***слепой, глухой и немой***.

3.2. Типы связи между компонентами исходного словосочетания

Считаем необходимым дать описание типов связи между компонентами исходного словосочетания, подвергшегося универбализации в сложное слово. Как известно, «типы синтаксических отношений, реализующихся в сложном слове, являются гетерогенными и зависят от многих причин. Вследствие этого единство подхода к решению данной проблемы не может не вызывать необходимости дифференцированного анализа материала. Так, сложные слова могут создаваться как на базе сочинительных (то есть равноправных), так и на базе подчинительных отношений» [91, с. 19]. Р.Г. Маковей считает исходное словосочетание синтаксической базой для двух типов сложных слов и различает их «по характеру синтаксического отношения между компонентами: 1) сочинительные –

комбинация равноправных компонентов; 2) подчинительные – комбинация компонентов, среди которых различаются синтаксически главные и зависимые» [282, с. 16]. Ученый полагает, что связь компонентов внутри сложного слова «обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой», одними признаками сложное слово «сближается с простым выводимым словом, а другими … со словосочетанием» [там же, с. 16]. Необходимо уточнить, что сочинительные и подчинительные отношения характеризуют не композит, а словосочетание, на базе которого он образован. Отношения между конструктами композита «опосредованы и определены сочинительными и подчинительными отношениями между компонентами исходного словосочетания» [468, с. 299].

Значительная часть универбализационных композитов создана на базе чистых подчинительных конструкций, однако несколько адъективных композитов возникли на основе сочинительных конструкций – ***защитно-декоративный***, ***зрячеслышащий***, ***глухонемой*** и ***слепоглухонемой***. Для тех же композитов, которые возникли на базе подчинительных словосочетаний, отмечаются следующие типы связи исходных компонентов:

а. чистое согласование, например, ***из белого камня*** / ***белокаменный***;

б. чистое управление, например, ***сужающий сосуды*** / ***сосудосужающий***;

в. чистое примыкание, например, ***взаимно выгодный*** / ***взаимовыгодный***.

Для описания исходного словосочетания важен порядок следования его компонентов, поскольку он используется для определения возможных перемещений компонентов при универбализации, а также установление грамматических характеристик его компонентов – частеречной принадлежности, падежной формы, парадигматической активности. При описании конструктов исходного словосочетания и образованного на его базе композита принята следующая система сокращений: Сущ – существительное, Прил – прилагательное, Прич – причастие, Нар – наречие, суф – суффикс, предл – предлог, ед – единственное, мн – множественное, осн – основа, Чосн – часть основы, инт –

интерфикс, пар – парадигма; цифра указывает на номер падежа: 1 – именительный, 2 – родительный и т.д.

В базовых конструкциях отмечены единицы следующих частей речи:

а. существительные (символ **Сущ**), например, глосса ***гвардия*** в конструкции белая ***гвардия*** (***белогвардейский***);

б. прилагательные (символ **Прил**), например, глоссы ***глухой*** и ***немой*** в конструкции ***глухой и немой*** (***глухонемой***);

в. глагол (символ **Глаг**), например, ***разливать*** в конструкции ***разливать*** вино (***виноразливочный***);

г. числительные (символ **Числ**), например, глосса ***десяти*** в конструкции ***десяти*** *лет* (***десятилетний***);

д. наречия (символ **Нар**), например, глосса ***мимо*** в конструкции ***ездить мимо*** (***мимоезжий***);

е. причастия (символ **Прич**), например, глосса ***утоляющий*** в конструкции ***утоляющий боль*** (***болеутоляющий***);

ж. предлоги (символ **предл**), например, ***с*** в конструкции ***с рыжими волосами*** (***рыжеволосый***);

з. союзы (символ **союз**), например, ***как*** в конструкции белый, ***как*** снег (***белоснежный***).

Частеречные символы сопровождаются падежными номерами (1 – именительный падеж, 2 – родительный и т.д.). Например, формула Сущ5 указывает существительное в форме творительного падежа – ***с зелеными глазами*** (Сущ5) (бахуврихи ***зеленоглазый***).

Парадигматическая активность определяется комбинацией падежного номера и символа числа (**ед** – единственное, **мн** – множественное). Номер именительного падежа вместе с показателем числа отражает парадигматическую изменчивость слова в пределах исходной конструкции. При этом показатель единственного числа указывает на то, что структурно релевантным для композитостроения является изменяемость слова по всем падежам единственного (и, там где это возможно, множественного) числа. Показатель множественного

числа рядом с символом именительного падежа указывает на то, что при образовании композита используется парадигма только множественного числа.

Итак, общая схема исходной конструкции включает описание релевантных для процессов композитопроизводства признаков всех составляющих ее компонентов. Напомним, что исходная конструкция определяется только для универбализационных композитов и единиц деривационного производства. Например, ***с рыжими волосами*** (композит ***рыжеволосый***), посессивная конструкция **предл + Прил5мн + Сущ5мн** преобразует элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа множественного числа и универбализуется по модели **оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил**, тип синтаксической связи – согласование, фиксируем универбализацию компонентного типа, когда структура универбализационного композита количественно не релевантна структуре исходного словосочетания: *Рассказывала о страшном следователе из Приозерска* ***с рыжими волосами*** *и в сером мундире, просила помочь словом и делом* (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Долгое время никто не догадывался, что звезда* «*Бригады*» *Пчела и* ***рыжеволосая*** *протеже Филиппа Киркорова Настя Стоцкая – брат и сестра* (Вива-Биография, № 1-2, 2014). Деривационные же композиты реализуются в следующих схемах, например, конструкция ***наносить вред*** – **Глаг + Сущ4ед** – является базовой для образования композита ***вредоносный*** по схеме **оснСущ4ед + оснГлаг + суф + парПрил**, тип синтаксической связи между компонентами исходного словосочетания определяем как управление: *В соответствии с принятым законопроектом, собственники и арендаторы сельскохозяйственных земель обязаны использовать их по целевому назначению и разрешенными способами, которые не должны* ***наносить вред*** *окружающей среде* (Екатерина Селезнева. Землю возьмут в оборот (2002) // «Дело» (Самара), 2002.06.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Сам по себе этот потрясающий прибор представляет собой квадратную нашлепку со стороной 30 мм, которую нужно приклеить на любой* ***вредоносный*** *прибор* (Борис Руденко, Вадим

Чебышев. Жабья шерсть во второй производной // «Наука и жизнь», 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Модель структуры композита указывает на порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в композите и его словесное оформление. Для синтаксических композитов она указывает на порядок следования и способ реализации эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в сложной лексеме и ее словесное оформление. Единицы квазикомпозитопроизводства описываются с указанием схемы соединения производящего слова и аффиксоида с обязательным уточнением его структуры. В.И. Теркулов выделяет следующие типы универбализации [468, с. 201]:

1. прямая универбализация, когда исходное словосочетание структурно абсолютно релевантно образованному на его базе слову: в композите сохраняется порядок следования компонентов словосочетания; при его оформлении не используются дополнительные структурные единицы. При этом отмечается сокращение планов выражения всех или некоторых компонентов исходного словосочетания. Прямая универбализация может существовать только как универбализация аббревиационного типа, например, ***агитационно-массовый*** – ***агитмассовый***: *Относительно* ***агитационно-массовой*** *работы скажу следующее*: *от хороводов на площадях люди уже устали* (http://rg.kiev.ua/page14/article16704/); *Поэтому авангард легко вошел в* ***агитмассовое*** *искусство молодой советской страны и быстро занял там главное место* (http://www.istpravda.ru/books/2743/);

2. универбализация компонентного типа, при которой структура универбализационного композита количественно не релевантна структуре исходного словосочетания, например, ***глухой и немой*** – ***глухонемой***. Образование композитов происходит с использованием дополнительных структурных единиц. Чаще всего для этой цели используют интерфикс: *Это значит где-то 33,5 тыс.* ***глухих и немых*** *крепостных взрослых и детей, не имевших образования*; *При этом переход* ***глухонемых*** *крестьян – отходников в городские сословия был*

законодательно запрещён (http://signlang.ru/2012/01/30/%D0%B1%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B9/);

3. универбализация метатезного типа, при которой порядок следования компонентов исходного словосочетания не изоморфен порядку следования эквивалентных конструктов композита, например, ***записывающий видео*** – ***видеозаписывающий***: *F1000 Mobile-i – современный авторегистратор* ***в*** *металлическом корпусе*, ***записывающий видео*** *дорожной обстановки перед автомобилем* (http://5baksov.com.ua/catalog/videoregistratory/videoregistrator productID=654-f1000/); *Интегрированное цифровое* ***видеозаписывающее*** *устройство обеспечивает запись в режиме реального времени* (http://argoasecurity.com.ua/product_detail.aspx);

4. универбализация компонентно-метатезного типа, при которой перестановка конструктов сопровождается добавлением структурооорганизующего форманта, например, ***угодный богу*** – ***богоугодный***, и / или эллипсом знаменательного или служебного компонентов исходного словосочетания, например, ***стойкий к влаге*** – ***влагостойкий***: *А ведь не случайно богадельни называют* ***богоугодными*** *заведениями – это места, где* ***Богу угодные*** *дела вершатся* (http://www.mosblago.ru/articles/show-371.htm); *Но после отъезда проверяющих комиссий в* ***богоугодном*** *заведении все остается по-прежнему* (http://invak.info/stati/1397/html); *Водоэмульсионная краска достаточно* ***стойкая к влаге*** *и смыть ее – весьма трудоемкое занятие. Особые проблемы вызывают* ***влагостойкие*** *покрытия, которые и вовсе не пропускают сквозь себя воду* (http://www.kakprosto.ru/kak-46511-kak-snyat-vodoemulsionnuyu-krasku); *Для стен – пластиковая вагонка или* ***влагостойкая*** *краска, гармонирующая со стенами комнаты* (Отдохни, № 28, 8.07.14).

Если же говорить о **типах конструктов композита**, то мы различаем «*базовые конструкты*, реализующие в композите полнозначные элементы исходных словосочетаний, и *вспомогательные конструкты*, привносимые извне и выполняющие функцию оформителей композита» [468, с. 307].

Базовые конструкты могут по-разному представлять соответствующие им компоненты исходного словосочетания в структуре сложного слова. Очень часто композиты используют в качестве конструкта **словоформу** (**набор словоформ**) компонента исходного словосочетания. В отношении как универбализационных, так и деривационных композитов считаем справедливым замечание о том, что «в качестве полной словоформы в составе композита в большинстве случаев выступает главный компонент исходного словосочетания, находящийся в образованном сложном слове в постпозиции» [там же, с. 307].

Зафиксированы многочисленные примеры, когда основа слова (**Осн**) существует как конструкт композита, являясь при этом зависимым элементом словосочетания: ***пыленепроницаемый*** / ***непроницаемый для пыли***. В образовании композитов активно участвует часть основы (**Чосн**), которая представляет собой усеченный вариант основы производящего слова, например, ***высокорослый*** / ***высокого роста***.

Процессы композитостроения происходят с участием вспомогательных конструктов**,** которые выполняют формальную структурооорганизующую функцию. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «деривационный формант, представляя собой связанную морфему (или связанные последовательности морфем), выявляет свое значение только в сочетании с другими полнозначными компонентами» [230, с. 133]. Деривационные форманты служат разным целям и участвуют в качестве строевых элементов в таких кардинально различающихся процессах, как транспозиция, модификация и мутация. К особому классу словообразовательных формантов ученый относит так называемые реляторы, в ее представлении это «указатели наличия связи между двумя категориями, фиксируемыми в производном слове», например, «соединительные гласные и другие соединительные элементы в сложных словах, мотивирующие саму идею соединения» [там же, с. 137].

При образовании сложных прилагательных наиболее часто встречается соединительная гласная или интерфикс. Обозначая тесное слияние компонентов сложного слова, они представляют собой своеобразную «органическую скрепу»,

соединяющую их воедино и способствующую нейтрализации грамматических значений первого компонента [68, с. 46]. В современной лингвистике существует несколько подходов к определению интерфикса и его роли в деривационных процессах. В.П. Изотов рассматривает интерфиксацию не как способ расширения звуковой оболочки слов, а как фонетическое приспособление, адаптацию суффиксов корню слова и как способ образования морфо-семантических аналогов, называя интерфиксы морфемоидами [179, с. 11]; Н.Д. Арутюнова называет интерфиксы элементами стереотипического словообразования [23, с. 55]; Я. Малкиел считает интерфиксы асемантичными и пассивными в грамматическом отношении элементами [595, с. 185]; Л. Бауэр предлагает считать интерфиксы выявленными во время морфологического анализа слова дистрибутивными сегментами [581, с. 16-21]. Достаточно распространенным является мнение о том, что интерфикс является элементом морфонемы и обеспечивает ассонанс в звуковой оболочке слова. Р.М. Насирова замечает, что «форма интерфикса не зависит от синтаксической функции слова, то есть интерфикс не воздействует на синтаксические связи и отношения слова с другими лексическими единицами и занимает позицию между основой слова и суффиксом или флексией» [318, с. 109].

Полагаем, что интерфикс играет существенную роль в композитообразовании, в т.ч. сложных прилагательных. Соединительные гласные могут быть как материально выраженными (*белозубый, большеглазый*), так и нулевыми (*агитмассовый*). Однако это определение весьма противоречиво, поскольку многие ученые отрицают такое понятие, как нулевой интерфикс (аффикс), признавая только выраженные знаки. Под нулевой морфемой или нулевым аффиксом традиционно понимается «отсутствие аффикса в какой-либо форме, противопоставляемое положительно выраженным аффиксам в других формах той же парадигмы» [383, с. 213]. Признавая синонимичность значения слов «нулевой» и «отсутствующий», ученые-лингвисты задаются вопросом, что же обозначает термин: «материально не выраженную субстанцию или отсутствие всякой субстанции» [136, с. 20]. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ разработал принцип

выделения нулевой морфемы путем сопоставления ее с материально выраженными синонимическими морфемами: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непременно тоже морфемы «нулевые», т.е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями» [50, с. 282].

Развивая идею о нулевой словообразовательной морфеме, В.М. Марков выделяет нулевой словообразовательный суффикс в соответствующих словах на основании их синонимического взаимоотношения с другими производными словами, исходя из показательного параллелизма форм словообразования и словоизменения [287, с. 264]. Под нулевой суффиксацией ученый понимает «показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований (*ходъ – ходьба – хождение* при глаголе *ходити* и т.д.) [там же, с. 102].

Развивая идеи В.М. Маркова, Г.А. Николаев отмечает, что нулевые морфемы являются показателем определенных отношений в словообразовательном ряду или в словоизменительной парадигме. Нулевые морфемы выделяются потому, что они «оформляют такие отношения, которые в других случаях оформляются материально выраженными морфемами. Здесь мы имеем дело с показательным отсутствием звуковой оболочки морфемы» [330, с. 12]. По мнению ученого, способ нулевой суффиксации не был изначально присущ системе славянского словообразования, «модели приглагольного образования имени нулевой суффиксации «приставочного» и «бесприставочного» типов – явление позднее» [329, с. 40]. Г.А. Николаев обращает внимание на то, что «в именах нулевой суффиксации активно происходит взаимодействие морфологического и семантического способов словопроизводства, в результате чего эти имена являются наиболее семантически подвижными и служат производящими основами для семантического образования» [328, с. 84]. Ученый выделяет следующие значения подобных образований: а) отвлеченного действия

(*перелет*, *захват*, *размена*), б) действующего лица (*задира*, *трус*, *сват*), в) результата действия (*запись*, *пролом*), г) орудия действия (*зацеп*, *лом*, *ухват*), д) места действия (*сад*, *просека*, *загон*), е) объекта действия (*корм*, *завтрак*), ж) времени действия (*восход*, *закат*).

Е.А. Земская, характеризуя состав словообразовательных морфем русского языка, указывает, что «словообразовательные аффиксы (подобно флексиям) могут быть не выражены никаким звуком или комплексом звуков. Такие аффиксы называют нулевыми» [165, с. 37]. Т.А. Корнеева отмечает нулевые суффиксы у прилагательных, которые «мотивированы количественными числительными (имеют порядковое (счетное значение): *пятый*, *десятый*); компаративами (значение сравнения: *больший*, *меньший*); глаголами (значение характеризующийся действием, названным мотивирующим словом: *похожий*, *живой*, *любый*); существительными (собственно-относительное значение: *будний*, *вешний*, *золотой*); притяжательное значение: *отчий*, *патриарший*) [215,с. 132].

В.В. Лопатин так обозначает основной принцип выделения нулевого аффиксального элемента: «если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение» [260, с. 78]. Он выделяет три основных словообразовательных типа (СТ) имен существительных, характеризующихся отсутствием выраженного аффиксального элемента: 1) СТ со значением отвлеченного действия (*ход*, *лов*, *вывоз*); 2) СТ со значением отвлеченного признака (*синь*, *гниль*, *сушь*), 3) СТ со значением носителя отношения к действию (*задира*, *заика*, *притвора*). Ученый полагает, что во всех случаях нулевая аффиксация представлена «в чистом виде», т.е. не в составе смешанных способов словообразования» [там же, с. 76-79]. Поскольку теория нулевой аффиксации имела как своих последователей, так и противников, В.В. Лопатин попытался снять существующие противоречия путем отсылки к теории конверсии (способа замены флексий), которая постулирует следующее: «в

состав форманта при нулевой суффиксации входит не только нулевой суффикс, но и система флексий мотивированного слова» [266, с. 391].

Имплицитность словообразующих формантов и языковых знаков нашла свое отражение в работах В.И. Теркулова. Опираясь на определение знака «материально-идеальное образование…, репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности» [256, с. 67], ученый полагает, «что план выражения знака является элементом, субституирующим реальность, причем эта способность к субституции и есть сущность знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, а, следовательно – отсутствует и сам знак» [463, с. 353-354]. Однако отсутствие плана выражения знака и существование нулевых аффиксов может быть основано на понимании необходимости заполнения парадигматических лакун, в этой связи считаем уместным процитировать В.М. Маркова: «Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований» [287, с. 102].

Задаваясь вопросом о нулевой аффиксации, Н.А. Дьячок предлагает свою трактовку для универбов – реализаций номинатем с доминантой-словосочетанием. Ученый называет универб вербальной реализацией номинатемы, то есть фактически ее глоссой, а процесс универбации понимает как процесс, сопряженный не с внешней, а с внутренней мотивированностью, при этом «формирование каждого отдельного универба можно считать формообразованием, а морфему, при помощи которой универб формируется, – формообразующим аффиксом, лишь имитирующим словообразовательный процесс. Таким образом, являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных алломорфах» [136, с. 18].

Весьма убедительными кажутся нам замечания Ч. Филлмора, который исследует падежные формы и приходит к выводу о том, насколько существенны грамматические признаки, которые «даже при отсутствии очевидных «морфемных» реализаций, безусловно, существуют в действительности,

проявляясь в сочетаемостных ограничениях и в трансформационных возможностях лингвистических единиц» [519, с. 174]. Это мнение справедливо лишь в тех случаях, если синтаксис в грамматике конкретного языка занимает ведущие позиции: «В тех грамматиках, где синтаксису отводится центральное место, формы слов определяются в соответствии с синтаксическими понятиями, а не каким-либо иным образом» [там же, с. 176]. Развивая данную концепцию, Н.А. Дьячок предполагает, что «отсутствие морфемной реализации – по Филлмору – не означает отсутствия семантической либо грамматической формы содержания морфемной субстанции», например, Дом заслонил лес – Лес заслонил собою дом, где «синтаксическая позиция существительных дом и лес определяет грамматические значения этих существительных» [136, с. 19-20].

Таким образом, с позиций современной лингвистики термины «нулевая аффиксация», «нулевой аффикс (морфема)» не являются достаточно убедительными, о чем свидетельствует, например, существование множественных подходов к решению проблемы компонентов ***авто-***, ***био-***, ***видео-***, ***ретро-*** и т.д. В «Русской грамматике» 1980 года данные компоненты определяются как связанные интернациональные компоненты, не употребляющиеся вне сложений одинаковой структуры. Конечная гласная ***-о-*** позиционируется как интерфикс [388, с. 252]. Е.А. Зайцева же описывает морфонологическое явление, при котором происходит наложение конечного гласного первой основы и интерфикса при образовании сложных наименований лица с участием указанных компонентов – *видео* + *о* + *бизнесмен*, *порно* + *о* + *звезда* [154, с. 136].

Проведенный анализ позволяет заметить, что большинство сложных прилагательных, содержащих данные элементы, имеют статус сложнопроизводных единиц, образованных на базе первичных композитов, например, ***автобиографический*** / ***автобиография***, где ***авто-*** употребляется только как зависимый структурный элемент. Мы же фиксируем компоненты ***авто*** и ***видео***, которые входят в состав универбализационных композитов ***автогужевой***, ***автотракторный***, ***видеозаписывающий***, образованных путем аббревиации на базе исходных словосочетаний, например, ***авто****гужевой* /

авто*мобильный и гужевой*, ***авто****тракторный* / ***авто****мобильный и тракторный*, ***видео****записывающий* / *записывающий* ***видео***. Разделяем мнение В.И. Теркулова, который рассматривает случаи, когда «конечный элемент сокращенного корня конструкта фонетически совпадает с интерфиксом» и считает, что «универбализация осуществляется без участия последнего» [468, с. 314].

Чаще всего при образовании прилагательных-композитов используются интерфиксы ***-о-***, ***-е-***, например, *с красными щеками* / *красн****о****щекий*, *оскар****о****носный*, *с большой головой* / *больш****е****головый*, *студ****е****видный*. Поскольку значительную часть нашего исследования составляют композиты, имеющие в своем составе числительные, считаем необходимым отметить некоторые особенности их построения. При универбализации нумеративных конструкций происходит перенос флексии компонента исходного словосочетания в новообразованный композит (***десятилетний*** / ***десяти лет***, ***двухтомный*** / ***в двух томах***, ***сторублевый*** / ***в сто рублей***). В.И. Теркулов считает, что «абсолютная семантическая эквивалентность им исходных словосочетаний позволяет предположить, что указанные конструкты ***-и-*** и ***-ух-*** являются не интерфиксами, а застышими флексиями и указывают в составе композитов на падежную характеристику исконной конструкции, то есть выполняют не структурную, а семантическую функцию и могут быть определены как представители исходного компонента в конструкте» [там же, с. 314]. Такие ситуации ученый трактует как композитопостроение без интерфикса.

Нами отмечены случаи, когда в состав новообразованного прилагательного-композита входит часть основы конструкта, например, *монета в две копейки* / *дв****ух****копеечная монета*, конструкция **Предл + Числ4 + Сущ4мн** преобразуется по модели **ЧоснЧисл4 + инт + оснСущ4мн + суф + парПрил**. Полагаем, что в указанном случае ***-ух-*** можно рассматривать как интерфикс. Отмечены случаи редуцирования интерфикса ***ух*** в словах ***двугорбый*** (***с двумя горбами***), ***двусмысленный*** (***с двумя смыслами***), ***двуручный*** (***с двумя ручками***) – всего 61 единица. Интерфикс ***-а-***, возникший на базе флексии родительного падежа числительного ***полтора***, отмечен четыре раза в словах ***полуторагодичный*** (***в***

полтора года), ***полуторамесячный*** (***в полтора месяца***), ***полуторапроцентный*** (***в полтора процента***), ***полуторатонный*** (***в полторы тонны***).

Интерфикс ***-ёх-***, возникший на базе интерпретированной как интерфикс флексии родительного падежа числительных ***три*** и ***четыре*** и используемый при образовании композитов-бахуврихи от других падежных форм, отмечается 119 раз, например, ***четырёхтомный*** (***в четырёх томах***), ***трёхмачтовый*** (***с тремя мачтами***).

Другим вспомогательным конструктом являются суффиксы, которые участвуют в образовании композитов всех типов: универбализационные композиты – ***крупного масштаба*** / ***крупномасштабный***, деривационные композиты – ***наносить вред*** / ***вредоносный***, единицы квазикомпозитопроизводства – ***болезнетворный***.

Чаще всего используется суффикс ***-н-***, например, ***толстостенный*** (***с толстыми стенами***), ***крупномасштабный*** (***крупного масштаба***), ***трехтомный*** (***в трех томах***). Данный формант служит «указанию на наличие связи, так что словообразовательное значение, построенное с его участием, формулируется как признак, обозначающий любой тип отношения к обозначаемому предмету», а вот суффиксы ***-ов-*** и ***-ск-*** указывают на «более конкретный тип отношения – принадлежности или обладания», иногда – индивидуальной принадлежности» [230, с. 138]. Модификациями суффикса ***-н-*** являются также суффиксы ***-евн-***, отмечаемый в композитах-бахуврихи, образованных от конструкций, включающих компонент ***день***, например, ***злободневный*** (***на злобу дня***), ***трехдневный*** (***в*** / ***на три дня***) и в составе деривационного композита ***многодневный*** (***много дней***), суффикс ***-ичн-***, например, ***одногодичный*** (***на один год***), ***двухгодичный*** (***в два года***), ***высокотехнологичный*** (***высокие технологии***) и ***-енн-***, например, ***белокаменный*** (***из белого камня***), ***равнобедренный*** (***с равными бедрами***) и т.п.

Отмечается суффикс ***-ов-***, например, ***цельнозерновой*** (***из целого зерна***), ***пятилитровый*** (***на пять литров***), ***двухраундовый*** (***в два раунда***),

трехкилометровый (***в три километра***), а также используется его алломорф ***-ев-***: ***крупнокорневой*** (***с крупным корнем***).

При образовании композитов-бахуврихи использовался суффикс ***-чат-*** / ***-ат-***, например, ***мелкобороздчатый*** (***с мелкими бороздами***), ***двустворчатый*** (***с двумя створками***) и ***-ист-***, например, ***грубозернистый*** (***из грубого зерна***), ***мелковолокнистый*** (***с мелкими волокнами***).

Универбализационные композиты, имеющие в своем составе действительные и страдательные причастия как полнозначные конструкты в постпозиции, имеют суффиксы ***-ущ*** (***-ющ***) – ***кровососущий*** (***сосущий кровь***), ***болеутоляющий*** (***утоляющий боль***) и ***-ем*** – ***богоспасаемый*** (***спасаемый Богом***). Суффикс ***-ем*** в качестве словообразовательного форманта фиксируем также в составе деривационного композита ***нерукоподаваемый*** (***не подать руки***).

В составе деривационных композитов выделяем суффиксы ***-ск*** – ***тихоокеанский*** (***Тихий океан***), ***-иск*** (***-еск***) – ***красноармейский*** (***Красная армия***), ***легкоатлетический*** (***легкая атлетика***); ***-ивн*** – ***конноспортивный*** (***конный спорт***); ***-очн*** – ***виноразливочный*** (***разливать вино***), ***грибоварочный*** (***варить грибы***), ***лыжегоночный*** (***лыжные гонки***). Отмечены случаи одновременного использования двух суффиксов ***-тей*** и ***-н*** в слове ***чугунолитейный*** (***лить чугун***) и трех суффиксов ***-и***, ***-тель***, ***-н*** в составе композита ***дноуглубительный***.

Формальным конструктом является также ***парадигма*** новообразованного композита, которая в рассмотренных нами примерах демонстрирует значения рода, числа и падежа. Различаются две ситуации: сохранение в композите парадигмы главного слова исходного словосочетания и получение им новой парадигмы [468, с. 317]. В РГ-80 под прилагательным понимается часть речи, обозначающая непроцессуальный признак (качество или свойство) и выражающая это значение в словоизменительных категориях рода, числа, падежа. Все эти категории у прилагательного обнаруживаются как в его собственном словоизменении, так и в способности прилагательного к согласованию с определяемым именем существительным. По мнению А.А. Зализняка, у любого русского прилагательного «имеется не более 13 сегментов, способных выступать

в атрибутивной функции» [155, с. 82]. Ученый признает существование всего лишь одной грамматической категории, участвующей в согласовании.

В нашем исследовании все новообразованные композиты являются именами прилагательными, поэтому демонстрируют способность к согласованию в роде, числе и падеже во всех случаях композитопроизводства. Отмечены случаи, когда исходное главное слово находится в новообразованном композите в постпозиции, а перестановка конструктов сопровождается добавлением структурообразующего форманта и / или эллипсом знаменательного или служебного компонентов исходного словосочетания. В этой ситуации композит получает парадигму главного слова, что позволяет сохранить в нем грамматические характеристики базового словосочетания: ***стойкий к влаге, стойкого к влаге, стойкому к влаге*** / ***влагостойкий, влагостойкого, влагостойкому*** и т.д., где и словосочетание и соответствующий ему композит имеют тождественные постоянные признаки «жен. р.», «атрибутивность» и изменяются по падежам и числам по модели прилагательного ***стойкий***.

Композиты-бахуврихи демонстрируют новую атрибутивную парадигму, при этом набор флексий либо входит в словообразовательный комплекс с атрибутивным суффиксом, либо присоединяется к основе конечного конструкта: ***с крупными плодами – крупноплодный, с длинными волосами – длинноволосый***.

3.3. Структурные модели универбализационных композитов

Обзор положений теоретического характера позволяет приступить к описанию моделей прилагательных-композитов. В нашем исследовании мы вначале проведем анализ «таких производных слов, которые по определению сохраняют лексические значения своих производящих основ и получают отличное от них морфологическое оформление» [187, с. 30]. При этом нами рассматриваются как исходные словосочетания, так и образованные на их базе композиты. Атрибутивные конструкции представлены такими сочетаниями, как **Прил + Сущ**, **Прил + Прил**, **Нар + Прил**, **Прич + Сущ**, **Прич + Прил**.

Конструкции с атрибутивным значением можно разделить на две группы:

1. Прил1 + Сущ2, **Прил1 + Сущ3**, **Прил1 + Прил1**, содержащие в своей структуре прилагательное;

2. Прич + Сущ2, **Прич + Сущ4**, **Прич + Сущ5**, **Прич + Прил5**, содержащие в своей структуре причастие. Отметим, что конструкция, состоящая из наречия и прилагательного (**Нар + Прил1**) является единственной, где присутствует адвербиальное распространение атрибута.

Прил1 + Сущ2

В данной конструкции адъективный атрибут распространяется именем в родительном падеже:

1. Прил1ед + предл + Сущ2ед, конструкция универбализуется по модели метатезно-компонентного типа с эллипсом предлога **ОснСущ2ед + инт + Прил1ед**, например, ***опасный для жизни*** / ***жизнеопасный***: *Акватория на данном отрезке будет перекрыта до окончания праздничных мероприятий – чтобы от большого скопления людей на льду не возникла* ***опасная для жизни*** *ситуация* (http://www.cpv.ru/modules/news/article.php?storyid=47999); *Остро возникшие* ***жизнеопасные*** *ситуации характеризуются внезапностью и чаще всего кратковременностью психогенного воздействия* (http://wzdor.ru/ment/extrem/extrem6p2.html).

Прил1 + Сущ3

Грамматическим центром данной атрибутивной конструкции является адъективный компонент, отвечающий за его грамматическую парадигму; отмечаются две модели универбализации:

2. Прил1ед + предл + Сущ3ед, в пределах конструкции связь осуществляется при помощи предлога. Универбализуется по двум моделям:

а. ОснСущ3ед + инт + Прил1ед, модель метатезно-компонентного типа с эллипсом предлога, например, ***стойкий к жаре*** / ***жаростойкий***, ***способный к бою*** / ***боеспособный***: *Хорошего качества была косметика. Говорят, ее специально стали делать* ***стойкой к жаре****, поту и слезам женщин южных*

стран… (http://rusbaptist.stunda.org/kolgar/zhara.htm); ***Жаростойкая*** *краска* «*NEW TON*» *применяется для покраски поверхностей, подверженных воздействию высоких температур* (http://ttc-victoriya.com.ua/himiya-dlya-kamnya/produktsiya-ot-new-ton.html);

б. ЧоснСущ3ед + инт + Прил1ед, аббревиационная модель метатезно-компонентного типа с эллипсом предлога, например, ***устойчивый к вибрации*** / ***виброустойчивый***: *Выбор специфической MiniDV-камеры – компактная,* ***устойчивая к вибрации****, с наиболее качественной стабилизацией изображения* (http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=29:22662); ***Виброустойчивые*** *манометры становятся предпочтительным выбором при пульсирующем давлении* (http://www.ukrgazavt.com.ua/products-category/monometry-vibroustojchivye/).

3. Прил1ед + Сущ3ед, атрибутивная конструкция без предлога, универбализуется по модели метатезно-компонентного типа **ОснСущ3ед + инт + Прил1ед**, например, ***угодный Богу*** / ***богоугодный***: *Это были те, кто считал, что к Истине* (*одно из имен Всевышнего в исламе*) *следует идти дорогой любви, добра, терпимости и нестяжательства, но лучший путь, то есть наиболее* ***угодный Богу****, – отказ от мирских благ* (Виталий Шеремет. Руми бесценный, бесподобный // «Наука и религия», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Богоугодный*** *человек Павел оказался громилой почти двухметрового роста с окладистой каштановой бородой, длинными, до плеч, густыми волосами и зычным басом* (Александра Маринина. Светлый лик смерти (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4. Прил1 + (союз) + Прил1

Сочинительная конструкция с союзом или без, отмечаем две разновидности:

а. Прил1ед + (союз) + Прил1ед, двухкомпонентная конструкция, универбализуется по модели компонентного типа **оснПрил1ед + инт + Прил1ед**, например, ***глухой и немой*** / ***глухонемой***, ***защитный декоративный*** / ***защитно-декоративный***: *Лежат они,* ***глухие и немые****, под грузом плотной от годов земли* (http://www.philosofiya.ru/lejat_oni_gluhie_i_nemie.html); *Моисеев как-то сказал, что ее убил* ***глухонемой*** *сосед* (СН, 11.03.2014); *В качестве* ***защитного***

декоративного *слоя при производстве металлочерепицы используют следующие виды покрытий. В зависимости от типа и толщины* ***защитно-декоративного*** *полимерного покрытия определяется область применения металлочерепицы* (http://enciklopedia.stroyka);

б. Прил1 + (союз) + Прил1 + (союз) + Прил1, трехкомпонентная конструкция, которая реализуется в универбализационной трансформации компонентного типа **оснПрил1ед + инт + оснПрил1ед + инт + Прил1ед**, например, ***слепой, глухой и немой*** / ***слепоглухонемой***: Что *может сделать на сцене* ***слепой, глухой, немой*** *человек*? *Но вот нашелся такой режиссер, который решился поработать с группой* ***слепоглухонемых*** (http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-26251/).

Отмечаем глагольные переходные конструкции, универбализующиеся в композиты по компонентно-метатезной модели:

Прич + Сущ2

5. Прич + предл + Сущ2ед, страдательная конструкция с зависимым именем в родительном падеже, универбализуется по компонентно-метатезной модели **оснСущ2ед + инт + Прич**, например, ***непроницаемый для пыли*** / ***пыленепроницаемый***: *Наденьте на свой матрац* ***непроницаемый для пыли*** *и воздуха чехол, а сверху положите ещё какую-нибудь мягкую прокладку* (http://www.ntesla.ru/main.php?p=health/homedoct&pp=doc4); ***Пыленепроницаемый*** *вентилятор обеспечивает эффективное рассеивание тепла при увеличенном на 25% сроке службы* (http://timp.net.ua/product.php?id_product=394).

Прич + Сущ4

Причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. И.В. Замятина считает, что «причастие – уникальная форма: с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию

определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным» [160, с. 11]. Существует две разновидности конструкций данного типа, различие которых состоит только в числовой характеристике зависимого имени.

6. Прич + Сущ4ед, данная конструкция универбализуется по двум моделям:

а. оснСущ4ед + инт + Прич, универбализация метатезно-компонентного типа, например, ***утоляющий боль*** / ***болеутоляющий***, ***сосущий кровь*** / ***кровососущий***: *Они всю ночь бодрствуют*; *вслух, не торопясь и по частям читают Коран*; *при этом глубоко грустят, в этом чтении обретают спасительный бальзам*, ***утоляющий боль*** (http://www.halifat.info/); *Ученые оценивали* ***болеутоляющий*** *эффект от просмотра фотографий с любимыми людьми по степени нагрева термостимулятора, при которой боль становилась нестерпимой* (http://tramadola.net/interesnye-fakty/1144-lyubov-prituplyaet-bol-podobno-narkotikam-uchenye.html); *Таинственный монстр,* ***сосущий кровь*** *домашних животных, дал о себе знать в Винницкой области* (http://www.myvin.com.ua/ua/news/zmi/5527.html); *Гораздо больше беспокойства могут причинить* ***кровососущие*** *насекомые – слепни, оводы, комары и мухи* (http://www.superstyle.ru/);

б. Сущ + Прич, универбализация метатезного типа, обусловленная отсутствием у зависимого имени синтетических падежных показателей, например, ***записывающий видео*** / ***видеозаписывающий***: *Программы для записи видео с экрана монитора используют многие геймеры,* ***записывающие видео*** *похождений и подвигов их персонажей в виртуальном мире* (http://qiqer.ru/programma-dlya-zapisi-video-s-ekrana-skachat.html); *По данным следствия, мужчина продал подставному покупателю аудио- и* ***видеозаписывающие*** *устройства, которые были вмонтированы в корпус шариковой ручки и брелок* (АиФ, 6.11.2014).

Прич + Сущ4мн

7. Зависимое имя представлено формой множественного числа. Универбализация происходит по модели **оснСущ4мн + инт + Прич**, например, ***печатающий билеты*** / ***билетопечатающий***, ***суживающий сосуды*** / ***сосудосуживающий***: *Аппарат, **печатающий билеты** в кинотеатре, присвоил приставкой номер 666 на всех билетах фильма Мела Гибсона* (http://uucyc.ru/passion/47); *Пассажиры, отправляющиеся пригородными электропоездами, смогут оплачивать покупку билета в **билетопечатающем** автомате* (http://www.kiosksoft.ru/tags/news/); *Авторы заключили, что почка вырабатывает **суживающий сосуды** белок* (http://www.rmj.ru/articles_8477.htm); *Открытие ренина и механизма его **сосудосуживающего** действия представляет большой клинический интерес* (http://www.medin.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=789&Itemid=317c).

Прич + Сущ5

8. Прич + Сущ5ед, данная страдательная конструкция универбализуется по компонентно-метатезной модели **оснСущ5ед + инт + Прич**, например, ***спасаемый Богом*** / ***богоспасаемый***, ***охлаждаемый водой*** / ***водоохлаждаемый***: *Писатель излагает священную историю еврейского народа, как народа избранного, руководимого и **спасаемого Богом*** (http://www.sbible.ru/books/jung48.htm); *И **богоспасаемый** город Лейпциг, подаривший оседлость бродячему музыканту, не являл собой счастливого исключения, пожалуй, даже превзошел докуками остальные города, включая и недоброй памяти Арнштадт, где двадцатилетнего органиста и регента небольшого школьного хора беспощадно травила консистория вкупе со старшими учениками, с последними дело дошло до уличной схватки на шпагах – горяч и неуступчив был юный Иоганн Себастьян*! (Ю. М. Нагибин. Перед твоим престолом (1972-1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Поэтому обычно эти реакторы выделяются в*

самостоятельную группу и именуются реакторами, ***охлаждаемыми водой*** *под давлением* (http://gruzdoff.ru/wiki); *Американские инженеры применяли для охлаждения медный* ***водоохлаждаемый*** *кристаллизатор* (И. Демонис. Во все лопатки // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Прич + Прил5

Партитивная конструкция с зависимым атрибутом.

9. Прич + Прил5ед, зависимый атрибут используется в форме творительного падежа, универбализуется по метатезно-компонентной модели **оснПрил5ед + инт + Прич**, например, ***рожденный мертвым*** / ***мертворожденный***: *Я слышала, что* ***рожденные мертвыми*** *обладают какими-то способностями* (http://chernayamagiya.com/forum/index.php?topic=8602.0); *Математики Фоменко и Носовский попытались это сделать, вероятно, полагаясь на свой научный опыт совершенно в иной области – поверить гармонию алгеброй, и в результате произвели на свет* ***мертворождённое*** *дитя* (http://www.stragasevera.ru/lgz-interview.html); *Бросающееся в глаза достоинство Игоря – одновременно даже не недостаток, – а его душевный, от рождения, изъян, как будто он* ***мертворожденный*** *человек*: *чего-то в нем во всяком случае катастрофически недостает* (Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Нар + Прил1

В данной конструкции отмечаем адвербиальное распространение атрибута.

10. Конструкция с полной адъективной парадигмой. Универбализация происходит по модели компонентного типа **ЧоснНар + инт + Прил1ед**, например, ***взаимно полезный*** / ***взаимополезный***, ***взаимно выгодный*** / ***взаимовыгодный***: *Это* ***взаимно полезный*** *обмен опытом и идеями и для руководителей региона, и для сенаторов* (http://viperson.ru/); ***Взаимополезный***

обмен опытом происходил в рамках постоянно действующего семинара-совещания заместителей глав муниципальных образований по социальным вопросам (http://novostivl.ru/forum/msg/4007.htm#).

3.4. Структурные типы бахуврихи

Рассмотрим основные структурные типы бахуврихи, т.е. сложные прилагательные, образованные на базе атрибутивных конструкций со значением посессивности, например, ***рыжеволосый*** (**< *с рыжими волосами***), ***однотомный*** (**< *в одном томе***). В русском языке «единицы данного типа в очень большом количестве случаев возникают не как словесные интерпретации коллокаций, а как однословные реализации аналитических лексико-семантических вариантов номинатем с доминантой словом, выполняющих в речи атрибутивную функцию» [468, с. 203]. Однако комплексных описаний русских бахуврихи пока еще нет. Кроме того, уточнений требуют и некоторые теоретические положения, связанные с интерпретацией и описанием данного типа композитов. Так, например, необходимым нам представляется обозначить границы этого разряда атрибутов, разработать методики анализа формальных преобразований словосочетаний в бахуврихи, ономасиологические типы последних.

Теоретической базой работы послужили труды Е.Г. Васильевой, Н.В. Макаровой, В.И. Максимова, Н.В. Трофимовой, В.И. Теркулова. Наиболее авторитетной в языкознании является теория Э. Бенвениста, относящего бахуврихи к классу сложных имен, в котором «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [42, с. 250]. Ученый определял синтаксическую структуру бахуврихи как трехчленную: «Кроме двух выраженных членов, она включает невыраженный, но необходимый член – носитель атрибута» [там же, с. 252]. Весьма важным нам представляется утверждение о том, что бахуврихи «сочетают синтаксическую функцию и семантическую функцию; они двуплановы» [там же, с. 253]. Таким образом, возникает необходимость разграничения ономасиологических моделей бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов. В случае с бахуврихи, атрибутивная

посессивная функция исходного словосочетания реализуется при помощи суффикса, выступающего только в качестве «оформителя однословности», поскольку он не вносит в значение исходного словосочетания никаких новых сем. Например, абсолютно тождественна семантика словосочетания ***со слабым характером*** и ***слабохарактерный***, что подтверждается возможностью свободной взаимозамены указанных единиц в близких или даже тождественных контекстах: *Человеку* ***со слабым характером*** *не хватает сил и воли для достижения своих целей, он с легкостью подвергается чужому влиянию* (http://v-garmonii-s-soboi.ru/ponyat-sebya-chtobyi-ponyat-drugogo-kak/silnyiy-i-slabyiy-harakter); *Он золотой человек, но* ***слабохарактерный*** (http://obkom.net.ua/read/467.shtml); *Среди товарищей у меня было амплуа примерного семьянина, причем* ***слабохарактерного*** (КИ, № 8, 2004).

Суффикс же деривационного атрибутивного композита является формантом, определяющим признаковое значение нового сложного слова, не тождественное значению исходного словосочетания. В этом случае именно суффикс становится формантом нового значения. Например, у прилагательного ***высокотехнологичный*** атрибутивное значение привносится формантом ***-ный-***. Этого значения нет у исходного словосочетания ***высокие технологии***: *Не только город, конечно, но и уникальное умение его жителей превращать в* ***высокие технологии*** *все, к чему они прикасаются, – от моды до еды* (Дмитрий Сабов. Милан в своей тарелке // «Огонек», 2015; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Женщины с успехом доказали, что могут управлять* ***высокотехнологичными*** *механизмами и руководить крупными корпорациями* (СН, 8.01.2014).

Произведенный анализ позволяет предположить, что в русском языке существует две разновидности бахуврихи – посессивное словосочетание и образованный на его базе композит.

Очень часто возникают проблемы при определении номинативного статуса композита. Так, ***мелкобороздчатый*** и ***мелкособственнический*** имеют в своем составе одинаковый формант *мелко-*, при этом *мелкобороздчатый* является

универбализационным композитом от конструкции *с мелкими бороздами* (**предл + Прил5мн + Сущ5мн** > **оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил**), а *мелкособственнический* – деривационным композитом от *мелкий собственник* (**Прил1ед + Сущ1ед** > **оснПрил1ед + оснСущ1ед + суф + парПрил**): *Поверхность шляпки – неровная, слабо бугристая, узко концентрически-бороздчатая, **с мелкими бороздами** к краю* (http://forum.toadstool.ru/index.php?showtopic=3959); *Ей присущ и своеобразный шелковый блеск, возникающий на гладкой поверхности **мелкобороздчатой** структуры* (http://works.doklad.ru/view/TntXalKqsUA/4.html); *И надо прямо сказать – ни **мелкий собственник**, ни средний, ни самый крупный не имеют никаких гарантий, ибо это противоречит живому течению жизни* (Алексей Митрофанов. ББ и русский марксизм (2003) // «Независимая газета», 2003.06.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В Будапешт мы попали к горячим денечкам: выборы в столичный муниципалитет, вокруг которых развернулась острейшая политическая борьба. Меряются силами коммунистический и **мелкособственнический** блоки. Город заклеен плакатами, воззваниями, декларациями* (Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Адъективы ***мелкозернистый*** и ***крупнозернистый*** универбализуются по одной и той же модели (**оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил** на базе конструкции **предл + Прил5мн + сущ5мн**): ***мелкозернистый*** > ***с мелкими зернами***, ***крупнозернистый*** > ***с крупными зернами.*** Однако ***грубозернистый*** и ***тонкозернистый*** с ономасиологическим базисом «качественный статус» осуществляют преобразования по различным моделям: ***грубозернистый*** – ***из грубого зерна*** (**предл + Прил2ед + Сущ2ед > оснПрил2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил**), а ***тонкозернистый*** не имеет производящего словосочетания и представляет собой квазикомпозит, при этом совпадает по значению с ***мелкозернистый*** – ***с мелкими зернами*** (**предл + Прил5мн + Сущ5мн > оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил**).

В нашем исследовании мы будем опираться на существующие правила описания моделей образования композитов универбализационного типа, которые предполагают «описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, поскольку семантика исходного словосочетания и композита здесь абсолютно идентична» [468, с. 295].

Как уже было заявлено ранее, «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в структуры композита … строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: модели исходного словосочетания и модели структуры композита» [там же, с. 298]. Модель исходного словосочетания учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам универбализационного композита, возникшего на ее базе. Все сказанное абсолютно справедливо и в отношении бахуврихи. В любой исходной конструкции мы выделяем количество ее компонентов, тип связи и порядок следования, а также грамматические характеристики.

По количеству компонентов выделяют двух- и трехкомпонентные модели (с участием служебных слов).

Тип связи между компонентами исходного словосочетания определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергшееся универбализации в сложное слово, при этом значительная часть универбализационных композитов (в т.ч. бахуврихи) создана на базе чистых подчинительных конструкций. Для разграничения прямых и метатезных универбализаций важным является порядок следования компонентов исходной конструкции.

Нами обнаружены такие модели композитообразования бахуврихи:

1. предл + Прил5ед + Сущ5ед. Посессивная конструкция, преобразующая элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа единственного числа. Универбализуется по следующим моделям:

а) оснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + парПрил, например, ***с круглым лицом*** / ***круглолицый***: *На него, выскакивая из толпы, летел здоровый блондин* ***с круглым лицом*** (Петр Галицкий. Опасная коллекция (2000); Национальный

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это был молодой парень, розовый, **круглолицый**, синеглазый, похожий на Кольцова* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + суф + парПрил, например, ***с длинной шерстью*** / ***длинношерстный***: *Поначалу котят **с длинной шерстью**, появлявшихся в благополучных сиамских семьях, выбраковывали в домашние любимцы* (http://www.balinez-cats.ru/balinez.php); ***Длинношерстные** коты* – одна из разновидностей британской кошки (http://kiskas.ru/cats/kotyata_britanskie_dlinnosherstnie); *Старший, британский **короткошерстный** кот по имени Сантьяго, умен и спокоен* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014);

в) ЧоснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + суф + парПрил, например, ***с бензиновым мотором*** / ***бензомоторный***: *Презентация обновленного внедорожника SsangYong Kyron **с бензиновым мотором** объемом 2,3 л* прошла *в Подмосковье* (http://www.autoreview.ru/_archive/section/detail.php?ELEMENT_ID=70727&SECTION_ID=2025); *И они начали смотреть на киномеханика Капитона, который устанавливал возле клубных дверей электродвигатель **с бензиновым мотором*** (Виль Липатов. Еще до войны (1971); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Мурманский трамвай – условное название узкоколейной железной дороги на **бензомоторной** тяге в городе Мурманск* (http://ru.wikipedia.org/wiki/);

г) ЧоснПрил + инт + оснСущ5ед + парПрил, например, ***с перекошенным ртом*** / ***косоротый***: *С боевыми глазами, **с перекошенным ртом**, вырывались из тьмы* (http://lyricsreal.com/ru/kalinov-most/s-boevymi-glazami.html); *Скажи мне что-нибудь такое про привкус дерева во рту, про силу встречного покоя с окурком, вмятым в темноту, про заморозок **косоротый**, где воздух узкий, как петля, и снег становится пехотой, когда вжимается в поля...* (Литературная газета, 13.07.2005).

2. предл + Прил5мн + Сущ5мн. Посессивная конструкция, преобразующая элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа множественного числа, универбализуется по следующим моделям:

а) оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил, например, ***с голубыми глазами*** / ***голубоглазый***: *И в первый раз увидела такого беленького мальчика* ***с голубыми глазами****, чистенького, аккуратного, красивого, как молодой бог* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Невысокого роста,* ***голубоглазый****, он был одет в гимнастерку, подпоясанную солдатским ремнем* (Биография, № 71, апрель 2013);

б) оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил, например, ***с крупными плодами*** / ***крупноплодный***: *Наиболее популярны во всём мире сорта и гибриды* ***с крупными плодами****, высокоурожайные, скороспелые и, как считается, самые вкусные* (Мария Ушакова. «Вишенки» в саду и на балконе // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Мы выращиваем 32 сорта* ***крупноплодной*** *малины* (http://ogorodnik.in.ua/ogorod/malina_1.php); *Первым получил распространение* ***крупноплодный*** *английский сорт Виктория, названный в честь королевы Англии* (Е. Мехова. Клубника? Нет — земляника // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) ЧоснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил, например, ***с отвислыми ушами*** / ***вислоухий***: *С ним является и Неро, большой черный пес датской породы,* **с** ***отвислыми ушами*** *и с хвостом, твердым, как палка* (http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp5/sp5-424-.htm); *У друга живет* ***вислоухий*** *британец* (http://www.murlika.msk.ru/forum/topic.php?c=1&f=1&t=0).

3. Прил2ед + Сущ2ед. Атрибутивная конструкция в форме родительного падежа единственного числа, реализует универбализацию по двум моделям:

а) оснПрил2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил, например, ***крупного масштаба*** / ***крупномасштабный***: *На картах* ***крупного масштаба*** *особым условным знаком изображаются километровые столбы на шоссейных дорогах* (http://www.vertikal-pechatniki.ru/bibl/orient3_2.htm); *Завершен*

крупномасштабный *научно-исследовательский проект, инициатором которого 10 лет назад выступил Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета* (*г. Бохум, ФРГ*) (http://www.rusarchives.ru/projects/bohum.shtml); ***доброй души*** / ***добродушный***: *Иван Михайлович был удивительно* ***доброй души*** *человек* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В Чувашии живет очень* ***добродушный****, гостеприимный народ – у меня душа радуется*!» - *сказал он* (http://www.cap.ru/news/2015/11/02/);

б) оснПрил2ед + инт + ЧоснСущ2ед + суф + парПрил, например, ***высокого роста*** / ***высокорослый***: «*Кино, несмотря на то снимаются там актеры* ***высокого роста*** *или ещё кто, практически не отличается от других товаров массового потребления*» (http://kino-kudinov.ru/aktery-vysokogo-rosta); «*У нас в советские времена отчаянно рулили* ***высокорослые*** *прибалты*» (http://sarovpressa.ru/nastrojsya/basketbol/).

4. предл + Прил2ед + Сущ2ед. Атрибутивная конструкция в форме родительного падежа единственного числа, включающая предлог. Отмечаем одну модель универбализации по схеме **оснПрил2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил** с оформлением бахуврихи при помощи суффикса и парадигмы прилагательного, например, ***из белого мрамора*** / ***беломраморный***: ***Беломраморный*** *павильон с трех сторон окружен открытыми арками*; *Над его третьим ярусом полосы* ***из белого мрамора*** (http://www.indiya.turne.com.ua/resort/deli/sight); ***Беломраморный*** *Ленин, высеченный из лунного камня, слабо светился в нише* (Александр Проханов. Господин Гексоген (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***из белого камня*** / ***белокаменный***: *В процессе земляных работ удалось раскопать стену, сложенную* ***из белого камня****, с лестницей, ведущей на второй этаж* (СН, 29.10.13); *К середине XV века* ***белокаменный*** *Кремль настолько обветшал, был настолько залатан бревнами, что венецианский посол в 1476 году даже назвал его в своем донесении деревянным* (http://jewishfreedom.jimdo.com/).

5. предл + Прил2мн + Сущ2мн. Разновидность предыдущей конструкции, универбализуется по схеме **оснПрил2мн + инт + оснСущ2мн + суф + парПрил**, например, ***из крупных панелей*** / ***крупнопанельный***: ***Из крупных панелей*** *монтируют наружные и внутренние стены* ***крупнопанельных*** *бескаркасных зданий* (http://www.baurum.ru/_library/?cat=install_reinforced_concrete&id=770).

6. предл + Прил4мн + Сущ4мн. Аблятивная плюральная конструкция с предлогом. Фразеологизм ***на веки вечные*** в атрибутивной функции универбализуется в адъектив ***вековечный*** по модели бахуврихи **оснПрил4мн + инт + оснСущ4мн + парПрил**: *Так на* ***веки вечные*** *на квадратном кусочке картона и остались эти трое*: *выгнанный следователь*, *пьяный осведомитель по кличке Овод* (*все*, *видно*, *времена нуждаются в своём Оводе*) *и тот третий*, *без кого эти двое существовать не могли* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И, как назло, сегодня передо мной начала маячить моя давнишняя знакомая задача*, ***вековечный*** *друг и враг мой*, *которая смеётся надо мной уже лет восемь* (И. Грекова. Дамский мастер (1963); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Кроме прилагательных с качественным значением мы отмечаем конструкции с нумеративным значением, в которых семантическим распространителем имени является числительное. Они составляют значительный пласт среди всех атрибутивных конструкций и преобразуются в нумеративные бахуврихи [468, с. 386]:

1. предл + Числ5 + Сущ5мн. Плюральная конструкция, наблюдаем три модели реализации:

а) оснЧисл5 + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил. Суффиксальная бахуврихи, например, ***с шестью стволами*** / ***шестиствольный***: *Итогом его измышлений стал станковый аппарат* ***с шестью стволами*** (http://topwar.ru/8747-mnogo-stvolov.html); *В конце 30-х гг. немецким инженером Небелем был спроектирован 150-мм реактивный снаряд и* ***шестиствольная*** *трубчатая установка* (http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/rocket-projector-d/rocket-

projector-d.shtml); ***с восьмью гранями*** / ***восьмигранный***: *Чаша* ***с восьмью гранями*** *наполняется непрерывно текущей водой, и в центре которой торжественно расположена мифологическая скульптура* (http://ukrainanasha.com/plocshad-rynok.html); *Знаменитый перстень-талисман,* ***восьмигранный****, с желтым сердоликом, он вынужден был носить на большом пальце* (СН, 3.06.2014);

б) оснЧисл5 + инт + оснСущ5мн + парПрил. Модель бахуврихи бессуфиксальная, например, ***с двумя ногами*** / ***двуногий***: *Однако после ампутации правой ноги Михаил оказался непригоден даже для сборной города Звенигорода, где двадцать восемь лет прожил* ***с двумя ногами*** (Владимир Тучков. Русская коллекция // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Двуногий*** *чудо-кот научился залезать на кресло* (http://my.kp.ru/article/view.do?id=t6388);

в) оснЧисл5 + инт + ЧоснСущ5мн + суф + парПрил. Суффиксальная бахуврихи аббревиатура с усечением основы главного компонента исходного словосочетания, например, ***с тремя пальцами*** / ***трехпалый***: *Человек будущего: лысый, желтокожий и* ***с тремя пальцами*** (Наука и технологии, 18.04.2012); *Его странно выглядевшая* ***трехпалая****, кажущаяся лишенной суставов ступня вовсе не бесполезна для существа, ведущего водный образ жизни* (http://4stor.ru/kriptozoologiya/15922-trehpalyy.html).

2. предл + Числ5 + Сущ5ед. Сингулярная конструкция, которая универбализуется по трем моделям:

а) оснЧисл5 + инт + оснСущ5ед + суф + парПрил. Суффиксальная бахуврихи, например, ***с одним каналом*** / ***одноканальный***: *При работе в диапазоне 2,4 ГГц* ***с одним каналом*** *данная модель показывает реальную производительность около 50 Мбит/с, что можно считать отличным результатом* (http://www.ixbt.com/mobile/samsung-galaxy-s4.shtml); *Я решил реализовать упрощённый* ***одноканальный*** *диммер* (http://eldigi.ru/site/light/6.php);

б) оснЧисл5 + инт + оснСущ5ед + парПрил. Модель бахуврихи без суффикса, например, ***с одним крылом*** / ***однокрылый***: *Каждый из нас ангел, но только* ***с одним крылом*** (http://zegrachov.blogspot.com/2010/11/blog-post_12.html);

Однокрылый *ангел живет в девятом подъезде*; *он всегда выглядит собранным и застегнутым на все пуговицы* (http://www.proza.ru/2010/11/21/719);

в) оснЧисл5 + инт + ЧоснСущ5ед + суф + парПрил. Суффиксальная бахуврихи-аббревиатура с усечением основы главного компонента исходного словосочетания, например, ***с одним значением*** / ***однозначный***: *Не исключено, что отдельные прозвища были связаны еще* ***с одним значением*** *слова белый* (http://www.astromeridian.ru/imya/); *Английский язык – аналитический. Это значит, что на каждый оттенок смысла там есть отдельное почти* ***однозначное*** *слово* (http://www.razumei.ru/lib/article/1223).

3. Числ2 + Сущ2мн. Простая плюральная конструкция. Универбализация происходит по модели бахуврихи **Числ2 + оснСущ2мн + суф + парПрил**, например, ***девяти лет*** / ***девятилетний***: *Так что жизнь у нас была тяжелая, матери надо было кормить шестерых*: *на ее руках трое детей, брат* ***девяти лет*** *и мать старая*… (Владимир Губарев, Геннадий Месяц. Академик Геннадий Месяц: интеллект в России по-прежнему надо защищать! // «Наука и жизнь», 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Будучи* ***девятилетним*** *пацаном, два месяца буквально батрачил на ферме у соседа* (Вива-Биография, №1-2, 2014).

4. Числ2ед + Сущ2ед. Простая сингулярная конструкция, универбализуется по модели бахуврихи **оснЧисл2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил**, например, ***одного типа*** / ***однотипный***: *Лазеры* ***одного типа*** *излучают свет с очень близкими, но не одинаковыми частотами* (http://www.koriolan404.narod.ru›bilet2.html); *Музей находится в пригороде Гетеборга Арендаль, среди* ***однотипных*** *складских помещений* (Коммерсантъ-Украина, 25.04.2013); ***одного тона*** / ***однотонный***: *Особенно трудно покрыть краской* ***одного тона*** *большие плоскости* (А. Гришкин. Художественный облик городов // «Химия и жизнь», 1965; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В жизни я предпочитаю* ***однотонные*** *пастельные теплые цвета либо просто контрастные* (Отдохни, № 37, 4.09.2015).

5. предл + Числ2ед + Сущ2ед. Сингулярная конструкция с предлогом, универбализация происходит по модели бахуврихи **оснЧисл2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил**, например, ***из одного слога*** / ***односложный***: *Объясните ребенку, что бывают слова, состоящие* ***из одного*** *единственного* ***слога*** (http://www.sadikinfo.ru/chitaempishem/Odnoslozhnye_slova.html); *Глядя на животный мир, на стаи обезьян, птиц, возможно представить первые слова*: *это* ***односложный*** *сигнал-выкрик, предупреждение об опасности и команда спасаться, – недифференцированное существительное-глагол, не отделяющее эмоцию страха, концепцию внешней опасности и повеление действия, соответствующее*: *леопард-опасность-спасайся-беги*! (Леонид Перловский. Сознание, язык и математика // «Звезда», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***из одной комнаты*** / ***однокомнатный***: *Номера класса* «*полулюкс*» *состоят* ***из одной комнаты*** *площадью 20 квадратных метров. В пансионате* «*Парадиз*» *есть также отдельно стоящие* ***однокомнатные*** *домики* (http://namore.net.ua/nomera-i-ceny/); *Так вот, в одной из его* ***однокомнатных*** *квартир регулярно появлялся фантом молодой женщины* (СН, 5.11.2013).

6. предл + Числ2 + Сущ2мн. Плюральная конструкция с предлогом, которая универбализуется по двум моделям бахуврихи:

а) Числ2 + оснСущ2мн + суф + парПрил. Отмечаем модель без участия интерфикса, например, ***из двух палуб*** / ***двухпалубный***: *Горизонтальная защита состояла* ***из двух*** *броневых* ***палуб*** (http://www.navycollection.narod.ru); ***Двухпалубные*** *теплоходы признаны наиболее безопасными для перевозки пассажиров по Неве* (http://www.stoptimeshow.ru/left/teploxod/dvuhpalubnyie/);

б) оснЧисл2 + инт + оснСущ2мн + суф + парПрил, присутствует интерфикс, например, ***из двух слоев*** / ***двуслойный***: *Американский дом, сделанный* ***из двух слоев*** *картона с небольшим расстоянием между слоями* (*проект Ниф-Нифа*) *остывает примерно за час-полтора*; *температура внутри дома сравнивается* с *температурой внешнего мира* (Татьяна Толстая. Ураган над Нью-Йорком // «Русская жизнь», 2012; Национальный корпус русского языка;

www.ruscorpora.ru); *Пользуются в Нацбанке не обычной серой однослойной бумагой, а дорогой* ***двуслойной*** (http://www.finobzor.com.ua/novosti/nid/8421/).

7. предл + Числ4 + Сущ4ед. Сингулярная конструкция с предлогами **в** и **на**, универбализуется по модели бахуврихи **оснЧисл4 + инт + оснСущ4ед + суф + парПрил**, например, ***в два года*** / ***двухгодичный***: *Она, вообще, не плакала вот уже два дня. И намерена установить личный рекорд* ***в два года*** (http://litrus.net/book/read/110914?p=216); *Вчера из-за сильного снегопада пробки на киевских дорогах побили* ***двухгодичны****й рекорд* (http://society.lb.ua/life/2012/12/04/181206_kievskie_probki_pobili_dvuhgodichniy.html); ***на два места*** / ***двухместный***: *Двухкомнатный номер* «*Люкс*» ***на два места*** *может быть с балконом или без* (http://www.dombai.su/text2/nastup.html); *Земфира заказала в Одессе* ***двухместный*** *люкс и пять охранников* (http://www.news.meta.ua›Укр›metka); ***на один раз*** / ***одноразовый***: *Она, конечно, классом пониже будет, но* ***на один раз*** *сойдет* (Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Украину заваливают недешевыми шубами* «***на один раз***» (http://www.domik.net/novosti/ukrainu-zavalivayut-nedeshevymi-shubami-na-odin-raz-n184855.html); *Последняя тенденция –* «***одноразовые***» *шубы и дубленки* (http://www.forpress.ru/release/13127/); *Для этого придумана многоуровневая система защиты*: ***одноразовый*** *сеансовый ключ, секретный код, лимиты платежей и т.д*. (Отдохни, № 43, 2015).

8. предл + Числ4 + Сущ4мн. Плюральная конструкция с предлогами **в** и **на**, универбализующаяся по модели бахуврихи **оснЧисл4 + инт + оснСущ4мн + суф + парПрил**, например, ***в пять лет*** / ***пятилетний***: *Поэтому появился срок* ***в пять лет****, по истечении которого бывшие чекисты, прокуроры и милиционеры смогут спокойно судить своих сограждан. Москалец появление* ***пятилетнего срока*** *объяснял по-разному* (http://www.rostoblsud.ru/ne_4300221).

9. предл + Числ6 + Сущ6мн. Плюральная конструкция с предлогом, универбализация происходит по модели **Числ6 + оснСущ6мн + суф + парПрил**, например, ***в четырех томах*** / ***четырехтомный***: *Вот кто помог выйти в свет*

этой казачьей энциклопедии **в *четырех томах*** (http://www.cossackdom.com/slovar/slovar.html); *Его* ***четырёхтомный*** *иллюстрированный труд был весьма популярен в своё время* (http://satira.spb.ru/main/cellar/_crntAction-1993); ***в четырех актах*** / ***четырехактный***: *Драматурги, писавшие раньше симфонии, стали писать дуэты и трио. Большинство моих пьес –* ***в четырех актах****. В них много эпизодических ролей* (А. А. Крон. От автора (1929); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И вот сила его авторитета – НИКОМУ больше я не показал этот* ***четырехактный*** *труд и НИКОГДА до сего дня о нем не вспомнил* (Сергей Юрский. Четырнадцать глав о короле // «Октябрь», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

10. предл + Числ6ед + Сущ6ед. Сингулярная конструкция с предлогом, которая универбализуется по модели **оснЧисл6ед + инт + оснСущ6ед + суф + парПрил**, например, ***в одном томе*** / ***однотомный***: *Последним, кто* ***в одном томе*** *предложил оригинальный обзор мировой истории, был, насколько мне известно, Уильям Макнил* (Дмитрий Панченко. Когда закончилось Новое время? // «Неприкосновенный запас», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Его учебники по физической химии – подробный двухтомный* «*большой Оствальд*» *и более краткий* ***однотомный*** «*малый Оствальд*» *пользовались в свое время широкой популярностью и послужили образцами, по которым писались в дальнейшем руководства по этой науке* (С. Погодин. Книга об Оствальде // «Химия и жизнь», 1970; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Мы уже рассматривали примеры универбализации компонентного типа, а именно эллиптической универбализации, когда происходит «опущение, эллипс некоторых компонентов исходного словосочетания при его преобразовании в композит» [468, с. 203]. Считаем возможным (ввиду небольшого количества примеров) выделить в особую группу модели образования бахуврихи, в которых отмечается эллипс служебных единиц, в частности, предлога **на** и союза **как**, входящих в состав исходных конструкций:

1. Прил1ед + союз + Сущ1ед на базе конструкции **Прил1 + Сущ1**. Универбализуется по двум моделям:

а) оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил. Универбализация с использованием основ компонентов исходной конструкции, сязанных интерфиксом и получивших признаки атрибутивности при помощи суффикса и парадигмы прилагательного, например, ***белый, как снег*** / ***белоснежный***: *А Сергей полностью поседел за эту ночь. Стал* ***белый, как снег***... (http://kak2z.ru/index.php?topic=18925.0); *Вероятно, в этом названии отразился его нежный* ***белоснежный*** *цвет подснежника* (http://otvet.mail.ru/question/23025835);

б) оснСущ1ед + суф + инт + оснПрил1ед + парПрил. Универбализация реализуется при перестановке основ компонентов исходной конструкции, образовавшийся композит оформлен как атрибут при помощи суффикса и парадигмы прилагательного, например, ***желтый, как янтарь*** / ***янтарно-желтый***: *Сортов меда великое множество. Матово-белый, как луна,* ***желтый, как янтарь*** *или темный, как очи карие*... (http://2000.net.ua/2000/aspekty/zdorove/25841); *Это чистый, яркий, восхитительный, глубокий* ***янтарно-желтый*** *цвет* (http://www.rosebook.ru/roses/floribunda/amber-queen); ***белый, как жемчуг*** / ***жемчужно-белый***: *Снег* ***белый, как жемчуг*** *лежал на земле* (http://www.stihi.ru/2005/08/13-261); *Но откуда возник надо мной круглый,* ***жемчужно-белый*** *шар, точно взлетевший в воздух*? (В. А. Каверин. Открытая книга (1949-1956); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2. Прил1ед + предл + Сущ4ед. Универбализация происходит по модели **оснПрил1ед + инт + оснСущ4ед + парПрил**, например, ***тугой на ухо*** / ***тугоухий***: *Никогда бы отбивные и пиво со льда не появились на столике перед Хомчуком, не услышь будто бы* ***тугой на ухо*** *Варлам о шифре и конверте* (Анатолий Азольский. ВМБ // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Оказывается, есть молитвы, которые нужно творить вдесятером, иначе* ***тугоухий*** *еврейский Бог их не услышит*… (Павел Сиркес.

Труба исхода (1990-1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3. предл + Сущ4ед + Сущ2ед. Аблятивная сингулярная конструкция, имеющая в своем составе предлог и образующая адъективный атрибут по модели бахуврихи **оснСущ4ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил**, например, ***на злобу дня*** / ***злободневный***: *Это мои личные размышления* ***на злобу дня****...* (http://www.k-istine.ru/head/daily_reflection/daily_reflection.htm); *Если в 50-х и 60-х политика и социология протаскивались в сериалы контрабандой, то во второй половине 70-х телевидение стало прямо отвечать на запрос зрителей, требовавших историй* ***на злобу дня*** (Василий Корецкий, Наталья Зайцева. Больше, чем телек // «Русский репортер», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Ответ на этот* ***злободневный*** *вопрос можно было получить на семинаре* (http://www.otechestvo.org.ua/main/20113/0421.htm); *Зашла стремительным шагом и почти сразу же стала делиться своей* ***злободневной*** *проблемой* (Отдохни, № 4, 21.01.2014); *Каждая его роль – высказывание на* ***злободневную*** *тему* (СН, 25.02.2014).

Классификация моделей композитной универбализации представляет собой классификацию моделей перехода от исходной сложной номинативной конструкции (словосочетания) к конечному универбализационному композиту. Отмечаются одиннадцать основных моделей универбализации конструкций с атрибутивным значением, которые универбализуюся по компонентному, метатезному, компонентно-метатезному типу и являются полностью тождественными исходным словосочетаниям. Мы также определили основные структурные типы бахуврихи, реализующие универбализацию по отмеченным моделям.

Важно помнить, что наряду с универбализационными процессами в языке происходят процессы деривационного композитопроизводства и образования квазикомпозитов. Необходимо рассмотреть структурные модели деривационных композитов и определить их место в словарном составе современного русского

языка, определить различия в формировании моделей бахуврихи и деривационных атрибутивных композитов.

Описанию этих языковых явлений будет посвящен следующий раздел нашего исследования.

3.5. Деривационное композитопостроение как способ образования сложных прилагательных

В современной лингвистике успешно функционирует такой подход к разграничению сложных слов, когда все словообразовательные процессы выстраиваются в цепочку «деривация – универбализация – квазикомпозиция». Кроме того, «для предложенной парадигмы, имеющей явно ономасиологическую основу, наиболее важным является не структурное описание получившихся в результате композитопостроения слов, а то, что вытекает из нашего подхода к трактовке данного процесса, а именно – установление моделей формирования перехода от расчлененного полилексемного или эталонного монолексемного состояния к композитному или квазикомпозитному» [47, с. 61]. Мы уже ссылались на мнение О.В. Блюминой, которая заметила, что использование трехкомпонентной методики успешно применяется не только при описании универбализационых композитов (для которых, собственно, она и была разработана), но и позволяет избежать унифицированного подхода к разграничению деривационных композитов и квазикомпозитных образований. Описание различных типов сложных слов закономерно включает:

1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;

2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);

3) описание модели образованного композита.

Этой схемой следует руководствоваться и при описании деривационных композитов, с тем только уточнением, что объектом сопоставления здесь должна быть не пара «словосочетание – композит», а пара «словосочетание – основа композита», поскольку обязательным компонентом здесь будет явно

увеличивающий число конструктов словообразовательный формант [там же, с. 67].

Сразу же отметим, что весьма значительная часть сложных прилагательных представлена сложнопроизводными словами, образованными на базе первичных композитов: ***братоубийственный*** от ***братоубийство***, ***грузооборотный*** от ***грузооборот***, ***железобетонный*** от ***железобетон***. Образование прилагательных происходит методом суффиксации и оформляется парадигматическим формантом ***-ный***: *И Владимир Святой убил старшего брата, Ярополка, и Чингис, покоривший мир, еще в детстве совершил* ***братоубийство*** (Александр Кошелев, Дмитрий Балашов. Летописец всея Руси // «Родина», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И тем не менее,* ***братоубийственный*** *конфликт неожиданным образом сыграл в истории страны роль цемента, окончательно сплотившего нацию* (http://www.inliberty.ru/blog/transatlantic/3113/); ***Железобетон*** *– сочетание бетона и стальной арматуры, монолитно соединённых и работающих в конструкции как единое целое* (Никита Цимбельман. Надежда и опора // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это* ***железобетонная*** *баррикада ваших отношений, которая уверенно защитит вас от набегов уныния и тоски* (СН, 11.03.2014).

Однако для нас представляют интерес такие адъективные образования, которые демонстрируют сочленение двух производящих основ при помощи словообразовательных формантов. Прилагательное ***горнолыжный*** образовано на базе словосочетания горные лыжи путем соединения основы ***горн-*** с основой второго слова ***лыж-*** при участии форманта ***-ный***, конструкты соединяются при помощи интерфикса ***-о-***, при этом «в плане содержания значение словосочетания распространяется значением «*относящийся к*» указанного форманта, являющимся модификатором значения производящей единицы» [468, с. 187], например: *Если вы не очень уверенно стоите на* ***горных лыжах*** *и не хотите покалечиться, меньше всего думайте о красоте и об этих самых новомодных брендах*

(http://www.kp.ru/daily/24429/598147); *Мадонна провела новогодние каникулы на* ***горнолыжном*** *курорте в Швейцарии* (СН, 14.01.2014).

Не вызывает сомнений существование определенных деривационных цепочек, например, ***трудолюбивый*** – ***трудолюбие*** – ***любить труд***, т.е. ряда однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности: *Я поражалась ее т****рудолюбию***! (КИ, № 11, 2014); *Они вырастили хорошего* ***трудолюбивого*** *мальчика и знали, что Даниэль будет отличным мужем* (КИ, № 1, 2013); *И если мы хотим видеть наших детей счастливыми – а мы, конечно, этого хотим*! *– научим их* ***любить труд****, позаботимся о том, чтобы они росли закаленными, деятельными, энергичными* (http://ru.medicina-502.medicina.eh.org.ua/5.htm).

Но проанализировав данные нашей картотеки, предполагаем, например, что прилагательное ***сногсшибательный*** только формально образовано от существительного ***сногсшибательность***. Используя метод квантитативного анализа, отмечаем довольно низкую частоту употребления слова ***сногсшибательность*** (всего около 8 тысяч примеров). Вернее считать, что исходным словосочетанием является ***сшибать с ног*** (буквально – свалить с ног одним ударом, пер. – потрясти, удивить): ***Сшибать с ног*** *будут не только сами музыканты со знаком качества, но и их маститые коллеги в лице Батыра и Отпетых Мошенников* (http://www.zvuki.ru/R/P/4002/); *Такой* ***сногсшибательный*** *наряд наверняка могли показать на экране и поподробнее* (http://fashionblog.com.ua/krasotka/); *Женщина действительно ослепительная: даже в длинных закрытых платьях и национальных головных уборах она ухитряется выглядеть* ***сногсшибательной*** (СН, 4.03.2014).

По мнению современных лингвистов, большинство словообразовательных парадигм являются отглагольными. Легкость образования отглагольных дериватов говорит о высокой потенциальной возможности их участия в словопроизводстве, которое обусловлено потребностями носителей языка в образовании лексических единиц [418, с. 282]. Под словообразовательным потенциалом понимаются деривационные возможности отдельных элементов

словообразовательной системы. Я.В. Свечкарева считает, что на словообразовательный потенциал в значительной мере оказывает влияние частеречная характеристика слова, при этом потенциал глаголов необычайно высок [401, с. 15]. М.Ю. Казак проанализировала 300 словообразовательных гнезд русского языка, насчитывающих 44 тысячи производных, и пришла к выводу, что по словообразовательной активности части речи по убывающей выстраиваются следующим образом: глагол, существительное, прилагательное, наречие [182, с. 6].

Мы выделяем следующие модели деривационных композитов:

1. Глагол + Сущ4ед. Отмечаем две разновидности:

а) оснСущ4ед + оснГлаг + суф + парПрил, например, ***возить воду*** / ***водовозный***: ***Возить воду*** *из других источников тоже исключалось – долго, а потому бесполезно* (Е. Федоровский. Только что была тишина... // «Вокруг света», 1968; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Серебряный был у Скуратова за плечами. Не выдал его старый конь* ***водовозный*** (А. К. Толстой. Князь Серебряный (1861-1863); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***лить чугун*** / ***чугунолитейный***: *Кроме того,* ***лить чугун*** *куда как дешевле, чем обтесывать камень.* (http://bogdanovich.biz/konstruktsii/chugunnie-mosti.html); *Сукремльский* ***чугунолитейный*** *завод* (*ЗАО* «*Кронтиф-Центр*») *принадлежит к числу старейших металлургических предприятий России* (http://www.crontif.ru/);

б) оснСущ4ед + ЧоснГлаг + суф + парПрил, например, ***наносить вред*** / ***вредоносный***: *Чистое постельное белье может* ***наносить вред*** *здоровью* (http://www.speleomed.ru/php/content.php?id=2596&pr=print); *Но как показывает практика, найти* ***вредоносный*** *код на сайте не так уж и просто* (http://vdblog.ru/vebmasteru/kak-najti-vredonosnyj-kod-na-sajte.html).

2. Глагол + Сущ4мн, реализуется в следующих моделях:

а) оснСущ4мн + инт + оснГлаг + суф + парПрил, например, ***варить грибы*** / ***грибоварочный***, ***резать зубцы*** / ***зуборезный***: *А требования к китайцу должны быть такие*: *широкое лезвие – чтобы было из чего* ***резать зубцы***

(http://forum.guns.ru/forummessage/5/453526-0.html); *Червячные фрезы являются наиболее распространенным* ***зуборезным*** *инструментом* (http://delta-grup.ru/bibliot/3/132.htm);

б) оснСущ4мн + инт + ЧоснГлаг + Суф + парПрил, например, ***изгонять глистов*** / ***глистогонный***: *Всем щенкам, независимо от породы, в возрасте пяти-шести недель нужно* ***изгонять глистов*** (http://isramedinfo.ru/manual/9/119/); *Если у вас дома несколько животных,* ***глистогонный*** *препарат для собак следует давать всем им одновременно* (http://www.qdog.ru/objects/3109/cat/87).

3. Прил1ед + Сущ1ед. Отмечаем следующую схему: **оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил**, например, ***легкая атлетика*** / ***легкоатлетический***: *Как ранее сообщало «УРА-Информ.Донбасс», чемпионат мира по* ***легкой атлетике*** *среди юношей продлится до 14 июля. Третий день* ***легкоатлетического*** *чемпионата прошел с новыми рекордами.* (http://ura.dn.ua/13.07.2013/142235.html); ***железная дорога*** / ***железнодорожный***: *Через год вошла в строй* ***железная дорога****, соединяющая Сидней с окрестностями* (СН, 4.03.2014); *Когда пришло время уезжать из Германии, на вывоз имущества потребовался эшелон из 30* ***железнодорожных*** *вагонов* (СН, 8.01.2014); ***Красная Армия*** / ***красноармейский***: *Когда* ***Красная Армия*** *в первый раз освободила Харьков, в нем был наш красноармейский госпиталь* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Для перевода в окружной* ***красноармейский*** *хор Колюша явился в комендатуру со своим японским карабином и сумкой обойм* (Даниил Гранин. Зубр (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***красная звезда*** / ***краснозвездный***: *На груди у него красовалась* ***красная звезда*** *и другие знаки отличия советской армии* (Алексей Макушинский. Город в долине (2012); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И лупит в хвост удирающему фрицу* ***краснозвездный*** *сокол, аж из того пиротехническая сажа и киностудийные клочья летят*! (Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978-1982); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Новый год*** / ***новогодний***: *Потому что она, главный редактор, запретила писать, что* ***Новый***

год *пахнет мандаринами* (Юрий Зубцов. Чем пахнет январь (2002) // «Домовой», 2002.01.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В Китае ни один* ***новогодний*** *концерт не обходится без выступления Пэн Лиюань* (СН, 4.03.2014).

Отметим, что прилагательное ***частновладельческий*** является деривационным композитом от словосочетания ***частное владение***, в то время как ***землевладельческий*** образовано от первичного композита ***землевладелец***, ***рабовладельческий*** от ***рабовладелец***, например: *Завершаем работу по долгосрочной аренде Потийского порта, причалы которого перейдут в* ***частное владение*** (Юрий Симонян. Быстро, но не торопясь (2004) // «Эксперт», 2004.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *От Мисхора по берегу шла бетонированная дорожка до Ливадии, по которой мы всей семьей гуляли по вечерам за маяк Ай-Тодор…. Никаких* ***частновладельческих*** *пляжей*!» (http://www.newc.info/articles/1143/); *И подумайте теперь*: *если* ***рабовладелец*** *и раб, помещик и крестьянин простой, капиталист и рабочий, если они действительно, по существу являются братьями, – не все ли равно, какой* будет строй? (А. И. Осипов. Нравственность и духовность. Фрагмент лекции «Искажения христианства» (2012); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Когда-то из-за похожей причины развалился* ***рабовладельческий*** *строй* (Герман Садулаев. Бич Божий (2010) // «Знамя», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Разновидностью модели **Прил1ед + Сущ1ед** являются конструкции, образованные от географических названий (топонимов) – ***восточноевропейский*** / ***Восточная Европа***, ***северозападный*** / ***Северо-Запад***, ***тихоокеанский*** / ***Тихий Океан***, ***североатлантический*** / ***Северная Атлантика***, ***нижнеуральский*** / ***Нижний Урал***, например: ***Восточная Европа*** *оказалась на первой линии удара глобального кризиса по целому ряду причин. Во-первых, экономики* ***восточноевропейских*** *стран объективно являются абсолютно беспомощными* (http://www.avanturist.org/blog/post/16); *Китайский флот сможет составить серьезную конкуренцию ВМС США в северо-западной части* ***Тихого океана*** (СН,

13.10.2014); *Мост перекинут через* ***тихоокеанский*** *залив Золотые ворота, который соединяет Сан-Франциско с южной частью округа Марин* (Борис Явелов. Календарь «З–С»: Май // «Знание - сила», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4. Прил1мн + Сущ1мн, преобразование происходит по схеме **оснПрил1мн+инт+оснСущ1мн+суф+парПрил**, например, ***мясные консервы*** / ***мясоконсервный***: ***Мясные консервы*** *отличаются высокой пищевой ценностью, длительным сроком хранения, удобством транспортирования* (http://www.znaytovar.ru/new1030.html); *В январе заработал в полную мощность* ***мясоконсервный*** *цех* (http://kuedamyaso.ru/);

5. Нар + Сущ2мн, преобразование происходит по схеме **нар + оснСущ2мн + суф + парПрил**, например, ***много слов*** / ***многословный***: ***Много слов***, *событий, людей* (*трудноразличимых, то и дело возвращаешься назад, чтобы понять, о ком речь*) (Наталья Игрунова. Падение по горизонтали. Журнальное обозрение (2002) // «Известия», 2002.04.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Написал* ***многословный*** *рапорт*: *другой службы в армии, кроме строевой, командирской, для него нет*! (Игорь Николаев. Последний приказ генерала // «Звезда», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***много людей*** / ***многолюдный***: *У него даже нет необходимости иметь вокруг* ***много людей***: *он общается с музыкой, ему важнее побыть наедине с книгой, с пластинкой, со скрипкой, со мной, наконец, со своими мыслями* (Сати Спивакова. Не всё (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Ничего не сможет помешать Вам наслаждаться отдыхом вдали от* ***многолюдных*** *городов и шумных трасс* (http://bogema.org.ua/?page_id=78).

6. Сущ1ед + Сущ2ед, преобразование происходит по схеме **оснСущ2ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил**, например, ***посол рыбы*** / ***рыбопосольный***: *Рецепты* ***посола рыбы*** *в домашних условиях отличаются многообразием* (http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/203432); *Около 450 килограммов рыбы изъято*

в подпольном ***рыбопосольном*** *цехе на улице Чехова в Ленинском районе Астрахани* (http://www.novayagazeta.ru/news/30068.html).

Представляет интерес процесс образования прилагательного ***потусторонний*** на базе конструкции ***по ту сторону***. По мнению В.П. Григорьева, «факты современного русского языка не дают никаких оснований для того, чтобы выделять специальный тип префиксальносложных существительных» [118, с. 77]. В.И. Теркулов утверждает, что «случаи же, трактуемые как префиксально-суффиксальное словопроизводство, базируются не на присоединении к исходному словосочетанию приставки и суффикса, а на сопровождающей суффиксацию интерпретации предлога, входящего в исходное словосочетание, как префикса». Этот «псевдопрефикс» изначально присутствует в эталонном словосочетании и не участвует в процессе деривации в качестве словообразовательного форманта, например, ***Причерноморье*** (***при Черном море***), ***потусторонний*** (***по ту сторону***), что и позволяет считать данные слова суффиксальными производными от соответствующих словосочетаний [468, с. 187-188]: *Почему российские* «*миротворцы*» *не препятствовали обстрелу грузинских селений, находясь* ***по ту сторону*** *баррикады*? (http://aillarionov.livejournal.com/); *В наши дни изучением этих сфер* ***потустороннего*** *мира начали интересоваться ученые* (http://www.ex.ua/view/10797611); *Одного* ***потустороннего*** *обитателя студенты прозвали Флейтистом – за то, что свистел* (СН, 14.01.2014).

В современном русском языке существует два типа композитной деривации – суффиксация и безаффиксное словопроизводство, причем второй способ наименее распространен и используется при образовании имен существительных. Отличительной чертой всех композитных дериватов, в том числе и сложных прилагательных, являются мотивационные отношения, которые связывают сложные слова с исходным словосочетанием. Как уже говорилось выше, универбализационные композиты сохраняют тождественное значение с базовым словосочетанием, а значение же единиц деривационного построения вытекает из семантики исходного словосочетания и словообразовательного форманта.

Структура самого композита формируется путем соединения конструктов словосочетания и форманта.

3.6. Структурные типы квазикомпозитов

В современной лингвистике выделяют три основных направления композитостроения – универбализация, деривационное и квазикомпозитное словопроизводство. Основные структурные типы квазикомпозитов существуют в соответствии с моделями деривационного и универбализационного композитостроения. Напомним, что исходной базой большинства сложных слов являются синтаксические единицы или словосочетания, при этом процессы словосложения представляют собой своеобразное свертывание словосочетания в единое слово. Но соотнесенность слова со словосочетанием не является основанием для придания ему статуса сложного слова. Р.Г. Маковей пишет, что не все модели сложных слов характеризуются таким признаком, «сама возможность перефразировать сложное слово и объяснить его содержание через какое-то словосочетание не означает, что оно было создано в языке именно свертыванием словосочетания, а не моделированием по образцу готового сложного слова» [282, с. 15]. Под квазикомпозитами мы понимаем слова, которые являются имитацией конечной структуры уже имеющихся в языке словообразовательных единиц и содержат в своем составе аффиксоиды, выступающие как пред- и постконструкты. Мы уже рассмотрели структурные типы образования универбализационных композитов и композитов, образованных путем деривационного производства. Существует необходимость выделения основных структурных типов квазикомпозитов и определения их соотнесенности с основными путями внутриязыкового композитопостроения.

Для современного русского языка эта проблема не является новой, в разное время к ее решению обращались известные ученые-лингвисты. По мнению В.П. Григорьева, «новое сложное слово с тем же вторым компонентом может образовываться уже не на почве словосочетания (если последнее все-таки признается за базу для возникновения «первого» сложного существительного), а

лишь на почве одного слова, превращающегося в первый компонент; вместо второго компонента сложного слова в подобных случаях мы, с этой точки зрения, имеем дело с новым развивающимся, рождающимся «суффиксом» [117, с. 43]. При анализе нашего материала (сложных прилагательных – Л.С.) мы фиксируем большое количество слов с конструктами, ставшими аффиксоидами, т.е. единицами, превратившимися из полнозначного слова (основы, корневой морфемы) в аффикс, поскольку «непременным условием реализации цепочки «словосложение – аффиксация» является обретение корневой морфемой сложного слова словообразовательной продуктивности» [98, с. 131].

Одним из способов образования сложных слов является использование аффиксоидов, возникших на базе заимствованных корней. В современной лингвистической литературе нет единства в описании словообразовательной структуры сложных слов с компонентами типа *видео-, радио-, теле-* и т.д., которые, по мнению Е.А. Зайцевой, вполне можно отнести к сложным производным [154, с. 136]. Их называют абброморфемами – морфемами нового типа, которые нельзя в полной мере назвать ни корневыми, ни аффиксальными, несмотря на способность передавать полное материальное значение слова, являясь при этом его усеченной частью [345, с. 270]. А.И. Плещинская предлагает называть данные компоненты префиксоидами, совмещающими в себе признаки корней и префиксов [354]. Существует также мнение, что данные элементы могут считаться морфологически не оформленными аналитическими прилагательными и обозначают признак в отвлечении от форм рода, числа и падежа, свою же отнесенность к имени выражают простым примыканием, т.е. аналитически [168, с. 54-61]. В представлении лингвистов аналитические прилагательные характеризуются следующими признаками: морфологическим (принадлежность к данному типу прилагательных определяется нулевым аффиксом); синтаксическим (все аналитические прилагательные из частично сокращенных слов сочетаются с частицами); фонетическим (все они имеют самостоятельное ударение). Интересующие нас компоненты в данной трактовке получили название *корневые заимствованные элементы*.

Вопрос подобной квалификации препозитивных компонентов имеет в современной лингвистике ряд последователей. Так, по мнению В.В. Дьяченко, «в системе сложных существительных, прежде всего, и сложных прилагательных очень продуктивны сложения с интернациональными связанными корневыми компонентами <….> типа ***авто-***, ***био-***, ***мини-***, ***видео-***, ***квази-***, ***ретро-*** и пр.» [134, с. 168]. Отметим, что сказанное абсолютно справедливо только по отношению к тем прилагательным, которые являются образованиями на базе первичных композитов, например, ***автобиографический*** образован от ***автобиография***, ***ретроспективный*** от ***ретроспектива***, то есть имеют статус сложнопроизводных единиц**.** В нашем же случае оно абсолютно неприемлемо, поскольку в ситуациях квазикомпозитопостроения речи не может идти о том, что данные компоненты являются корнями. Е.А. Карпиловская [190, с. 22] предлагает считать их аффиксоидами, а образованные с их помощью слова – аффиксоидными квазикомпозитами.

Н.Ф. Клименко выделяет в композитах всех типов и квазикомпозитах, в том числе, основы-классификаторы, которые обозначают профиль базового компонента, и основы-идентификаторы, которые исполняют роль базового компонента композита [201, с. 26]. Функцию идентификатора при образовании квазикомпозитов выполняет слово-источник, а классификатора – аффиксоид. В случае со сложными прилагательными это выглядит так: ***веерообразный*** – ***веер***, ***камневидный*** – ***камень***, ***водотрубный*** – ***вода***, ***локомоторный*** – ***мотор***.

В нашем исследовании рассматриваются два типа внутриязыкового квазикомпозитопостроения: по моделям конечной структуры деривационных композитов и по моделям конечной структуры универбализационных композитов. Согласимся с В.И.Теркуловым, что «методика отграничения композитных дериватов от аффиксоидных проста – для первых мы можем обнаружить производящее словосочетание, для вторых – нет» [468, с. 204]. Например, для прилагательного ***вредоносный*** существует производящее словосочетание – ***наносить вред***, что позволяет трактовать его как деривационный композит, поскольку его семантика формируется путем химического соединения семантик

трансформированного в производящую основу исходного словосочетания и форманта: *Как же можно было ночью разбивать и топить японские миноносцы, развивавшие ход до двадцати пяти узлов, или* ***наносить вред*** *их крупным кораблям, проходившим мимо в сорока кабельтовых*? (А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Сам по себе этот потрясающий прибор представляет собой квадратную нашлепку со стороной 30 мм, которую нужно приклеить на любой* ***вредоносный*** *прибор* (Борис Руденко, Вадим Чебышев. Жабья шерсть во второй производной // «Наука и жизнь», 2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Для прилагательного ***нефтеносный***, образованного от слова ***нефть***, производящего словосочетания найти нельзя (невозможно – *****наносить нефть***, *****носить нефть***), что позволяет отнести это слово к квазикомпозитам деривационного типа, констатировав при этом, что оно образовано по модели слова ***вредоносный.*** Прилагательное-бахуврихи ***рыжеволосый*** образовано на базе словосочетания ***с рыжими волосами***, поскольку данные единицы являются функционально и семантически абсолютно тождественными. Прилагательное же ***простоволосый*** относится к квазикомпозитам универбализационного типа, поскольку не существует семантически и функционально тождественного ему словосочетания. Здесь важно то, что структура слова ***простоволосый*** формируется путем имитации структуры слова ***рыжеволосый,*** например: *Елена эта была элегантная женщина, – бывшая советская, лет сорока, худая,* ***с рыжими волосами*** (Эдуард Лимонов. Книга воды (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***Рыжеволосая*** *Изабель Юппер также пробовала себя в белом цвете* (Вива-Биография, № 4 (81), 2014); *Тогда как* ***простоволосая*** *мешковатая Брунгильда больше напоминает мрачное якутское божество* (Екатерина Бирюкова. Мариинские боги устали в «Кольце Нибелунга» (2003) // «Известия», 2003.01.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Рассмотрим модели универбализационной и деривационной квазикомпозиции.

3.6.1. Модели универбализационной квазикомпозиции. Мы различаем префиксоидные и суффиксоидные модели универбализационной квазикомпозиции. Всего нами выделено 5 формальных моделей квазиунивербализации.

Модели, эквивалентные моделям универбализации, называются префиксоидными в том случае, если значение предконструкта должно уточнять значение постконструкта. Всего нами выделено 4 префиксоидных модели:

1. предл + Прил5ед + Сущ5ед – оснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + парПрил, например, ***мелкошерстый***, ***худошерстый***, ***долгохвостый***, ***мягкотелый***, ***сухозадый***, ***слабоголовый***, ***толстомясый***: ***Мягкотелый*** *паренек даже не может потребовать выкуп за заложницу-дочь своего бывшего босса* (http://kinopod.ru/video.html?id=8628); *Гриша пинцетом извлекал наполненную записку, а* ***слабоголовый*** *Аркаша, приняв ее, прокатывал нагретой на свечке печаткой-колесиком по кромке целлулоида* (Асар Эппель. Сладкий воздух (1990-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это швейцар не пускал в ресторан мужика в майке и полушубке да к тому же почему-то именовал его японцем, хотя тот был совершенно русского вида*: *багроволицый*, ***толстомясый*** (Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2. предл + Прил5мн + Сущ5мн, данная конструкция реализуется в следующих моделях:

а) оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил, например, ***простоволосый***, ***долгокосый***: *Босая* ***простоволосая*** *девушка быстро шла, почти бежала, изо всех сил стараясь не отвлекаться на посторонние шумы, пока не услышала стук кареты* (http://www.litmir.net/br/?b=90748); *В лучшем случае ваша* ***долгокосая*** *подружка предпочитает долгие и изысканные прелюдии* (СН, 4.01.2013);

б) оснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + суф + парПрил, например, ***скороплодный***, ***самоплодный***: *Крона у* ***скороплодного*** *ореха не такая густая, под ней могут расти другие культуры* (http://nataliamaptunenko.com/);

в) ЧоснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил, например, ***корноухий***, ***лопоухий***, ***стремоухий***, ***сиволапый***: *Маленький,* ***корноухий****, как-то скоро и бестрепетно переменивший ездовое дерюжное имечко на выкругленное чужестранное, Викторин часто подпрыгивал на месте* (*видно, хотел подрасти*), *понапрасну махал руками* (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Епископа перекосило от такого святотатства – надо же, пророк* ***сиволапый****, на небо он был* «*восхищен*»*, с пророком Павлом себя сравнивает*! (http://edgarcaysi.narod.ru/avel_prorochestva.html).

3. Прил2ед + Сущ2ед – оснПрил2ед + инт + ЧоснСущ2ед + суф + парПрил, например, ***тугорослый***: *Огромное количество таких карасей* ***тугорослой*** *формы населяет прибрежные районы почти всех ставков* (http://donbass-fishing.com.ua/fider/89-karas-na-fider-budet-klev-ili-net.html).

4. Прил1ед + Прич – оснПрил1 + инт + Прич, например, ***свежевымытый***, ***свежевыбритый***, ***свежевыжатый***: ***Свежевымытый*** *асфальт, новые бордюры и пешеходные дорожки, довольные лица местных жителей – ремонт дороги на улице Гастелло окончен* (http://atv.odessa.ua/?t=26167); *Он лежал в скользящих солнечных бликах,* ***свежевыбритый*** *капитан Рахмил, и улыбался в самое небо, и рядом с кроватью, держа капитана за руку, вскачь поспешала немолодая, абсолютно счастливая Любка* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Обязательно попробуйте блюдо из таджина в аккомпанементе со* ***свежевыжатым*** *мандариновым соком* (Отдохни, № 9, 25.02.2014).

Кроме префиксоидных нами отмечаются суффиксоидные модели. Сюда относятся случаи использования суффиксоидных формантов ***-образный***, ***-видный***, ***-подобный***, ***-носный***, о которых В.В. Виноградов высказывался так: «Именам прилагательным, так же как и существительным, свойственны книжные суффиксы очень конкретного значения. Эти суффиксы состоят из семантем, образующих вторую часть сложных слов. Таковы, например, составные суффиксы

качественных прилагательных …-видн(ый), -образн(ый), -подобн(ый), -носн(ый)» [78]. До сих пор не существует единого мнения о сходстве и различии значений данных суффиксоидов. Согласимся с. О.А. Лапшиной, которая считает, что «семантика подобия в языке является одной из наиболее значимых, а также смыслообразующих категорий и пронизывает все его уровни» [247, с. 113]. Ядро категории составляют дериваты, в которых сема «подобие» является ядерной, т.е. это сложные прилагательные со второй основой на ***-подобный***, ***-видный***, ***-образный***. В указанных дериватах ученый трактует словообразовательное значение как модификационное, поскольку «разница между значением производного и производящего слова представляет сему «подобие» [там же, с. 113].

С.Ю. Адливанкин полагает, что прилагательные с компонентом ***-видный*** следует трактовать на основе семантического компонента «похожий по виду», компонент ***-образный*** рассматривается как «близкий по форме», а вот элемент ***-подобный*** несет семантическую нагрузку «похожий (нерасчлененно)» [3, с. 92]. По мнению ученого, «активность словопроизводства в этой группе прилагательных, обнажающая семантическую мотивированность новообразований, не допустит дальнейшего стирания типовых характеристик разнооформленных прилагательных подобия – наоборот, обострит их различия для создания говорящими наиболее точных применительно к каждому конкретному случаю образных характеристик» [там же, с. 93]. О.Н. Денисенко предлагает относить слова с данными суффиксоидами к трем различным словообразовательным типам, однако признает их семантическую близость [127, с. 271]. По данным нашей картотеки в отдельную группу можно выделить композиты, образованные путем сочленения имен собственных (как правило, имен политических деятелей) и суффиксоида ***-подобный***: *Неудивительно, что в свое время пользующиеся этим понятием Хрущев и* ***хрущевоподобные*** *чиновники проводили политику* «*чем больше, тем лучше*» (http://mognovse.ru/xux-reshenie-nacionalenogo-voprosa-uvidete-chudo-uje-chudo-pog-stranica-15.html); *Возвращение* «*Великой Франции*» *вместо растворения в европейских структурах, управляемых*

склеротическими ***брежневоподобными*** *брюссельскими бюрократами, за которых никто не голосовал* (http://sputnikipogrom.com/2015-in-review/48991/european-of-2015/#.V0hHhSEc6uc); *Как и прежде, в период правления того самого президента, ему вновь показалось, что если завтра надоевший и доставший геронтократический и* ***брежневоподобный*** *правящий класс исчезнет, испарится, улетучится в небытие, то это сразу изменит нашу с вами жизнь* (http://news.day.az/politics/398168.html); *Но потихоньку аппарат сипахов разрастается, аппетиты их растут, да и если возникает* ***сталиноподобный*** *правитель, то в погоне за внешнеполитическими целями обирается до нитки вся страна* (http://mamontogenez.ucoz.ru/publ/ehlitarnaja_teorija_gosudarstva/moskovskij_sultanat/1-1-0-66); *А Горбачев действительно молодец, пошел на заведомо провальное дело. Ни один* ***ельциноподобный*** *не способен на это* (http://russiaru.net/id314049/status/4cac10000003c); *В комнату неожиданно вломилась делегация* ***горбачёвоподобных*** *холёных мужчин* (http://sarafan.cc/news/38016).

Опираясь на теорию ономасиологического подхода к описанию композитов, мы признаем разницу в значении формантов *-подобный, -видный, -образный* и определяем эти единицы как конструкты, участвующие в образовании квазикомпозитов.

1. Сущ1 + инт + формант (**-образный**), отмечено 126 употреблений, например, ***веерообразный***, ***клинообразный***: *Впервые мотив пальметты зародился в Египте и представлял собой стилизованный* ***веерообразный*** *цветок лотоса* (http://krilov.ru/?item=b61386c8-b7ef-41c8-a744-26535a1ea938&termin=8e93647a-c411-4d0a-bc8f-38296883442d); *Он оплел их ветками. Получился* ***клинообразный*** *загончик. Султан заводил в него Пестрянку и сжимал легонько, но, видимо, достаточно больно ее хвост* (Евгений Пермяк. Бабушкины кружева (1955-1965); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2. **Сущ1 + инт + формант** (**-подобный**), отмечено 13 употреблений, например, ***древоподобный***, ***звероподобный***, ***мужеподобный***: *Страну населяет* ***звероподобный*** *сброд, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать* (http://svpressa.ru/blogs/article/23906/); *Голос у Сусанны был низкий,* ***мужеподобный***, *как прежде* (Ю. В. Трифонов. Время и место (1980); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3. **Сущ1 + инт + формант (видный)**, отмечено 105 употреблений, например, ***яйцевидный***, ***стекловидный***, ***нитевидный***: *У нового фильма пульс* ***нитевидный*** (http://valery-kichin.livejournal.com/56380.html); ***Нитевидный*** *пульс свидетельствует о малом сердечном выбросе, что бывает при сердечной недостаточности* (http://www.medichelp.ru/posts/view/2610); ***Стекловидный*** *экран озарился мерцающим светом и слабо загудел* (Виталий Губарев. Путешествие на Утреннюю Звезду (1998); Национальный корпус русского языка;www.ruscorpora.ru).

К этой же группе В.В. Виноградов относил форманты **-носный** и **-творный**, считая их менее распространенными по сравнению с предыдущими и более связанными с лексическим значением основы. Однако мы предлагаем рассматривать их в составе квазикомпозитов деривационного типа с моделью исходного словосочетания **Глаг + Сущ4ед**, например, ***орденоносный***, ***золотоносный***, ***оскароносный***, ***тошнотворный***, ***плодотворный***, ***снотворный***: *Художники-постановщики восстановили* ***золотоносный*** *прииск на берегу* (СН, 6.11.2013); *Не станете же Вы отрицать тот факт, что сыграв в* ***оскароносном*** *фильме* «*Москва слезам не верит*», *остались в тени Алентовой и Муравьевой*? (СН, 8.01.2014); ***Судьбоносная*** *встреча с режиссером Жаком Деми закончилась приглашением на главную роль в* «*Шербурские зонтики*» (СН, 22.10. 2013); *Сейчас Порт-о-Пренс окутывает* ***тошнотворный*** *запах гниющих тел*: *живых из-под завалов худо-бедно вытащили и развезли по госпиталям, трупы же извлекать практически некому* (Дмитрий Виноградов. Врачи прилетели. Катастрофа на Гаити глазами наших медиков // «Русский репортер», № 4 (132), 4-11 февраля 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Сказали, что*

приступ у нее сердечный, что ей укол сделали ***снотворный****, обезболивающий* (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3.6.2. Модели образования деривационных квазикомпозитов. Деривационные квазикомпозиты являются суффиксоидными, т.к. в них постконструкт определяет значение предконструкта. Всего мы выделяем 11 моделей квазикомпозиции:

1. Сущ1ед + Сущ1ед – **оснСущ1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил**, например, ***злосчастный***, ***баснословный***, ***краеугольный***, ***злосчастный***: *По преданиям,* ***краеугольный*** *камень возвышался одиноким утесом на местности и мешал строителям Иерусалимского Храма* (www.havura.net/evrejjskaja_mudrost/pervyjj_khram/kraeugolnyjj_kamen/); *Исключения, конечно, тоже были, такие как писатель Михаил Шолохов, которому молва приписывала* ***баснословные*** *богатства* (СН, 8.01.2014); *В случае, если секьюрити продолжают настаивать на том, что Вы украли* ***злосчастную*** *шоколадку, требуйте администратора* (СН, 8.01.2014).

2. Сущ1ед + Сущ1мн – **оснСущ1ед + инт + оснСущ1мн + суф + парПрил**, например, ***страхолюдный***: *То какие-то сигареты крошенные призывают не курить, то какая-то* ***страхолюдная*** *кривоногая баба в пластиковом венке уверяет, что* «*зелень городу к лицу*» (http://urupin.livejournal.com/135996.html).

3. Глаг + Сущ4ед – **оснСущ1ед + инт + оснГлаг + суф + парПрил**, например, ***пескодувный***, ***ситценабивной***: *Не меньшей известностью пользовалась и павлоградская* ***ситценабивная*** *фабрика. Она имела годовой оборот в 85 тысяч рублей* (http://pvgazeta.info/gizn/osobij-vzglyad/1495-iz-istorii-pavlogradskoy-sittsenabivnoy-fabriki).

4. Сущ1ед + Прич – **оснСущ1ед + инт + Прич**, например, ***громокипящий***: *Эта строфа задаёт тон всему сборнику и предваряет его томно-лирическое настроение*: *перед глазами читателя предстаёт точный и многогранный образ*

громокипящего *кубка весны, который оказывается выплеснутым на землю* (http://bespotte.ru/p/gromokipyaschiy_kubok).

5. Прил1ед + Сущ1ед – оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил, например, ***полноводный***, ***великовозрастный***, ***ясновельможный***, ***скороспешный***, ***кратковременный***: *Во Франции XVIII века* ***великовозрастная*** *девица считалась не просто старой девой – она была настоящим бедствием для родителей*! (Вива-Биография, № 7-8 (74), 2013); *Теперь султан мог попросту выдать его России.* ***Ясновельможный*** *пан не мог ехать. Но он не мог и не ехать* (Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Меж тем* ***скороспешный*** *Фридрих поднялся в два часа ночи, сигнальными ракетами разбудил свою армию и сразу двинул ее в поход* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1-2 (1934-1939); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В марте 1922 года у Ленина начались частые припадки с* ***кратковременной*** *потерей сознания* (СН, 21.01.2014).

6. Прил1мн + Сущ1мн – оснПрил1мн + инт + оснСущ1мн + парПрил, например, ***тонкослезый***: *На премьере мюзикла* ***тонкослезый*** *Элтон Джон также не удержался от эмоций – и опять заплакал* (http://www.vimars.ru/newspaper/item3b93.htm).

7. Прил1ед + Прил1ед – оснПрил1ед + инт + оснПрил1ед + суф + парПрил, например, ***пустопорожний***: *Время* ***пустопорожних*** *разговоров о климате прошло, и теперь пришла пора действовать, заявил сегодня президент США Барак Обама во время своего выступления на климатической конференции ООН в Копенгагене* (http://newsland.com/news/detail/id/444649/); *То ли все уже отвыкли от рева снарядов, то ли* ***пустопорожний*** *спор отвлек их, а только один недоверчивый Антипов уловил тренированным ухом нарастающий вой* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

8. Нар + Сущ4мн – Нар + оснСущ4мн + суф + парПрил, например, ***многочисленный***, ***многократный***: *В свободном обществе есть* ***многочисленный*** *средний класс* (Александр Грудинкин. Технология фантастического // «Знание-

сила», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Причем в вину ему поставили* ***многократный*** *рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги, борьбу с которыми в том же декабре ставили в заслугу* (Дмитрий Карцев. Кузнец своего несчастья // «Русский репортер», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

9. Прил1ед + Прич – **оснПрил1ед + инт + Прич**, например, ***мелкодробленый***, ***жидкотертый***: *Для приготовления коктейлей с фруктами, игристых, крюшонов и других напитков, приготовляемых сравнительно большими порциями, используют* ***мелкодробленый*** *лед* (http://www.alcogol.info/43).

10. Нар + Прил1ед – **Нар + инт + Прил1ед**, например, ***обоюдоострый***: ***Обоюдоострый*** и непростой это вопрос… который «пытошный» (http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1381168800); *Верхняя палата парламента Японии приняла сегодня новый закон о контроле над огнестрельным и холодным оружием, в котором поставила* ***обоюдоострые*** *ножи с длиной лезвия более 5,5 сантиметра в один ряд с самурайскими мечами и пиками* (http://knifeinfo.ru/yaponiya-obyavila-vne-zakona-oboyudoostrye-nozhi.html); *Но не секрет, что существует железный* ***обоюдоострый*** *закон*: *чтобы произведение читалось, самый обыденный мир следует описывать самыми необычными словами и самый необычный мир следует описывать самыми обыденными словами* (Вячеслав Рыбаков. То, чего не было, – не забывается // «Октябрь», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

11. Глаг + Сущ5ед – **оснСущ5ед + инт + оснГлаг + суф +парПрил**, например, ***огнестрельный***: *С помощью* ***огнестрельного*** *травматического оружия можно успешно отразить даже групповое нападение* (http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-31213/); *С середины 1930-х годов инженеры пытались разработать* ***огнестрельное*** *оружие, работающее под водой* (СН, 14.01.2014).

В современном русском языке отмечается три процесса преобразования исходной (продуцирующей) единицы в композит: универбализация, деривация и

образование квазикомпозитов. Проанализировав сложные прилагательные, приходим к выводу, что образование атрибутивных квазикомпозитов развивается в двух направлениях – по моделям конечной структуры универбализационных композитов и единиц деривационного композитопостроения, причем последнее представляется нам наиболее продуктивным ввиду участия отглагольных дериватов, легко вступающих в отношения словопроизводства.

3.7. Адъективные новообразования в русском языке

Имена прилагательные занимают одно из важных мест в процессе неологизации номинативного фонда современного русского языка. Л.Ю. Касьянова замечает, что «качественные трансформации лексического состава происходят за счет порождения значений новых слов и преобразования значений уже существующих» [194, с. 5]. Н.Ф. Алефиренко утверждает, что данный процесс детерминируется когнитивной деятельностью человека: «Поскольку познание окружающего нас мира безгранично, то изменение и совершенствование наших знаний о нем, связанное с обнаружением новых признаков и свойств объектов познания, приводит, естественно, к изменению значений и связанным с ним семантическим процессам» [7, с. 86].

Неологизация обусловлена деятельностной природой человеческого сознания, поэтому все лексико-семантические инновации необходимо изучать «как материал, отражающий акты осмысления мира и его освоения современным человеком и, конечно, раскрывающий нам особенности постижения мира сегодня» [239, с. 9]. Стимулом к образованию новых прилагательных служит потребность в номинации нового, а также необходимость в уточнении, конкретизации, характеристике и оценке уже существующих понятий и признаков. Проблема адъективных новообразований является одной из самых спорных и наименее изученных учеными-лингвистами, поэтому существует необходимость описания и систематизации адъективных новообразований в соответствии с современными языковыми тенденциями. Исследование особенностей словообразовательного процесса предполагает комплексный анализ производных слов с учетом

специфики их концептуальной организации, деривационной структуры и функциональной предназначенности [356, с. 185].

М.Т. Гурчиани рассматривает сложные слова как особую лексическую подсистему русского языка новейшего периода. По мнению ученого, они представляют собой гетерогенный пласт слов, который является синкретичным и неоднозначным по своей идентификации. При установлении значения у композитов идентифицируются различные семантические сдвиги по сравнению со словосочетаниями, на базе которых они образованы [124]. Номинативная сущность сложных слов складывается из специфики их компонентного значения и особенностей функционирования в языке-рецепторе. Под термином номинация понимается «обозначение всего отражаемого и понимаемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [570, с. 324]. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности [502, с. 120].

Традиционным среди лингвистов считается мнение о том, что все сущности отражаемого сознанием мира делятся на вещи и признаки (атрибуты). Напомним, что современные ученые-лингвисты, в частности, Н. Д. Арутюнова, Л.М. Васильев предлагают разделение полнозначных слов и частей речи на предметные и признаковые. Имена прилагательные относятся к признаковым именам, т.е. выражают широкий круг свойств, качеств, явлений, отношений, характеризующих предметы. Значение признака – это категориальное классифицирующее значение, которое соотносится с определенным способом познания мира. Имена прилагательные выполняют функцию субституции по отношению к атрибутам, свойствам, чертам предмета и реализуют при этом сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание [18, с. 383].

Специфика атрибутивной номинации состоит в том, что имена прилагательные обладают некоторой второстепенностью в системе частей речи и являются производными единицами, обозначающими признак в широком

понимании, который мыслится в отвлечении от предмета, явления, вещи. Однако, вовлекаясь в сферу обозначения предметов через существительные, имена прилагательные способны выражать вместе с ними и уникальные единичные признаки. Многие лингвисты отмечают, что словарный состав языка обогащается прежде всего за счет своих собственных ресурсов, основной из которых – словообразование, т.е. «система средств, единиц, связей и т.д., служащая процессам номинации и ими обусловленная» [227, с. 4].

Считается, что наиболее продуктивным путем развития словарного состава является образование новых слов по уже существующим словообразовательным моделям, свойственным только данному языку: «…большая часть новообразований – это слова потенциальные, созданные по продуктивным словообразовательным моделям в соответствии с правилами русского словообразования» [356, с. 187]. Слова с русскими по происхождению компонентами «обладают наибольшим лингвокультурным потенциалом», среди них преобладают «композиты с компаративным ономасиологическим значением в структуре номинативно-словообразовательного значения» [290, с. 50]. По мнению А.А. Матюновой, все подобные номинации в основном не называют явления, а демонстрируют отношение автора к нему, причем иногда «эмоционально-образная составляющая преобладает над объективным смыслом слов, является определяющим компонентом их семантики, важнейшую роль при этом играет контаминация основ (Толстоевский = Толстой + Достоевский)» [там же, с. 50]. В конце прошлого столетия появилась целая группа сложных слов, встречающихся главным образом в интернет-блогах и СМИ: ***ленинскогорбачевский*** (*пошиб*), ***хохлорусич***, ***девяностолохматый***, ***укрохомячок***, ***криворылый***, ***мамоРусь***, ***Толстоевский***, ***медиабизнес***, ***эмотон***, ***блогосфера***, ***мыслеформула***: *Российская* ***блогосфера*** *с удивлением цитирует финансиста Андрея Мовчана, который еще в августе 2013 года написал для русского* «*Форбса*» *статью* «*Почему через три года за доллар будут давать 50 рублей*» (Виталий Лейбин. Пальцем в график // «Русский репортер», 2014; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Первый* «*газпромовский*» *гендиректор НТВ Борис Йордан*,

выступая в конце прошлого года перед членами Американской торговой палаты в России, следующим образом описывал ситуацию, которую он застал по приходе в компанию: «*Когда мы пришли в группу, мы обнаружили, что этот* ***медиабизнес*** *за время своего существования никогда не приносил прибыли* (Алексей Панкин. Медиатормоз // «Отечественные записки», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Вполне очевиден тот факт, что значительную часть новообразований составляют заимствованные из других языков слова, освоение которых является одним из приоритетных направлений расширения лексической системы языка. Т.В. Возбранная замечает, что иноязычный компонент оформляется «средствами как русской, так и латинской графики, может характеризоваться пре- / постпозитивным использованием в структуре производного, а также отличаться разным типом сокращения (инициальный тип, слоговое сокращение, сокращение произвольного типа)» [86, с. 31].

В современной лингвистике выделяют когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации: когнитивно-семантический, когнитивно-деривационный и когнитивно-коммуникативный, которые определяют соответственно процессы 1) семантической неологизации, 2) словообразовательной неологизации, 3) неологизации, детерменируемой межкультурной коммуникацией [194, с. 6-7]. Примером семантической неологизации может служить расширение значения в результате обобщения архисемы исходного лексико-семантического варианта и параллельной утраты дифференциальных сем слова ***спарринг-партнер***. Устоявшееся в спортивной сфере значение приобретает новое значение в современных контекстах политической направленности, например: *Меня нагнал боец в поношенном кимоно – мой* ***спарринг-партнер*** (Александр Зильберт. Абсолютная истина? (1997) // «Столица», 1997.04.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Наш главный идеологический и стратегический* ***спарринг-партнер*** *ищет новый образ, обращаясь к аналогиям с Римской империей в зените ее мощи и славы* (И. Л. Андреев. Россия: взгляд из будущего (2003) // «Вестник РАН», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Так или иначе, уже и*

до Арта доходили слухи, что вскоре его ***спарринг-партнер*** *будет продвинут на вице-президентский уровень* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Но это вовсе не означает, что кто-то в нынешней ситуации способен выиграть выборы у теперешнего российского лидера. Его оппоненты – это не соперники, а скорее* ***спарринг-партнеры*** (http://belniva.sb.by/glavnoe/article/putin-i-ego-sparring-partnery.html).

Лингвокреативный потенциал словообразовательной неологизации демонстрируют производные от аббревиатуры ***PR*** (***PR-кампания***, ***PR-ресурс***, ***PR-ход***). Английская аббревиатура служит мотиватором русского варианта ПР, от которого образовано множество производных. Словообразовательное гнездо, состоящее из таких новообразований, имеет две вершины: ***PR*** и ***ПР***, однако «русская вершина активно вытесняет исторически первичную, англоязычную» [368, с. 85]. Лингвисты фиксируют всего 7 дериватов от английской аббревиатуры, русская же мотивирует 57 производных. Наиболее часто встречаются сложения со словом ***пиар*** – ***пиар-акция***, ***пиар-технология***, ***пиар-структура***, *например*: ***PR-менеджер*** *– из Государственного симфонического оркестра Республики Татарстан под управлением Александра Сладковского* (Кому не все равно // «Русский репортер», 2014 Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Таким образом, весьма внушительный массив нерыночных периодических изданий в стране и далее будет оставаться зависимым от различного рода администраций* «*большого*» *и* «*малого*» *бизнеса, политических партий, движений и фондов – от всех тех, кто даёт деньги в обмен на информационную или* ***PR-поддержку*** (Маргарита Спиричева. Деньги, выброшенные на слова (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Примечательно, что факты публикации этих* «*сливных*» *статей* «*Саратов СП*» *связывает с деятельностью* ***PR-команды*** *известной московской имиджмейкерской фирмы* «*Никколо-М*»*, которая якобы заключила контракт с администрацией Саратова на сумму в 300 тысяч долларов. Ни о каких* «*чёрных*» ***PR-акциях*** *во время довыборов в гордуму в*

ту *пору речь не шла* (Моральный вред с правом передачи - 2. (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.05.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В то же время фиксируем конструкции «аббревиатура инициального типа + аффиксация», например, ***пиарщик***, ***пиарить***, ***пиарский***, ***пиаровский***: *Это был отличный* ***пиаровский*** *ход*: *дескать, с этих экстремистов все равно ничего не получишь, а значит, и с нас взятки гладки* (Михаил Ржевский. Золотая моя Москва (2003) // «Вслухо…» 2003.05.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Создание отдела обычный* ***пиарский*** *ход администрации президента перед выборами* (http://www.ntv.ru/novosti/). Прилагательное, образованное от слова пиар, содержит суффиксы ***-ск-*** и ***-овск-,*** причем форма ***пиаровский*** является более употребительной.

Под неологизацией, детерминированной межкультурной коммуникацией, понимается заимствование «элементов концептуальной картины мира в результате освоения ее наиболее значимых элементов языковым сознанием» [194, с. 6-7]. Согласимся с мнением В.И. Теркулова, что «при заимствовании деривационное преобразование словосочетаний в сложные слова не осуществляется, так как для этого необходимо функционирование исходных расчлененных наименований в языке-реципиенте в качестве источника номинации» [468, с. 211]. Большая часть сложных прилагательных образована от сложнопроизводных слов английского происхождения, которые в языке-доноре оформляются либо дефисным написанием, либо существуют в пределах устойчивого сочетания слов: *интернетовский – интернет* (*Internet – international net*), *мейнстримовский – мейнстрим* (*main stream*), *мериджмейкерский – мериджмейкер* (*marriage maker*), *ноутбуковый – ноутбук* (*note book*), *пиарский – пиар* (*PR – Public Relations*), *сноубордический – сноуборд* (*snow board*), *тинейджерский – тинейджер* (*teenager – teen + age + er*), *файвоклоковый – файв-о-клок* (*five-o-clock*). В нашем исследовании мы рассматриваем такие адъективные единицы как производные на базе первичных композитов, например: *Более того, предприниматель уверен в большом будущем этой машины на немецких и западноевропейских дорогах и для этого создал специальную фирму, которая уже*

предлагает купить автомобиль через ***Интернет*** (АвтоПром. Немцы добрались до «Волги» (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *И никаких вам* «*воспаленных нервов творца*» *– бизонья шкура нарастает у этих творцов вместе с первыми робкими рифмованными опытами, выложенными в* ***интернетовский*** *дневничок* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Песчаные пляжи, дюны и скалы, на которых местные жители иногда пьют* ***файвоклоковый*** *чай, наблюдая за пловцами и серферами* (http://es-la.facebook.com/); *В традиционный английский* ***файв-о-клок*** *на стол принято ставить 5-10 сортов чая* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Все элементы гардероба подобраны уместно*: *и* ***мейнстримовский*** *нынче шарф-хомут, и полосатая рубашка, и шерстяные брюки, отливающие серым* (http://www.eg.ru/print/otbor/42197/); *В российской литературе* ***мейнстрим*** *– это то, что* «*читает вся Москва*» (http://newvirus.ru/). А.А. Матюнова пишет, что «слова-транслитерации английских слов и выражений обладают наименьшим лингвокультурным потенциалом; они призваны лишь номинировать новое явление, их цель – сэкономить лексические средства при общении» [290, с. 50].

Словосложение, по общепринятому мнению, является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов в русском языке, но совершенно нетипичным. Современные лингвисты полагают, что заимствованные сложные слова не рассматривались русистикой с точки зрения их ономасиологического статуса, а изучались только в пределах лексико-синтаксического способа словообразования с учетом формально-семантических особенностей их освоения языком-реципиентом. В.И. Теркулов считает, что «при всем разнообразии данных единиц, все они могут получить трактовку, сходную с трактовкой композитов, функционирующих в пределах одного языка» [468, с. 211].

Под новообразованиями современные лингвисты понимают производные слова, представляющие собой «сложные структурно-семантические образования» и позволяющие «демонстрировать связи и отношения, существующие между

концептуальными структурами сознания» [356, с. 185]. Каждой части производного слова соответствует определенный базовый (элементарный) концепт, поэтому словообразовательная структура новообразования позволяет установить отношения между базовыми концептами, а языковой материал может быть использован как основа для реконструкции когнитивных процессов. Л.Ю. Касьянова пишет, что конкретные проявления процесса неогенеза постоянно «видоизменяются в связи с эксплицитным и имплицитным развитием смыслового содержания представляемых неологизмами концептов» [195]. Ученый выделяет два основных направления реализации когнитивно-коммуникативных потребностей в вербализации новых концептов:

1) на основе имеющегося языкового материала, когда в семантике нового слова фиксируется старый и новый опыт осмысления действительности, например, ***биопаспорт*** – биометрический документ, удостоверяющий личность владельца на основании данных, которые вносятся в документ (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза и др.); ***Рунет*** – русскоязычный сегмент Интернета; ***соцсеть*** – социальная сеть, направленная на построение сообществ в Интернете из людей со схожими интересами и / или деятельностью; ***ТСЖ*** – товарищество собственников жилья, ***фронтовик*** – член Общероссийского народного фронта; ***цифровизация*** – распространение цифрового формата;

2) с помощью заимствования, например, ***бэбиситтер*** – няня, ***мультиплекс*** – многозальный кинотеатр, ***праймериз*** – внутрипартийные предварительные выборы; ***таунхаус*** – городской дом; ***фреш*** – свежевыжатый сок; ***шоу-рум*** – помещение для рекламных мероприятий; ***экзит-пул*** – опрос на выходе с избирательных участков.

Л.Ю. Касьянова приходит к выводу, что «многообразие новой лексики отражает динамику языкового развития, обновление картины мира, порождающей более актуальную для социума систему новых представлений о мире, коллективного способа восприятия и концептуализации новых фактов современной жизни» [195]. Полагаем, что эти общие положения вполне справедливы при рассмотрении новообразований, относящихся к определенным

частям речи (существительное, глагол). В нашем исследовании выделение концептуальной природы слов затруднено ввиду того, что имена прилагательные считаются неконцептосодержащими словами, за исключением, пожалуй, колоративных адъективов.

Ряд современных ученых предлагает выделять три типа словообразовательных новообразований: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы (работы Л.С. Абросимовой, Д.Е. Гребенниковой, Н.А. Самыличевой, Л.Ю. Касьяновой и др.). Под неологизмами понимаются «общественно узаконенные номинации новых понятий, появившиеся в определенный период, постоянно воспроизводящиеся и в конце концов принимающиеся языковой традицией» [116, с. 104], например, ***пиарщик***, ***хэдлайнер***, ***хештег***. Потенциальными словами принято считать «возможные, незакрепленные в языке лексические единицы, созданные по высокопродуктивным словообразовательным моделям, появление которых объясняется потребностью в соответствующем наименовании» [там же, с. 106], например, ***бандерофашисты***, ***дэнээровцы***, ***самолюстрация***, ***антисиротский***. Наконец, окказиональные слова являются индивидуальными авторскими образованиями, созданными по «необычным или малопродуктивным словообразовательным моделям» [там же, с. 107], например, ***крымнашистский***, ***антимайданить***, ***майдауны***, ***Уголовно-Навальный кодекс***.

Н.А. Самыличева относит к числу наиболее распространенных способов окказионального словообразования возникновение сложных дериватов, созданных способом чистого сложения или сложения с аффиксацией, например, ***лайфотерапия***, ***правопримирительная практика***, ***мистико-эротико-этно-дорожное кино***, ***Олимпиадофобия***, ***Монстрнефтегаз*** [398, с. 297]. Ученый фиксирует аббревиатуры в составе сложных дериватов – ***ЕГЭ-марафон***, ***СМИ-ансамбль***, ***МСУ-мученики***, а также языковые единицы, включающие «иноязычные, графически неадаптированные фрагменты морфемного и неморфемного характера» – ***VIP-грех***, ***Wi-Fi-эпидемия*** [там же, с. 298]. Явление *контаминации* (*блендинга*, *стереоскопии*) изучается в работах Н.А. Самыличевой

[398], Ю.В. Акимовой, А.А. Лебедева, З.И. Минеевой [4]. Это относительно новые способы словообразования, при котором «образование неологизмов происходит путем объединения частей двух слов, распознаваемых в деривате и передающих последнему коннотации мотиватов» [4, с. 175]. Как правило, назначение блендов состоит в имплицитном оскорблении, когда «негативная оценка … выражается формально скрытым образом», однако для всех участников коммуникации «в равной степени очевидна связь новообразования с оскорбительными, подчас обсценными мотивами» [там же], например, ***фашизофрения*** (***фашизм*** + ***шизофрения***), ***тарифметика*** (***тариф*** + ***арифметика***), ***тандемонстрация*** (***тандем*** + ***демонстрация***), ***едрот*** (***Единая Россия*** + ***патриот***): *То, что происходит сегодня с постсоветским обществом, а во многом – и с миром, это* ***фашизофрения****, постоянное непрестанное разделение людей по самым разным признакам*: *национальному или религиозному, языковому, партийному, социальному* (http://www.rulit.me/books/fashizofreniya-read-279695-1.html); ***Тандемонстрация***: *Уходящий президент Медведев озадачил будущего премьера Медведева* (http://www.mk.ru/politics/2012/04/24/696898-tandemonstratsiya.html).

Нам представляется интересным образование окказиональных прилагательных ***нерукоподаваемый***, ***нерукоподатный*** (***нерукопожатный***). Окказионализм ***рукопожатность*** (готовность пожать другому человеку руку, в т.ч. представителю либеральной оппозиции) образован от имени прилагательного, слово выражает высшую степень одобрения. По мнению исследователей, глагол ***рукопожимать*** образован путем сложения с интерфиксацией и используется «для выражения высокой положительной оценки и высшей степени одобрения» [4, с. 177]. Авторы отмечают, что первое употребление однокоренного сложного прилагательного ***нерукоподатный*** связано с передачей В. Соловьева «К барьеру» 2007 года, когда телеведущий назвал ***нерукоподатным*** Э. Лимонова и полагает, что генетически первым было префиксальное прилагательное со значением негации. В этом заключается общая логика подобных неологизмов: «первыми вербализуются более сильные негативные эмоции; слово прижилось и дало жизнь абстрактным существительным на -ость» [там же, с. 177]. Считаем важным

замечание ученых о том, что «новые дериваты формируют словообразовательные гнезда, в которые входят абстрактные существительные, агентивы мужского и женского рода, прилагательные, глаголы», например, ***рукопожимать*** – ***рукопожатность*** – ***нерукопожатный***: *Есть такое понятие –* ***нерукоподаваемый****. Вот как Могилев. Он* ***нерукоподаваем*** *в среде настоящих офицеров* (http://blogger.com.ua/2012); *Порошенко для Путина попал уже в категорию* «***нерукоподаваемых***», *особенно после некоторых его неполиткорректных высказываний с личными выпадами* (http://azovnew.ru/news/azov_news/7038-itog-turnira-pamyati-timura-ivanova-pobedili-azovchane.html); *Но вот у меня не повернется язык назвать их* «***нерукопожатными***» (http://www.mn.ru/society/edu/85651); *Порошенко –* ***нерукопожатный****, и теперь даже токсичный президент в мировой политике* (http://zyrianin.livejournal.com/2326745.html).

Изучение структуры сложных имен прилагательных, которые можно отнести к новообразованиям (в т.ч. отмеченным выше), следует проводить с учетом основных положений теории композитопроизводства в пределах универбализации, деривационного композитостроения и образования квазикомпозитов (В.И. Теркулов, О.В. Блюмина). Универбализационными мы называем такие композиты, которые демонстрируют полное семантическое тождество между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом. Адъективные образования ***бюстовыдающийся***, ***лебединошей*** функционируют в русском языке сравнительно недавно и не обнаружены нами в современных словарях, что позволяет считать их новообразованиями. Данные конструкции реализуются в следующих моделях:

а) предл + Прич + Сущ5ед – оснСущ5ед + инт +Прич, универбализация осуществляется по модели метатезно-компонентного типа с эллипсом предлога, например: *Ник стал китайским дедушкой, а его напарник – блондинкой* ***с выдающимся бюстом*** (http://rbcdaily.ru/lifestyle/562949987986365); *Выбор у этого мачо необъятен – а он всем юным и* ***бюстовыдающимся*** *блондинкам предпочел взрослую даму* (Вива-Биография, № 9 (75), 2013);

б) предл + Прил5ед + Сущ5ед – оснПрил5ед + инт + оснСущ5ед+парПрил, универбализация происходит по модели компонентного типа с добавлением структурообразующего форманта **о**, например: *Она была женственная, маленькая **с** длинной **лебединой шеей**, с тяжелыми темно-золотыми косами и светлыми глазами* (http://www.holst.od.ua/painters/?p_id=8); *Есть фасоны, которые идут только длинноногим, тонкоруким и **лебединошеим*** (Вива-Биография, № 3 (80), 2014).

По мнению Е.А. Алексеевой, «достаточно продуктивными являются суффиксально-префиксальные образования с сочинительным или подчинительным характером отношений производящих основ, которыми чаще всего являются атрибутивные словосочетания»[5, с. 21]. Мы считаем данные языковые единицы деривационными композитами, реализующимися в языке по следующим моделям:

Прил1ед + Сущ1ед – оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + ПарПр, например, ***Белый дом* / *белодомовский***: *Еще один **белодомовский** чиновник сменил кабинеты **Белого Дома** на редакторские интерьеры* (http://www.vladimironline.ru/society/id_66866/); *Я знаю многих, кто служит в **Белом доме** уже 10 лет, при этом они работают в секретариатах вице-премьеров* (http://www.ogoniok.com/4990/3/); *Но снимающий действо **белодомовский** телеоператор ведет себя как-то странно* (Михаил Ростовский. Трое в лодке, не считая народа (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Прил1мн + Сущ1мн – оснПрил1мн + инт + оснСущ1мн + суф + парПр, например, ***лыжные гонки* / *лыжегоночный***: В *одних видах состязаний просто идет сражение за время: бег в легкой атлетике, **лыжные гонки**, конькобежный и велосипедный спорт, плавание и т.д.* (Е. Гик, Е. Гупало. Самые быстрые // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Спустя два года мировой **лыжегоночный** караван вновь завернул в Россию* (Андрей Митьков. Мороз по коже. Этап Кубка мира по лыжам в Токсове провели в экстремальных погодных условиях (2003) // «Известия», 2003.01.08;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ***белые воротнички*** / ***беловоротничковый***: *А вот конфликты в коллективе и начальство, равно как нововведения и смелое продвижение своих идей, **у белых воротничков** страха не вызывает* (http://www.segodnya.ua/ukraine/); *Если на стадии индустриального развития основу средних слоев общества составляли мелкие и средние предприниматели, связанные с производством, на первой стадии постиндустриального общества – предприниматели, связанные со сфере услуг, то на стадии развития общества знания их основу составили «**белые воротнички**», специалисты, профессионалы, порождающие новые идеи* (Ирина Прусс. Парты для среднего класса // «Знание-сила», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Новый средний класс – не чистильщик обуви, выросший до крупного предпринимателя, а респектабельный **беловоротничковый** профессор университета, адвокат, врач* (Средний класс произрастает на поле Образования // «Знание-сила», 2013); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В июльских объявлениях о поиске работников на сайте Запорожского областного центра занятости нет ни одной вакансии, предлагающей «**беловоротничковую**» работу* (http://z-city.com.ua/subbota-plus/habitat.html?id=-16678).

В современном русском языке довольно продуктивным является такой способ, когда к русским мотивирующим основам добавляются префиксы иноязычного происхождения **анти-**, **пост-**, **квази-**, **ретро-**, **супер-**, **ультра-**, **экстра-** и др. Среди префиксальных адъективных единиц, появившихся в русском языке на современном этапе его развития, Е.А. Алексеева условно выделяет две группы:

1) словообразовательные префиксальные прилагательные с формантами **анти-**, **квази-**, **без-**, **не-**, **после-**, **пост-** и др., которые в количественном отношении существенно пополняют словарь современного русского языка;

2) модификационные префиксальные образования-прилагательные с формантами **супер-**, **сверх-**, **ультра-**, **экстра-**, **мега-**, **рас-**, которые видоизменяют семантику производящих основ [5, с. 18]. Напомним, что

В.В. Дьяченко считает, что «в системе сложных существительных, прежде всего, и сложных прилагательных очень продуктивны сложения с интернациональными связанными корневыми компонентами <….> типа авто-, био-, мини-, видео-, квази-, ретро- и пр.» [134, с. 168]. Все сказанное абсолютно справедливо в отношении тех прилагательных, которые являются образованиями на базе первичных композитов, например, ***автобиографический*** образован от ***автобиография***, ***ретроспективный*** от ***ретроспектива***. Вызывает сомнение утверждение о том, что данные компоненты являются корнями. Разделяем точку зрения Е.А. Карпиловской [9, с. 22], которая предлагает считать их аффиксоидами, а образованные с их помощью слова – аффиксоидными квазикомпозитами.

Сложные прилагательные с префиксами ***супер***-, ***сверх***-, ***ультра***-, ***мега***-, ***экстра***- несут чрезвычайную эмоциональную нагрузку − ***экстрамодное*** *платье*, ***суперультрасовременный*** *дизайн*. Так, Е.А. Земская отмечала, что к числу наиболее активных относятся производные с приставками ***супер***- и ***сверх***-, обозначающие высокую степень проявления признака, выражаемого базовой основой. Существует две основные причины активности подобных слов: а) свойственная современному языку тенденция к выражению повышенной экспрессии, эмоциональности; б) обозначение явлений, связанных с научно-техническим процессом [169, с. 117]: *Пальто такого цвета* – ***ультрамодная*** вещь (Отдохни, № 44, 23.10.2015); *Устройство легко превращается из* ***ультратонкого*** *ноутбука в стильный планшет с сенсорным управлением* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Там же будут базироваться летающий командный пункт главы ведомства и* ***суперсовременный*** *центр управления* (http://vz.ru/news/2013/8/2/643873.html); *Хлопецкий был* ***суперинтеллигентным*** *человеком* (СН, 29.10.2013).

Т.В. Возбранная также отмечает высокую степень продуктивности заимствованных компонентов и элементов интернационального характера ***хит***-, ***поп***-, ***рок***-, ***видео***-, ***шоу***-. Она приходит к выводу о том, что образование и функционирование разных типов сложных единиц с иноязычным компонентом

«свидетельствует об усилении тенденции к взаимодействию одинаково значимых и актуальных на современном этапе развития языка процессов, в результате активизации которых происходит пополнение лексического состава современного русского языка достаточно интересными языковыми единицами, являющимися сегодня новообразованиями» [86, с. 32].

Ученые-лингвисты считают, что преимущественное большинство новообразований в языке художественной литературы связано с именами прилагательными, т.к. «своеобразие прилагательного проявляется в его «семантической мобильности», т.е. приспосабливаемости к разным по семантике существительным и развитии на этой основе вторичных, переносных значений, с трудом поддающихся логической интерпретации; в его семантической и синтаксической несамостоятельности; в наличии широко представленного прагматического аспекта (субъективно-оценочных значений разного характера)» [89, с. 4]. Отмечая множественные случаи образования сложных адъективов в поэзии символистов, следует отметить, что «в сложных прилагательных символисты видели средство создания символических связей и соответствий через сближение в сложном слове и переосмысление значений отдельных компонентов этого слова. Легкость образования в русском языке сложных слов открывала возможность словотворчества, освобождающего хотя бы несколько от стылого смысла общего языка» [214, с. 39]. Это замечание касается прежде всего образования сложных слов, о которых В.Н. Виноградова пишет, что «сложение прилагательных – один из традиционно излюбленных способов образования индивидуально-авторских эпитетов, в которых соединение смыслов призвано образовать новый смысл и сконцентрировать этот сложный смысл в одном слове» [81, с. 120]. Т.А. Корнеева справедливо замечает, что «при анализе основных закономерностей образования и функционирования сложных прилагательных … необходимо исходить из структурно-семантических особенностей адъективных композитов в зависимости от характера опорного компонента» [214, с. 40]. Анализируя поэзию символистов, ученый отмечает высокую частоту употребления сложных прилагательных с соматическим компонентом –

звездноокий, рогорогий, рукокрылый, крылорукий; цветовым – *воздушно-золотой, детски-лазоревый, грустно-алый*; эмоционально-оценочным − *упруго-бесстрастный, опьянительно-жуткий, лазурно-радостный*. Большинство неологизмов поэтов-символистов представляют собой новообразования, «созданные по нормам современного словообразования, как естественная реализация возможностей словообразовательной системы» [31, с. 12]. Полагаем, что большую часть таких прилагательных следует относить к квазикомпозитам ввиду отсутствия производящего словосочетания.

По мнению А.Г. Лыкова, «словообразовательные ряды подобных прилагательных ничем не ограничены, кроме как здравым смыслом, логикой вещей и заказом самой действительности» [272, с. 118]. Нам представляется интересной работа Р.С. Манучаряна, посвященная исследованию сложных прилагательных в произведениях М.А. Шолохова, отличавшегося новаторским подходом к образованию адъективов: «Структурное разнообразие шолоховских сложных прилагательных проявляется в том, что здесь представлены все их структурные типы, известные в общелитературном языке», эти типы «сопряжены с определенными семантическими группами» [286, с. 77]. Классификация Р.С. Манучаряна выглядит таким образом:

Первый тип – чистое сложение, состоит из четырех семантических групп:

- колоративные прилагательные – *вино-красный восход, черно-голубая пустошь, багрово-черное лицо, буро-синяя земля*;

- световой признак по степени яркости – *бледно-пестрые перья птиц, зловеще-темная краска, слепящее-яркое серебро пыли*;

- обонятельные и вкусовые обозначения – *терпко-винный запах, кисло-горький запах, ядовито-пахучий дух солдатчины*;

- атрибуты или качества людей – *пытливо-ласковый взгляд, гадливо-холодные тела, девичье-звонкий голос, возбужденно-серьезное лицо, волосато-нескладные руки, воющее-звериное рыдание*;

Второй тип – сложение с одновременной нулевой суффиксацией. Р.С. Манучарян замечает, что «сложные прилагательные с нулевым суффиксом

содержат в опорном компоненте основу существительного (преимущественно со значением части тела человека, животного, реже – части предмета), а в первом компоненте – основу прилагательного, числительного, существительного или – редко – глагола» [там же, с. 78]. Ученый выделяет три группы в зависимости от лексической семантики опорного компонента:

- сложения, в которых опорный компонент является обозначением части тела, атрибута человека – *голубоглазая девочка*, *голощекий народ*, *многоглазая толпа*, *наглоглазый офицер*;

- сложения, в которых опорный компонент является обозначением части тела животного – *белоноздрая лошадь*, *голошеий кочет*, *белошерстая овца*, *кольцерогий валух*;

- сложения, в которых опорный компонент является обозначением части или целого предмета – *острогорбая возвышенность*, *черногрудые тучи*.

Третий тип представлен сложносуффиксальными прилагательными, состоит из двух семантических групп:

- слова, определяющие названия лиц (в отдельных случаях – животных) или их атрибутов – *белорубашечные шеренги казаков*, *голоштанный идол*, *пухлосуставчатый палец*, *широкоспинный кучер*;

- слова, определяющие названия предметов, понятий – *бледноствольные тополя*, *желтобарашковая лоза*, *мелкорослый паровозишко*, *середнеимущественный казак*, *слабоумное дело*, *яркоцветные травы*, причем *мелкорослый* и *слабоумный* в данном случае выступают как семантические окказионализмы. Единичное сложносуффиксальное прилагательное имеет опорный компонент, содержащий основу не существительного, а глагола – Двух-трех колхозниц выберите аккуратных, *чисторядных собою* (от глагола *рядить, рядиться*) [286, с. 79]. Р.С. Манучарян приходит к выводу, что «шолоховские сложные прилагательные … охватывают все узуальные структурные типы, а в пределах каждого типа почти всегда соответствуют словообразовательным нормам». Необычность данных языковых единиц ученый видит в «лексической реализации, лексическом наполнении словообразовательных типов и подтипов, а

часто еще и неожиданной сочетаемости с определяемыми словами» [там же, с. 80].

Адъективные новообразования составляют значительную часть лексической системы современного русского языка. Расширение словарного запаса происходит в двух направлениях – за счет освоения заимствованных слов и по словообразовательным моделям, уже существующим в языке. Сложные прилагательные рассматриваются нами в соответствии с основными положениями теории композитопроизводства, что позволяет выделить среди них универбализационные композиты, единицы деривационного построения и квазикомпозитные образования. Образование деривационных композитов считаем наиболее продуктивным способом реализации адъективных новообразований в системе русского языка новейшего периода.

3.8. Структурные разновидности композитных цветообозначений

Проблема композитного цветообозначения является одной из самых обсуждаемых в современной лингвистике. Под цветообозначением мы понимаем «имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами цвет / цвета» [102, с. 144]. Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [150, с. 39]. Так как цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, толкований, становясь воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

С.О. Упорова считает, что в современной лингвистике системный подход к цветонесущей лексике пока не выработан. Ученый полагает, что:

1) слово-цветообозначение изначально эмоционально окрашено: оно не просто обозначает цвет, но и стремится выразить наше к нему отношение;

2) цвет может быть выражен эксплицитно (путём прямого называния цвета или признака по цвету), и имплицитно (путём называния предмета, цветовой признак которого закреплён в быту или культуре на уровне традиции) [498, с. 52].

В нашем исследовании мы рассмотрели основные структурные типы сложных прилагательных-колоративов и определили их номинативный статус. Сложные наименования цвета отличаются от других сложных прилагательных разнообразием структурных моделей, поэтому актуальность исследования определяется сложностью разграничения структурных разновидностей словообразовательного единства, а также существованием множественных научных подходов к изучению композитных цветообозначений. Главный принцип построения таких моделей предусматривает необходимое участие в слове второго компонента с названием цвета, лексическую же нагрузку у этих наименований несет первый компонент, он «определяет эмоциональную окрашенность, выражает дополнительные признаки, усиление, иногда помогает экономнее выразить мысль» [87, с. 58]. И.А. Герасименко полагает, что «цветовые свойства реалий внешнего мира репрезентируются лексемами с неконкретным спектральным значением, а также сложными словами с цветоосновами и описательными конструкциями с компонентами цвет / цвета» [102, с. 147].

Идея соотнесения цвета с его эталонным носителем лежит в основе хорошо известной когнитивной теории А. Вежбицкой [74], по мнению которой цвета в языке не абстрактны, а связаны с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом. Для ее модели общезначимость очень существенна. Согласно данной теории языки различаются по *количеству* цветов, а не по их качеству, т.е. не по цветовому эталону: если в каком-то языке есть желтый, его прототипом, по мнению А. Вежбицкой, обязательно является солнце.

К описанию сложных колоративов как системы подошла Е.А. Косых, которая рассматривает цветообозначения – прилагательные и сочетания, выполняющие функцию цветовых прилагательных. Она считает, что система цветообозначений в русском языке может быть представлена следующими

номинативными единицами с точки зрения структуры: а) простые прилагательные; б) сложные прилагательные, в структуре которых выделяется, как правило, два или три корня-основы, представляющие собой названия равноправных цветов и оттенков, либо название цвета с уточнением его интенсивности; в) сложные цветообозначения со структурой «сущ. цвет + имя сущ. в И. п». (цвета хаки); г) сложные цветообозначения со структурой «сущ. цвет + имя прилаг. + имя сущ. в И. п», либо эта структура представлена набором тех же частей речи, но в форме Р. п. (цвет мокрый асфальт, цвета старой розы) [221, с. 28].

Интересным представляется мнение Т.М. Фадеевой, которая предлагает выделять среди колоративных композитов следующие группы:

1. собственно колоративные композиты (образуются из основ имен прилагательных) – *черно-розовый*, *сиренево-серый*, *красно-сизый*, происходит слияние, совмещение цветов, в результате которого доминирующий цвет приобретает дополнительный (конкретизирующий) оттенок. Такие композиты реализуются в нескольких семантических погруппах:

- композиты, передающие «оттеночный комплексный цвет» – *светло-буро-черный*, *розово-голубой*;

- композиты, передающие двуцветность (многоцветность) – *черно-синяя головка касатки*, *красно-зеленая клетка*;

- светоцветовые композиты – *ослепительно-яркие лучи*, *волосы блестяще-черные*, *тускло-желтая кожа лица*;

- колоративные композиты с интенсификатором цвета – *густо-синяя волна*, *пышно-румяный край небес*, *ярко-белые поля*;

2. колоративно-опосредованные композиты (первый компонент имеет семантику цвета, опорный же содержит основу существительного) – *бархатно-черный*, *атласно-белоснежный*. В отдельную группу ученый выделяет сложения типа *черноглазая мулатка*, *серебряноволосые священники* и т.д, в которых первый компонент является колоративом, а второй представляет собой «бессуффиксное прилагательное, образованное от основ имен, обозначающих части тела живого

существа» [510, с. 44]. Мы считаем такие единицы универбализационными композитами и описываем как бахуврихи с колоративным компонентом, т.е. сложные прилагательные, образованные на базе атрибутивных конструкций со значением посессивности;

3. колоративы процессуальной семантики (в состав данных единиц включаются основы причастий) – *золотисто-блестящая равнина*, *огненно-сияющие гривы*. К этой группе относятся композиты, цветовая семантика которых заключена в обеих частях – *сизо-сереющие острова*, *бледно-белеющие поля*, а также образования, где собственно колоративом является только второй компонент (основа причастия) – *влажно-синеющее небо*, *волшебно-обеленные липы*.

Для обозначения номинативного статуса колоративных единиц уместно еще раз обратиться к понятию «концепт» и «концепт цветообозначения». Как справедливо замечает А.П. Седых, «языковая картина мира делает человека главной фигурой, потому что, с одной стороны, он является источником концептов, с другой стороны, в языке часто используется прием персонификации для наименования, к примеру: физические свойства предметов» [402, с. 16]. Наибольший интерес к понятию концепт отмечается в 80-е годы прошлого столетия в связи с увеличением количества работ англоязычных авторов. Зарубежные ученые используют термин «концепт» для объяснения единиц ментальных или психических ресурсов сознания людей и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Обобщая опыт ведущих ученых-лингвистов, О.Ю. Любимова приходит к выводу, что «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [277, с. 91].

Термин «концепт» достаточно длительное время используется такими учеными-лингвистами, как А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина и др., однако до сих пор не имеет единого определения. С.А. Аскольдов одним из

первых в мировой лингвистике обратился к исследованию концептов. Он считал, что наиболее важной функцией концептов является функция заместительства и трактовал концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [24, с. 269]. Д.С. Лихачев продолжил рассуждения С.А. Аскольдова и предложил считать концепт «алгебраическим выражением значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи» [258, с. 281]. Таким образом, в русле исследований А.С. Аскольдова и Д.С. Лихачева процесс образования концептов можно представить как процесс упрощения воспринимаемой многообразной действительности до минимумов, которые определяются ограниченностью ресурсов человеческой памяти и сознания. Н.Д. Арутюнова предлагает такой подход к определению концепта: он трактуется ею как понятие обыденной философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [22, с. 3].

Существующие точки зрения на концепт позволяют говорить о сложности рассматриваемого явления. Л.В. Калашникова заявляет, что «не существует простых концептов; в концепте всегда есть составляющие, которыми он и определяется» [185, с. 99]. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [448, с. 40]. Развивая концептуальное обоснование языковой реальности, ученый считает концепт средством взаимопонимания и общения всех носителей языка: «Будучи средством общения, концепт … включается, помимо духовной культуры, в собственном смысле этого слова, еще и в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные именно с общением» [там же, с. 45].

Нам представляется интересным мнение Л.О. Чернейко о том, что концепт шире понятия, так как «охватывает все содержание слова – и денотативное, и когнитивное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [533, с. 287-288]. В целом концепт мыслится как рациональная мыслительная структура, «обладающая большой обобщающей силой и являющаяся выражением объективной реальности в человеческом сознании, творческом мышлении и культуре в целом; материальным выражением концепта служит слово-термин или образ культуры, потому он может восприниматься рационально или чувственно, т.е. переживаться» [185, с. 99]. Полагаем, что это определение является весьма убедительным для анализа явлений в сфере концептологии.

Как лингвистическое понятие «концепт» дает возможность рассмотреть идеальные ментальные сущности [522], то есть те единицы, с помощью которых мы мыслим о мире, ментальные образования, составляющие категориальную основу языка и создающие обобщенный образ слова, объективируя модель сознания. Для нашей же работы важным является определение концепта с точки зрения когнитологии, предложенное Е.С. Кубряковой: «Концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга … всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [235, с. 90].

А. Вежбицкая справедливо полагает, что цветовые концепты связаны с определенными «универсальными элементами человеческого опыта» и что эти универсальные элементы можно грубо определить как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля. По мнению ученого, наши цветовые ощущения возникают в мозгу, а не в окружающем нас мире, и их природа, по-видимому, в существенной степени определяется человеческой биологией (которая роднит нас в известных пределах с другими приматами). Для того чтобы уметь говорить об этом восприятии, мы проектируем его на нечто общее в нашем ближайшем окружении [72].

В результате исследования мы установили, что группа сложных цветообозначений представлена универбализационными композитами и единицами квазикомпозитного производства. Универбализационные композиты, как известно, демонстрируют полную семантическую тождественность с производящим словосочетанием, например: ***жемчужно-белый*** *–* ***белый***, ***как жемчуг***, ***пепельно-серый*** *–* ***серый***, ***как пепел***, ***изумрудно-зеленый*** *–* ***зеленый***, ***как изумруд***, ***лимонно-желтый*** *–* ***желтый***, ***как лимон***, например: *Яркий* ***лимонно-желтый*** *окрас листолазов сигнализирует об опасности отравления* (СН, 4.03.2014); *Сняла и положила рядом с креслом на пол, на толстый* ***лимонно-желтый*** *ковер, свой осточертевший берет* (Александр Кабаков. Сочинитель (1990-1991); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Как быстро,* ***желтый***, ***как лимон***, *листочек в осень увядает* (http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=106393); *Сидишь вполоборота к окну и смотришь на снег,* ***серый как пепел*** (https://www.proza.ru/2015/01/26/1275); *Посыльный,* ***пепельно-серый*** *то ли от пыли, то ли от усталости, шмякнув о землю пустую торбу, сорванно, безголосо выдохнул* (Евгений Носов. Усвятские шлемоносцы (1977); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Отдельного рассмотрения требуют колоративы-квазикомпозиты, т.е. не имеющие производящего словосочетания и образованные по тем моделям, которые уже существуют в языке. Существует несколько точек зрения на данную проблему, мы же выделяем в системе цветообозначений следующие группы колоративных квазикомпозитов:

1. обозначения интенсивности цвета с первой частью-наречием – ***слабо***, ***сильно***, ***густо***, ***светло***, ***темно***, ***ярко***, ***бледно***, ***нежно***. Многие исследователи, в т.ч. А.С. Выродова, полагают, что образование колоративов в языке происходит путём словосложения, причем возможно сложение не только колоративных основ: *И в небе* ***тёмно-голубом*** / *Сам бог витает над селом* (С. Есенин); *Пусть шепчет бор,* ***серебряно-янтарный*** (Н. Рубцов) [90, с. 7]. И.В. Макеенко предлагает более развернутую классификацию и выделяет группы цветонаименований, уточняющих оттенки цвета: а) сложные, с формантами *ярко-*,

светло-, *темно-*, *нежно-*, уточняющими интенсивность окраски; б) двусоставные цветонаименования, представляющие называния смешанных цветов или разноцветных объектов: *сине-белый*, *желто-зеленый*, *красно-зеленый* [281]. Подобные двусоставные наименования И.А. Макеенко делит на четыре группы:

- обе части слова являются основными цветообозначениями (*желто-красный*, *красно-зеленый*);

- первая часть – основное цветообозначение, вторая – неосновное (*красно-кровавый*);

- первая часть – неосновное цветообозначение, вторая – основное (*лимонно-желтый*);

- обе части представлены неосновными цветообозначениями (*багрово-алый*).

Наличие подобных образований «увеличивает возможности выражения цвета в десятки раз» [67, с. 110] и позволяет говорить о том, что идет процесс постоянного развития колористических сложений. Нам представляется интересной классификация сложных цветообозначений, предложенная И.А. Герасименко. Ученый выделяет следующие группы сложных слов, состоящие из:

а) двух цветооснов (*багрово-черный*, *бело-зеленый*, *красно-рыжий*);

б) цветоосновы и выражающей тон и насыщенность цвета основы в препозиции (*темно-*, *светло-*, *бледно-*, *тускло-, ярко-*, *густо-*, *матово-*) и постпозиции (*-темный*, *-светлый*, *-бледный*, *-чистый*);

в) цветоосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы в препозиции (*бархатисто-*, *зеркально-*, *пыльно-*, *песчано-*, *воспаленно-*, *плюшево-*) и постпозиции (*-пыльный*, *-песчаный,* *-бархатный*, *-каменный*, *-деревянный*, *-электрический*, *-водный*);

г) цветоосновы и выражающей элементы внешности, части тела и предметы основы (*-ногий*, *-головый*, *-волосый*, *-гривый*, *-кожий*, *-чубый*, *-брюхий*, *-верхий,* -тканный);

д) многокомпонентные слова, состоящие из нескольких цветооснов (*серо-буро-малиновый*, *оранжево-сине-багровый*, *оранжево-розово-ало-багряно-багровый*) или цветоосновы и выражающей тон и насыщенность света основы (*черно-мутно-прозрачный*) [102, с. 145].

В.И. Теркулов считает номинатему одним из базовых понятий современной теории композитостроения и определяет ее как основную номинативную единицу языка, которая «обозначает любую языковую разновидность, объединяющую глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности» [468, с. 149]. Согласимся с мнением ученого о том, что колоративные прилагательные реализуются в языке как многокомпонентная глосса номинатемы-слова, являясь словосочетанием, при этом «зависимый компонент является не чем иным, как аналитическим актуализатором семантического множителя атрибута «интенсивность» в речи [там же, с. 208].

2. Среди таких колоративов в отдельную группу можно выделить прилагательные, имеющие препозитивную основу в виде слов, имеющих неконкретное спектральное значение: ***девственно-***, ***насыщенно-***, ***нежно-***, ***приглушенно-***, ***пронзительно-***, ***роскошно-***, например: *Миниатюрная дамочка щурила* ***пронзительно-синие*** *глаза*, *обнажала беленькие зубки* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); ***Девственно-белый*** *цвет подтверждает вечное торжество женственности и хрупкости* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *Платье из тончайшей голубой шерсти и хлопка* ***нежно-желтого*** *цвета создала модельер Лилия Пустовит* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014); *Этот оттенок отлично сочетается со всеми цветами теплой гаммы, начиная от* ***приглушенно-желтого*** *и заканчивая* ***насыщенно-коричневым*** (Телегид, № 22 (981), 22.05.2014).

3. Двухкомпонентные обозначения комбинированного цвета, например, ***сине-зеленый***, ***желто-серый*** и т.п. Данные композиты не являются семантически тождественными словосочетаниям *синий и зеленый*, *желтый и серый*, поскольку в первом случае речь идет о комбинированности цвета референта, а во втором – о различии цветового обозначения разных референтов: *Когда мы видим* ***сине-зелёный***, *бирюзовый или цвет морской волны*, *мы чувствуем прозрачную красоту*

спокойного моря (http://k.sanabis.ru/page/birjuzovyj-cvet); *Знаете ли вы, что существуют розы черные, **синие**, **зеленые**, фиолетовые*? (http://orchardo.ru/246-raznocvetnye-rozy.html). Вполне понятно, что прилагательное *сине-зеленый* является оттеночным определением комбинированного цвета морской воды, в то время как розы бывают как *синего*, так и *зеленого* цвета. Отдельно следует рассмотреть прилагательное *черно-белый* как одно из наиболее часто встречающихся в языковом окружении. Данный композит никогда не воспринимается нами как название неопределенного, размытого цвета, а только как комбинация двух цветов – черного и белого, семантическая структура которых означает их статус «основного цветообозначения»: *Старшее поколение еще помнит раскрашенные умельцами **черно-белые** фотографии в сельских домах* (СН, 1.01.2014); *Мне нравится **белое** и **черное**. В **черном** легко укрыться, а **белое** – это ощущение праздника* (Отдохни, № 27, 01.07.2014).

Вместе с тем, эти слова с противоположным значением нельзя считать полностью симметричными. А. Вежбицкая [72] отмечает, что *белый* гораздо сложнее *черного* и содержит гораздо больше проблем, при этом *белый* может обозначать *прозрачный, светлый*, а *черный* и *темный* существенно различаются в плане семантической наполненности. М.Г.Волкова называет пару *белый* / *черный* антонимами, поскольку «в самом значении слова на языковом уровне отражается противопоставленность значению другого слова» [87, с. 60]. Ученый полагает, что их «можно считать антонимами, принимая во внимание существование шкалы постепенного перехода от белого к черному», это два полярных цвета [там же, с. 60].

Помимо наиболее часто встречающегося композита ***белоснежный*** (***белый, как снег***), мы зафиксировали следующие прилагательные, имеющие в своем составе слово ***белый*** в качестве второго компонента: ***кипенно-белый***, ***кремово-белый***, ***лилейно-белый***, ***молочно-белый***, ***матово-белый***, ***мучнисто-белый***, ***ослепительно-белый***, ***серебристо-белый***, ***пронзительно-белый***, причем компонент ***белый*** является семантически основным: *Она была ослепительна в **белоснежной** рубашке апаш, плиссированной юбке и синем бархатном пиджаке*

(КИ, № 8, 2004); ***Белоснежного*** *красавца Мишу нам подарили* (Вива-Биография, № 3 (80), 2014); *Попробуйте смягчить яркий цвет в одежде с помощью* ***белоснежного белого*** (Телегид, № 22 (981), 22.05.2014); *Только* ***кипенно-белый*** *цвет будет плохим выбором* (http://www.nyamnyamushka.ru/). Адъектив ***белый*** фиксируем как часть узуальных словосочетаний ***белая горячка***, ***белый флаг***, ***белый билет***, ***белый танец***, ***белый стих***: *Ну и чего он там у вас буянит*? – *Известно чего,* ***белая горячка***. *Он три недели, как из больницы выписался* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Когда заиграли* ***белый танец***, *Зинаида Львовна встала и пошла в наступление* (*А*ндрей Троицкий. Удар из прошлого (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *После начала штурма экстремисты выбросили* ***белый флаг*** (Штурм завершен, заложники освобождены (2002) // «Известия», 2002.10.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Т.М. Фадеева указывает на существование композитов не только номинирующих цвет предмета, но и дающих ему оценку, которая «в большинстве случаев связана цветовой символикой, закрепленной за цветом в сознании носителя языка» [510, с.43].

В композитах с компонентом ***белый*** «может раскрываться как мелиоративная оценка, связанная с данным колором как символом святости, чистоты, непорочности …. так и пейоративная, возникающая в лексеме в связи с развитием в ней указания на необычность, неестественность» [там же, с. 43] – *девственно-белый косогор, непорочно-белые наносы, девственно-белоснежная сорочка, стыдливо-белая невеста, очерк болезненно-белой луны, мертвенно-белая ступня, мертвенно-белое облако*. Заметим, что все эти прилагательные относятся к авторским образованиям, причем в них реализуется эмоциональный, а не традиционно-символический подход: *прозрачно-белые цветы* – нежные, легкие, утонченные; *приторно-белое лицо* – признак избыточности в оценке цвета лица, *жестко-белые салфетки* – чистые, накрахмаленные [там же, с. 43]. Разницу в семантическом значении прилагательных *черный* и *темный* подтверждают примеры из нашей картотеки, в которых колоратив *черный* входит в состав

комбинированных цветов – *черно-желтый*, *черно-оранжевый*, а *темный* служит для передачи оттенков, не являясь при этом основным цветовым маркером – *темно-синий*, *темно-зеленый*, *темно-красный*. ***Темно-красный*** *цвет дверей показался ему похожим на запекшуюся кровь* (СН, 3.09.2013) – оттенок красного цвета; *И когда я садилась в машину в элегантном* ***темно-синем*** *брючном костюме*, *Виктор подмигнул мне* (КИ, № 1, 2013) – оттенок синего цвета; *На свет явился бренд* «*Билайн*»*, а вместо устаревших атрибутов агентство Wolff Olins придумало для компании новые –* ***черно-желтые*** *полоски*, *которые только и напоминали о прошлом* (http://www.adme.ru/business/zheltaya-polosa-oni-98925) – комбинация полосок черного и желтого цвета.

4. Трехкомпонентные модели обозначения комбинированного цвета: ***Серо-буро-малиновый*** *цвет – Это цвет надо мною заката* (http://www.stihi.ru/2011/05/21/8254); *Ну как же*, *говорим мы себе*, *вот, пожалуйста*, *наносим* ***серо-буро-малиновую*** *краску на забор*, *и он становится* ***серо-буро-малиновым***! (http://irkg.narod.ru/flowers/aromanews89.html); *Левый – тревожный*, *какой-то* ***серо-буро-малиновый***, *да простится мне это несерьезное словосочетание*, *правый же –* ***голубовато-желто-зеленый***, *исполненный надежды* (Семен Лунгин. Виденное наяву (1989-1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Она знает*, *что белый цвет делает кожу* ***бархатно-золотисто-дорогой***, *чем и пользуется* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013). Кожа является одновременно бархатной (на ощупь как бархат), золотистой (по цвету напоминающей золото), дорогой (определяется стоимостью названных материалов).

Следует напомнить о необходимости разграничения колоративных квазикомпозитов и универбализационных композитов-бахуврихи, имеющих сходство во внешнем оформлении. Универбализация компонентного типа (эллиптическая универбализация) наблюдается при опущении служебных единиц исходного словосочетания в процессе его преобразовании в композит, например, *белый, как жемчуг – жемчужно-белый, зеленый, как оливка – оливково-зеленый, зеленый, как изумруд – изумрудно-зеленый*, например: *Загадка-женщина с глазами*

зелеными, ***как изумруд***, *с душою нежной, как признанье…* (http://otvet.mail.ru/question/99037613); *Но лучше всего выбрать полет на воздушном шаре, чтобы созерцать красоту* ***изумрудно-зеленых*** *долин Алазани* (Отдохни, № 27, 01.07.2014).

Заметим, что прилагательное ***бледный*** может выступать как препозитивная основа-интенсификатор в составе квазикомпозитов ***бледно-розовый***, ***бледно-голубой*** и т.д. Вместе с тем фиксируем употребление этой единицы в составе универбализационного композита ***мертвенно-бледный***: *Его* ***бледно-розовые*** *кристаллы встречаются в гидротермальных жилах Южной Америки* (http://pro-kamni.ru/rozovyj-kvarc-kamen-serdca) – оттенок розового цвета; *Но многие модницы совершают непростительную ошибку, выбирая помаду, которая делает губы не сексуально-аскетичными, а* ***мертвенно-бледными*** (http://www.womenclub.ru/makeup/3177.htm) – бледный, как мертвец (бледными, как у мертвеца); *– Был он такой худой, худой и бледный,* ***бледный***, ***как мертвец***, *– тонким жалобным голоском говорит Ника, – а губы были белые-пребелые* (А. И. Куприн. Сашка и Яшка (1917); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Прилагательные-колоративы являются наиболее продуктивными лексическими средствами вербализации цвета. Мы рассматриваем колоративные прилагательные с точки зрения основных положений теории композитопроизводства и выделяем две основные группы – универбализационные композиты-колоративы и единицы квазикомпозитного построения. В свою очередь квазикомпозиты делятся на несколько групп в зависимости от количества компонентов и семантического значения составляющих. Требуют разграничения квазикомпозиты и композиты-бахуврихи, имеющие сходство во внешнем оформлении и являющиеся двусоставными единицами. Полагаем, что данная классификация композитных цветообозначений требует дальнейшей доработки с учетом постоянного пополнения лексической системы языка новообразованными композитами-колоративами.

3.9. Семантические изменения в структуре сложных прилагательных. Опрощение

Явление опрощения в структуре прилагательных-композитов до настоящего времени практически не освещалось. Под опрощением следует понимать такое изменение в морфологическом строении слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на отдельные значимые части, превращается в непроизводную, нечленимую и слово теряет способность делиться на морфемы. Любое сложное слово отличается от простого наличием двух или более корневых морфем. Композиты демонстрируют способность к деривации, если не нарушены «коррелятивные связи между составными элементами, их семантикой и значением сложения в целом» [337, с. 372]. Некоторые лингвисты понимают под опрощением (деэтимологизацией) утрату словом прежних этимологических связей, т.е. утрату смысловой связи с производящей основой, в результате чего слово из мотивированного названия предмета объективной действительности становится немотивированным названием. Причинами деэтимологизации являются звуковые изменения, нарушающие родственные связи слов, непродуктивность некоторых старых аффиксов, условный характер названий тех или иных предметов.

Так, М.М. Джафаров выделяет три типа деэтимологизации:

1. деэтимологизация, обусловленная словообразовательными факторами (*близорукий*, *курносый*);
2. деэтимологизация, связанная с фонетическими преобразованиями (*кургузый*, *сухопарый*, *перочинный*);
3. деэтимологизация, связанная с архаизацией значений или структурных элементов сложных слов (*долговязый*, *белобрысый*, *белокурый*) [128].

Утрата семантических связей между корневыми морфемами приводит к опрощению композитов, в т.ч. сложных прилагательных, вызывает семантический сдвиг в структуре сложного слова, с которым часто связывают затемнение его морфологической структуры, зачастую немотивированной, необъяснимой с точки

зрения современного состояния языка и вполне закономерной с точки зрения его исторического развития. Ученые-лингвисты выделяют два типа опрощения: полное или частичное. Полное опрощение предполагает завершение процесса преобразования основы и полную утрату соотносительности основ-компонентов с определенными понятиями и фактами действительности. Прилагательное ***ясновельможный*** реализует структурную модель **Прил1ед + Сущ1ед** – **оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил**, вторая именная основа данного сложения пережила полное опрощение: вельможа / «вель» – большой, «можа» – богач, силач: «*Да здравствует славный немецкий народ, во главе с мудрым деятелем и руководителем государства,* ***ясновельможным*** *паном – Адольфом Гитлером*» (http://www.amigos.lv/ru/blogs?id=406779); ***Ясновельможный*** *пан Звонковой оказался курносым и добродушным слесарем из Пензы* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Ко второму типу относятся слова (полуопрощенные), утратившие этимологическую мотивированность, но все еще демонстрирующие следы своей прежней сложной структуры. Архаизация одного из компонентов сложения приводит к полной демотивации и опрощению, а следовательно к отсутствию способности образовывать новые слова. Сюда относим прилагательные ***белокурый***, ***лопоухий***, ***корноухий***, ***белобрысый***. Слово *лопоухий* можно разложить на две части: *лоп – лист* (или *лопа – лапа, ладонь*) и *ухо*, в значении «с большими ушами, величиной с ладонь», опрощенная основа в составе слова *лопоухий* не оставляет никаких шансов к образованию дериватов: *Наутро – под окном казанский* «*князь*»*, в ватной шапке горшком,* ***лопоухий****, глаза вострые – как свозь замочную скважину* (Е. И. Замятин. Русь (1923); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Компонент ***бры*** / «***бровь***» в составе сложного адъектива ***белобрысый*** (***белобровый***) также архаичен для русского языка, ***белобрысый*** с опрощенной основой ***бры-*** служит не только для обозначения человека со светлыми бровями, но также со светлыми волосами и ресницами: *Я почему-то увидел себя со стороны,* ***белобрысого*** *паренька такого* (СН,

3.09.2013); *Третий*, ***белобрысый*** *гигант, молча улыбался, поворачивая голову то к одному, то к другому* (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Существует довольно устойчивая точка зрения, что ***белокурый*** восходит своими корнями к польскому языку, *kurz* означает *пыль*, т.е. «покрытый белой пылью», вместе с тем в древнерусском языке тоже существовало слово *курь, бъла кура – белая пыль*, на базе этого словосочетания и образовалось прилагательное *бело-курый* – «словно покрытый белой пылью». Многие исследователи считают его исконно русским и полагают, что слово *белокурый* образовалось в результате выпадения буквы **д** (явление гаплологии) из прилагательного *белоку**д**рый* / *с белыми кудрями*. В нашем исследовании мы уверенно относим ***белокудрый*** к универбализационным композитам, а ***белокурый***, на первый взгляд, может считаться квазикомпозитом. Однако правильнее считать его вариантной формой ***белокудрый*** с поправкой на опрощенную основу ***кудр*** (***кур***), поскольку семантический сдвиг в значении адъектива не происходит и обе единицы демонстрируют полное семантическое тождество. Применение квантитативного метода исследований композитов позволяет заметить, что частота употребления слова *белокурый* составляет около 2 млн. примеров, *белокудрый* же встречается всего 4 тыс. раз: ***Белокурая*** *красавица только на экране была воплощением наивности* (Вива-Биография, № 4 (81), 2014); *Его убьет из-за женщины* ***белокурый*** *молодой мужчина* (СН, 3.06.2014); *Эта неповторимая* ***белокурая*** *бестия стала символом исключительной сексуальности* (Вива-Биография, № 13, 2013); *Между тем никто так не охраняет свою личную жизнь как эта* ***белокудрая*** *красавица* (http://yafor.ru/afisha/persons/720/); *Аполлон Аполлонович вспомнил*: *ведь, этот посторонний* «*Петрушка*» *был маленьким тельцем*; *тельце это, бывало, он с отеческой нежностью таскал на руках*; ***белокудрый*** *мальчоночек, надев колпачок из бумаги, взбирался на шею* (Андрей Белый. Петербург (1913-1914); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Слово ***долговязый*** образуется путем сложения двух корневых морфем ***долгий*** (*длинный*) и ***вязы*** (*шея*) и демонстрирует расхождение между общим семантическим значением композита и значениями его компонентов. Семантический сдвиг и архаизация компонента *вяз-* обусловили деэтимологизацию значения сложения *долговязый*, в результате чего у слова сформировалась более емкая семантика для обозначения внешности человека – высокого, худого и неуклюжего. Отдаленность реального значения слова ***долговязый*** в известной степени компенсировалась наличием параллельных образований ***долгошеий***, ***длинношеий***, ***долговыйный*** и ***длинновязый***, сохранившими в отдельных случаях большую соотнесенность с исходными словосочетаниями и будучи семантически тождественными (***длинношеий*** – ***с длинной шеей***): *Слева от него сидела жена начальника отдела, Люда Шумаева, худая высокая блондинка* ***с длинной шеей*** *и озабоченными глазами* (И. Грекова. На испытаниях (1967); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Высокий шатен с зелеными глазами, лысеющий худой очкарик с внешностью бухгалтера и длиннорукий,* ***длинношеий*** *негр в ярко-красном пиджаке* (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Слова отличаются невысокой степенью употребительности в современном русском языке ввиду архаизации одного из компонентов (***долговыйный*** – 269 прим., ***длинновязый*** – 767 прим., в то время как ***долговязый*** отмечен в 561 тыс. примеров): ***Длинновязый*** *и коротконосый Женька Столетов, могучий и спокойный Андрюшка Лузгин, сосредоточенный, будто всегда что-то считающий Борька Маслов, высокомерный и холодный Генка Попов – они сейчас смотрели на веселящийся зал одинаковыми глазами* (Виль Липатов. И это все о нем (1984); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А потому по прибытии в Копенгаген этот* ***долговязый*** *подросток с изящными девичьими запястьями, тонкой шеей и длинным горбатым носом, в смешной старомодной шляпе направился к дому танцовщицы по имени Шаль* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013). Заметим, что в нашем исследовании эти языковые единицы относятся к квазикомпозитам.

По мнению О.Е. Ольшанского, «опрощение композитов вызывалось процессами фонетического, семантического и лексического характера» [337, с. 373]. Среди фонетических процессов, которые вызывают или закрепляют опрощение, выделяют: а) гаплологию, б) выпадение согласных и слогов, в) упрощение групп согласных, причем фонетический фактор тесно связан с семантическими преобразованиями. Явление гаплологии наблюдаем среди прилагательных *курносый* / *кърноносый*, *кургузый* / *корногузый* (*корный* – обрезанный, *гуз* – задняя часть тела животных). О.Е. Ольшанский выделяет слова *курносый*, *кургузый*, *корноухий*, *корнорукий* в одну лексическую микросистему, отмечая при этом, что они неоднородны по своему морфемному строению, «во всех словах этой группы вычленяется вторая этимологическая основа, обозначающая части человеческого тела (или организм животного) – нос, палец, ухо, рука, однако первая основа в одних случаях является мотивирующей (*корнорукий*, *корноухий*, *корнохвостый*), в других – в результате серьезных фонетических деформаций она утратила этот признак (*кургузый*, *курносый*)» [там же, с. 375].

Интересную пару представляют антонимичные прилагательные *стремоухий* (от глаг. стремить – устремлять вверх, держать настороже) и *вислоухий* (с отвислыми ушами). Слово *стремоухий* с опрощенной основой *стрем-* относится к квазикомозитам, т.к. образовано по модели, уже имеющейся в языке, в то же время прилагательное *вислоухий* семантически тождественно сочетанию *с отвислыми ушами*, но оба содержат основу *ухо* и реализуются по схеме **предл + Прил5мн + Сущ5мн / ЧоснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил**: *Только* ***стремоухая*** *собака будет ждать у стылого окна – не идёт ли кто из полумрака*? (http://podyom.ruspole.info/node/5390); ***Вислоухий*** *британец на сегодня является, наверное, самой любимой породой котов* (http://onlywoman.org/kak-reshit-semeynyie-problemyi.html); *Ассирийские доги изображаются постоянно* ***с отвислыми ушами*** (http://www.petsinform.com/book/shmidt/history2.html).

Прилагательное ***колченогий*** образовано путем сложения архаичного первого компонента ***колча*** «хромой» (от *колтать* – «хромать») и ***нога***, буквально

– ***хромоногий***, тот, у которого одна нога короче другой, в отношении человека или предмета мебели, например: *Я села на единственный* ***колченогий*** *стул и покачала головой* (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Больничный сторож,* ***колченогий*** *солдат инвалидной команды, поковылял в цейхгауз, притащил сюртук и прочее* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сложение ***кляпоносый*** (тот, у кого нос покляпый, крючковатый) практически вышло из употребления, произошла полная утрата семантического значения первого компонента – ***кляп*** / ***клюю*** / ***крюч****коватый*: *Худой, с выпирающими лопатками и* ***крючковатым*** *носом, он казался им лучшим мальчиком на свете* (Вива-Биография, № 11 (77), 2013); *По воспоминаниям современников, был он в ту пору высок и худощав, слегка* ***крючковатый*** *нос придавал ему сходство со старым стервятником* (Т. Тархов. Соло для корнета // «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В составе прилагательного ***косноязычный*** (син. *медленноязычный, кривоязычный*) утвердилась основа ***косно-*** с архаичным значением, что является, по мнению М.М. Джафарова, «нарушением регулярных словообразовательных отношений, предполагающих параллелизм между словами свободного употребления и их основами в сложении» [128]. Из прилагательных данного синонимичного ряда композит ***косноязычный*** отличается высокой частотой употребления, что позволяет ему сохранять за собой статус оптимальной единицы, несмотря на наличие явно устаревшего и малоупотребительного компонента: *Да-да, Моисей – одно из главных действующих лиц Ветхого завета – был* ***косноязычен*** (http://n-t.ru/ri/pl/zz45.htm); *Молчал еще и потому, что сколько ни знал Тупицу, не мог припомнить, чтоб тот, всегда* ***косноязычный*** *и еле связывающий слова, когда-либо произносил такие, как сейчас, четкие и веские фразы* (Анатолий Азольский. Глаша // «Новый Мир», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Прилагательное ***хлопчатобумажный*** претерпело изменение на двух уровнях – семантическом и фонетическом. Являясь деривационным композитом от словосочетания ***хлопчатая бумага*** (устар. *вата*), данная единица содержит опрощенную основу ***хлопчат***- и вторую основу ***бумаж***(*г*)-, например: *В Закавказье – виноград, шелк, **хлопчатая бумага**, марена, кошениль, в древности здесь разводили сахарный тростник*… (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Наверно, от греков. По-гречески **хлопчатая бумага** – «бамбаки». Где и когда впервые появилась такая бумага, какой пользуемся мы теперь*? (Л. Коган. История обыкновенных вещей. Бумага // «Пионерская правда», 1938; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В современном русском языке выражение ***хлопчатая бумага*** практически не употребляется, а композит ***хлопчатобумажный*** имеет значение «сделанный из хлопковой пряжи; относящийся к переработке хлопка», например: *Вновь большой популярностью будут пользоваться **хлопчатобумажный** бархат и вельвет преимущественно в мелкий рубчик* (Ирина Сумина. Жилет – лучше для мужчины нет! Этой весной вовсе не обязательно надевать пиджак (2002) // «Известия», 2002.03.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Производить **хлопчатобумажную** байку стали со второй половины XIX века, и тогда же ее стали разделять на множество сортов в зависимости от цвета, орнамента и назначения* (http://color-harmony.livejournal.com/172417.html); *Для большинства работников Донецкого **хлопчатобумажного** комбината привычкой и необходимостью стали физическая культура и спорт* (http://infodon.org.ua/donetsk/doneckij-khlopchatobumazhnyj-kombinat).

Явление опрощения наблюдается в структуре сложных адъективов, являющихся универбализационными квазикомпозитами и единицами квазикомпозитного производства, а также сложениями, образованными на базе первичных композитов. Чаще всего опрощение отмечается у квазикомпозитов, демонстрирующих полную неспособность к образованию производных слов. Проведенное исследование позволяет выделить два основных типа опрощения –

полное и частичное, которое в равной степени видоизменяет как первые, так и вторые компоненты сложений.

Выводы к третьей главе

Классификация моделей прилагательных-композитов осуществляется по трем направлениям:

1. модели композитной универбализации, которые реализуют процесс трансформации исходного словосочетания в универбализационный композит;

2. модели деривационного композитопроизводства, описывающие процесс образования композитов на базе словосочетания при наличии мотивационных отношений и с участием необходимых формантов;

3. модели квазикомпозитостроения, представляющие способы образования данных единиц по моделям, уже существующим в языке (модели универбализационного и деривационного квазикомпозитостроения). Описание различных типов сложных слов закономерно включает:

1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;

2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);

3) описание модели образованного композита.

Отмечаются 11 основных моделей универбализации конструкций с атрибутивным значением, которые универбализуются по компонентному, метатезному, компонентно-метатезному типу и являются полностью тождественными исходным словосочетаниям.

Модель механизма сочленения компонентов словосочетания в структуры композита может быть представлена с учетом взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: модели исходного словосочетания и модели структуры композита. Модель исходного словосочетания учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам композита, возникшего на ее базе.

Тип связи между компонентами исходного словосочетания определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергшееся

универбализации в сложное слово, при этом значительная часть универбализационных композитов (в т.ч. бахуврихи) создана на базе чистых подчинительных конструкций. В словосочетаниях, являющихся базовыми для образования деривационных композитов, отмечается согласование и управление. Среди грамматических характеристик компонентов исходного словосочетания выделяют такие параметры, как принадлежность компонента к определенной части речи, падежная форма (для изменяемых слов) и парадигматическая активность.

Модель структуры композита указывает на порядок следования и способ расположения эквивалентов компонентов исходного словосочетания в композите и его словесное оформление. В схемах принята следующая система сокращений: Сущ – существительное, Прил – прилагательное, Числ – числительное, суф – суффикс, предл – предлог, ед –единственное, мн – множественное, осн – основа, Чосн – часть основы, инт – интерфикс, пар – парадигма; цифра указывает на номер падежа: 1 – именительный, 2 – родительный и т.д. Всего мы выделили 7 базовых моделей для образования универбализационных композитов: **Прил1 + Сущ2**, **Прил1 + Сущ3**, **Прил1 + Прил1**, **Прич + Сущ2**, **Прич + Сущ4**, **Прич + Сущ5**, **Прич + Прил5**. В отдельную группу отнесли модели бахуврихи, универбализация которых происходит на базе словосочетаний, имеющих в своем составе предлог: **предл + Прил5ед + Сущ5ед**, **предл + Прил5мн + Сущ5мн**, **предл + Прил2ед + Сущ2ед**, **предл + Прил2мн + Сущ2мн**, **предл + Прил4мн + Сущ4мн** (всего 5 моделей) и беспредложная конструкция **Прил2ед + Сущ2ед**. Считаем возможным (ввиду небольшого количества примеров) выделить в особую группу модели образования бахуврихи, в которых отмечается эллипс служебных единиц, в частности, предлога **на** и союза **как**, входящих в состав исходных конструкций **Прил1ед + предл + Сущ4ед** и **Прил1ед + союз + Сущ1ед**, а также отметить сингулярную конструкцию, имеющую в своем составе предлог и образующую адъективный атрибут по модели бахуврихи **предл + Сущ4ед + Сущ2ед**.

Кроме прилагательных с качественным значением мы отмечаем конструкции с нумеративным значением, в которых семантическим распространителем имени является числительное. Они составляют значительный пласт среди всех атрибутивных конструкций и преобразуются в нумеративные бахуврихи, из них 8 имеет в своем составе предлог **предл + Числ5 + Сущ5мн**, **предл + Числ5 + Сущ5ед**, **предл + Числ2ед + Сущ2ед**, **предл + Числ2 + Сущ2мн**, **предл + Числ4 + Сущ4ед**, **предл + Числ4 + Сущ4мн**, **предл + Числ6 + Сущ6мн**, **предл + Числ6ед + Сущ6ед** и одна конструкция демонстрирует отсутствие предлога **Числ2 + Сущ2мн**.

Отличительной чертой композита деривационного типа является то, что в его семантику входит как часть семантика базового словосочетания, мотивационные же отношения между исходным словосочетанием и образованным на его базе композитом определяются как внешние. В современном русском языке существует два типа композитной деривации – суффиксация и безаффиксное словопроизводство, причем второй способ наименее распространен и используется при образовании имен существительных. Отличительной чертой всех композитных дериватов, в том числе и сложных прилагательных, являются мотивационные отношения, которые связывают сложные слова с исходным словосочетанием. Как уже говорилось выше, универбализационные композиты сохраняют тождественное значение с базовым словосочетанием. Значение же слов, относящихся к единицам деривационного композитостроения, вытекает из семантики исходного словосочетания и словообразовательного форманта. Структура самого композита формируется путем соединения конструктов словосочетания и форманта. Разновидности базовых конструкций деривационных композитов представлены следующими моделями: **Глагол + Сущ 4ед**, **Глагол + Сущ4мн**, **Прил1ед + Сущ1ед**, **Прил1мн + Сущ1мн**, **Нар + Сущ2мн**.

Основные структурные типы квазикомпозитов определяются с учетом их соотнесенности с основными путями внутриязыкового композитопостроения. Проанализировав сложные прилагательные, приходим к выводу, что образование атрибутивных квазикомпозитов развивается в двух направлениях – по моделям

конечной структуры универбализационных композитов и единиц деривационного композитопостроения, причем последнее представляется нам наиболее продуктивным ввиду участия отглагольных дериватов, легко вступающих в отношения словопроизводства Мы различаем префиксоидные и суффиксоидные модели универбализационной квазикомпозиции. Всего нами выделено 5 формальных моделей квазиунивербализации, в т.ч. 4 префиксоидных – **предл+Прил5ед+Сущ5ед**, **предл+Прил5мн+Сущ5мн**, **Прил2ед+Сущ2ед**, **Прил1ед+Прич** – и одна суффиксоидная с участием формантов **-образный**, **-видный**, **-подобный**, **-носный**, **-творный**. Все деривационные квазикомпозиты являются суффиксоидными, т.к. в них постконструкт определяет значение предконструкта. Всего мы выделяем 11 моделей деривационной квазикомпозиции: **Сущ1ед+Сущ1ед**, **Сущ1ед+Сущ1мн**, **Глаг+Сущ4мн**, **Сущ1ед+Прил**, **Прил1ед+Сущ1ед**, **Прил1мн+Сущ1мн**, **Прил1ед+Прил1ед**, **Нар+Сущ4мн**, **Прил1ед+Прич**, **Нар+Прил1ед**, **Глаг+Сущ5ед**.

Адъективные новообразования составляют значительную часть в лексической системе современного русского языка. Расширение словарного запаса происходит в двух направлениях – за счет освоения заимствованных слов и по словообразовательным моделям, уже существующим в языке. Описание моделей новообразованных прилагательных осуществляется в соответствии с основными положениями теории композитопроизводства, что позволяет выделить среди них универбализационные композиты, единицы деривационного построения и квазикомпозитные образования. Образование деривационных композитов считаем наиболее продуктивным способом реализации адъективных новообразований в системе русского языка новейшего периода.

Прилагательные-колоративы являются наиболее продуктивными лексическими средствами вербализации цвета. Колоративные прилагательные реализуются в языке как многокомпонентная глосса номинатемы-слова и являются не чем иным, как словосочетанием. При этом зависимый компонент рассматривается как аналитический актуализатор семантического множителя атрибута «интенсивность». Мы рассматриваем колоративные прилагательные с

точки зрения основных положений теории композитопроизводства и выделяем две основные группы – универбализационные композиты-колоративы и единицы квазикомпозитного построения. В свою очередь квазикомпозиты делятся на несколько групп в зависимости от количества компонентов и семантического значения составляющих. Требуют разграничения квазикомпозиты и композиты-бахуврихи, имеющие сходство во внешнем оформлении и являющиеся двусоставными единицами.

Явление опрощения наблюдается в структуре сложных адъективов, являющихся универбализационными квазикомпозитами и единицами квазикомпозитного производства, а также сложениями, образованными на базе первичных композитов. Под опрощением понимается такое изменение в морфологическом строении слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на отдельные значимые части, превращается в непроизводную, нечленимую и слово теряет способность делиться на морфемы. Опрощение трактуется и как деэтимологизация, когда происходит утрата смысловой связи с производящей основой, в результате чего слово из мотивированного названия предмета объективной действительности становится немотивированным названием. Основными причинами деэтимологизации ученые-лингвисты называют звуковые изменения, нарушающие родственные связи слов, непродуктивность некоторых старых аффиксов, условный характер названий предметов. Утрата семантических связей между корневыми морфемами приводит к опрощению сложных прилагательных, вызывает семантический сдвиг в структуре адъектива и затемнение его морфологической структуры. Мы выделяем два типа опрощения: полное или частичное, полное опрощение предполагает завершение процесса преобразования основы и полную утрату соотносительности основ-компонентов с определенными понятиями и фактами действительности, например, *ясновельможный*. Ко второму типу относятся слова (полуопрощенные), утратившие этимологическую мотивированность, но все еще демонстрирующие следы своей прежней сложной структуры. Архаизация одного из компонентов сложения приводит к полной демотивации и опрощению, а

следовательно к отсутствию способности образовывать новые слова, например, *белокурый*, *лопоухий*, *корноухий*, *белобрысый*. Чаще всего опрощение отмечается у квазикомпозитов, демонстрирующих полную неспособность к образованию производных слов. Проведенное исследование позволяет выделить два основных типа опрощения – полное и частичное, которое в равной степени видоизменяет как первые, так и вторые компоненты сложений.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В данном диссертационном исследовании мы проанализировали прилагательные–композиты русского языка с точки зрения номинативного статуса и возможности их описания с учетом ономасиологического подхода к изучению языковых единиц. Имена прилагательные представляют собой значительное по объему объединение лексических единиц, границы которого весьма трудно очертить из-за сложности определения их частеречной принадлежности. Точное следование грамматических категорий имени прилагательного таким же категориям имени существительного позволяет говорить не только о формальной зависимости прилагательных, но и о некоторой второстепенности адъективов в системе частей речи. Считаем справедливым утверждение о том, что прилагательные, в т.ч. сложные, выполняют в предложении функцию атрибута актанта. Как вспомогательная часть речи, имя прилагательное служит конкретизации лексических значений знаменательных глосс и актуализации референтных слотов концептов, связанных с этими глоссами через номинатему.

Имена прилагательные участвуют в активном словопроизводстве и демонстрируют довольно высокий деривационный потенциал в означивании и наименовании явлений действительности. Под номинацией понимается процесс образования единиц лексической системы, который определяется как собственно языковыми (интралингвистическими), так и внеязыковыми (экстралингвистическими) факторами, влияющими на выбор мотивировочного признака в номинативном процессе. Центральной единицей любого процесса номинации является слово, однако такая данность порождает большое количество проблем и вопросов при изучении различных типов композитов. Современные лингвисты сходятся во мнении, что слово не может считаться общеязыковой универсалией ввиду множественности научных подходов к его определению. Полагаем, что наиболее логичным и обоснованным является определение номинатемы как базовой языковой единицы, сущность которой сводится к

представлению о семантическом тождестве и формальной взаимосвязанности ее глосс.

Для описания семантических преобразований в производном слове по сравнению с производящим в словообразовательном акте возникает необходимость разграничения двух типов словопроизводства – синтаксической деривации и лексической деривации, которая, в свою очередь, имеет модификационную и мутационную разновидности. Синтаксическая деривация предполагает видоизменение первичной синтаксической функции базового слова и добавление определенных категориальных компонентов к его исходному лексическому значению. Лексическая деривация напрямую зависит от степени семантического преобразования значения базового слова и может реализовываться двумя способами – модификационным и мутационным. Модификация происходит в пределах одной части речи и демонстрирует уточнение или видоизменение лексико-грамматических характеристик производящего слова, а также преобразование сигнификативных компонентов семантики базовой единицы. Мутация наблюдается как в пределах одной части речи, так и между словами различной частеречной принадлежности. Мутационные процессы являют собой весьма сложное языковое явление, связанное с преобразованием как сигнификативных, так и денотативных компонентов мотивирующей семантики. Для определения словообразовательного значения универбализационных композитов, являющихся по сути транспонированными прилагательными, предлагаем использовать формулировку *эквивалентный мотивационный тип* (предложенную В.И. Теркуловым) как наиболее точно отражающую семантику отношений между производящим и производным словами. Деривационные композиты в пределах нашего исследования претерпевают изменения мутационного характера при описании отношений между исходным словосочетанием и образованным на его основе композитом. Мутационный тип приводит к значительным изменениям в семантической структуре производного слова и считается наиболее сложным в русском языке, поскольку он, в отличие от модификации и транспозиции,

демонстрирует внутрикатегориальные и межкатегориальные отношения между производящим и производным словами.

Анализ прилагательных-композитов позволил нам определить два основных источника их образования: словосочетания и отдельные слова. Сложные прилагательные в современном русском языке могут образовываться на базе свободных словосочетаний, коллокаций и фразеологических единиц, являясь при этом универбализационными композитами и единицами деривационного словопроизводства. Мы определяем значение словосочетания как значение основного, базового компонента номинатемы, его носителя, которое актуализируется в зависимом слове, при этом каждая из сем номинатемы может рассматриваться как концепт, что дает возможность реализации зависимого слова в словосочетании в качестве базы для самостоятельной номинатемы. Статус словосочетаний определяется с учетом целостности их семантики, а также структурной и семантической соотнесенности их компонентов Необходимо дифференцировать свободные словосочетания, коллокации и фразеологизмы по принципу связанности структурообразующих компонентов. Идиоматизированные словосочетания и фразеологизмы демонстрируют цельное значение, которое не выводится из значений составляющих их компонентов. Свободное же словосочетание реализует значение только главного слова, при этом зависимое слово является только вербализованным компонентом этого значения. В нашей трактовке коллокация может считаться пограничным явлением между свободными и устойчивыми сочетаниями и являться производящей базой для образования деривационных композитов. Такой же пограничный статус имеют атрибутивно-субстантивные комплексы, располагаясь между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Фразеологическая же единица, являющаяся более сложным структурным образованием по сравнению со словом или свободным словосочетанием, выступает в роли исходного сочетания как для образования деривационных композитов, так и для создания единиц универбализационного композитостроения, которые мы называем синтаксическими композитами. По второму пути происходит образование

квазикомпозитов, когда новые слова образовываются по аналогии с моделями, уже функционирующими в языке.

Все имена прилагательные, в т.ч. сложные, входят в состав атрибутивных конструкций, которые могут быть простыми и сложными. Атрибут в языкознании трактуется как необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта или явления. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, демонстрирующий тесное смысловое единство и сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Специфика атрибутивных отношений такова, что в функции определения мы наблюдаем не только имена прилагательные, но и имена существительные. Именно частеречная принадлежность определения позволяет разделить словосочетания на атрибутивные и субстантивные.

Русские генитивные словосочетания выделяют в особую группу, представляющую собой объединение слов одного морфологического ряда, при этом семантика генитивной конструкции такова, что опорное существительное всегда позиционируется как реляционное и представляет собой реалию, находящуюся в отношениях с другой реалией. Все атрибутивные словосочетания делятся на простые и сложные, в основу построения сложных словосочетаний заложен принцип комбинированности различных связей между главным и зависимыми словами. Изучение атрибутивных словосочетаний ставит вопрос о придании им статуса «атрибутивно-субстантивные комплексы», которые являются промежуточными единицами между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями.

Атрибутивные композиты реализуются в языке как единицы, внутренняя структура которых является отражением структуры атрибутивного сочетания. При реальной возможности выделения нескольких корней мы трактуем данное сочетание как свернутую атрибутивную группу. Одним из наиболее важных процессов в современном языкознании считается компрессивное словообразование, состоящее из универбации, субстантивации и аббревиации. Кроме того, в лингвистике существует устойчивая тенденция к сведению всех

словообразовательных процессов в один – конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность. Примером семантической конденсации может служить явление, когда происходит включение значения одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента, например, *мобильный телефон – мобильник*, *подземный переход – подземка*. Лексическая же конденсация предполагает прочное слияние компонентов словосочетания в сложное слово, например, *со светлыми глазами – светлоглазый*. Корпус сложных имен прилагательных представлен также атрибутивными конструкциями, в состав которых входит причастие. Синкретичность категориального значения причастий обусловлена сочетанием значения действия и признака предмета. Причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. Реализация атрибутивной функции простыми и сложными конструкциями, которые принято считать атрибутивными комплексами, происходит по следующим синтаксическим моделям: «прилагательное + существительное» (*синее небо*), «существительное + существительное» (*лицо женщины*), сложные конструкции с комбинированной связью между главным и зависимым словом (*большой дом с мезонином*), бахуврихи (*розовощекий младенец – младенец с розовыми щеками*), а также модель «причастие + существительное» (*тепловыделяющий элемент – выделяющий тепло элемент*).

Вся словообразовательная система современного русского языка состоит из комплексных единиц, находящихся в иерархическом соподчинении. Для создания наиболее полной классификации имен прилагательных существует необходимость рассмотреть особенности их вхождения в словообразовательные гнезда. Словообразовательное гнездо трактуется современными лингвистами как упорядоченное отношениями производности структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты тесно связаны. Каждое словообразовательное гнездо является уникальным благодаря

уникальности лексического значения каждого производного слова, входящего в его состав. Проанализировав множество научных подходов к проблеме вхождения композитов в словообразовательное гнездо, предлагаем считать наиболее обоснованной теорию о соотнесенности прилагательных-композитов со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Композиты деривационного типа могут образовываться от двух видов словосочетаний, во-первых, свободных (*лить чугун – чугунолитейный*, *наносить вред – вредоносный*), при этом вершинами словообразовательных гнезд являются главные слова производящих словосочетаний. Во-вторых, деривационные композиты, образованные от коллокаций, следует относить к СГ с вершиной – коллокацией, выступающей самостоятельной номинативной единицей (*железная дорога – железнодорожный*). Отнесенность квазикомпозитов к СГ происходит по основе-идентификатору, например, ***нефтеносный*** относится к словообразовательному гнезду с вершиной ***нефть***, ***стекловидный*** – ***стекло***. Все сказанное выше справедливо в отношении единиц деривационного и квазикомпозитопостроения, универбализационные же композиты не могут быть рассмотрены в пределах СГ ввиду полной тождественности базового словосочетания и производного слова.

Все процессы композитостроения развиваются в трех направлениях – универбализация, деривационное композитопроизводство и образование единиц квазикомпозитостроения. Универбализационные композиты демонстрируют полное семантическое тождество с производящим словосочетанием, при этом словосочетание и созданный на его базе композит являются формальными модификациями одной и той же номинативной единицы, мы фиксируем формальное преобразования расчлененного наименования в цельное. Выделяются четыре основных типа универбализации: прямая универбализация, универбализация компонентного, метатезного и компонентно-метатезного типа. Деривационные процессы манифестируют наличие отношений внешней мотивации между производящим словосочетанием и образованным на его базе

композитом, при этом значение одной номинатемы (производящей) входит как часть в значение другой (производной), новая семантика которой является совокупностью семантик исходной единицы и словообразовательного форманта. Образование единиц квазикомпозитостроения осуществляется двумя способами: по структурным моделям универбализационной композиции и деривационного композитопроизводства, при этом один из его компонентов является деривационной базой (частью производящего слова в структуре квазикомпозита), а другой – аффиксоидом (словообразовательным формантом).

Описание композитов всех типов происходит по схеме, включающей три основных параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) ЛСГОЕ (лексико-семантическая группа одноструктурных единиц) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группы), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая ономасиологический базис и ономасиологический признак наименования.

Дальнейшее описание композитов всех типов базируется на следующих параметрах:

1. определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;
2. описание модели продуцирующей единицы (конструкции);
3. описание модели образованного композита.

Ономасиологический подход к изучению языковых единиц всех уровней, в т.ч. имен прилагательных, является наиболее перспективным в современной лингвистике. Ономасиологическая структура значения сложного слова состоит из ономасиологического базиса, указывающего на определенный понятийный класс – родовое понятие, к которому отнесено наименование, и ономасиологического признака, который указывает на видовую характеристику, определяющую

референт внутри класса. В этой двухкомпонентной структуре выделяется третий компонент – предикат, который служит для установления смысловых связей между ономасиологическим признаком и ономасиологическим базисом.

Сложные имена прилагательные можно разделить на три ономасиологических класса – физический признак лица, социальный признак лица и характеристика предмета (объекта), процесса, состояния, явления. Дальнейшее деление осуществляется с учетом выделения ономасиологического базиса и ономасиологического признака. В нашем исследовании мы выделили 14 ономасиологических базисов – *орган*, *физические свойства*, *параметр*, *количественный статус*, *качественный статус*, *действие*, *состояние*, *темпоратив*, *объект*, *отрасль*, *процесс*, *фактитив*, *квалитатив*, *колоратив*, а также 20 ономасиологических признаков – *цвет*, *форма*, *размер*, *интенсив*, *нумератив*, *медиатив*, *квалитатив*, *фактитив*, *фабрикатив*, *финитив*, *трансгрессив*, *дистрибутив*, *дестинатив*, *локатив*, *темпоратив*, *коррелятив*, *каузатив*, *объект*, *направление*, *контрагент*.

Системный концептуальный анализ языка является основанием для новой интерпретации лексических значений, для выделения универсальных понятийных категорий, формирующихся в концепты. В современной лингвистике отмечается двоякий подход к пониманию природы концепта как реалии лингвистической и вместе с тем экстралингвистической. Наличие у человека двух типов мышления (образного и вербального) позволяет осмыслить концепт как элемент концептуальной системы, содержащий информацию и представление о мире данного человека в виде понятий и образов. Весьма сложным и противоречивым является классификационный подход к созданию целостного представления о концептуальной системе и об отдельных концептах как элементах данной системы (систем). Поскольку признаковые слова настроены только на актуализацию сем при денотации субстантивных номинатем, то концептуальное обоснование имени прилагательного является довольно спорным, не вызывает сомнений лишь соотнесенность прилагательных-колоративов с цветовыми концептами, которые являются очевидными и позволяют включать колоративы в

общую концептуальную картину мира. В современной лингвистике все же существует вполне определенная тенденция к выявлению референтного потенциала у имен прилагательных, учитывая когнитивные механизмы анализа адъективов и наличие прочных связей с производящими именами существительными, являющимися абсолютно референтными в системе любого языка.

Полагаем, что практическая значимость результатов работы состоит в возможности их использования в вузовских курсах общего и сравнительно-исторического языкознания, словообразования, когнитивной лингвистики, ономасиологии, лексикологии, теории номинации, а также при составлении словарей и методических пособий, в частности, словаря атрибутивных композитов русского языка.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Атриб	–	Атрибутив;
$Б^{1}$	–	Первая буква основы;
ед.	–	единственное;
жен.	–	женский;
$З^{1}$	–	Первый звук основы;
инт	–	интерфикс;
комп		композит
ЛСГ	–	Лексико-семантическая группа;
ЛСГОЕ	–	Лексико-семантическая группа одноструктурных единиц;
мн.	–	множественное;
муж.	–	мужской;
Нар	–	Наречие;
Осн	–	Основа;
пад.		падеж;
пар	–	парадигма;
Предл	–	Предлог;
Прил	–	Прилагательное;
Прич	–	Причастие;
р.	–	род;
СГ	–	Словообразовательное гнездо;
ср.	–	средний;
Субст	–	Субстантив;
суф	–	суффикс;
Сущ	–	Существительное;
ч.	–	число;
Числ	–	Числительное;
$Ч^{осн}$	–	Часть основы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абросимова Л.С. Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии / Вестник Томского государственного университета. – 2011. - № 351. – С. 7-13.

2. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. – Вып. 2. – С. 7-14.

3. Адливанкин С.Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88-93.

4. Акимова Ю.В., Лебедев А.А., Минеева З.И. Актуальное словообразование в свете новых информационных технологий / Ученые записки Орловского госуд. ун-та. – 2014. - № 1 (57). – С. 172-178.

5. Алексеева Е.В. Адъективные новообразования в современном русском языке // Автореф. дисс….канд.филол.наук: 10.02.02 / Е.В. Алексеева – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.

6. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики / Н. Ф. Алефиренко // Русистика : сб. научн. тр. – М.-К., 2002. -№ 2. – С. 16-22.

7. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

8. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие // Н. Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко . – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.

9. Аликаева Г.В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов / Г. В. Аликаева // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1999. - № 1. – С. 35-40.

10. Алпатов В.М. О двух подходах к выделению основных единиц языка / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1982. - № 6. – С. 66-74.

11. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи / Вопросы языкознания. – М., 1986. - № 4 . – С. 37-46.

12. Алпатов В.М. История лингвистических учений : учебн. пособие [для студ. высш. уч. завед.] / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.

13. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

14. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

15. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

16. Араева Л.А. Словообразовательный тип. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 272 с.

17. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учебник [для студ. высш. уч. завед.] / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1986. – 296 с.

18. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы // М. : Наука, 1976. – 384 с.

19. Арутюнова Н.Д. Референция имени и структура предложения / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1976. - № 2. – С. 24-35.

20. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований : сб. научн. тр. – М. : Наука, 1980. – С. 156-249.

21. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 511 с.

22. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека (изд.2-е, исправленное) // М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

23. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на примере испанского языка). – М. : Языки славянских культур, 2007. – 288с.

24. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста. Антология. – М., 1980. – С. 269-270.

25. Ахиярова А.Г. Определение значения словообразовательного форманта / Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. - № 1. – С. 145-150.

26. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 606 с.

27. Ахметжанова З.К. О процессе универбации // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков и литературоведения. – Алма-Ата, 1977. – Вып. 2. – С. 108-117.

28. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография / В. В. Бабайцева. – М., 2000. – 640 с.

29. Бабич С.Г. Изменение семантической структуры деривата в процессе словообразования // Русское языкознание. – Киев, 1991. – Вып. 22. – С. 123-127.

30. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с. – (Воронежский гос. ун-т).

31. Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. – Казань: Казанский гос. ун-т, 1985. – 184 с.

32. Балалыкина Э.А. Семантические противоречия между производящей и производной основами в словообразовании прилагательных с суффиксом –н- // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. -– Т. 153, кн. 6. – С. 103-110.

33. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; [пер. с фр. К.А. Долинина]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

34. Балхия К. Способы номинации и мотивации композитообразований / К. Балхия, А. Таттибаева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2.– С. 52-55.

35. Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка / Дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. – 10.02.01 «Русский язык». – Ижевск, 2002. – 541 с. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/formirovanie-opredelitelnykh-kategorii-v-istorii-russkogo-yazyka#ixzz46Tdc4ASb).

36. Бекетова Н.А. Язык СМИ: функциональный подход к описанию словообразовательных моделей / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. - № 6 (177). – С. 134-140.

37. Белова Т.В. Прилагательные в языке и речи (деривация прилагательных в народной речи как результат структурно-семантических отношений слов). – Дисс. канд. филол. наук. – Псков, 2005. – 200 с.

38. Белоусова Т.А., Фисунова Н.В. Субстантивные генитивные словосочетания в современном немецком языке / Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2015. - № 6 (203). – С. 60-65.

39. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. Современный русский язык / под ред. В.А.Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.

40. Беляева В.А. Сложносокращённые слова в лексикографическом и когнитивном аспектах на материале русского и английского языков : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Беляева Вера Анатольевна. – Барнаул, 2003. – 221 с.

41. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке : Сб. научн. тр. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – С. 87-110.

42. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с франц. Ю.Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.

43. Березовская Л.Г. Словообразовательные и синтаксические конструкции с однокорневым определительным компонентом в немецком языке: дисс. …канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005. – 171 с.

44. Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность / Вестник Томского государственного университета. Филология. –2012. - Вып. № 4 (20). – С. 5-11.

45. Блумфильд Л. Ряд постулатов для науки о языке / Л. Блумфильд // История языкознания XIX и XIX веков в очерках и извлечениях : в 2 т. – М. : Учпедгиз, 1960. -Т. 2. – С. 144-152.

46. Блумфильд Л. Язык / Л. Блумфильд; [пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат]. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.

47. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке // Дисс. …. канд. филол.наук: 10.02.02 / Текст О.В. Блюмина – Горловка, 2010. – 341 с.

48. Богданов В.В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста / Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 5-13.

49. Богданов А.В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов [Текст] : Дисс. ….канд. филол. наук / А. В. Богданов. – Москва, 2011. – 207 с.

50. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ – М. : Наука, 1963. – Т. 1-2.

51. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания / Вопросы когнитивной лингвистики, 2006. - №2. – С. 5-6.

52. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке : Сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 12-28.

53. Болдырев Н.Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. – Москва-Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 43-51.

54. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: ИД ТГУ, 2014. – 236 с.

55. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Дисс. … д-ра филол. наук. – Тула, 1995. – 412 с.

56. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи : Монография. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011. – С. 5.

57. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М. : Языки славян. культуры, 2002. – 736 с.

58. Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е. Г.Борисова. – 2-е изд. – М. : Филология, 1995. – 49 с.

59. Буйленко И.В. Лексико-семантические объединения слов // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2012. - № 5 (19). – С. 89-92. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru.

60. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Труды Ин-та русского языка АН СССР. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. I. – С. 147-209.

61. Булгакова О.А. Полисемия производного слова как результат категоризации действительности в номинативной деятельности человека / Вестник Кемеровского госуд. университета. – 2012. - Вып. № 3, т. 4. – С. 82-85.

62. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учебн. пособие [для студ. вузов] / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

63. Вальваков Р.В. Грамматические трансформации при переводе русских имен прилагательных на английский язык / Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. - № 1. – С. 235-238.

64. Ван Ян. Субстантивация и универбация: сходство и различие / Фундаментальные исследования. Филологические науки. – 2015. - № 2. – С. 4814-4818.

65. Вараксин Л.А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений / Вестник Тюменского госуд. университета. – 2011. - Вып. № 1. – С. 143-147.

66. Василевич А.П. Исследования лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). – М.: Наука, 1987. – 140 с.

67. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке // А.П.Василевич, С.Н.Кузнецова, С.С.Миненко; под общ. ред. А. П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.

68. Василевская Е.А. Словосложение в русском языке : учебн. пособие [для студ. вузов] / Е. А. Василевская. – М. : Учпедгиз, 1962. – 132 с.

69. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебн. пособие [для лингвистов] / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.

70. Васильєва О.Г. Функціонально-семантичні особливості посесивних найменувань особи (на прикладі субстантивних композитів-бахувріхі) / О. Г. Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. - № 17. – С. 104-107.

71. Васильєва О.Г. Субстантивні композити-бахувріхі як засіб смислопородження тексту (на прикладі антропосемічних одиниць у художніх та публіцистичних англомовних текстах) / О. Г. Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. - № 16. – С. 134-136.

72. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание / М, 1991. – С. 231-291. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm

73. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [пер. с англ. М. А. Кронгауз]. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.

74. Вежбицкая А. Лексикография и концептуальный анализ. – Анн Арбор, 2001.

75. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И.Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. - №2. – С.27-49.

76. Веселкова Т.В. К проблеме разграничения типов производных лексем по степени идиоматичности их лексических значений / Вестник Иркутского

государственного лингвистического университета. – 2014. - Вып № 1 (26). – С. 132-137.

77. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ : секция филологических наук. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – С. 45-69.

78. Виноградов В.В. Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 720 с.

79. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.

80. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

81. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.:Наука, 1984. – 184 с.

82. Виноградова С.А. О категоризации и перекатегоризации относительных прилагательных / Ученые записки Петрозаводского госуд. ун-та. – 2015. - № 3. – Т. 1. – С. 56-61.

83. Виноградов С.Н. Морфологически неизменяемые языковые элементы, выражающие атрибутивные отношения / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Лингвистика, 2013. - № 6 (2). – С. 51-53.

84. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С.419-442.

85. Влавацкая М. В. Классификация типов сочетаемости по количеству сочетающихся слов / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. - № 1 (19). – С. 43-47.

86. Возбранная Т.В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования // Lingua mobilis. – 2013. - № 3 (42). – С. 28-32.

87. Волкова М.Г. Способы пополнения лексико-грамматической группы цвета в разноструктурных языках // Вестник ТГПУ,2013. - № 3 (131). – С. 57-61.

88. Володин А.П. О прилагательном как о части речи / Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конференции 9-12 апреля 2013г. : СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 39-45.

89. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

90. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века. : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.С.Выродова. – Белгород, 2008. – 23 с.

91. Газизова Р.Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольными компонентами в русском и сербохорватском языках / Р. Ф. Газизова. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1989. – 174 с.

92. Газизова Р.Ф., Силиванец А.В. Функционально-когнитивный аспект словообразования // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. – С. 182-183.

93. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация : общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – С. 230-293.

94. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология : на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.

95. Гак В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3-16.

96. Галич Г.Г. Категории: грамматические, ономасиологические, когнитивные // Вестник Омского университета. – 2011. - № 3. – С. 238-244.

97. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р.Гальперин. – М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1958. – 459 с.

98. Гармаш О.Л. Словоскладання як «бігенеративний» механізм у системі англійського словотвору / О. Л. Гармаш // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2005. – № 23. – С. 130-132.

99. Гафарова Р.И. Суффиксальные универбы русского языка: семантика, деривационные отношения: Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.02 / Гафарова Р. И. – Харьков, 2009. – 178 с.

100. Гафарова Р.И. Мотивационные отношения суффиксальных универбов русского языка / Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.И.Сковороды / Научно-методический журнал. – 2010. - № 1-2 (42). – С. 25-29.

101. Герасименко И.А. Семантика русских цветообозначений / И.А.Герасименко. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – 440с

102. Герасименко И.А. Средства экспликации цвета в художественной картине мира //Мовознавчий вісник / Збірник наукових праць. Вип.19. – Черкаси, 2014. – С. 144-149.

103. Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные грамматические теории. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

104. Гинзбург Е.Л. Синтаксическая типология сложных слов («Внутренний синтаксис сложений») / Е. Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1968. – С. 202-240.

105. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.

106. Глотова И.П. К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении) / И. П. Глотова // Вопросы стилистики : сб. научн. трудов. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1977. – С. 3-17.

107. Годер Н.М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием / Н. М. Годер // Логико-грамматические очерки : сб. научн. трудов. – М. : Высшая школа, 1961. – С. 49-58.

108. Голанова Е.И. О “мнимых сложных словах” / Е. И. Голанова // Лики языка : к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской : сб. научн. трудов. – М., 1998. - № 6 – С. 31-39.

109. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 252 с.

110. Голев Н.Д. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии / Н. Д. Голев // Вестник Барнаульского госпедуниверситета : Гуманитарные науки. – Барнаул, 2002. – Вып. 2. – С. 13-18.

111. Голубева Н.А. Номинация и когниция (опыт когнитивного описания номинативной системы языка) / Вестник Нижегородского госуд. университета им. Н.А. Добролюбова . Филология. Искусствоведение. – 2008. - № 6. – С. 217-223.

112. Горбачевич К.С. Варианты слова на разных языковых уровнях / К. С. Горбачевич // Восточнославянское и общее языкознание : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1978. – С. 245-250.

113. Горбачевич К.С. Вариативность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 237 с.– (АН СССР, Ин-т языкознания).

114. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине / Вопросы языкознания. – 2010. - № 6. – С. 26-36.

115. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи : стилистический словарь вариантов / Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.– М. : АСТ ; Астрель, 2004. – 555 с.

116. Гребенникова Д.Е. Активные способы современного словообразования / Вестник Московского госуд. ун-та печати. – 2012. - № 2. – С. 104-111.

117. Григорьев В.П. О границах между словосложением и аффиксацией / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С. 38-52.

118. Григорьев В.П. О взаимодействии словосложения и аффиксации / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 71-78.

119. Гугунава Д.В. Словообразовательный гендиадис / Д. В. Гугунава // Материалы межд. научно-практич. конф., посвящ. 80-летию акад. РАО Н. М. Шанского [«Филологическое образование в школе : проблемы и перспективы»]. – М., 2002. – С. 86-87.

120. Гудилова С.В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке : на материале неологизмов второй половины XX

века : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Гудилова Светлана Валентиновна. – М., 2005. – 306 с.

121. Гудилова С.В. Структура морфолексического поля сложных слов и продуктивные типы строения сложных слов-неологизмов со связанными компонентами // Материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М., 2004. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~rlc2004 /files/sec/12.doc

122. Гуляева А.Г. Субстантивные словообразовательные гнезда с тремя производными: опыт комплексного описания / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008.- Вып. № 69. – С. 60-68.

123. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; [пер. с нем. Г. В. Рамишвили]. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

124. Гурчиани М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода// Автореф.дисс. ... канд.филол.наук 10.02.01 Текст М.Т.Гурчиани. – Казань,2009. – 23с.

125. Даниленко В.П. Ономасиологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108-131.

126. Декатова К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 216 с.

127. Денисенко О. Словообразовательная структура сложных имен прилагательных русской анатомической терминологии // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 272-276.

128. Джафаров М.М. Очерки по истории русского словосложения . – Баку, 2009. – 242 с.

129. Диброва Е.И. Вариативность фразеологических единиц в современном русском языке. – Р н/Д., 1999. – С. 97.

130. Донцова О.Г. Атрибутивний композитний комплекс // О.Г.Донцова. – Лінгвістичні студії / Збірник наукових праць, № 26. – Донецьк, 2013. – С. 24-26.

131. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка: на материале деривационно-ассоциативного эксперимента / Дисс. …. канд.филол.н., 10.02.01 «Русский язык», Барнаул, 1999. – 294 с.

132. Дорофеева Т.М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола / Т. М. Дорофеева. – М.: Русский язык, 1986. – С. 18-19.

133. Дударова Л.М. Словообразовательный тип как единица классификации производных слов / Фундаментальные исследования. Серия Филологические науки. – 2015. – Вып. № 2-2. – С. 429-432.

134. Дьяченко В.В. Новые слова-сложения со связанными корневыми компонентами интернационального характера в современном русском языке / Дьяченко В. В. // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2003. – № 11. – С. 168-170.

135. Дьячкова Н.А. Включенный предикат как обязательный компонент модели предложения // Известия Уральского госуд. ун-та. – 2002. - № 24. – С. 238-245.

136. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: принципы структурно-семантического и ономасиологического описания / Н.В. Дьячок. – Горловка: Коллегия, 2014. – 332 с.

137. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономасиологическое описание. – Рукопись. – Дисс. …. докт. филол. наук. – 10.02.02. «Русский язык». – Институт языкознания им. А.А. Потебни НАН Украины. – Киев, 2015. – 522с.

138. Дюжикова Е.И. Словосложение и аббревиация (на материале современного английского языка) // Известия Восточного института, 1995. – Вып. 2. – С. 115-121.

139. Евсеева И.В. Производное слово как единица хранения знания, структурированного во фрейм / Вестник Челябинского госуд. университета. – 2011. – Вып. № 20. – С. 86-92.

140. Евсеева И.В. Концептуализация опыта человека посредством деривационных единиц / Вестник Кемеровского госуд. университета. – 2011. - Вып.№4. – С. 161-167.

141. Евсеева И.В. Комплексные единицы словообразовательной системы / Вестник Кемеровского госуд. университета. – 2011. – Вып. № 3. – С. 188-194.

142. Евсеева И.В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы / Вестник Иркутского госуд. лингвистического университета. – 2011. – Вып № 16. – Т.4. – С. 163-170.

143. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 312 с.

144. Евсеева И.В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной именем соматического объекта: фреймовое устройство /Э Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып № 1 (22). – С. 33-41.

145. Егинова С.Д. К истории изучения семантической эволюции имен прилагательных в современной лингвистике / Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного научного университета. – 2012. – Выпуск № 84.

146. Еникеева С.М. Фрактальность микросистем словообразования/ С.М.Еникеева // Studia Linguistica XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы // Сб. научных трудов: СПб.: Политехника-сервис. – 2011. – С. 107-118.

147. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // Вісник Черкаського ун-ту : Серія «Філологічні науки». – Черкаси, 1999. – Вип. 11. – С. 12-25.

148. Жаботинская С.А. Ономасиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку: сб. научных трудов. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский ГУ, 2002. – С. 115-123.

149. Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения : Спецкурс / Л. К. Жаналина. – Алматы, 1993. – 49 с.

150. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики//Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. – С. 32-40.

151. Жирмунский В.М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3-21.

152. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – С. 6.

153. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45-109.

154. Зайцева Е.А. Соединительные гласные (интерфиксы) в образовании сложных наименований лица / Вектор науки ТГУ. – 2015. - № 1 (31). – С. 135-138.

155. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1967. – 369 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).

156. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии : проект «Каталога семантических переходов» / Вопросы языкознания. – 2001. - № 2. – С. 13-25.

157. Зализняк А.М. Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии // Вопр. грамматической асимметрии. – Ташкент: Изд-во ТашГУ, 1989. – С. 30-35.

158. Замятина И.В. Грамматика русского причастия / И.В. Замятина. – Пенза: ПГПУ, 2009. – 264 с.

159. Замятина И.В. Причастие как двуприродная грамматическая форма / И.В. Замятина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2009. - № 3. – С. 26-31.

160. Замятина И. В. Грамматика русского причастия: автореферат диссер. на соиск. учен. ст. доктора филол.наук / спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. В. Замятина. – Москва, 2010. – 50 с.

161. Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность /Известия высших учебных

заведений. Поволжский регион/ Гуманитарные науки. Филология. – 2013. - № 3 (27). – С. 118-127.

162. Захаров В.П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В.П.Захаров, М.В. Хохлова // Материалы конф. по компьютерной лингвистике «Диалог 2010». – М., 2010. – С. 137-143.

163. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках / А. Д. Зверев. – М. : Высшая школа, 1981. – 212 с.

164. Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании / Е. А. Земская // Развитие грамматики и лексики современного русского языка : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1964. – С. 36-62.

165. Земская Е.А. Современный русский язык : словообразование : учебн. [пособие для студентов пед. ин-тов] / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.

166. Земская Е.А. Проблемы словообразования на современном этапе / Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1978. - № 6. – С. 112-123.

167. Земская Е.А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

168. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М. : Наука, 1992. – 221 с.

169. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия (1985-1995). –М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 90-141.

170. Зимина Л.О. Компрессивное словообразование в рекламе // Вестник Челябинского госуд. ун-та. – 2007. - № 22. – С. 50-53.

171. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).

172. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).

173. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. – Астрахань, Астраханский университет, 2007. – 265 с.

174. Зусман В.Т. Концепт в культурологическом аспекте / В. Т. Зусман // Межкультурная коммуникация : сб. научн. трудов. – Н. Новгород : Изд-во НГУ, 2001. – С. 38-53.

175. Іваненко С. В. Одиничне та особливе в лексико-семантичних групах на позначення кольору в сучасній російській мові : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.02 «Російська мова» / С. В. Іваненко. – Дніпропетровськ, 2001. – 20 с.

176. Иванова Л.А. К вопросу о референции и референтности языковых единиц // Вестник МИТХТ. – 2007. – Т.2, № 6. – С. 90-93.

177. Иванова Т.К. Единицы сопоставительного анализа словосложения русского и немецкого языков // Вестник Челябинского госуд. университета, 2011. - № 11 (226) / Филология. Искусствоведение. – Вып. 53. – С. 56-41.

178. Ивашко Е.А. К вопросу о лингвокреативности: деадъективные номинализации как языковые гибриды // Вестник Московского госуд. лингвистического ун-та, 2013. – Вып. 15 (675). – С. 53-64.

179. Изотов В.П. Уровневая организация способов словообразования. – Орел: Орловский гос. ун-т, 1996. – 29 с.

180. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – 1958. – Roč. 27. – Seš. 3. – S. 334 – 352.

181. Испирян А.В. Сочетаемость в языковом моделировании // Перевод и сопоставительная лингвистика / Изд-во УГИ, 2012. – Вып 8. – С. 67-70.

182. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование, квантитативне аспекты; потенциал;

прогнозирование / Автореф. диссер. …..д-ра филол.. наук: 10.02.01. – Белгород, 2004. – 39 с.

183. Кадькалова Э.П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. – Саратов: Наука, 2007. – 216 с.

184. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке / Л. П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1971. – 227 с.

185. Калашникова Л.В. Лингвистическое понимание концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики / Тамбов : Грамота, 2008. - № 1 (1); в 2-х ч: Ч.1. – С. 98-100.

186. Калёнова Н.А. Когнитивные механизмы семантических трансформацій фразеологических единиц (на материале эпистолярия) / Вестник ТГПУ, 2015. - № 6 (159). – С. 90-95.

187. Камынина А.А. Современный русский язык : морфология [Текст] : учеб. пособие для студентов филологических факультетов гос. университетов / А. А. Камынина. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.

188. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75-80.

189. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

190. Карпіловська Є.А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови : будова та реалізація : автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук / спец. 10.02.01 «Українська мова» / Є. А. Карпіловська. – К., 2000. – 36 с.

191. Карпов В.А. Сложные слова и характеристика человека / Традиционные и новаторские технологии в обучении русскому языку как иностранному: Тез.докл..Международной науч.-практ. конференции, Минск, 24-26 мая 2001г. – Мин.: БГУ, 2001. – С. 3-6.

192. Касимова Г.К. Метафорические значения в структуре модификационных изменений // Известия Пензенского государственного

педагогического университета им.В.Г.Белинского / Гуманитарные науки. – 2012. - № 27. – С. 275 –278.

193. Касимова Г.К. О мутационных и модификационных значениях в семантической парадигме субстантивов с суффиксами –ник/ниц(а)/ Известия высших учебных заведений. Поволжский регион/ Гуманитарные науки. Филология. – 2013. - № 1 (25). – С. 119- 123.

194. Касьянова Л.Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX - начала XXI века / Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 5-10.

195. Касьянова Л.Ю. Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Изд-во ООО «Издательский дом «Академия естествознания». – 2012. - № 3. – С. 1-8.

196. Катлинская Л.П. Функциональное словообразование (Активные процессы словопроизводства в современном русском языке): автореф. дисс. …д-ра филол. наук / Л.П. Катлинская. – М., 1987. – 440с.

197. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 189 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

198. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

199. Кияк Т.Р. О видах мотивированности лексических единиц / Т. Р. Кияк // Вопросы языкознания. – 1989. - № 1. – С. 98-107.

200. Клименко Л.П. ЛСГ в структуре связного текста / Л. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения : сб. научн. трудов. – Волгоград : Изд-во Волгоградского пед. ин-та, 1990. – С. 90-91.

201. Клименко Н.Ф. Парадигмы сложных слов (на материале современного украинского языка) / Н. Ф. Клименко // Семантика и структура деривационных моделей : сб. статей. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1988. – С. 23-33.

202. Климова Ю.А. Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 20 с.

203. Кобрин Р.Ю. Еще раз о словосочетании / Р. Ю. Кобрин, К. Я. Авербух // Научные доклады высшей школы : филологические науки. – 1979. -№ 5. – С. 86-90.

204. Кобрина Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковые реализации: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. – С. 40-50.

205. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс: Дисс. … д-ра филол. наук. – Воронеж, 2004. – 425 с.

206. Коваль А.Н. О субстантивации и прономинализации в свете данных языка с многоклассной системой / А. Н. Коваль // Вопросы языкознания. – 1987. -№ 2. – С. 96-108.

207. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

208. Кожевникова А.А. Типы сложных прилагательных в памятниках русского языка X1- XVII вв. в ономасиологическом аспекте // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию проф. П.П.Шубы): Материалы III Международной научной конференции, г.Минск, 6-7 апреля 2006. – Минск: РИВШ, 2006. – С. 76-79.

209. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

210. Колшанский Г.В. Категория семантики в синтаксисе / Г. В. Колшанский // Вопросы романо-германской филологии : синтаксическая семантика : научн. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1977. – Вып. 122. – С. 5-11.

211. Копач О.И. Теория номинации: история и современность / О.И.Копач // Sociokultúrna realita a príroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s

medzinárodnou účasťou / Editor: O. Glosíková. – Prešov: Technická univerzita v Košiciach, Fakulta výrobných technológií so sídlom v Prešove, 2007. – S. 313–320.

212. Копкова Е.В. К онтологии грамматики имени прилагательного: атрибутивная и предикативная функции// Известия Российского госуд. пед. университета им. А.И.Герцена. – СПб, 2009. – Вып. 111. – С. 196-199.

213. Копоть Л.В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке : дисс. … к. филол. наук : 10.02.01 / Копоть Лилия Владимировна. – Майкоп, 2005. – 210 с.

214. Корнеева Т.А. Теоретические аспекты поэтического словотворчества символистов // Вестник ТГГПУ. Филология и культура. – 2012. - № 1 (27). – С. 38-42.

215. Корнеева Т.А. К вопросу о развитии учения о нулевой морфеме в отечественном языкознании / Вестник ТГГПУ. Филология и культура. – 2014. - № 4 (38). – С. 129-134.

216. Косова В.А. Семантическая категоризация лексикона: совмещение методов лексикологии и словообразования / Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т . 151, кн. 3. – С. 248-256.

217. Косова В.А. Словообразовательная категория и ее категориальное окружение / Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2011. - Вып. № 6, т. 153. – С. 167-183.

218. Косова В.А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий / Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. № 5, т. 155. – С. 141-151.

219. Костромина М.В. Биномины в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Орфография. – Автореф. дисс. ….канд. филол. наук. – М., 1992. – 23 с.

220. Косырева М.С. Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования / Вестник Челябинского госуд. университета. –2008. – Вып. № 30. – С. 58-67.

221. Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке Текст.: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» / Е.А. Косых // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Серия Психол.-пед. науки. – 2002. - № 2. – С. 28-34.

222. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость / Н. З. Котелова. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 164 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

223. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 200с.

224. Крылова Н.Ф. Когнитивный аспект синтаксического словообразования / Язык и ментальность: Сб. статей / отв. ред. М.В.Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. (Серия «Славянский мир». Выпуск 5). – С. 266-272.

225. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64-76.

226. Кубрякова Е.С. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 17-23.

227. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С.Кубрякова. – в кн: Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222- 303.

228. Кубрякова Е.С. Об основной единице словообразовательной системы языка / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С. 36 – 39.

229. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 114 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

230. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

231. Кубрякова Е.С. Ономасиологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы // Актуальные проблемы русского словообразования / отв. ред. А.Н.Тихонов. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 21-25.

232. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 158 с.: ил. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

233. Кубрякова Е.С. Словосложение как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц : межвузовский сб. научн. трудов. – Пятигорск : Пятигорский пед. ин-т иностр. языков, 1988. – С. 3-23.

234. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: М: Наука,1988. – С. 109-172.

235. Кубрякова Е.С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.

236. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи //Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 218-224.

237. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. - № 1. – С. 28-34.

238. Кубрякова Е.С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

239. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. – М.: Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – Т. 1. – С. 9-16.

240. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. – (Киевский нац. ун-т.)

241. Кудрявцева Н.Г. О термине «концепт» в лингвокультурологии / Л. А. Кудрявцева // Культура народов Причерноморья. – 2004. - № 54. – С. 31-35.

242. Кузнецова Т.В. Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур: На материале моделей семантико-

словообразовательной категории «становление/приобретение признака»: Дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 234 с.

243. Куликова М.Г., Плевако С.В. Частеречная парадигма русского языка: постановка проблемы // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2009. - № 3. – С. 217-220.

244. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В.кунин. – М.:Просвещение, 1986. – 384с.

245. Курилович Е.Р. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике : статьи / Е. Р. Курилович. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 237-250.

246. Кухар Л.А. Структурно-семантичні типи німецьких субстантивних композитів та їх стилістичний потенціал / Л. А. Кухар // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2006. - № 27. – С. 183-186.

247. Лапшина О.А. Словообразовательная семантика подобия в современном русском языке / Культура народов Причерноморья. – 2009г. - № 94. – С. 112-116.

248. Лапшина О.А. Семантическая категория подобия в современном русском языке / Автореф. …на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Харьков, 2010. – 21с.

249. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание : статьи. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125-149.

250. Левицкий В.В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Вінниця : Нова книга, 2006. – 512 с.

251. Лейзерсон О.Д. К вопросу о «грамматичности» сложного слова / О. Д. Лейзерсон // Вопросы языкознания. – 1969. - № 1. – С. 62-66.

252. Лендьел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? // Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1972. – С. 98-107.

253. Лескина С.В. Презентация категории пейоративности в русской и английской фразеологии: монография / С.В.Лескина. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2010. – 356 с.

254. Лескина С.В., Шаронова В.Б. Структурная и семантическая соотнесенность коллокаций и фразеологических единиц в русском и английском языках // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. – 2014. – Т . 11, № 1. – С. 22-28.

255. Лизунова Е.Ю. Семантика транспонированных (относительных) прилагательных в разноструктурных языках. На примере французского и русского языков. – Дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Лизунова Елена Юрьевна. – Москва, 2002. – 368 с.

256. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В. И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

257. Линский Л. Референция и референты / Л. Линский // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. - № 13. – С. 161-168.

258. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность : от теории словесности к структуре текста : антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280-287.

259. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – Л., 1952. – Т. 7 : Труды по филологии 1739-1758 гг. – С. 389-578.

260. Лопатин В.В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. - № 1. – С. 76-82.

261. Лопатин В.В. Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация): автореф. дис. … канд. филол. наук / Лопатин В.В. – М., 1966. – 20 с.

262. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В. В. Лопатин // Русский язык : Грамматические исследования. – М. : Наука, 1967. – С. 205-233.

263. Лопатин В.В. О значении словообразовательного аффикса / В. В. Лопатин // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания : тезисы докладов секционных заседаний. – М. : МГУ, 1974. – С. 8-10

264. Лопатин В.В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1975. - № 4. – С. 24-37.

265. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании [Текст] / В.В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Изд-во Ташк. пединститута им. Низами, 1975. – С. 53-57

266. Лопатин В.В. Проблемы нулевого словообразовательного аффикса // Актуальные проблемы русского словообразования: сб. ст. / отв. ред. А.Н.Тихонов. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – С. 390-402.

267. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С. 72-80.

268. Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков // Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 25-33.

269. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.

270. Луценко Н.А. Введение в лингвистику слова / Н. А. Луценко. – Горлівка : Вид-во ГДПІІМ, 2003. – 141 с. – (Горлівський держ. пед. ін-т іноземн. мов).

271. Луценко Н.А. Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя) / Н. А. Луценко. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2003. – 202 с.

272. Лыков А.Г. Об окказиональных и потенциальных словах // Научные труды Краснодарского пед. ин-та. – Краснодар, 1968. – Вып. 101. – С. 15-19.

273. Лыков А.Г. Слово и предложение как единицы языка / А. Г. Лыков // Современная лингвистика : теория и практика : сб. научн. трудов. – Краснодар, 2002. – Часть 1.– С. 84-89.

274. Лысова О.Ю. О соотношении внутренней формы слова и внутренней формы фразеологизма // Вектор науки ТГУ. – 2012. - № 2 (20). – С. 87-89.

275. Лыткина О.И. Суффиксы и префиксы с модификационными словообразовательными значениями в русском и английском языках //Вестник ПСТГУ /Филология. – 2005. – Вып. 1. – С. 39-47.

276. Любимова О.Ю. Применение когнитивного подхода к пониманию метафоры (на примере выражения концепта «злость») // Профессиональное общение: когнитивно-функциональный аспект / Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. – М.: Рема, 2007. - № 519, Ч.1. – С. 93-108.

277. Любимова О.Ю. Сравнительный обзор традиционного и когнитивного подходов к изучению фразеологических единиц / Коммуникация, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект. - Вестник МГЛУ. – Москва, 2009. – Вып. 561. – С. 82-96.

278. Макарова Е.А. Лексико-синтаксическая координация: когнитивный и структурно-семантический аспекты (на материале атрибутивных сочетаний) / Известия ВГПУ. – 2010. – С. 32-35.

279. Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении / Вестник Иркутского государственного университета. –2011. – Вып. № 2. – С. 184-190.

280. Макарова Н.В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / Макарова Наталья Владимировна. – М., 2004. – 281 с.

281. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национальное. Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В.Макеенко. – Саратов, 1999. — 258 с. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/semantika-tsveta-v-raznostrukturnykh-yazykakh-universalnoe-i-natsionalnoe

282. Маковей Р.Г. Соотношение сложного слова и словосочетания / Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2009. – Вып. № 45. – С. 14-18.

283. Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1980. – 212 с.

284. Малышева А.А. Атрибутивное словосочетание в предложении как выразитель вторичной предикативности / Системный анализ простого и сложного предложения: межвуз. сб. науч. трудов. – Л., 1990. – С. 32-38.

285. Манаенко Г.Н. Соотношение *концепт* – значение языкового выражения. – Научный диалог. Филология, № 3. – Екатеринбург, 2012. – С. 24-34.

286. Марков В.М. О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 1984. – С. 3-21.

287. Марков В.М. Избранные работы по русскому языку / Под ред. проф. Г.А.Николаева. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 275 с.

288. Манучарян Р.С. Сложные прилагательные в произведениях М.А.Шолохова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – 2014. - № 3. – С. 75-81.

289. Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учебник [для филологических специальностей вузов] / Ю. С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с.

290. Матюнова А.А. Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект) //Вестник БДУ. – 2011. - Сер.4. - № 3. – С. 46-50.

291. Медведева Л.М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова / Л. М. Медведева // Вопросы языкознания. – 1989. - № 1. – С. 86-97.

292. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц / Вестник Челябинского госуд. пед. университета. – 2014. - № 8. – С. 234-252.

293. Мельников Г.П. Типы мотивированности языковых знаков / Г. П. Мельников // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. – Л. : Наука, 1969. – С. 3-6.

294. Мецлер А.А. Прагматика коммуникативных единиц / А. А. Мецлер. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 103 с.

295. Мешков О.Д. Семантические аспекты словосложения английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1986. – 270 с. – (АН СССР, Каф. иностр. языков).

296. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов ; АН СССР, Отд. лит. и яз., Отв. ред. В. З. Панфилов, П. Я. Скорик . – Ленинград : Наука, 1978 . – 387 с.

297. Милетова Е.В. Из истории развития частеречных классификаций. Место прилагательного в системе языка: его значение и функции // Вестник ПГЛУ. – 2009. - № 1. – С. 126-130.

298. Милославский И.Г. О регулярном приращении значения при словообразовании // Вопросы языкознания. – 1975. -№ 6. – С. 65-72.

299. Милославский И.Г. Синтез словосочетания и производного слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1977. - № 5. – С. 53-61.

300. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза : [монография] / Игорь Григорьевич Милославский. – М. : МГУ, 1980. – 296 с.

301. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.

302. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; [пер. с англ. О. Н. Гринбаума]. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.

303. Митев Дамян. Особенности формирования и фнкционирования деривационных ономасиологических категорий в современном русском языке // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. – С.193.

304. Михайлова И.Д. Структурные типы словообразовательных гнезд и новые функции производных слов / Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2011. - Вып. № 6-2. – С. 433-437.

305. Моисеев А.И. Некоторые вопросы теории словосочетания / А. И. Моисеев // Научные доклады высшей школы : филологические науки. – 1977. - № 2. – С. 54-60.

306. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке : учебн. пособие [для студ. филол. фак-тов вузов] / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 207 с.

307. Мокиенко В.М. Славянская фразеология : учебн. пособие [для студ. филол. фак-тов] / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.

308. Молчанова Н.Ф. Структурные особенности антропонимов бахуврихи в русском языке (XII-XVII вв.) / Н.Ф.Молчанова// II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 дек. 2003 г.) : тр. и материалы в 2 т. – Казань : Изд-во Казан. Ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 94-95.

309. Морозова Е.Н. Косвенно-производная номинация и процессы концептуализации мира / Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. – 2010. - № 6. – С. 48-51.

310. Москвин В.П. Спорные проблемы семантики. Рецензия / В.П. Москвин, Н.Ф. Алефиренко // Вопросы языкознания. – 2000. - № 6. – С. 137-140.

311. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык»; 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Р. Ю. Мугу. – Майкоп, 2003. – 24 с.

312. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии / Л. Н. Мурзин. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1984. – 56 с. – (Пермский гос. ун-т).

313. Мурясов Р.З. Семантическое и формальное устройство словообразовательных парадигм // Актуальные проблемы русского

словообразования: Тезисы V респуб. науч.-теор. конф. – Самарканд, 1987. – Ч. I. – С. 104-106.

314. Мурясов Р.З. Словообразование и теория номинации / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1989. -№ 2. – С. 39-53.

315. Мусатов В.Н. Суффиксы, формирующие аффиксальную полисемию лексических дериватов мутационного типа / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Вып. №1(57), т.1. – С. 142-146.

316. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики : когнитивно-функциональный аспект : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. В. Нагель. – Томск, 2005. – 18 с.

317. Надмидон Н.Д. К вопросу о классификации сложных слов в разноструктурных языках / Вестник Бурятского госуд. университета. – 2014. – Вып.1, т. 10. – С. 69-73.

318. Насирова Р.М. Статус интерфиксации в разносистемных языках // Вестник Ленинградского госуд. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. - № 1. – Т.1. – С. 104-110.

319. Нгуен Т.Т.Х. Словосочетания с глаголами движения идти/ходить в метафорическом аспекте: с позиции носителя вьетнамского языка: Дисс. …канд.филол. наук / Т.Т.Х. Нгуен. – М., 2001. – 303с.

320. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование : пособие [для филолог. спец. ун-тов] / В. Н. Немченко. – М. : Высшая школа, 1984. – 256 с.

321. Низаметдинова Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI-XVII вв. – Дисс. … докт.филол.наук. – Москва, 2003. – 375 с.

322. Никитевич В.М. О глубинной структуре деривационного ряда/ В.М.Никитевич // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1976. – С. 12-16.

323. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.

324. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / В. М. Никитин. – Владимир : Изд-во ВГУ, 1974. – 160 с. – (Владимирский гос. ун-т).

325. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учебн. пособие [для пед. вузов] / В. М. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.

326. Никитин М.В. О тождествах с когнитивных позиций [Электронный ресурс] / В. М. Никитин // Научно-практическая конференция [«Англистика в XXI веке»], (22-24 ноября 2001 г, СПб) : материалы. – Режим доступа : http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/43.htm. – Заголовок с экрана.

327. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики // СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.

328. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие. – Казань: Казан. ун-т., 2009. – 188с.

329. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 184 с.

330. Николаев Г.А. Русское и славянское словообразование / Г. А. Николаев. – Казань : Казан. ун-т., 2011. – 220 с.

331. Николаева Т.М. Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1991. - № 2. – С. 12-25.

332. Новикова Л.В. К вопросу о словообразовательном значении в рамках неологии // Вестник Челябинского госуд. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2009. - № 35 (173). – С. 115-119.

333. Новичкова С.А. Семантическое пространство словообразовательного гнезда. – Автореф. дисс….канд. филол. н., 10.02.01. – СПб, 2004. – 20с.

334. Нухов С.Ж. О некоторых признаках влияния английского словообразования на русское //Вестник Башкирского ун-та. – 2012. - № 1. – Т.17. – С. 179-182.

335. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С. И. Ожегов // Лексикологический сборник. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – Вып. 2. – С. 38-46.

336. Ольшанський О.Ю. Про слова, генетично співвідносні з словосполученнями (на матеріалі російської мови) / О Ю Ольшанський // Мовознавство. – 1989. - № 3. – С. 24-27.

337. Ольшанский О.Е. Композиты с опрощенным составом в русском языке / ВУЛС, №8. – Донецк: Донеччина, 2008. – С. 371-382.

338. Омельченко Л.Ф. Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке : на мат-ле прилагательных и глаголов / Л. Ф. Омельченко. – Киев : Вища школа, 1981. – 143 с.

339. Омельченко Л.Ф. Образование императивных композит на базе деривационно активных фразеологизмов / Л. Ф. Омельченко // Научные доклады высшей школы : филологические науки. – 1988. - № 5. – С. 78-82.

340. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение) / Автореф. …на соискание ученой степени докт..филол. наук…Спец. 10..02.01 «Русский язык» / Л.И. Осипова. – М., 1999. – 29 с.

341. Осипова Л.И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи / Л. И. Осипова // Русский язык : исторические судьбы и современность : II междунар. конгресс исследователей русского языка, 18-21 марта 2004 г.: тезисы докл. – Режим доступа :http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514. – Заголовок с экрана.

342. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Отд-ние 1. Об именах существительных / [Соч.] протоиерея Г. Павского. – 2-е изд. – СПб. : тип. Имп. АН, 1850. – 335 с.

343. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

344. Панов М.В. О слове как единице языка / М. В. Панов // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. – М., 1956. – Т. 51. – С. 128-167.

345. Панов М.В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 438 с.

346. Перцова Н.Н. К проблеме семантических отношений между частями сложного слова / Н. Н. Перцова // Сб. научн. трудов. Московского лингвистического университета. – 2001 . – Вып. 452. – С. 48-55.

347. Петров А.В. Построение толково-гнездового словаря сложных имен существительных / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Донецк : Донеччина, 2002. – Вип. 8. – С. 383-405.

348. Петров А.В. Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Донецк : Донеччина, 2004. – Вып. 9. – С. 242-264.

349. Петров А.В. Деривационный аспект ЛСГ глаголов речи : гнезда сложных слов / А. В. Петров // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 60. – Т. 3. – С. 65-81.

350. Петров В.В. Структуры значения: Логический анализ. – Новосибирск: Наука, 1979. – 140 с.

351. Петров В.В. Когнитивные аспекты языка / В. В. Петров, В. И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.: Перевод]. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – 313 с.

352. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

353. Пешковский А.М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 74-100.

354. Плещинская А.И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке: на материале слов с элементами аудио-, видео-, кино-, радио-, теле-, фото- : Дисс. …канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 166 с.

355. Плотникова Л.И. Структура нового русского слова как репрезентант его концептуальной организации //Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып.2. – Т.15. – С. 13-18.

356. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – Чита: Изд-во ЗабГУ. – 2011. - № 3. – С. 183-187.

357. Пожидаев Р.А. Типы мотивации и формирование семантики производного слова / Русский язык в диалоге культур: Материалы межвузовского семинара с международным участием 14-15 апреля 2014 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 108-110.

358. Позднякова Е.М. Функционирование словопроизводственной модели. – Автореф. дисс. канд. . филол. наук. – Воронеж,1987. – 22 с.

359. Полатовская О.С. Фрейм-сценарий как тип концептов / Вестник ИГЛУ, 2013. – С. 161-166.

360. Полякова И.М. О многозначности мотивированных прилагательных / Известия ПГПУ: Гуманитарные науки. – Пенза, 2008г. - № 9 (13). – С. 47-50.

361. Полянчук О.Б. Основные параметры теории словообразования и динамика производного слова / Вестник ВГУ, 2003. - № 3. – С. 47-51.

362. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеообразовательного потенциала лексической единицы русского языка / Ученые записки Орловского госуд. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Вып.№3. – Орел, 2006. – С. 128-133.

363. Попова З.Д. Лексическая система языка : [учебн. пособие] / З. Д. Попова, И. А. Стернин.– Воронеж, Изд-во ВГУ, 1984. – 145 с.

364. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1999. – 186 с.

365. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

366. Попова З.Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 412 с.

367. Попова М.А. Определение понятия «номинативная единица» в контексте исследования лексико-фразеологических инноваций / М. А. Попова // Новое в славянской филологии. – Вып. 4. – Севастополь, 2009. – С. 173-178.

368. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 168 с.

369. Постникова С.В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского : серия филология. – 2001. - № 1 (2). – С. 53-58.

370. Постникова С.Н. Разряды прилагательных в современном немецком языке/ Дисс. …докт..филол.наук. – Н.Новгород, 1992. – 441с.

371. Потапова С.Ю. Бахуврихи в современной разговорной речи / С. Ю. Потапова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи : межвузовский сб. научн. трудов. – Нижний Новгород : НГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1994. – С. 117–118.

372. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958. – Т. I-II.

373. Потебня А.А. Полное собрание трудов : мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.

374. Потиха З.А. Современное русское словообразование : учебн. пособие [для студ. пед. вузов] / З. А. Потиха. – М. : Просвещение 1970. – 384 с.

375. Присная Л.Л., Рукавицына О.Н. Функции словообразования в процессе языковой коммуникации // Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. - № 20 (191). – Вып. 23. – С. 35-41.

376. Прокопец А.П. Метафорическая деривация сложных адъективов // Культура народов Причерноморья. – 2004. - № 53. – С. 107-111.

377. Прокопец А.П. Сложные адъективы с образной семантикой // Культура народов Причерноморья. – 2004. - № 54. – С. 51-55.

378. Рахилина Е.В. Семантика отыменных прилагательных // Лики языка: к 45-летию науч. Деятельности Е.А. Земской: Сб. ст. – М.: Наследие, 1998. – С. 298-304.

379. Резанова З.И. Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета. – 2010. - № 334. – С. 195-199.

380. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных / Вестник Ленинградского государственного ун-та им.А.С.Пушкина. –2012. – Вып. 2. – Т.1. – С. 146-154.

381. Реформатский А.А. Введение в языковедение : учебник [для вузов] / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.

382. Ризаханова З.З. Сопоставительное исследование частеречных признаков прилагательного в английском и лезгинском языках. – Дисс. … канд. филол. наук. – 10.02.20. – Махачкала, 2005. – 172 с.

383. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976; 1985. – 400 с.

384. Романова О.А. О вариантности фразеологических единиц (на материале современных газет) / Вестник Новгородского госуд. ун-та. – 2013. - № 72. – С. 113-117.

385. Рудая Е.А. Функциональная семантика английских имен прилагательных в тексте англоязычного политического комментария (на материале современной американской прессы): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 21 с.

386. Руделев В.Г. Слово / В. Г. Руделев // Лингвистика : взаимодействие концепций и парадигм : межведомственная научно-теорет. конф. : материалы. – Вып. 1. – Харьков, 1991. – С. 70-72.

387. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка / Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 1996. - № 1. – С. 83-89.

388. Русская грамматика : в 2-ух тт. [Текст] / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука, 1980.- Т.1. – 784 с.

389. Русский язык : энциклопедия / [гл. ред. Ф. П. Филин]. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.

390. Русский язык : энциклопедия / [гл. ред. Ю. Н. Караулов]. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.

391. Рябко О.П. Когнитивное основание теории номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. – 2012. - № 6. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-osnovanie-teorii-nominatsii-i-motivatsii

392. Рябова Н.Ю. Об особенностях соотношения производного и коррелятивного ему словосочетания // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. I. – Гродно, 1989. – С. 177-179.

393. Ряшенцев К.Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке : [учебн. пособие] / К. Л. Ряшенцев. – Орджоникидзе : Изд-во СОГУ, 1976. – 285 с.

394. Садыкова А.Г. Синтаксис сложных слов с позиций генеративной грамматики / А. Г. Садыкова // III Международные Бодуэновские чтения : И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2-ух тт. – Казань : Изд-во КГУ, 2006. – Т.2. – С. 89-91.

395. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь / И.К.Сазонова. – М.: Русский язык, 1989. – 587 с.

396. Сазонова И.К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Сазонова И.К. – М., 1975. – 21 с.

397. Самохина Е.В. Частотность и многозначность производящего слова как факторы появления лексико-деривационных лакун (на материале русского языка) // Мир науки, культуры, образования. – 2008. - № 4. – С. 39-43.

398. Самыличева Н.А. Словообразовательные неологизмы как отражение языковой личности в текстах СМИ / Вестник ТГУ. – 2012. – Вып. 12 (116). – С. 296-299.

399. Сахарный Л.В. О словообразовательной модели и ее продуктивности / Л.В. Сахарный // Лингвистический сборник. Вып. 1. – Свердловск, 1963. – С. 147-155.

400. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс / Л.В. Сахарный // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 73-78.

401. Свечкарева Я.В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестник Томского госуд. ун-та. – Томск, 2007. – Вып. 300-3. – С. 15-16.

402. Седых А.П. Языковая картина мира и национальная концептосфера// Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: Материалы Междун. научной конференции / под ред. д.филол.н., профессора Н.Ф.Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С.118-121.

403. Селіванова О.О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. - № 6. – С. 19-22.

404. Селиванова Е.А. Когнитивная ономасиология / Е. А. Селиванова. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

405. Селиванова Е.А. Когнитивно-ономасиологический аспект фразеологического семиозиса / Е.А.Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4-6 мая 2009г.) / [отв.редактор В.И.Макаров]. – Великий Новгород; НовГу им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69-72.

406. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

407. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові / О. О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.

408. Сембирцева В.П. Мотивационные поля в лингвистике / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». –2013. - Том 26(65). - № 4, часть 1. – С. 153-159.

409. Серебренников Б.А. О сущности процессов изменения слов и словосочетаний и о природе и характере структуры слова в тюркских и финно-угорских языках / Б. А. Серебренников // Морфологическая структура слова в языках разных типов : сб. научн. трудов. –М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – С. 213-222.

410. Сидоренко Е.Н. Ономатологические единицы в современном русском языке : типология, структура, грамматические особенности / Сидоренко Е. Н., Гирская Т. Б., Пономаренко Е. А. // Русская филология : украинский вестник. – Харьков, 2001. - № 1-2 (18). – С. 11-14.

411. Сидоренко Е.Н. Единицы именования в современном русском языке / Е. Н. Сидоренко // Лексикология. Семасиология : межрегиональный сб. научн. статей. – Белгород, 2001. – С. 8-11.

412. Сидоренко Е.Н. Функциональная ономасиология и проблемы развития современной лингвистики / Е. Н. Сидоренко // Функциональная лингвистика : итоги и перспективы : международная конференция, Ялта 30 сентября – 4 октября 2002 г.: материалы. – Симферополь, 2002. – С. 243-244.

413. Сидоренко Е.Н. Морфология современного русского языка (части речи и контаминанты) : [учебн. пособие для студентов-филологов] : в 2-х ч. / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Еліньо, 2003. – Ч. 2. – 165 с.

414. Сидоренко Е.Н. От понятийных категорий – к языковым смыслам и средствам их выражения / Е. Н. Сидоренко // На терені юридичної та філологічної наук : зб. наук. праць, присвячений 50-річчю від дня народження і 25-річчю науково-педагогічної діяльності проф. Ю. Ф. Прадіда. – Сімферополь : Еліньо, 2006. – С. 272-277.

415. Сидоренко Е.Н. Языковые смыслы в современном русском языке : типология, средства выражения / Е. Н. Сидоренко // Русистика : сборник научных трудов. – К. : «Київський університет», 2011. – Вып. 11. – С. 41-47.

416. Синичкина А.А. Общее и различное в семантике производных прилагательных словообразовательного значения «подобие»: На материале английского и русского языков: Дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 328 с.

417. Синкевич Д.А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. – Новосибирск, ООО «Центр развития научного сотрудничества». – 2010. – Вып.12. – С. 239-248.

418. Ситникова Е.В. Границы словообразовательного гнезда / Е.В.Ситникова // Восточноукраинский лингвистический сборник / Сб. научных трудов. – Донецк, 2006. - Вып.10 – С. 272-283.

419. Ситянина Н.В. Структурно-семантическое исследование наименований объектов и явлений природы в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ситянина Наталия Викторовна. – Санкт-Петербург, 2003. – 146 с.

420. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М, 1983. – 688 с.

421. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) / А. И. Смирницкий // Труды ин-та языкознания АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С. 3-50.

422. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка : учебн. пособие [для студентов вузов] / А. И. Смирницкий – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. – 364 с. – (Библиотечка филолога).

423. Смирницкий А.И. Значение слова и его семантика / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1960. - № 3. – С. 112-116.

424. Смирнова М.А., Гафиятова Э.В. Аббревиация как манифестация закона экономии в профессиональных языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. - № 2 (56), ч.2. – С. 142-146.

425. Смольянинова М.И. Субстантивация причастий в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Смольянинова М.И. – М., 1970. – 17 с.

426. Снитко Е.С. Деривация и ее виды в русском языке / Е. С. Снитко // Русское языкознание. – 1982. – Вып. 4. – С. 84-89.

427. Снитко Е.С. Внутренняя форма в процессах номинации (на материале русского языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук / Е. С. Снитко. – Киев, 1990. – 35 с.

428. Соболева П.А Моделирование сложных прилагательных / Проблемы структурной лингвистики.1982. – М.: Наука, 1984. – С. 67-81.

429. Современный русский язык. Морфология: курс лекций / [под ред. В. В. Виноградова]. – М. : Изд-во МГУ, 1952. – 520 с.

430. Современный русский язык : [учебник для вузов / под ред. В. А. Белошапковой]. – М. : Высшая школа 1981. – 800 с.

431. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация: учебник/ под общ. ред. Л.А.Новикова. – 3-е изд. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.

432. Соколовская Т.Д. Категория нормативности во вторичных наименованиях сокращенного типа: автореф. дисс. д-ра филол. наук. – М.: 2000. – 40 с.

433. Солнцев А.В. Виды номинативных единиц / А. В. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1987. - № 2.– С. 133-137.

434. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование (к проблеме онтологии языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / В. М. Солнцев. – М., 1970. – 36 с.

435. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1977. – 344 с. – (АН СССР, Ин-т востоковедения).

436. Солнышкина М.И., Зиганшина Ч.Р. Дуализм языкового знака как причина сокращений в профессиональных языках // Филология и культура. – Казань: Каз. фед. ун-т, 2014. - № 1 (35). – С. 105- 109.

437. Соснина Л.В. Структурные типы бахуврихи в русском языке // Материалы научно-практической конференции / Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одесса: Астропринт. – 2013. – С. 177-181.

438. Соснина Л.В. Структурные типы квазикомпозитов // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – М, 2014. - № 1. – С. 36-43.

439. Соснина Л.В. Структурные разновидности композитных цветообозначений. – Вестник РУДН, 2015. - № 2. – С. 56-65.

440. Соснина Л.В. К вопросу о номинативном статусе сложных прилагательных // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – Пенза, 2016. - № 1 (37). – С. 105-114.

441. Соснина Л.В. к вопросу о разграничении типов словосочетаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. - №2 (56), ч.2. – С. 146-151.

442. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики; [пер. с фр. А. А. Холодовича] // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 30-269.

443. Способы номинации в современном русском языке / Д.Н. Шмелев, А.Ф. Журавлев и др. – М. : Наука, 1982. – 296 с.

444. Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР . – 1973. - № 4. – С. 340-355.

445. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания : учебн. пособие. [для студ. филол. фак-тов пед. ин-тов] / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.

446. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С.Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 312.с.

447. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). – М. : Наука, 1981. – 361 с.

448. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40-76.

449. Степанова М.Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения / М. Д. Степанова // Ученые записки 1 МГПИИЯ. – М., 1959. – Т. 19. – С. 305-341.

450. Степанова М.Д. Вопросы лексико-семантического тождества (на материале современного немецкого языка) / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. – 1967. - № 2. – С. 89-97.

451. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976. – 156 с.

452. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 171 с.

453. Стернин И.А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации : сб. научн. тр. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного университета, 1998. – С. 22-31.

454. Сулименко Н.Е. Еще раз о семантике прилагательных // Критика и семиотика / Новосибирск: Институт филологии . – 2007. – Вып.11 – С.66-77.

455. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации /Филологические науки. – 2006. - №1. – С. 40-47.

456. Супрун В.И. О лексико-семантических группах слов. – Rustinar, 1983. - № 3. – С. 4-6.

457. Тарасова Л.Д. Особенности функционирования имен прилагательных в именной группе // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: Межвуз. сб. научных трудов. – Киров, 1985. – С. 41-46.

458. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды найменований : сб. научн. тр. – М. : Наука, 1977. – С. 129-221.

459. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

460. Телия В.Н. Внутренняя форма и ее роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц: Материалы 3

научно-исследовательской конференции. Часть 2. Фразеологическая семантика. – М., 1993. – С. 55-59.

461. Телия В.Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

462. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

463. Теркулов В.И. К вопросу о «нулевой флексии» / В. И. Теркулов // Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук в педвузі. – Горлівка : ГДПІІМ, 1995. – С. 353-355.

464. Теркулов В.И. Особенности заимствования композитов-номинатем / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. – Луганськ : Альма-матер, 2005. - № 15 (95). - Ч. 1. – С. 72-78.

465. Теркулов В.И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. – Луганськ : Альма-матер, 2006. - № 11 (106). – С. 127-137.

466. Теркулов В.И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы язика / В. И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.

467. Теркулов В.И. Бахуврихи в русском языке/ В.И.Теркулов// Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2008. - № 2 (8). – С. 185-190.

468. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дисс. …доктора филол. наук: 10.02.02 текст / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.

469. Теркулов В.И. Параметры ономасиологической классификации универбализационных композитов / В. И. Теркулов // Вісник Луганського нац.

пед. ун-ту ім. Тараса Шевченко: «Філологічні науки». – 2008. - № 13 (152). – С. 183-191.

470. Теркулов В.И. Номинатема : опыт определения и описания / В. И. Теркулов / научн. редактор М. В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 210 с. (Серия «Знак – Сознание – Знание» – Вып. 1).

471. Теркулов В.И. Реэтимологизация композитов / В. И. Теркулов // Современные подходы к исследованию ментальности : сборник статей. – СПб: СПбГУ, 2011. – С. 119-125.

472. Теркулов В.И. Параметры описания формальной структуры универбализационных композитов русского языка / В. И. Теркулов // Русская словесность как основа возрождения русской школы : сборник научных трудов. – Липецк, 2012. – С. 201-208.

473. Теркулов В.И. О номинативном статусе и разновидностях универбализации / В. И. Теркулов // Филологические науки. НДВШ. – 2013. - № 1. – С. 21-33.

474. Теркулов В.И. Типология псевдоуниверbализаций в русском языке / Вестник Волгоградского государственного университета : Серия 2: Языкознание. – 2013. - Вып. № 3. – С. 55-62.

475. Теркулов В.И. Части речи и тождество номинатемы / В.И. Теркулов // Человек - язык - культура : к 60-летию В.И. Карасика. - К. : Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 25-31.

476. Теркулов В.И. Об основах гештальтной классификации частей речи // Материалы Международной научно-практической конференции «Методология и история языкознанаия», 23-25 мая 2013 г., г. Славянск. – С. 325-328.

477. Теркулов В.И. Модификационное словообразование с точки зрения номинатемной теории / Международная филологическая научная конференция, г. Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г. : Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 338-340.

478. Теркулов В.И. О параметрах модификационной мотивации / Восточнославянская филология: сб.науч.тр. / Горловский ин-т иностр. языков;

Донецкий нац. ун-т. – Вып 1(27). Языкознание. – Горловка: Издание ГПИЯ, 2015. – С. 49-62.

479. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. – 1971. - № 6. – С. 39-52.

480. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка : курс лекций / А. Н. Тихонов. – Самарканд : Изд-во СГУ, 1973. – 387 с.

481. Тихонов А.Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные вопросы русского словообразования. – Материалы научной конференции. – Ташкент, 1982. – С. 3-13.

482. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – 576 с.

483. Торопцев И.С. Лексическая мотивированность (на материале русского литературного языка) / И. С. Торопцев // Ученые записки Орловского педагогического института. – Орел, 1964. – Т. 22. – С. 21-27.

484. Торопцев И.С. О направлениях в изучении словопроизводственного процесса // Проблемы ономасиологии. – Курск, 1977. - Т. 175. – С. 5-9.

485. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель / И.С. Торопцев. – Воронеж, изд-во Ворон. ун-та, 1980. – 148 с.

486. Тропина Н.П. Семантическая деривация в современном русском языке Н. П. Тропина // Лингвистические / психолингвистические проблемы усвоения второго языка : матер. межвуз. науч. конф., 25 – 28 ноября 2002 г. – Пермь, 2003. – С. 190-192.

487. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультпарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.

488. Тропіна Н.П. Семантична деривація в сучасній російській мові : автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.02 “Російська мова” / Н. П. Тропіна. – Київ, 2004. – 36 с.

489. Трофимова Н.В. Препозитивные деривационные средства выражения степени признака в сложных адъективах русского языка / Н.В. Трофимова // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 94. – С. 117-121.

490. Труевцева О.Н. Английский язык : особенности номинации / О. Н. Труевцева. – Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1986. – 248 с. (АН СССР, Каф. иностр. языков).

491. Тукова Т.В. Морфологическая вариативность как языковая проблема / Т. В. Тукова // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2007. - № 15. – С. 204-209.

492. Тулина Т.А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи / Т. А. Тулина // Русское языкознание. – Вып. 1. – К. : Изд-во при Киевском ун-те, 1980. – С. 70-78.

493. Улуханов И.С. Компоненты значения членимых слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1974. - № 2 – С. 73-75.

494. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука 1977. – 256 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

495. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. - № 5. – С. 74-89

496. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка : [монография] / Игорь Степанович Улуханов. – М. : ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 313 с.

497. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

498. Упорова С. О. О методологии анализа цвета в художественном тексте // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. - № 4. – С. 50-52.

499. Усминский О.И. Типология подчинительных словосочетаний / Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. - № 1. – С. 55-59.

500. Устименко И.А. Ономасиологический аспект семантической конденсации / И.А.Устименко // Лексикология. Семасиология. – Белгород: БелГУ, 2001. – С. 19-25.

501. Устименко И.А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании : [монография] / И. А. Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.

502. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка.// М.: Наука, 1968. – 287 с.

503. Уфимцева А.А. Структурная организация лексики и ее единиц / А. А. Уфимцева // Общее языкознание : внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – С. 394-454

504. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.

505. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация : виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 5-85.

506. Уфимцева А.А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1980. – С. 5-80.

507. Уфимцева А.А. Лексическое значение:принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

508. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М. : URSS, 2004. – 288 с.

509. Ушкова Н.В. Аналитическая репрезентация концепта в языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н. В. Ушкова. – Тамбов, 2006. – 44 с.

510. Фадеева Т.М. Структурно-семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. - № 5. – С. 40-45.

511. Фадеева Ю.А. К определению понятия «концепт» / Ю. А. Фадеева // Русская филология : украинский вестник. – Харьков, 2005. - № 3. – С. 41-43.

512. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 250 с.

513. Фатхутдинова В.Г., Гарипова И.Д. Семантическая сегментезация словообразовательных гнезд глаголов зрительного восприятия / В. Г. Фатхутдинова, И. Д. Гарипова // Вестник Нижегородского университета. Серия: Филология. – 2011. - № 6 (2). – С. 687-691.

514. Фатхутдинова В.Г., Ачаева М.С. Лексико-словообразовательные гнезда параметрических прилагательных в межъязыковом сравнении: монография. – Казань : Казан. ун-т., 2014. – 196 с.

515. Федорова М.В. О типах номинации в русском языке / М. В. Федорова // Вопросы языкознания. – 1979. - № 3. – С. 132-137.

516. Филин Ф.П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках различных типов : сб. научн. трудов. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – С. 131 – 140.

517. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. – С. 227-239.

518. Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие. [Текст] / Л.С. Филиппова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.

519. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Зарубежная лингвистика. – М. : Прогресс, 1999. – С. 127-258.

520. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – М. : Высшая школа, 2001. – 415 с.

521. Форменко Ю.В. Является ли словосочетание единицей языка? / Ю. В. Форменко // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1975. - № 6. – С. 60-65.

522. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика / Сборник обзоров. –М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 33-41.

523. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Мн.: Выш. шк., 1986. – 96 с.

524. Харченко С.Ю. Реализация активных словообразовательных типов и моделей в лексических новообразованиях начала XXI века / С. Ю. Харченко // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. – Волгоград, 2009. – С. 139-158.

525. Хлопьянов А.В. Об изучении русских поэтических атрибутивных словосочетаний в иноязычной аудитории / А.В. Хлопьянов // Мова. – 2014. - № 21. – С. 249-253.

526. Хохлова М.В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций / М.В.Хохлова // Инструментарий русистики: корпусные подходы: сб. ст. – Хельсинки, 2008. – С. 343-357.

527. Цыганенко Г.П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология : учебн. пособие [для студентов филологических специальностей] / Г. П. Цыганенко. – Донецк : КИТИС, 1999. – 316 с.

528. Чанчина А.В. Понятие словообразовательной мотивации в современной лингвистике / Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2007. - № 3. – С. 234-238.

529. Чепасова А.М. Импликация и ее следствия во фразеологии / А. М. Чепасова // Проблема тождества фразеологических единиц : сб. научн. трудов. – Челябинск, 1990. – С. 45-56.

530. Чижова Л.А. Ономасиологический аспект словообразовательных категорий русского языка // Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. – С. 198-199.

531. Чемякина Л.И. Изофункциональность атрибутивных отношений на разных синтаксических уровнях // Функциональные типы и функциональные модификации языковых единиц: межвузов. сб. науч. трудов. – Л., 1983. – С. 146-155.

532. Черкащенко О.Н. Вопросы методологии изучения семантики отсубстантивных прилагательных // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – Днепропетровск, 2007. – С. 117-123.

533. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 319 с.

534. Чурилова Н.А. Композиты в составе русских глагольных гнезд (Механизмы слово- и семообразования) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. А. Чурилова. – Арзамас, 2005. – 26 с.

535. Шагалова Е.Н. Типы семантических отношений между компонентами в определительных композитах / Е. Н. Шагалова // Русский язык : исторические судьбы и современность: II междунар. конгресс исследователей русского языка, 18-21 марта 2004 г.: тезисы докл. – Режим доступа – http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514.

536. Шалина Л.В. Место словообразовательного и номинативного значений в семантике производного слова / Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – Выпуск № 3. – С.112-117.

537. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во МГУ, 1968. – 310 с.

538. Шанский Н.М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155 – 166.

539. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327с.

540. Шанский Н.М. Современный русский язык : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] : в 3 частях / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд. – Ч. 2. Словообразование. Морфология.– М. : Просвещение. 1981. – 270 с.

541. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.

542. Шапилова Н.И. Семантическая деривация как основа системного и функционального взаимодействия лексических единиц / Вестник КемГу, 2012. - № 4 (52). – Т.4. – С. 211-214.

543. Шарандин А.Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 1998. - № 1. – С. 20-28.

544. Шарипова В.М. Скрытая предикативность атрибутивных структур //Вестник Башкирского ун-та. – 2007. – Т.12. - №4. – С. 110-111.

545. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М. : Эдиториал УРСС,2001. – 624 с.

546. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). – М .: Просвещение, 1966. – 155 с.

547. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. - № 2. – С. 3-16.

548. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.

549. Шепель Ю.А. Вопросы развития словообразования языковых систем / Ю. А. Шепель. – Днепродзержинск : ДГТУ, 2001. – 168 с.

550. Шепель Ю.А. Различие в структуре словообразовательных гнезд и рядов, их функции / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). - №4, ч. 2. – С. 72-80.

551. Шепель Ю.А. Эволюция словообразовательных рядов в контексте межкультурной коммуникации // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (66). – № 1, ч.1. – С. 35-39.

552. Шипицына Г.М. Внутрисловная и межсловная мотивация у многозначных имен прилагательных русского языка / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. - Вып. № 12. – Т.6. – С. 56-62 .

553. Шипицина Г.М. Парадигматическая структура лексико-семантических групп имен прилагательных русского языка / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. - Вып.№ 18 (113). - Т.11. – С. 66-73.

554. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка: Уч.пособие по спецкурсу / Чечено-Ингушский гос. ун-т им. Л.Н. Толстого; Проф. И.А. Ширшов (науч. ред.). – Грозный, 1991. – С. 5-74.

555. Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда / И. А. Ширшов // Филологические науки, 1996. - № 5. – С. 43-54.

556. Шитц О.А. К вопросу о семантическом распределении в функциональной группировке атрибутов актанта (на материале селькупского и финского языков) / Вестник ТГПУ. – Томск, 2012. - № 10 (125). – С.9-13.

557. Шишикина А.А. Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ / Вестник Нижегородского университета. Филология. – 2010. - № 2 (1). – С. 302-307.

558. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1964. – 260 с.

559. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 278 с. (АН СССР, Ин-т языкознания).

560. Шмелев Д.Н. Современный русский язык : Лексикология : учебн. пособие. [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»]. – М. : Просвещение, 1977. – 253 с.

561. Шмелев Д.Н. Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 25-44.

562. Штейнберг Н.М. Словосочетание, сложное слово или суффиксальное слово / Н. М. Штейнберг // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1977. - № 2. – С. 88-96.

563. Шумарин С.И. Компрессивные способы словообразования в современном русском языке / С. И. Шумарин // Проблемы русского языка и методики его преподавания. – Балашов, 2004. – С. 81-87.

564. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.

565. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 432 с.

566. Юдина Н.В. О фразеологизации сочетаний «прилагательное + существительное» в русском языке / Вестник Новгородского государственного университета им.Ярослава Мудрого. – 2006. - № 36. – С. 68-70.

567. Юдина Н.В. К вопросу о рекуррентности лексических образований в сфере фразеологии (на материале сочетаний «прилагательное +существительное») / Вестник Новгородского госуд. университета. – 2014. - № 77. – С. 245-248.

568. Ягафарова Г.Н. Основные ономасиологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. - Вып.43. - № 13 (194). – С. 172-178.

569. Ягафарова Г.Н. О факторах, влияющих на процесс номинации в языке / Фундаментальные исследования. – Пенза : ООО Издательский дом «Академия естествознания», 2014. - № 12. – С. 2505- 2508.

570. Языковая номинация : общие вопросы / [под ред. Л.Л. Уфимцевой, Б.Л. Серебреникова]. – М. : Наука, 1977. – 360 с.

571. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

572. Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. – М. : АН СССР, 1963. – С. 3-12.

573. Янко-Триницкая Н.А. К системности русского словообразования / Н. А. Янко-Триницкая // Научные доклады высшей школы : филологические науки. – 1976. - № 5. – С. 44-54.

574. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.

575. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. – 244 с.

576. Янценецкая М.Н. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа» / М. Н. Янценецкая // Актуальные вопросы русского словообразования. – Тюмень, 1984. – С. 8-21.

577. Янценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) / Вестник Томского госуд. университета. Филология. – 2014. - Вып.№ 1 (27). – С. 167-188.

578. Ярошенко Н.О. Місце складних слів у словотвірному гнізді в контексті заставної композитології // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Донецк : Донеччина, 2004. – Вип. 9. – С. 265-279.

579. Ярошенко Н.А. Типы лексико-семантических отношений между компонентами словообразовательных гнезд (сопоставительный аспект) / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 26 (65). - № 4, ч. 1. – С. 224-228.

580. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка / В. Н. Ярцева // Семантическое и формальное варьирование : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1979. – С. 7-27.

581. Bauer L. English word-formation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311p.

582. Bealer G. Quality and Concept. – London, 1982. – P. 185.

583. Brinton L.J. The Structure of Modern English: A linguistic introduction / L.J. Brington. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000.

584. Chafe W. Cognitive Constraints on Information Flow // Berkeley Cognitive Science Report. – Berkeley: Berkeley University Press, 1984. – P. 95-103.

585. Cuyckens H. Polysemy in Cognitive Linguistics / H. Cuyckens, B. Zawada // Selected Papers from the International Cognitive Linguistics Conference. – Amsterdam : Benjamins 1997. – P. 9-28.

586. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozováni slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

587. Fullmore C.J. Pragmatically Controlled Zero Asnaphora // Berkeley Linguistics Society. – Berkeley: Berkeley University Press, 1986. – P. 95-107.

588. Hayman C.A.G. Specific word transfer as a measure of processing in the word-superiority paradigm / C.A.G. Hayman, L.L. Jacoby // Memory and Cognition, 1989. – P. 125-133.

589. Heine B. Cognitive Foundations of Grammar. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 2000 p.

590. Jackson H. Words and their Meaning / H. Jackson. – London and New York : Longman, 1995. – 279 p.

591. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 272 p.

592. Kleiber G. Problèmes de reference: Descriptions dèfinies et noms propres / G. Kleiber. – Paris: Universitè de Metz, 1981. – 538 p.

593. Lakoff G. Introducing cognitive grammar / G. Lakoff, H. Thompson // Berkeley Linguistic Society.- Berkeley: Berkeley University Press, 1975. – P. 295-313.

594. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 632 p.

595. Malkiel Y. Essays on Linguistic Themes. – Oxford: Blackwell Press, 1968. – 415 p.

596. Marchand H. The categories and types of present-day English worm-formation / H. Marchand. – Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1960. – 360 p.

597. Mill J. St. Of Names / J. St. Mill // Theory of Meaning. – New Jersey: Prentice-Hall, 1970. – P. 44-64.

598. Nida E. A. Componential analysis of meaning / E. A. Nida. – The Hague-Paris, Mouton, 1975. – 272 p.

599. Pustejovsky J. Lexical Semantics : the Problem of Polysemy / J. Pustejovsky, B. Boguraev. – Oxford : Language Arts & Disciplines – 1996 – 214 p.

600. Ravin Y. Polysemy : theoretical and Computational Approaches / Y. Ravin, C. Leacock. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 227 p.

601. Schank R. C. Dynamic Memory / R. C. Schank. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 1982. – 234 p.

602. Schank R. C. Reading and Understanding : Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence / R. C. Schank. – Hillsdale, N.Y. : Lawrence Erlbaum Ass., 1982. – 196 p.

603. Ungerer F. An Introduction to Cognitive Linguistics (Learning about Language) / F. Ungerer, H.-J. Schmidt. – London: Longman, 1996. – 306 p.

604. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Ann Arbor Karoma publishers, 1985. – 368 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

а) Словари и энциклопедии

1. Большой энциклопедический словарь : [под ред. А. М. Прохорова]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 863 с.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. – Москва : АСТ Астрель, Харвест, 2006. – 1168 с.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – М. : Русский язык, 1977. – 880 с.
4. Кузнецов А.И. Большой толковый словарь русского языка. – СПб : Норинт, 1998. – 1536 с.
5. Кудрявцева Л.А. Обратный деривационный словарь русских новообразований / Л. А. Кудрявцева. – К. : ІСДО, 1993. – 156 с.
6. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов : [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – 20-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – 750 с.
8. Петров А.В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / А. В. Петров. – Симферополь : Изд-во ТНУ, 2003. – 286 с.
9. Скляревская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Скляревская. – М. : ЭКСМО, 2004. – 445 с.
10. Скляревская Г.Н. Толковый словарь современного русского языка : языковые изменения конца XX столетия / Г. Н. Скляревская. – М. : АСТ, 2005. – 894 с.
11. Словарь живого русско-советского языка // Русский журнал. – 2003. - № 12. – С. 33 – 46.
12. Словарь русского языка : В 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – (РАН, Ин-т лингвистич. исследований).

13. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд., 1948-1966. – (Академия Наук СССР. Институт русского языка).
14. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – 576 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков : [под ред. Татьянченко Н. Ф.]. – М. : Альта-Пресс, 2005 – 1216 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986.
17. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель АСТ, 2008. – 829 с.

б) Периодические издания

18. Аргументы и Факты. – (АиФ).
19. Аргументы.
20. Бульвар Гордона.
21. Вива
22. Вива - Биография
23. Вечерний Донецк.
24. Взгляд.
25. Вокруг света.
26. Гала – Биография.
27. Деловая неделя.
28. Деловая столица.
29. Добрые советы. - (ДС).
30. Донецкая республика. – (ДР).
31. Донецкие новости. – (ДН).
32. Единственная.
33. Женский журнал. – (ЖЖ).

34.Житейские мелочи.

35.Звезды.

36.Зеркало недели.

37.Известия.

38.Караван историй. – (КИ).

39.Коммерсантъ-Daily.

40.Комсомольская правда. – (КП).

41.Комсомольская правда в Украине – (КПвУ).

42.Корреспондент.

43. Лиза

44.Литературная газета.

45.Московский комсомолец. – (МК)

46.Московский комсомолец в Украине. – (МКвУ).

47.Московский комсомолец в Донбассе. – (МКвД).

48.Наука и технологии.

49.Новая газета.

50.Публика.

51.Правда.

52.События недели: итоги и факты (СН)

53.Спорт-Экспресс

54.7-я.

55. Твой стиль.

56.ТВ Экспресс.

57.Телегид.

58.Факты.

59.Экспресс-газета

60.Cosmopolitan.

61.Men’s health

в) Интернет-ресурсы:

62. 2000.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://2000.net.ua/2000/aspekty/zdorove/25841.
63. AdMe.ru : развлекательный портал. – Режим доступа : http://www.adme.ru/business/zheltaya-polosa-oni-98925.
64. Alcogol.info : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.alcogol.info/43.
65. Amigos.lv : портал. – Режим доступа : http://www.amigos.lv/ru/blogs?id=406779.
66. ARD : информационный портал. – Режим доступа : http://asiarussia.ru/news/2109/.
67. Argo-A Security : официальный сайт. – Режим доступа : http://argoasecurity.com.ua/product_detail.aspx.
68. Artandhouses : интернет-издание об искусстве. – Режим доступа : http://art-and-houses.ru/2016/04/11/art-yarmarka-cosmoscow-vnov-projdet-v-gostinom-dvore-v-sentyabre/.
69. AstroMeridian.ru : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.astromeridian.ru/imya/.
70. Bigmir.net : интернет-портал. – Режим доступа : http://news.bigmir.net/world_about_us/266117.
71. Bigmir.net : развлекательный портал. – Режим доступа : http://techno.bigmir.net/technology/1529350.
72. Blogger : портал. – Режим доступа : http://zegrachov.blogspot.com/2010/11/blog-post_12.html.
73. BookReader : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://bookre.org/reader?file=395618&pg=2.
74. Bookz.ru : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://bookz.ru/authors/stepanov-aleksandr/stepanovalks02/page-3-.
75. Cthulhuhammer : интернет-форум. – Режим доступа : http://cthulhuhammer.mybb.ru/.

76. Day.Az : информационный портал. – Режим доступа : http://news.day.az/politics/398168.html.
77. DELFI : интернет-портал новостей. – Режим доступа : http://ru.delfi.lt/opinions/comments/bzhezinskij-rossiya-mozhet-stat-vassalom-kitaya.d?id=65013793.
78. Dermoshop Oy : официальный сайт. – Режим доступа : https://www.dermoshop.com/ru-ee/products/3018-mylo-kuskovoe-oblepihovoe.
79. Dombai Hotels : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.dombai.su/text2/nastup.html.
80. Domik.ua : интернет-портал о недвижимости. – Режим доступа : http://www.domik.net/novosti/ukrainu-zavalivayut-nedeshevymi-shubami-na-odin-raz-n184855.html.
81. Donbass-fishing : интернет-портал о рыбалке. – Режим доступа : http://donbass-fishing.com.ua/karas/101-lovlya-karasya.html.
82. Eclassic : информационный портал. – Режим доступа : http://eclassic.com.ua/russkaya_proza/yuriy_tynyanov/pushkin.mp3.281/?page=45.
83. Eldigi.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://eldigi.ru/site/light/6.php.
84. Elise.com.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://elise.com.ua/?p=133912#hcq=6EA0ZCp.
85. Ereading.club : портал. – Режим доступа : http://www.ereading.club/chapter.php/28203/4/Kozakov_-_Chelovek,_padayushchiii_nic.html.
86. Ex.ua : портал. – Режим доступа : http://www.ex.ua/view/10797611.
87. Expodata.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://expodata.ru/~expopress/2013/reab2/.
88. Facebook : портал. – Режим доступа : http://es-la.facebook.com/.
89. FictionBook : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://fictionbook.in/aleksandr-chakovskiy-voenniy-korrespondent.

90. Fishing : развлекательный портал. – Режим доступа : http://donbass-fishing.com.ua/fider/89-karas-na-fider-budet-klev-ili-net.html.
91. Football.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://football.ua/ukraine/game/33871.html.
92. Forpress.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.forpress.ru/release/13127/.
93. GEOnews : информационный портал. – Режим доступа : http://geonews.com.ua/news/detail/bezdonnye-zapasy-ugol-kak-osnova-97.
94. Guns.ru : интернет-портал об оружии. – Режим доступа : http://forum.guns.ru/forummessage/5/453526-0.html.
95. Health’s news : интернет-журнал. – Режим доступа : http://healthsnews.com/6-dostoinstv-muzhchin-nizkogo-rosta.html.
96. Healthy joy : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.hjonline.ru/sport-i-otdyh/zanyatiya-sportom/358.htm.
97. iAnimal.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://ianimal.ru/topics/dlinnoukhijj-tushkanchik.
98. IceBag.ru : интернет-магазин. – Режим доступа : http://icebag.ru/index.php?categoryID=431.
99. InLiberty : информационный портал. – Режим доступа : http://www.inliberty.ru/blog/transatlantic/3113/.
100. Invak.info : информационный портал. – Режим доступа : http://invak.info/stati/1397/html.
101. Investfunds.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://investfunds.ua.
102. iXBT.com : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=29:22662.
103. iXBT.com : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://www.ixbt.com/mobile/samsung-galaxy-s4.shtml/
104. Jewishfreedom.org : интернет-портал. – Режим доступа : http://jewishfreedom.jimdo.com/.

105. JLady.ru : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.jlady.ru/makeup/makiyazh-dlya-blondinok-s-golubymi-glazami.html.

106. Kleo.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.kleo.ru/items/news/2011/11/03/estr.shtml.

107. Knifeinfo : информационный портал. – Режим доступа : http://knifeinfo.ru/yaponiya-obyavila-vne-zakona-oboyudoostrye-nozhi.html.

108. Knigi.link : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://knigi.link/regionalnaya-ekonomika/ryibopromyishlennyiy-kompleks.html.

109. Lib.ru : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.lib.ru/TALES/KRASOWSKIJ/slent.txt_with-big-pictures.html.

110. LibOk.net : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.libok.net/writer/2483/kniga/32163/astafev_viktor_petrovich/tsar-ryiba/read/4.

111. LoveRead.ec : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.loveread.ec/.

112. LyricsReal.com : интернет-портал. – Режим доступа : http://lyricsreal.com/ru/kalinov-most/s-boevymi-glazami.html.

113. Mail.ru : портал. – Режим доступа : http://otvet.mail.ru/question/23025835.

114. MyCharm.ru : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.mycharm.ru/articles/text/?id=1817.

115. Mycharm.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.mycharm.ru/articles/text/?id=1817.

116. MyShared.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.myshared.ru/slide/836896/.

117. Национальный корпус русского языка : www.ruscorpora.ru.

118. Naviny.by : интернет-журнал белорусских новостей. – Режим доступа : http://naviny.by/rubrics/society/2010/12/17/ic_news_116_357395/.

119. NewsForDrivers.com : информационный портал. – Режим доступа : http://newsfordrivers.com/autonews/2499-britanskie-avto-stanut-stojkimi-k-zhare.html.

120. Newsland : информационно-дискусионный интернет-портал. – Режим доступа : http://newsland.com/news/detail/id/444649/.

121. NewsMe : информационный портал. – Режим доступа : http://newsme.com.ua/showbiz/chronic/1453913/.

122. NEWSmuz : информационное агентство. – Режим доступа : http://newsmuz.com/news_3_11476.htm.

123. NewsUkraine.com.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://newsukraine.com.ua/news/90113/.

124. Nnm.me : интернет-портал. – Режим доступа : http://nnm.me/blogs/.

125. Ogorodnik.in.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://ogorodnik.in.ua/ogorod/malina_1.php.

126. Opulent Woman : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.owoman.ru/moda/krivye_nogi.html.

127. Orchardo : интернет-портал. – Режим доступа : http://orchardo.ru/246-raznocvetnye-rozy.html.

128. Pandia.ru : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.pandia.ru/text/77/195/40309.php.

129. Pets Inform : информационный портал. – Режим доступа : http://www.petsinform.com/book/shmidt/history2.html.

130. Philosofiya.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.philosofiya.ru/lejat_oni_gluhie_i_nemie.html.

131. PolitRussia : интернет-журнал. – Режим доступа : http://politrussia.com/world/laquo-tatarskaya-raquo-stavka-kieva-831/.

132. Polpred.com.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://polpred.com/?ns=1&ns_id=669636.

133. Qiqer.ru : интернет-портал. – Режим доступа : http://qiqer.ru/programma-dlya-zapisi-video-s-ekrana-skachat.html.

134. Read24.ru : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://read24.ru/read/yuriy-sigov-neobyichnaya-amerika-za-chto-ee-lyubyat-i-nenavidyat/43.html.

135. REGNUM-Беларусь : информационное агентство. – Режим доступа : http://belarus.regnum.ru/news/1776731.html.

136. RuLit : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.rulit.me/books/fashizofreniya-read-279695-1.html.

137. Russia.ru : развлекательный портал. – Режим доступа : http://russiaru.net/id314049/status/4cac10000003c.

138. Russia-city.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.russia-city.ru/istoriya-promyshlennosti/423-rybnaya-promyshlennost.html.

139. Russo.com.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://russo.com.ua/malyiy_akademicheskiy_slovar/page/ostroglazyiy.39492.

140. Sarafan.cc : интернет-портал. – Режим доступа : http://sarafan.cc/news/38016.

141. Securelist : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.securelist.com/ru/threats/detect/malware.

142. Sokrytoe.net : портал. – Режим доступа : http://sokrytoe.net/29437-myagkoserdechnyy-doktor-giloten.html.

143. Springo.com.ua : интернет-портал. – Режим доступа : http://springo.com.ua/jenshinam/jenskaya-odejda%E2%80%A6no-seroe/

144. Stadiums.at.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://stadiums.at.ua/news/2013-01-03-10738.

145. Super Стиль : развлекательный портал. – Режим доступа : http://www.superstyle.ru/.

146. The Russian Times : информационное агентство. – Режим доступа : http://police-russia.info/novosti-nauki/26375-uchenye-dokazali-vredonosnoe-vozdejstvie-virusa-zika-na-mozg-detej.html.

147. Viperson.ru : электронная библиотека. – Режим доступа : http://viperson.ru/.

148. VVORD.ru : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.vvord.ru/tekst-filma/Za-dvumya-zaycami/6.

149. Whitesvariety : информационный портал о туризме. – Режим доступа : http://whitesvariety.com/page/bolshie_ostrova_sredizemnogo_morya.html.

150. Woman.ua : интернет-журнал. – Режим доступа : http://woman.ua/100196-vmesto-tabletok-produkty-utolyayushie-bol/.

151. Woman365.ru : интернет-журнал. – Режим доступа : http://woman365.ru/polza-i-vred-ovsyanoj-kashi/.

152. Z-City : информационный портал. – Режим доступа : http://z-city.com.ua/subbota-plus/habitat.html?id=-16678.

153. Абзац : интернет-издание. – Режим доступа : http://lib.co.ua/novel/svanholmdella/snegnajakrepost.list.jsp.

154. Авторевю : информационный портал. – Режим доступа : http://www.autoreview.ru/_archive/section/detail.php?ELEMENT_ID=70727&SECTION_ID=2025.

155. Академик : интернет-портал. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/203432.

156. Академик : интернет-словарь. – Режим доступа : http://phraseology.academic.ru/.

157. Алкоголь.Су : информационный портал. – Режим доступа : http://alcogol.su/page.php?al=produktsija_ochakovo_pri.

158. Альберт Копиян : сайт. – Режим доступа : http://alkopiyan.ru/sitemap.html.

159. Антифашист : информационное агентство. – Режим доступа : http://antifashist.com/.

160. Багнет : новостной интернет-ресурс. – Режим доступа : http://www.bagnet.org/news/ukraine/173277.

161. Баурум.ру : информационный портал. – Режим доступа : http://www.baurum.ru/.

162. Беларусь сегодня : портал. – Режим доступа : http://belniva.sb.by/glavnoe/article/putin-i-ego-sparring-partnery.html.

163. Библиотека технической литературы : интернет-портал. – Режим доступа : http://delta-grup.ru/bibliot/3/132.htm.

164. Биофайл : интернет-журнал. – Режим доступа : http://biofile.ru/geo/63.html.

165. Биржевой лидер : информационный портал. – Режим доступа : http://www.profi-forex.org/.

166. Ботан.ру : информационный портал. – Режим доступа : http://botan0.ru/?cat=2&id=283.

167. Бутан онлайн : интернет-портал. – Режим доступа : http://butanonline.ru/post/42/.

168. В гармонии с собой : интернет-портал. – Режим доступа : http://v-garmonii-s-soboi.ru/ponyat-sebya-chtobyi-ponyat-drugogo-kak/silnyiy-i-slabyiy-harakter.

169. Вести. Экономика : информационный портал. – Режим доступа : http://www.vestifinance.ru/articles/47310.

170. Взгляд : интернет-газета. – Режим доступа : http://vz.ru/news/.

171. Взгляд онлайн : информационный портал. – Режим доступа : http://vz.ua/video/12466.

172. Википедия : портал. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/.

173. Винницкая реклама : информационный портал. – Режим доступа : http://vr.com.ua/marketing.html.

174. Владимиронлайн : информационный портал. – Режим доступа : http://www.vladimironline.ru/society/id_66866/.

175. Военная литература : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_37.html.

176. Военное обозрение : информационный портал. – Режим доступа : http://topwar.ru/.

177. Все темы для бизнеса : информационный портал. – Режим доступа : http://vse-temu.org/new-kak-otkryt-studiyu-zvukozapisi.html.

178. Газета «Известия» : интернет-газета. – Режим доступа : http://izvestia.ru/news/305080.

179. Городской курьер : интернет-газета города Сарова. – Режим доступа : http://sarovpressa.ru/nastrojsya/basketbol/.

180. Гостевой дом «Богема» : официальный сайт. – Режим доступа : http://bogema.org.ua/?page_id=78.

181. ДамОтвет.ру : интернет-портал. – Режим доступа : http://home.damotvet.ru/babies/501874.htm.

182. Дамский уголок : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.nt-esla.ru/main.php?p=health/homedoct&pp=doc4.

183. Дело.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://delo.ua/world/.

184. Деловая столица : информационный портал. – Режим доступа : http://www.dsnews.ua/politics/aleksandr-kachnyy-rybnyh-del-master-20092013110000.

185. День : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/ukraina-ili-okraina.

186. Детский турклуб «Вертикаль» : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.vertikal-pechatniki.ru/bibl/orient3_2.htm.

187. Дивный Сад : интернет-портал. – Режим доступа : http://nataliamaptunenko.com/.

188. Дом 2 – новости и слухи : развлекательный портал. – Режим доступа : http://kak2z.ru/index.php?topic=18925.0.

189. Дом Солнца : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.sunhome.ru/philosophy.

190. Древние Боги и герои : информационный портал. – Режим доступа : http://drevniebogi.ru/.

191. Евгений Миронов : официальный сайт. – Режим доступа : http://emironov.ru/.

192. Ежедневные новости Владивостока : интернет-газета. – Режим доступа : http://novostivl.ru/forum/msg/4007.htm#.

193. Еспресо.TV : информационный портал. – Режим доступа : http://ru.espreso.tv/blogs/2015/08/23/kak_propagandystka_ulyana_skoybeda_uchyt_rossyyan_rodynu_lyubyt.

194. Женский клуб : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.womenclub.ru/makeup/3177.htm.

195. Живой журнал : портал. – Режим доступа : http://aillarionov.livejournal.com/.

196. Живой журнал : портал. – Режим доступа : http://urupin.livejournal.com/135996.html.

197. Заголовки.ru : информационный портал. – Режим доступа : http://www.zagolovki.ru/daytheme/ship/21Dec2009.

198. Зачёт : интернет-газета для студентов. – Режим доступа : http://www.otechestvo.org.ua/main/20113/0421.htm.

199. Звуки.Ру : портал. – Режим доступа : http://www.zvuki.ru/R/P/4002/.

200. Здоровье без лекарств : информационный портал. – Режим доступа : http://vyach-zaxaroff.narod.ru/index/0-24.

201. Знайтовар.Ру : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.znaytovar.ru/new1030.html.

202. ЗОЖ : интернет-газета. – Режим доступа : http://z0j.ru/article/a-586.html.

203. Иван Андреевич Крылов : официальный сайт баснописца. – Режим доступа : http://krilov.ru/?item=b61386c8-b7ef-41c8-a744-26535a1ea938&termin=8e93647a-c411-4d0a-bc8f-38296883442d.

204. Издательский дом «Гелион» : официальный сайт. – Режим доступа : http://helion-ltd.ru/empty-imperious conversations/.

205. Издательский дом «Ленинград» : официальный сайт. – Режим доступа : http://prozorov.lenizdat.su/essays/essay_01.shtml.

206. Иисус.ру : интернет-портал. – Режим доступа : http://uucyc.ru/passion/47.

207. Ингушетия : интернет-газета. – Режим доступа : http://gazetaingush.ru/kto-luchshe-tushit-pozhary/.

208. Институт интеграции сознания планеты : информационный портал. – Режим доступа : http://www.together-info.ru/ru/info-portal/chennelingi/o-lyudyah-s-goluboj-krovyu#ixzz4ONftwx8e.

209. Инфодон : информационный портал. – Режим доступа : http://infodon.org.ua/donetsk/doneckij-khlopchatobumazhnyj-kombinat.

210. Инфо-Цес : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.info-tses.kz/news/.

211. Историческая правда : информационный портал. – Режим доступа : http://www.istpravda.ru/books/2743.

212. Казимир Малевич : сайт. – Режим доступа : http://www.k-malevich.ru/library/kotovitch-kazimir-malevich.html.

213. КакПросто : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.kakprosto.ru/kak-46511-kak-snyat-vodoemulsionnuyu-krasku.

214. Кашин : интернет-газета. – Режим доступа : http://kashin.guru/2014/09/22/velo/.

215. Квикли Дог : интернет-магазин. – Режим доступа : http://www.qdog.ru/objects/3109/cat/87.

216. Киевская правда : интернет-газета. – Режим доступа : http://kpravda.com/ivankov-centr-razvitiya-rebenka-raduga/.

217. Киевские ведомости : информационное агентство. – Режим доступа : http://kvedomosti.com/218108-v-karpatah-ozhidaetsya-shod-lavin-goschs.html.

218. Кино-театр.ру : информационный портал. – Режим доступа : http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/sov/253535/bio/.

219. Киосксофт : информационный портал. – Режим доступа : http://www.kiosksoft.ru/tags/news/.

220. Клуб ВИИЯ : информационный портал. – Режим доступа : http://www.clubvi.ru/news/2014/08/13/remember/87%20frolov/e.

221. Комментатор.инфо : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.kommentator.info/.

222. Компромат.Ru : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.compromat.ru/page_17394.htm.

223. Комсомольская правда : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.kp.ru/.

224. Кронтиф-центр : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.krontif.ru/.

225. Культура.уз : информационный портал. – Режим доступа : http://www.kultura.uz/view_9_r_3122.html.

226. Кухни – все о кухнях на одном сайте : портал. – Режим доступа : http://www.nyamnyamushka.ru.

227. Кучакниг.ру : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=108879.

228. Лаборатория лингвистики жестового языка : портал. – Режим доступа : http://signlang.ru/2012/01/30/%D0%B1%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B9/.

229. Левый берег : информационный портал. – Режим доступа : http://society.lb.ua/life/2012/12/04/181206_kievskie_probki_pobili_dvuhgodichniy.html.

230. Леди Портал : интернет-портал. – Режим доступа : http://onlywoman.org/kak-reshit-semeynyie-problemyi.html.

231. Литературная Россия : интернет-журнал. – Режим доступа : http://litrossia.ru/2013/39/08305.html.

232. Литмир : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.litmir.net/br/?b=90748.

233. Медикхелп.ру : информационный медицинский портал. – Режим доступа : http://www.medichelp.ru/posts/view/2610.

234. Мета : информационный портал. – Режим доступа : http://news.meta.ua/.

235. МиниБанда : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.minibanda.ru.

236. Мировоззрение Русской цивилизации : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://www.razumei.ru/lib/article/1223.

237. МИРЭА : интернет-портал. – Режим доступа : http://koriolan404.narod.ru/bilet2.html.

238. Миссионерско-апологетический проект «К Истине» : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.k-istine.ru/head/daily_reflection/daily_reflection.htm.

239. Модный блог : интернет-портал. – Режим доступа : http://fashionblog.com.ua/krasotka/.

240. Можновсе : портал. – Режим доступа : http://mognovse.ru/xux-reshenie-nacionalenogo-voprosa-uvidete-chudo-uje-chudo-pog-stranica-15.html.

241. Мои советы : информационный портал. – Режим доступа : http://moisovety.com/kak-pravilno-i-skolko-po-vremeni-varit-griby.

242. МонеМо : интернет-портал. – Режим доступа : http://monemo.ru/things/zhemchuzhno-beloe-plate-ot-versace/.

243. Мосблаго.ру : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.mosblago.ru/articles/show-371.htm.

244. Московские новости : информационный портал. – Режим доступа : http://www.mn.ru/.

245. Московский Комсомолец : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.mk.ru/politics/2012/04/24/696898-tandemonstratsiya.html.

246. Моя Вінниця : информационный портал. – Режим доступа : http://www.myvin.com.ua/ua/news/zmi/5527.html.

247. Музей памяти 1941-1945 : официальный сайт. – Режим доступа : http://muzejpamyati.narod.ru/text_a/t_s21.htm.

248. Мурлыка : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.murlika.msk.ru/forum/topic.php?c=1&f=1&t=0.

249. Народный Блоггер : информационный портал. – Режим доступа : http://blogger.com.ua/2012.

250. Наука и техника : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://n-t.ru/ri/pl/zz45.htm.

251. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

252. Непроверенные факты о цвете : портал. – Режим доступа : http://k.sanabis.ru/page/birjuzovyj-cvet.

253. НикLife : интернет-журнал. – Режим доступа : http://niklife.com.ua/world/42397.

254. Новая Азовская Газета.ru : интернет-газета. – Режим доступа : http://azovnew.ru/news/azov_news/7038-itog-turnira-pamyati-timura-ivanova-pobedili-azovchane.html.

255. Новая газета : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.novayagazeta.ru/.

256. Новости мира : информационный портал. – Режим доступа : http://novostimira.com/news_83358.html.

257. НТВ : информационный портал. – Режим доступа : http://www.ntv.ru/.

258. ОАО «Чугунолитейный завод БКМЗ» : официальный сайт. – Режим доступа: http://bkmzlit.com/.

259. Обком : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://obkom.net.ua/read/467.shtml.

260. Огонёк : общественно-политический интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.ogoniok.com/4990/3/.

261. Онлайн кинотеатр «Кинопод» : развлекательный портал. – Режим доступа : http://kinopod.ru/video.html?id=8628.

262. ООО «Куединский мясокомбинат» : официальный сайт. – Режим доступа : http://kuedamyaso.ru/.

263. ООО «Маномаркет» : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.manomarket.ru/manometry-vibroustojchivye.

264. ООО «Термоимпульс» : официальный сайт. – Режим доступа : http://timp.net.ua/product.php?id_product=394.

265. ООО «Укргазавтоматика» : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.ukrgazavt.com.ua/products-category/monometry-vibroustojchivye/.

266. ООО ПКФ «А-соль» : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.a-sol.ru/info/company/.

267. Оскар : развлекательный интернет-портал. – Режим доступа : http://oscar-event.com.ua/pages/corporative/show-program.html.

268. Официальный сайт Ивановского областного клуба гладиолусоводов. – Режим доступа : http://irkg.narod.ru/flowers/aromanews89.html.

269. Пабли : портал. – Режим доступа : http://www.publy.ru/post/13524.

270. Первый Канал : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.1tv.ru/.

271. Персона : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.persona-rs.com/2666-tilda-feya-s-zolotymi-kosami-master-klass.html.

272. Петербургская танцевальная студия «Анугама» : официальный сайт. – Режим доступа : http://anugamastudio.narod.ru/spisok_gavva_article.htm.

273. Плам.ру : интернет-библиотека. – Режим доступа : http://www.plam.ru.

274. Планета Земля : интернет-портал. – Режим доступа : http://geosfera.info/evropa/467-sredizemnoe-more.html.

275. Подробности : официальный сайт. – Режим доступа : http://podrobnosti.ua/.

276. Пожарная безопасность : портал. – Режим доступа : http://www.pojarnayabezopasnost.ru/propaganda-3.html.

277. Полит Арена : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://www.politarena.org.ua/index.php?newsid=13693.

278. Полите : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://polite.com.ua/no_form/4142-.html.

279. Популярные ведомости. Новости Павлограда и Павлоградского района : интернет-портал. – Режим доступа: http://pvgazeta.info/gizn/osobij-vzglyad/1495-iz-istorii-pavlogradskoy-sittsenabivnoy-fabriki.

280. Портал «Архивы России» : сайт. – Режим доступа : http://www.rusarchives.ru/projects/bohum.shtml.

281. Портал Органов Власти Чувашской Республики : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.cap.ru/news/2015/11/02/.

282. Правда.Ру : информационное интернет-издание. – Режим доступа : http://www.pravda.ru/.

283. Проза.ру : литературный интернет-портал. – Режим доступа : http://www.proza.ru/.

284. Прокамни.ру : информационный портал. – Режим доступа : http://pro-kamni.ru/rozovyj-kvarc-kamen-serdca.

285. Противодействие энтропии : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.etheroneph.com/retrozvuk/74-pervaya-zvukozapis.html.

286. Психология экстремальных ситуаций : интернет-портал. – Режим доступа : http://wzdor.ru/ment/extrem/extrem6p2.html.

287. Пятый Канал : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.5-tv.ru/news/60083/.

288. Ракетная техника : информационно-новостная система. – Режим доступа : http://rbase.new-factoria.ru/.

289. РБК : интернет-газета. – Режим доступа : http://rbcdaily.ru/lifestyle/562949987986365.

290. РБК-Украина : информационный портал. – Режим доступа : http://www.rbc.ua/rus/finance/economic/.

291. Рецепты традиционной русской кухни : интернет-портал. – Режим доступа : http://gun-bar.com/drinks/osnovnye-ponyatiya-o-prigotovlenii-koktejlej.html.

292. РИА Новости : информационное агентство. – Режим доступа : http://ria.ru/ .

293. Российская Ассоциация Литейщиков : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.ruscastings.ru/work/168/169/221/986.

294. Ростовский Областной Суд : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.rostoblsud.ru/ne_4300221.

295. Руниверс : информационный портал. – Режим доступа : http://www.runivers.ru/gal/today.php?ID=459469.

296. Русправлига : информационный портал. – Режим доступа : http://ruspravliga.org/novosti-mira/.

297. Русский Баптистъ : информационный портал. – Режим доступа : http://rusbaptist.stunda.org/kolgar/zhara.htm.

298. Русский медицинский журнал : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.rmj.ru/articles_8477.htm.

299. Русское поле : портал. – Режим доступа : http://podyom.ruspole.info/node/5390.

300. Салоны швейцарских часов Harold : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.haroldltd.ru/news/release297.html.

301. Самиздат : интернет-журнал. – Режим доступа : http://samlib.ru/.

302. Саратовский государственный академический театр драмы им. И. А. Слонова : официальный сайт. Режим доступа : http://saratovdrama.com/repertoire/vivaldi/.

303. Свободная пресса : общественно-политическое интернет-издание. – Режим доступа : http://svpressa.ru/blogs/article/23906/.

304. Северо-Западное территориальное управление Федерального агентства по рыболовству : официальный сайт. – Режим доступа : http://sztufar.ru/node/379.

305. Сегодня.ua : информационный портал. – Режим доступа : http://www.segodnya.ua/ukraine/.

306. Сергей Алексеев : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.stragasevera.ru/lgz-interview.html.

307. Славянская Библия : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.sbible.ru/books/jung48.htm.

308. Событие : интернет-портал о новостях города Днепродзержинска. – Режим доступа : http://sobitie.com.ua/novosti/.

309. Современные технологии автоматизации : интернет-журнал. – Режим доступа: http://www.cta.ru/cms/f/428058.pdf.

310. Спілка подводних мисливців Україні : портал. – Режим доступа : http://forum.spearfishing.org.ua/index.php?topic=28.310;wap2.

311. Спутник и Погром : информационно-аналитический журнал. – Режим доступа : http://sputnikipogrom.com/2015-in-review/48991/european-of-2015/#.V0hHhSEc6uc.

312. Старые газеты : информационный портал. – Режим доступа : http://www.oldgazette.ru/lib/propagit/21/05.html.

313. Стать красивой : интернет-портал. – Режим доступа : http://stat-krasivoi.ru/.

314. Стихи.ру : литературный интернет-портал. – Режим доступа : http://www.stihi.ru/.

315. Стоп Тайм : развлекательный портал. – Режим доступа : http://www.stoptimeshow.ru/left/teploxod/dvuhpalubnyie/.

316. Страшные истории : интернет-портал. – Режим доступа : http://4stor.ru/kriptozoologiya/15922-trehpalyy.html.

317. Супер стиль : интернет-журнал. – Режим доступа : http://www.superstyle.ru/23jul2008/vasilek.

318. Суперсемья.ру : информационный портал. – Режим доступа : http://www.superfamily.ru/traditions/wedding-bread.html.

319. Таймер : информационный портал. – Режим доступа : http://atv.odessa.ua/?t=26167.

320. Тирана – Международный Отель и Конференц-Центр : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.tiranainternational.com/portal/index.php/RU/conference-centre/vip-room.

321. Товары и услуги : интернет-портал. – Режим доступа : http://vesvladivostok.ru/publ/mify_i_realnost/istorija_rossii/leksikograf_ot_boga/49-1-0-30180.

322. Торгово-технический центр «Виктория» : официальный сайт. – Режим доступа : http://ttc-victoriya.com.ua/himiya-dlya-kamnya/produktsiya-ot-new-ton.html.

323. Точка Зрения : информационно-аналитическая программа Первого Республиканского Телеканала. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=_YPSXvLZQeM.

324. Трамадола.нет : развлекательный интернет-портал. – Режим доступа : http://tramadola.net/interesnye-fakty.

325. ТСН : информационный портал. – Режим доступа : http://ru.tsn.ua/chorna-hronika/.

326. Турне : информационный портал о туризме. – Режим доступа : http://www.indiya.turne.com.ua/resort/deli/sight.

327. Успішна Україна : официальный сайт. – Режим доступа : http://uspishnaukraina.com.ua/news/1766.html.

328. Учебные материалы : интернет-портал. – Режим доступа : http://works.doklad.ru/view/TntXalKqsUA/4.html.

329. Учительская газета : интернет-газета. – Режим доступа : http://www.ug.ru/old/01.17/t19.htm.

330. ФБ : интернет-портал. – Режим доступа : http://fb.ru/article/73341/gde-nahoditsya-pizanskaya-bashnya-otvet-v-ee-nazvanii-no-mnogie-etogo-ne-znayut.

331. Федерация.Ру : информационный портал. – Режим доступа : http://federacia.ru/library/fantasy/2510.html.

332. Финансовый обзор : информационно-аналитический портал. – Режим доступа : http://www.finobzor.com.ua/novosti/nid/8421/.

333. Хайвей : интернет-портал гражданской журналистики. – Режим доступа : http://h.ua/story/291671/#ixzz3zaRg9R5i.

334. Халифат.инфо : информационный портал. – Режим доступа : http://www.halifat.info/.

335. Хелсньюс : интернет-журнал. – Режим доступа : http://healthsnews.com/6-dostoinstv-muzhchin-nizkogo-rosta.htm.

336. Херсон-море : информационный портал. – Режим доступа : http://kherson-more.com.ua.

337. Хозяйство : информационный портал. – Режим доступа : http://hozvo.ru/news/master_s_veterinarian/Angorskiykot-unas5letzhivet!/.

338. Художественная мастерская Art-холст : официальный сайт. – Режим доступа : http://www.holst.od.ua/painters/?p_id=8.

339. ЦентрАзия : информационный портал. – Режим доступа : http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1381168800.

340. ЦСБ «ЛС Менеджмент» : официальный сайт. – Режим доступа : http://lsmanagement.ru/economica/28-novye-ekonomicheskie-kontrakty-primorja-2015-11-30.html.

341. Череповецкий информационный сайт : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.cpv.ru/modules/news/article.php?storyid=47999.

342. Черная магия и руны : интернет-портал. – Режим доступа : http://chernayamagiya.com/forum/index.php?topic=8602.0.

343. Школа родительского сознания «Анастасия» : сайт. – Режим доступа : http://www.aksenov.com.ua/rodi/62-rodi-vozrast.html.

344. ШколаЖизни.Ру : интернет-журнал. – Режим доступа : http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-31213/.

345. ЭБС «Университетская библиотека онлайн» : сайт. – Режим доступа : http://lex.biblioclub.ru/index.php?page=dicts&query=%.

346. Эдгар Кейси : информационный портал. – Режим доступа : http://edgarcaysi.narod.ru/avel_prorochestva.html.

347. Эксперт Онлайн : нтернет-журнал. – Режим доступа : http://expert.ru/russian_reporter/2016/11/vremya-partij/media/285538/.

348. Экстравагантные теории и версии : портал. – Режим доступа : http://mamontogenez.ucoz.ru/publ/ehlitarnaja_teorija_gosudarstva/moskovskij_sultanat/1-1-0-66.

349. Энциклопедия роз : интернет-портал. – Режим доступа : http://www.rosebook.ru/roses/floribunda/amber-queen.

350. Яндекс : интернет-портал. – Режим доступа : http://yandex.ua/yandsearch?text.

351. Яфор : развлекательный портал. – Режим доступа : http://yafor.ru/afisha/persons/720/.

г) Телевизионные программы

352. «Точка зрения» - телеканал «Оплот»